Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

СЛОВО В ЯЗЫКЕ, РЕЧИ, ТЕКСТЕ

Электронный сборник научных трудов
Международной студенческой научной конференции

Брест, 17–18 мая 2024 года

Под общей редакцией
кандидата филологических наук, доцента **О. А. Фелькиной**

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2024

ISBN 978-985-22-0358-6

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2024

Об издании – 1, 2

1 – сведения об издании

УДК 811.161.1(082)
ББК 81.2Рус
С 48

Редакционная коллегия:
О. А. Фелькина (отв. ред.), **О. Б. Переход**

Рецензенты:

доцент кафедры профессионального развития работников образования
ГУО «Брестский областной институт развития образования»,
кандидат филологических наук, доцент **В. А. Сеньковец**

заведующий кафедрой белорусского и русского литературоведения и журналистики
УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»
кандидат филологических наук, доцент **Л. В. Скибицкая**

Слово в языке, речи, тексте : сб. науч. тр. Междунар. студен. науч. конф., Брест, 17–18 мая 2024 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: О. А. Фелькина, О. Б. Переход **;** под общ. ред. О. А. Фелькиной. – Брест : БрГУ, 2024. – 284 с. – Режим доступа: https://rep.brsu.by/handle/123456789/10094.

ISBN 978-985-22-0358-6.

В сборник вошли материалы докладов, посвященные вопросам функционирования слова в языковой системе, в речевой практике, в научных, публицистических и художественных текстах. Статьи представлены на русском и белорусском языках.

Адресуется широкому кругу читателей – студентам, аспирантам, преподавателям, учителям, научным работникам.

Разработано в PDF-формате.

УДК 811.161.1(082)
ББК 81.2Рус

Текстовое научное электронное издание

Системные требования: тип браузера и версия любые; скорость подключения к информационнотелекоммуникационным сетям любая; дополнительные надстройки к браузеру не требуются.

© УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 2024

ВПЕРЕД

2 – производственно-технические сведения

• Использованное ПО: Windows 10, Microsoft Office 2013;
• ответственный за выпуск Ж. М. Селюжицкая, корректор В. В. Черепенько, технический редактор В. В. Черепенько, компьютерный набор и верстка О. А. Фелькина;
• дата размещения на сайте: 25.07.2024;
• объем издания: 1,98 МБ;
• производитель: учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 224016, г. Брест, ул. Мицкевича, 28. Тел.: 8(0162) 21-70-55. E-mail: rio@brsu.brest.by.

ВПЕРЕД

СОДЕРЖАНИЕ

Адкина А. С. Технологии продвижения в тревел-блогинге (на примере авторского проекта BELARUS360) 9

Алейнік Д. Ю. Жанрава-стылёвы дыяпазон і аксіялагічны патэнцыял творчасці Пімена Панчанкі 12

Барабаш А. А. Метафара ў вершах Максіма Багдановіча 15

Бердник Е. А. Устройство крестьянского дома в пространстве русской народной сказки 18

Бітнер Д. А. Роля Мікалая Радзівіла Чорнага ў станаўленні і развіцці адукацыі і культуры ў Вялікім Княстве Літоўскім 22

Бовда С. С. Современные прозвища-характеристики 26

Бодревская Н. В. Средства языковой объективации восточного мира в поэзии С. Есенина 30

Британов Д. В. Дидактико-методический комплекс компьютерной поддержки изучения темы «Глагол» 34

Бугаева М. В. Мотив дома в стихотворениях В. Поликаниной, Т. Красновой-Гусаченко, Л. Красевской 38

Вандич В. П. Фонетические средства экспрессивности в современной сетевой поэзии 42

Веренич Д. Н. Белорусская арт-журналистика: проблемы и перспективы 46

Горщарик П. О. Взаимодействие вербального и визуального кодов как технология Instagram 50

Горячева А. В. Смерть в представлении русского народа (по материалам интернет-источников) 53

Дабралінская А. А. Маральна-духоўны патэнцыял рамана У. Караткевіча “Каласы пад сярпом тваім" 56

Дубина Д. Н. Современные интернет-ресурсы в коммуникации и продвижении компаний 59

Дыдзік А. С. Спосабы фразеалагічнага і парэмійнага выражэння прагматычнага значэння ў мастацкіх творах пісьменнікаў Берасцейшчыны 63

Жукова А. С. Жест как специфический знак культуры 67

Задояная М. В. Тематические группы эвфемизмов в русскоязычной медиакоммуникации 69

Зарэцкая А. Д. Айконімы Кобрынскага раёна, суадносныя з фларыстычнымі назвамі 73

Зинкевич Д. И. Современное ударение в формах прошедшего времени глагола *гнать* и его производных 75

Зубеня С. Д. Понятие флорообраза: диахронический аспект 78

Зубеня С. Д. Флорообразы в лирике А. Ахматовой 81

Иванюк К. С. Средства реализации принципа наглядности в изучении темы «Имя прилагательное» 85

Карпович В. Ю. Лингвостилистические параметры контента модного журнала 88

Касцючык А. В. Характарыстычныя найменні ў дыялектным кантэксце (на аснове гаворкі вёскі Застаўе Драгічынскага раёна) 91

Касынюк Я. У. Жанрава-тэматычны дыяпазон творчасці Вольгі Іпатавай 95

Кацевич А. А. Номинации молодежных культурно-массовых событий как источник лингвокультурологической информации 98

Кацевич А. А. Принципы номинации культурно-массовых мероприятий Беларуси 102

Каширокова С. С. Лингвокультурологические особенности русских топонимов Кабардино-Балкарской Республики 105

Клебанович В. А. Формирование речевой культуры обучающихся при изучении морфологии 109

Клюка В. А. Функционально-семантическая нагрузка сенсорной лексики в рассказах Б. Екимова 112

Козаченко А. И. Лексические средства в современном англоязычном дискурсе моды 115

Колесникова А. Роман «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова и творчество группы «Король и шут»: проблемы рецепции 118

Кравчук С. А. Коммуникативные стратегии продвижения современных белорусских брендов 121

Краўчук В. А. Мастацкае асэнсаванне заходнебеларускай рэчаіснасці ў нацыянальнай літаратуры 124

Криванос А. Ч. Изучение правил орфографии с опорой на историю русского языка в пятом классе 128

Кузіч А. С. Перыфраза як сродак стварэння вобраза чалавека ў раманах-эсэ А. Лойкі “Францыск Скарына, або сонца маладзіковае” і “Як агонь, як вада…” 132

Кузьмина М. О. Коммуникативные практики региональных СМИ в формировании образа власти 136

Кулакоўская К. А. Тапонімы ў творах Уладзіміра Гніламёдава 138

Лабай М. Г. Нравственный конфликт как причина разрушения личностного «я» женщины в рассказе С. Есенина «У белой воды» и повести В. Маканина «Удавшийся рассказ о любви» 142

Леончук Е. А. Слова с полногласными и неполногласными сочетаниями в языке А. А. Фета 147

Ли Чжи Лингвокультурологическое описание эвфемизмов тематической группы *бедность* в русском языке 150

Линкевич А. С. Функции урбанонимов в художественном тексте (на примере романа Л. Улицкой «Зеленый шатер») 153

Лихтар В. А. Синтаксическая организация текстов рекламной коммуникации 157

Літвіновіч С. М. Дыскурсіўныя стратэгіі турызму ў выданні “Heta Belarus, dzietka!” М. Чараковай і М. Чарновай 161

Літвіновіч С. М. Крэалізацыя ў выданні “Heta Belarus, dzietka!” М. Чараковай і М. Чарновай 165

Малафейчык П. І. Індывідуальна-аўтарскія афарызмы Н. Гілевіча як транслятар нацыянальнай карціны свету 169

Мізерыя К. С. Перыферыйны анамастыкон аўтарскіх казак сучасных беларускіх пісьменнікаў 173

Мойсейчук А. В. Ресурсы суггестии в печатных рекламных текстах 177

Новак А. В. Адъективы в поэзии Евгения Евтушенко (по данным поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка) 180

Новицкий А. В. Методы эффективного воздействия телеведущего на аудиторию (на примере телепередач Андрея Малахова) 183

Осадчая У. О. Стилистические особенности социальной наружной рекламы 186

Парасевич Д. С. Технологии и инструментарий современных PR-коммуникаций 189

Пашкевіч А. С. Назвы раслін у дыялектным маўленні (структурна-семантычны і матывацыйны аспекты) 193

Попека А. С. Анализ текста как лингвистической единицы (на примере фрагмента повести А. Грина) 197

Попека А. С. Формирование синонимического ряда с доминантой *туга* в белорусском языке 201

Родцевич Р. И. Рассказ «Каленик» А. А. Фета: диалектика человека и гармония природы 205

Рокитская П. А. Концепт «иностранец» в русской лингвокультуре 208

Сай К. А. Мікратапонімы Маларытчыны, суадносныя з паняццем “ландшафт” 212

Свірыдовіч К. У. Імя і вобраз у творах берасцейскіх пісьменнікаў пра Вялікую Айчынную вайну 215

Сероокая В. О. Колоронимы в идиостиле И. А. Анненского 219

Сівак М. Ю. Культурна-гістарычная адметнасць паэтонімікону зборніка Анатоля Бутэвіча “Славутыя родам сваім” 222

Сінькевіч А. Г. Назвы лугавых і палявых травяністых раслін у гаворцы аг. Аснежыцы Пінскага раёна 225

Скрипник Т. Р. Центонный характер поэмы «Послание к Л. С. Рубинштейну» Тимура Кибирова 228

Стовбир Ж. О. «Осмысленные неологизмы»: деривационный аспект (на материале поэтического творчества Игоря Северянина) 232

Сюй Инхао Структурно-содержательные особенности китайских подкастов 236

Талатыннік М. А. Язычніцкая культура славян у люстэрку іменаслову навукова-папулярнай літаратуры Міхася Чарняўскага і Анатоля Бутэвіча 239

Федуро Е. М. Неофициальная номинация внутригородских объектов Витебска на основании метафорического и метонимического переноса . 242

Хабовец Е. А. Жанровая специфика «Театрального романа» М. А. Булгакова 245

Хвесік Т. М. Дыялектызмы ў беларускіх прыказках 248

Хомич А. А. Сон как многоаспектный феномен в литературном творчестве 251

Хоміч У. Г. Семантычныя асаблівасці батанічных назваў г. п. Целяханы Івацэвіцкага раёна 255

Цапко А. Образ учителя иностранного языка в современной русской прозе 258

Цяо Цзымэй Культурные конфликты и их преодоление в плюралистическом обществе 261

Чжан Нянь Китайские СМИ об особенностях китайско-африканских отношений 263

Шаблыка А. С. Эллиптические конструкции в заголовках статей региональной газеты «Наш край» 267

Шагина А. К. Становление художественного текста романа «Мелкий бес» Ф. Сологуба 270

Шэнь Цзячэн Об именах собственных в русских и китайских заклинательных текстах 274

Юхимук С. В. Именования верховного божества в произведениях А. А. Фета 278

Якубович В. С. Языковая объективация концепта «путешествие» (на примере русской литературы XIX–XX вв.) 281

А. С. АДКИНА
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. С. Клундук, канд. филол. наук, доцент

ТЕХНОЛОГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ В ТРЕВЕЛ-БЛОГИНГЕ (НА ПРИМЕРЕ АВТОРСКОГО ПРОЕКТА BELARUS360)

Блогинг о путешествиях (тревел-блогинг) – одно из самых популярных направлений в современном интернет-пространстве, объединяющее тысячи путешественников и любителей новых приключений. Авторы делятся мыслями о путешествиях, опытом и советами, помогающими в поездках. Блогеры пишут о своих авантюрах, предоставляют информацию о местах, которые они посетили, и делятся напутствиями о том, как получить максимальное удовольствие от туризма [1]. Пользовательский контент о путешествиях, отзывы, мнения, комментарии порой представляют более надежный и достоверный источник информации, чем информация от самих поставщиков туристических услуг, и оказывает все большее влияние на формирование общественного мнения о туристических услугах. Чтобы выделиться из огромного потока предложений в определенной сфере и привлечь внимание аудитории, необходимо не только обладать интересными фотографиями и видеоматериалами, но и уметь искусно их преподнести, используя разнообразные новейшие технологии продвижения.

Тревел-блог Belarus360 является отличным образцом эффективного использования различных технологий для привлечения внимания аудитории, повышения популярности контента и в целом для продвижения созданного проекта. Belarus360 – это не просто классический тревел-проект про эстетичный контент и природные пейзажи, а целый образ жизни его создателей, представленный на разных платформах – Youtube, Instagram, Tiktok, Telegram, Яндекс.Дзен. С целью успешного контент-маркетинга в области путешествий блогеры используют нестандартные идеи, экспериментируют с различными форматами и приемами для создания увлекательных и запоминающихся материалов. В работе Belarus360 применяются следующие технологии продвижения.

1. Активное ведение социальных сетей и сервисов. Чтобы продолжать свою деятельность в блогосфере, авторы Belarus360 активно продвигаются на платформе YouTube и в социальных сетях Instagram, Tiktok, Telegram, что помогает привлечь больше подписчиков и повысить узнаваемость проекта. Примером может послужить создание тревел-бота. Множество людей мечтают путешествовать, но не знают, с чего начать, что и останавливает их сделать первый шаг навстречу туризму. Чат-бот Belarus360_GPS_Bot полностью решил эту проблему. Любителям путешест-

вий необходимо всего лишь отправить ссылку на видео из Tiktok или Instagram и бот с легкостью подскажет точные координаты локации.

2. Сотрудничество с туристическими компаниями и партнерами. Тревел-блогеры сотрудничают с местными туристическими агентствами, отелями и другими предприятиями, чтобы продвигать малоизвестные места Беларуси. Примером является канал-рассылка Belarus360 sales, который занимается размещением рекламы и партнерских ссылок от туристических компаний, предлагающих свои услуги по организации отдыха в Беларуси. Скидки и промокоды, предложенные пользователям, повышают заинтересованность людей совершать покупки в тревел-индустрии и продвигать это среди знакомых. Такое партнерство выгодно как для блогеров, так и для местных предприятий, поскольку они смогут привлечь больше клиентов и повысить свою популярность.

3. Регулярное обновление контента. Тревел-проект Belarus360 постоянно обновляет контент, представляет новые материалы о путешествиях, обзоры отелей, ресторанов и достопримечательностей в различных городах Беларуси. Наглядным примером является посещение базы отдыха «Робин Гуд», которая расположена на Минском море. Авторы продемонстрировали это место как идеальное пристанище для тех, кто хочет побыть наедине с близкими вдали от городской суеты.

4. Использование креативных подходов к созданию контента. Например, авторы проекта Belarus360 обогащают свой контент видеороликами с высоты птичьего полета, предлагают информацию о местах, которые никто не осмелился посетить.

5. Сотрудничество с блогерами и журналистами. Важным приемом продвижения в тревел-блогинге является работа с журналистами, а также с другими блогерами. Проект Belarus360 регулярно сотрудничает с известными блогерами и журналистами, что помогает расширять свою аудиторию и получать дополнительный трафик на свои публикации. Подтверждением тому является интервью «Из рекламного бизнеса – в блогинг» для портала Prodelo.by, где создатели проекта поделились своей историей пути в блогерскую сферу.

6. Организация конкурсов и акций для аудитории. Belarus360 регулярно проводит конкурсные программы среди пользователей, организовывает совместные с партнерами акции и розыгрыши, предоставляет скидки и демонстрирует специальные предложения для своих подписчиков, что помогает привлечь внимание к контенту и увеличить участие аудитории. Таким примером является коллаборация с компанией Яндекс. Их общим «детищем» стал розыгрыш «Море призов», который проводился с 10 апреля по 9 августа 2024 г. Рекламная игра создана

с целью стимулирования услуги доставки заказов с использованием мобильных приложений «Яндекс Еда» и «Яндекс Go» и увеличения количества заказов.

7. Поддержание обратной связи с аудиторией. Belarus360 старается поддерживать взаимодействие с публикой, инициирует позитивную обратную связь с аудиторией. Примером этого может служить реагирование авторов на комментарии в Сети, организация розыгрышей, создание диалоговых постов, инициирующих реакцию аудитории и др. Belarus360 активно учитывает пожелания и предложения потребителей информации. Кроме этого, на площадках проекта постоянно транслируются рекомендации, лайфхаки для путешественников. Авторы делятся напутствиями о том, как получить максимальное удовольствие от туризма. Такой подход позволяет укрепить доверие к блогерам и их продукту и создать лояльное сообщество поклонников.

8. Анализ статистики активностей аудитории. Для блогеров важно постоянно анализировать статистику просмотров, лайков, комментариев и других показателей эффективности контента на разных площадках для постоянного улучшения контента и удовлетворения потребностей аудитории. Анализ статистики на площадках Belarus360 позволяет выявить предпочтения аудитории, определить популярные темы и направления для контента, а также получить обратную связь от читателей, что помогает в улучшении качества материалов и повышении уровня вовлеченности аудитории в предложенный контент.

Таким образом, успешные PR-приемы в тревел-блогинге на примере авторского проекта Belarus360 включают в себя сотрудничество с блогерами и журналистами, привлечение туристических компаний, партнеров спонсоров, организацию конкурсов и акций, систематическое обновление контента, взаимодействие с аудиторией и др. Эти методы позволяют привлекать внимание широкой аудитории, укреплять доверие потребителей контента и продвигать тревел-проект, который пользуется популярностью и уважением. Belarus360 помогает туристам узнать о новых и интересных местах, а также вдохновляет их на путешествия. Благодаря усилиям авторов этого проекта, малоизвестные места Беларуси могут стать популярными туристическими направлениями и привлечь больше посетителей.

Список использованной литературы

1. Лескить, С. Социальные сети и бизнес: основные этапы продвижения [Электронный ресурс] / С. Лескить // Webcom / Academy. – Режим доступа: https://webcom.academy/articles/smm/soczialnyie_seti_dlya_biznesa_osnovnyie_etapyi_prodvizheniya. – Дата доступа: 14.05.2024.

К содержанию

Д. Ю. АЛЕЙНІК
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – А. С. Кавалюк, канд. філал. навук, дацэнт

ЖАНРАВА-СТЫЛЁВЫ ДЫЯПАЗОН І АКСІЯЛАГІЧНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ ТВОРЧАСЦІ ПІМЕНА ПАНЧАНКІ

Пімен Панчанка – адзін з буйнейшых беларускіх паэтаў XX ст., якога літаратуразнаўцы трапна назвалі сынам сваёй эпохі і адначасова яе апанентам. Па меркаванні аўтарытэтнага даследчыка У. Гніламёдава, паэзія Пімена Панчанкі «адзначана асабліва гарачлівымі мастакоўскімі шуканнямі, ненатольнымі эмоцыямі і страсцямі, імкненнем да высокіх ідэалаў і сумненнямі ў іх, шматгалоссем жыцця і яго супярэчнасцямі» [1, с. 521].

Як непаўторная мастацкая з’ява творчасць Пімена Панчанкі на працягу дзесяцігоддзяў прыцягвала і прыцягвае ўвагу крытыкаў. Пачынаючы з 1960-х гг. асобнымі выданнямі выйшлі працы Р. Бярозкіна “Пімен Панчанка: крытычна-біяграфічны нарыс” (1968), Р. Шкрабы “Кожны радок пражыць самому: да творчага партрэта П. Панчанкі” (1973), В. Гапавай “Пімен Панчанка” (1983), М. Яроша “Традыцыя – зарука наватарства” (1985), Л. Гарэлік “Кантрасты і парадоксы жыцця: духоўныя арыенціры ў паэзіі П. Панчанкі” (2002), У. Гніламёдава “Пімен Панчанка” (2002), Л. Алейнік “Пакуль сонца не згасне, пакуль свецяцца зоры…” (2007) і інш. Грунтоўныя раздзелы пра яго паэзію змешчаны ў абагульняючых працах па нацыянальнай паэзіі і ў акадэмічнай “Гісторыі беларускай літаратуры XX стагоддзя”; апублікавана вялікая колькасць артыкулаў і рэцэнзій у перыёдыцы. Агляд літаратуры паказаў, што ў поле зроку даследчыкаў трапляла пераважна паэтычная творчасць Пімена Панчанкі розных перыядаў, а ліра-эпічным творам і літаратурнай крытыцы пісьменніка ўдзялялася менш увагі. У багатай крытычнай літаратуры, на наш погляд, недастаткова асэнсоўваўся аксіялагічны патэнцыял творчасці Пімена Панчанкі.

У ранняй лірыцы Пімена Панчанкі рэальнасць падавалася пераважна ў аптымістычным асвятленні, кантраставыя малюнкі жыцця амаль не траплялі ў аб’ектыў мастацкага бачання паэта. Лірыка Пімена Панчанкі ваеннага перыяду – гэта самы буйны і адзін з яркіх этапаў яго творчасці. Яна дала пачатак усёй яго пісьменніцкай дзейнасці і зрабіла вялікі ўплыў на ўсю далейшую творчасць. Вершы Пімена Панчанкі гэтага часу сталіся сапраўдным узорам сінтэзу грамадзянскага і асабістага, душэўнага, вымярэнняў. Намі заўважана, што ў паэзіі ваеннага перыяду асабліва пашырыліся жанравыя разнавіднасці лірыкі, з’явіліся вершы-заклікі, агітацыйныя вершы-прамовы.

Для многіх твораў пасляваеннай лірыкі Пімена Панчанкі характэрны публіцыстычны пафас. Паэт перадаваў больш знешнія прыкметы часу, чым яго складаную ўнутраную сутнасць, што абумоўлена яго верай у рэвалюцыйныя ідэалы. Светаўспрыманне паэта паўплывала на мастацкую канцэпцыю яго твораў, на іх ідэйны змест і пафас. Варта адзначыць, што аптымістычнасць творчасці таго часу не падмацоўвалася глыбокай паэтычнай пранікнёнасцю, самастойным, наватарскім падыходам да адлюстравання жыцця.

У лірыцы 1950–1970-х гадоў пашыраецца тэматычны дыяпазон, які абумовілі гістарычныя падзеі: XX з’езд КПСС, “хрушчоўская адліга”, першыя палёты ў космас, русіфікацыя беларусаў і інш. Грамадскія падзеі паўплывалі на паэтыку лірыкі Пімена Панчанкі. У гэты перыяд адбыліся змены ў светапоглядзе пісьменніка, эвалюцыя яго творчасці, што паўплывала на аксіялагічны змест і жанрава-стылёвыя адметнасці твораў. Мастацкае слова паэта, як і ўся беларуская паэзія таго часу, было пазначана асаблівай інтэнсіўнасцю развіцця. Мы падзяляем выснову У. Гніламёдава аб тым, што «мастацкі свет паэта набывае плюралістычнасць, якой яму раней, у пасляваеннае дзесяцігоддзе, не ставала, – шматколернасць, своеасаблівы паліфанізм, шматсэнсавасць» [1, с. 541]. Лірыка Пімена Панчанкі гэтага перыяду вызначаецца філасафізмам, аб чым сведчаць вельмі глыбокія пранікнёныя творы не толькі аб надзённых, але і вечных каштоўнасцях. Пісьменнік адважыўся на мужны перагляд сваіх адносін да грамадскага жыцця, пераацэнку аўтарскай пазіцыі. Азіраючыся на плён набытага ў творчасці, вуснамі лірычнага героя верша “Анкета” Пімена Панчанкі наракаў: “Калі мая песня каго й хвалявала, / То тая, апранута ў шынель… / Растрачана дзён незваротных нямала / На дробязь, на глупства, на тосты, на хмель” [2, с. 39].

У 1980–1990-я гг. лірыка Пімена Панчанкі вызначаецца надзвычай моцным сатырычным пафасам. Сатырычныя плынь невыпадкова ўварвалася ў грамадзянскую лірыку гэтага перыяду. Яна надзвычай арганічна адпавядала самой натуры аўтара, прыродзе яго таленту і пашырала сродкі актыўнага эстэтычнага служэння. Талент мастака паядноўваў лірыку з выкрывальным грамадзянскім прамаўленнем. У 1980–1990-я гг. паэт выкарыстоўваў дзве формы ўвасаблення ідэалаў – пазітыўную і негатыўную. Па меры заглыблення ў грамадскія праблемы ўсё больш выяўляла сябе другая форма; многія творы набываюць моцны сатырычна-выкрывальны пафас. Аўтар удала карыстаўся такімі прыёмамі сатырычнага жанру, як завастрэнне, узмацненне адмоўнага ў вобразе, перабольшванне, давядзенне да гратэску. Даследаванне засведчыла, што аксіялагічны патэнцыял лірыкі гэтага перыяду заключаецца ў веры лірычнага героя ў дабрыню і справядлівасць і яго вернасці гуманістычным

каштоўнасцям. Для паэтыкі лірыкі 1980–1990-х гг. Пімена Панчанкі характэрна тэндэнцыя да больш свабоднага метра, да рытмічна раскаванага верша. Для стылю мастака слова ўласцівы сінтэз класічных традыцый і наватарскіх пошукаў, што дало новае напаўненне апрабаваным сілаба-танічным памерам. Ёсць падставы гаварыць аб выразна выяўленай схільнасці Панчанкі да сінтэзу розных версіфікацыйных падыходаў і форм верша ў адным паэтычным творы, аб усёй паэтычнай практыцы творчай індывідуальнасці.

Жанравы дыяпазон твораў заключнага перыяду творчасці Пімена Панчанкі пашыраецца за кошт актыўнага выкарыстання оды. Гэты жанр паэт ужываў яшчэ ў ранніх зборніках, смела звяртаючыся да оды хвалебнай, урачыстай. Аднак такіх твораў у Пімена Панчанкі мала. Часцей паэт ствараў оды адмаўлення і сатырычныя. Менавіта гэтыя жанравыя формы дазвалялі яму з’едліва і рэзка раскрыць аблічча двурушнікаў, кар’ерыстаў, псеўдавучоных, пустасловаў. Аўтарская пазіцыя мастака слова абумоўлена жаданнем засцерагчы сучаснікаў ад бездухоўнасці.

Да распрацоўкі жанра паэмы Пімен Панчанка звяртаўся ў розныя перыяды сваёго жыцця і творчасці. Ён з’яўляецца аўтарам паэм “Чырвонасцяжны камсамол”, “Маладосць у паходзе”, “Патрыятычная песня”, “Іспанская ноч”, “Паэмы сораму і гневу” і інш. Намі заўважана, што на паэтыку ранніх паэм “Маладосць у паходзе”, “Патрыятычная песня” і інш. пэўным чынам паўплываў аблегчана-аднабаковы падыход да адлюстравання рэчаіснасці, якога, на жаль, не мог пазбавіцца мастак слова ў 1950-я гг. Для стылю паэм ранняга перыяду творчасці ўласцівы прыкметны адбітак ідылічнасці. Гэта выяўляецца праз аптымістычнае светаўспрыманне лірычных герояў твораў, якім характэрна пазітыўнае адчуванне савецкага ладу жыцця. Канкрэтна-гістарычны змест паэм абумоўлены сацыяльным заказам часу. Для многіх тагачасных твораў была характэрна ўзнёслая рыторыка. У асвятленні паэтам канкрэтна-гістарычных падзей і абставін, удзельнікам якіх ён быў, заўважаюцца элементы спрошчанасці і павярхоўнасці. Адлюстраванне аўтарам тагачаснай рэчаіснасці сёння ўспрымаецца павярхоўна-адналінейным і наіўным, што не дало магчымасці паэту перадаць усю глыбіню і складанасць жыцця.

Настойлівае пераадоленне гэтых дастаткова сур’ёзных недахопаў складае ўнутраную сутнасць пазнейшай пісьменніцкай эвалюцыі Пімена Панчанкі, паказчыкам якой з’яўляецца “Паэма сораму і гневу”; яе паэт назваў “споведдзю сына веку”. Гэты адзін з мацнейшых ліра-эпічных твораў засведчыў здольнасць мастака слова зразумець свае памылкі, шкадаваць аб іх і ў канцы жыцця публічна пакаяцца, што шмат часу змарнаваў, услаўляючы камуністычныя ідэалы і не дастаткова звяртаўся да першародных пластоў чалавечага жыцця.

Знаёмства з літаратурнай крытыкай Пімена Панчанкі дазваляе канстатаваць, што ён шчыра адгукаўся на творчасць як пісьменнікаў-беларусаў (Янкі Купалы, Якуба Коласа, М. Багдановіча, П. Труса, К. Кірэенкі), так і мастакоў слова братніх народаў (П. Тычыну і інш.). Аўтар артыкулаў выявіў месца гэтых пісьменнікаў у гісторыі нацыянальнай літаратуры, акрэсліў іх ўплыў на ўласную творчую дзейнасць, асэнсаваў тэматыку і праблематыку іх творчасці. Неабходна адзначыць, што ў адпаведнасці з часам напісання крытычных артыкулаў у іх сустракаюцца разважанні пра сацыялістычны рэалізм, партыйнасць савецкай літаратуры і іншыя бальшавіцкія догмы, якія ў той час былі непарушнымі. Аднак яны не сталі вызначальнымі ў ацэнках пісьменнікам мастацкай якасці прааналізаваных тэкстаў.

Несумненнай заслугай Пімена Панчанкі з'яўляецца той факт, што з яго бласлаўленнем, з ягонай добразычлівай дапамогай прыйшлі ў літаратуру дзесяткі бліскучых майстроў паэзіі і прозы – Васіль Быкаў, Рыгор Барадулін, Ніл Гілевіч, Анатоль Вярцінскі, Янка Сіпакоў, якія неаднаразова выказвалі яму сваю ўдзячнасць.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Гніламёдаў, У. Пімен Панчанка / У. Гніламёдаў // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы. – 2-е выд. – Мінск : Маст. літ., 2001–2015. – Т. 3. – 2002. – С. 521–573.

2. Панчанка, П. Жытнёвы звон: выбранае / П. Панчанка ; уклад. З. К. Панчанка. – Мінск : Маст. літ., 2002. – 335 с.

К содержанию

А. А. БАРАБАШ
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – Л. І. Яўдошына, канд. філал. навук, дацэнт

МЕТАФАРА Ў ВЕРШАХ МАКСІМА БАГДАНОВІЧА

Метафара з'яўляецца вобразным і найбольш пашыраным элементам мастацкага маўлення, які да таго ж служыць важным сродкам выражэння аўтарскіх ацэнак і эмоцый, аўтарскіх характарыстык прадметаў і з'яў [2]. Таму ў творах самых розных мастакоў слова метафара – надзвычай актыўны сродак мастацкай выразнасці. Паэзія Максіма Багдановіча не з'яўляецца выключэннем у гэтым сэнсе, яна надзвычай метафарычная.

У вершах М. Багдановіча сустракаюцца розныя віды метафар. Вельмі распаўсюджана ў яго творах генітыўная метафара, якая па структуры з'яўляецца двухкампанентнай, а па форме выражэння – назоўнікавай. Адзін

кампанент такога словазлучэння ўжываецца ў пераносным значэнні, а другі – у прамым і мае пастаянна форму роднага склону, напрыклад: ***рой*** *хмарачак*, *бомаў* ***медзь***, ***бубны*** *дахаў*, ***серабро*** *іголак*, *дубоў* ***павець***, ***павучына*** *дажджу*, ***лахмоцці*** *ценяў*, ***раздолле*** *снягоў*, ***струны*** *сонца*, ***пух*** *вішняў* і інш. Вельмі часта генітыўная метафара ў паэта звязана з вобразам зор: *Блішчыць у небе* ***зор пасеў****; / У полі – рунь і ў небе – рунь* [1, с. 61]; *Ў цёмным небе –* ***хараводы*** */ Сіняватых* ***зорак*** [1, с. 56]; *Заззяе серабром іголак /* ***Зор грамада*** [1, с. 60]; *Упалі з грудзей Пана Бога, / Парваўшыся,* ***пацеркі зор*** [1, с. 106]; *Патроху праз цемнь выглядалі /* ***Зорак*** *дрыжачых* ***вянкі*** [1, с. 64]; *Маленькіх, мілых* ***зор*** *дрыжачы, срэбны* ***пыл*** [1, с. 142]. Нельга не пагадзіцца з думкай, што “багацце тропаў, ужытых для апісання зорак у розных вершах паэта, сведчыць пра асаблівую значнасць гэтага складанага па сваёй эстэтычнай і філасофска-інтэлектуальнай заглыбленасці вобраза ў карціне свету М. Багдановіча” [3, с. 203].

Метафарызуючы з’явы прыроды, М. Багдановіч часта ўжываў гукавую метафару, звычайна выражаную дзеясловам. Напрыклад: *галасок вецярка* ***шапоча***; *лаза зялёная* ***жаліцца-шуміць***; *чарот* ***шуміць***; ***зазвіняць*** *жалобна крыгі*; ***смяецца*** *поле*; *міла бомы* ***смяюцца*** *ў цішы*; *срэбрам* ***грукае*** *крыніца*; *вецер* ***стогнам аддаецца***; *бомы* ***запяваюць*** *аб долі і волі*; *за сцяной* ***запявае*** *завея*; *тонкаствольныя сосны* ***звіняць***; *вецер* ***грыміць***, ***звініць***, ***пяе*** і інш. Прыклады выкарыстання такіх метафар паказваюць унікальнасць вобразнага мыслення пісьменніка, своеасаблівасць яго мастацкага светаад- чування, чуйнага да гукаў прыроды. Вельмі адметна, на наш погляд, гэтая асаблівасць адлюстравалася ў вершы “Маёвая песня”, дзе гукавую метафару найперш перадаюць дзеясловы гучання і музычныя найменні: *[матылёк] дрыжачымі крыламі* ***звоніць***; *ліецца хваляй* ***песня***, *– ціхі, ясны* ***гімн*** *вясне*; *сэрца* ***напявае***; *вецер звонкі* ***шапаціць***; *чарот* ***шуміць***. А ў заключных строфах верша нібы даецца адказ на тое, чаму для Максіма Багдановіча такой значнай была менавіта гукавая метафара: *Не даюць мне думаць зыкі, / Што ляцяць, дрыжаць, звіняць. / Песня рвецца і ліецца / На раздольны, вольны свет. / Але хто яе пачуе? / Можа, толькі сам паэт* [1, с. 76]. Як можна зразумець з прыведзенага кантэксту, чулая і чуйная душа паэта вельмі жыва адгукалася на гукі навакольнай прыроды, якія могуць *лётаць*, *дрыжаць*, *звінець* у яго паэтычным уяўленні. Думаецца, што праз гукавую метафару паэт імкнуўся перадаць сваю тонкую рэакцыю на прыроду, сваё ўспрыманне яе як менавіта жывой істоты, здольнай быць сугучнай чалавечаму настрою і адчуванням, здольнай перадаваць гэты самы настрой і адчуванні.

Пры метафарызацыі прыроды паэт у сваіх творах часта карыстаўся такімі разнавіднасцямі метафары, як персаніфікацыя і ўвасабленне. Названыя тропы сапраўды дазваляюць ажывіць мастацкі малюнак, надаць

аб’ектам прыроды рысы жывых істот або чалавека. Напрыклад: *ноч шапоча*; *сасонка прамаўляе*, *выгаварвае*; *шэпча васілёк*; *плакала лета*; *плачуць асіны*; *месяц аглядае бахматыя зоркі*; *сонца гляне*; *птушкі сняць*; *грымоты злуюць*; *вецер б’е ў бубны*; *месяц пакрые палі палатном*; *зоркі зірнуць* і інш. Адметнасцю паэтыкі М. Багдановіча стала даволі шырокае выкарыстанне звароткаў-увасабленняў, напрыклад: ***Цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог,*** */ Улажылі спаць мяне вы на зямлі* [1, с. 62]; *Добрай ночы,* ***зара- зараніца!*** [1, с. 63]; *Здароў,* ***марозны, звонкі вечар!*** [1, с. 72]; *Звіні,* ***вясёлых бомаў медзь!*** [1, с. 72]. Такія прыклады словаўжывання дэманструюць анімістычны светапогляд паэта, імкненне надзяліць уласцівасцямі жывога ўсё, што яго акружае, убачыць незвычайнае ў звычайным, наблізіць чалавека да прыроды, перадаць яго натуральную повязь з ёй. Нездарма адзіны прыжыццёвы зборнік паэта пачынаўся раздзелам «У зачараваным царстве», прысвечаным паэтычнаму апісанню прыродных малюнкаў і з’яў. Адным з найбольш яркіх прыкладаў паэтызацыі прыроды праз метафарычнае словаўжыванне з’яўляецца ў вышэйзгаданым раздзеле верш «Цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог…» [1, с. 62]. Акрамя выкарыстання ў першым радку зваротка-ўвасаблення, які ўжо перадае не проста ажыўленне прыродных з’яў, а і ўраўноўванне іх з чалавекам, бо лірычны герой верша звяртаецца да іх менавіта як да роўных сабе, у гэтым творы яшчэ выкарыстоўваюцца такія метафары: *[вечар, вецер, стог]* ***улажылі*** *спаць*; *месяца* ***праглянуў*** *бледны* ***рог***; *з прыродай* ***зліўшыся душой***; ***дрыжаць*** *ад ветру зоркі*. Яны перадаюць ажыўлены малюнак летняга вечара з аднаго боку, а з другога – дапамагаюць уявіць адчуванні і пачуцці лірычнага героя, заварожанага *«вячэрняй цішынёй»*, рыхтуюць да ўспрымання гіпербалізаванага фіналу твора, у якім герой твора заяўляе пра тое, што ён чуе *«ў цішы, як расце трава»*. Такое паяднанне з прыродай, успрыманне яе рухаў і змен падаецца незвычайным, казачным і вельмі тонкім і зноў-такі надзвычай выразна характарызуе паэтычнае светаўспрыманне М. Багдановіча.

У вершах М. Багдановіча метафары часта актуалізуюць зрокавую вобразнасць. Сярод самых цікавых прыкладаў такога словаўжывання можна вылучыць наступныя: *люстэрка*, *акно* ‘возера’; *панурая*, *вялізная жывёла* ‘бура’; *чорная рыза* ‘цемра’; *срэбныя сеці*, *срэбныя ніці*, *срэбная рыза* ‘месячнае святло’; *брызгі золата* ‘зоркі’ і інш. Як можна заўважыць, у многіх прыкладах такога словаўжывання прысутнічаюць каларонімы або люксонімы – прыметнікі, што перадаюць колер ці светлавое адценне. Выкарыстанне такіх адзінак падкрэслівае каляровасць і каларыстычнасць паэтычнага малюнка ў творах М. Багдановіча. Напрыклад: *Зіхацяць маей кароны* ***залатыя*** *рожкі* [1, с. 56]; *Лахмоцці ценяў на палянах, / Схаваўшы* ***золата****, ляжаць* [1, с. 60]; *У полі – рунь і ў небе –* ***рунь*** [1, с. 61]; *Ціха*

срэбрам *грукае крыніца* [1, с. 63]; *Вечар на захадзе ў попеле тушыць / Кучу* ***чырвоных*** *кавалкаў вугля* [1, с. 65]; *Па-над* ***белым*** *пухам вішняў…* [1, с. 75]; *Навакол усё паветра / Ў струнах сонца* ***залатых*** [1, с. 75]; *Ціха тучу* ***блакіт*** *закалыша* [1, с. 74]; *Досі ўжо працы, бо сонца зайшло! /* ***Ярка-чырвоныя, жоўтыя, бурыя*** */ Боразны ў небе яно правяло* [1, с. 79].

Можна адзначыць, што метафарычнасць паэзіі Максіма Багдановіча з'яўляецца адной з яе ключавых рыс. Метафары ў вершах паэта – гэта не проста ўпрыгожванне верша, а глыбокае і шматграннае разуменне свету і чалавечых пачуццяў. Яны робяць яго паэзію запамінальнай і пранікнёнай, а самога М. Багдановіча – адным з найбольш выдатных прадстаўнікоў паэтычнага мастацтва свайго часу [2].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – 2-е выд. – Мінск : Бел. навука, 2001. – Т. 1. – 752 с.

2. Зарэцкая, Н. У. Эпітэты, метафары, параўнанні як сродкі стварэння непаўторнага мастацкага свету ў творах Максіма Багдановіча [Электронны рэсурс] / Н. У. Зарэцкая. – Рэжым доступу: https://elib.bspu.by/bitstream/doc. – Дата доступу: 16.05.2024.

3. Яўдошына, Л. І. Вобраз зоркі ў паэзіі М. Багдановіча: філалагічная інтэрпрэтацыя / Л. І. Яўдошына // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб. науч. тр. X Междунар. науч. конф., Брест, 19–20 нояб. 2021 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: О. Б. Переход, О. А. Фелькина. – Брест : БрГУ, 2022. – С. 200–203.

К содержанию

Е. А. БЕРДНИК
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Е. Никитина, канд. филол. наук, доцент

УСТРОЙСТВО КРЕСТЬЯНСКОГО ДОМА В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

Фольклор отличается от других видов искусства тем, что это искусство устного слова, которое носит коллективный характер. Фольклорные произведения играют важную роль в жизни каждого человека: они отражают особенности явлений реальной жизни, общественных отношений, мировоззрения и народного быта.

К наиболее распространенным фольклорным жанрам относится сказка – «эпическое, преимущественно прозаическое художественное произведение с установкой на вымысел» [7, с. 383]. Она передает не только героические народные образы и сюжеты, но и духовную культуру нации [4, с. 55]. Представления русского народа об окружающем мире, события,

связанные с историей Руси, находят свое воплощение в русском фольклоре. В сказке открывается мир наших предков во всех его особенностях (быт, традиционные занятия и ремесла, народные праздники и обряды и др.).

В фольклорных сказках описывается быт русского человека, особую роль в котором играет дом. Пространство дома – это индивидуальное жизненное пространство человека. Организованное определенным образом, оно формирует обстоятельства жизни человека [10].

Жилище, жилая среда человека на всех историко-культурных периодах развития человечества играли роль психологической «ниши», позволяющей добиться максимального обособления и индивидуализации [10]. Согласно Н. В. Климовой, у дома есть определенные функции: жизнеобеспечивающая и спасительная; защитная, нормативно-этическая, социально-консолидирующая и смыслообразующая, идентификационная, исцеляющая и обновляющая (восстанавливающая), сберегающая и эстетически умиротворяющая [6]. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что функции дома влияли на его внутреннее устройство. Рассмотрим этот аспект жизни русского человека на материале сказок из сборника «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» [1–3].

В первую очередь необходимо обратить внимание на *крыльцо* – наружную пристройку из площадки и лестницы перед домом, служащую для входа в дом и выхода из него [11] и соединяющую улицу с домом: *Наутро проснулся Мартынка не в простой избе, а в знатных, роскошных покоях; вышел на высокое* ***крыльцо****, смотрит – все как есть готово: и дворец, и собор, и мост хрустальный, и деревья с золотыми и серебряными яблоками* («Волшебное кольцо») [2, с. 39].

При входе в дом располагаются *сени* – это помещение между жилой частью дома и крыльцом [11]: *Приехал ко крыльцу, привязал коня к серебряному кольцу,* ***в сени*** *да в избу, богу помолился, ночевать попросился* («Кощей Бессмертный») [1, с. 290].

Из сеней человек попадал непосредственно в жилую комнату, значительную роль в которой играла печь. Вокруг нее вращался весь быт русской избы. *Печь* использовали для приготовления еды, обогрева, на ней спали: *Гусь лег на сковороду; старичок поставил ее* ***в печь****, изжарил гуся, вынул и поставил на стол* («Диво дивное, чудо чудное») [2, с. 241]. В традиционной русской избе печь была главным элементом дома, ее размещали в основной зоне, справа или слева от входа [8]. Приступок у русской печи в крестьянской избе [9] назывался *голбец*: *Пришла в избу: «Пусти-ка, кум, меня* ***на голбчик-от****».* («Лиса-повитуха») [1, с. 22]. У печи имелось выходное отверстие – *устье,* или *устьице* [11]: *Девушка поскорей пирожок в рот, а сама в печь, села* ***в устьецо*** («Гуси-лебеди») [1, с. 148]. *Загнетка* – место на шестке русской печи (обычно в левой его части), куда

сгребаются горячие угли [9]: *Старуха сквозь слез стала говорить ему: «Да вот если бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него был сыночек, да если бы он тут сидел* ***на загнетке*** *– я бы его ведь ушибла поленом-то!* («Лутонюшка») [3, с. 131–132].

Важным местом в жилище был *кут* – угол крестьянской избы [5], каждый из них выполнял свою функцию: *Иван Сученко свою булаву в* ***куток*** *поставил, а змиеву взял; размахнулся, как ударит змия – пошел гул по всему двору!* («Иван Сученко и Белый Полянин») [1, с. 239]. Мужским кутом считался *коник* – лавка с ларем, рундук, прилавок, ларь для спанья, с подъемною крышкою; обычно это прилавок у дверей и койка хозяина [5]: *Она замесила и испекла из него пышечку; а Ивана-царевича посадила* ***в коник*** *и приказала: «Вот скоро твоя лягушка прилетит, а ты молчи и вставай, когда я велю»* («Царевна-лягушка») [2, с. 264]. Доски вырезались в форме конской головы, поэтому мужской угол и получил такое название – коник. Под скамьей мужчины хранили свои инструменты и другие предметы, которые необходимы для строительства и других мужских работ [8].

Для отдыха предназначались и другие части дома, например *полати* – широкие нары, располагавшиеся в избах под потолком между печью и противоположной ей стеной [9]: *Воротился дурак назад, пустил своего доброго коня в заповедные луга, а сам пришел домой, завязал голову платком, лег* ***на полати*** («Свинка золотая щетинка») [2, с. 12]. Такую же функцию выполняла и *ковета* – помост в избах, заменяющий кровати [1, с. 237]: *Вдруг едет старый дед в ступе, толкачом подпирается, под ним* ***ковета*** *на семь саженей лита, и просит милостыни* («Иван Сученко и Белый Полянин») [1, с. 237]. Также отдыхали на *лавке* – глухой, неподвижной скамье, доске для сиденья вдоль стены; иногда и скамье, переносной доске на ножках [5]: *Полуночка развел огонь, выбрал самого жирного барана, зарезал его, поставил в печь; управился и лег* ***на лавку*** («Зорька, Вечорка и Полуночка») [1, с. 242]. А над лавками могла располагаться полка (шест, жердь, перекладина [11]), имевшая своеобразное название – *грядка* (происходит от *гряда* ‘балка’): *Лежит она на кровати, а над кроватью поделаны* ***грядки****, и на тех грядках рога положены* («Рога») [2, с. 48].

Крестьянская изба имела и такие помещения, как горница, полдовка, клеть. *Горница* – чистая половина крестьянской избы; устар. комната (первоначально в верхней части дома) [9]: *Иван крестьянский сын выслушал все, что они говорили, вышел* ***из горницы****, оборотился человеком и пришел к своим товарищам: «Ну, ребята, сряжайтесь в путь!»* («Иван крестьянский сын и мужичок сам с перст, усы на семь верст») [1, с. 234]. *Полдовкой* называли чердак [1, с. 26]: *Залезли они* ***на полдовку****, где у волка было много меду, и съели половину кадушки* («Лиса-повитуха») [1, с. 26]. *Клеть* – это особое помещение для хранения имущества при избе или

отдельно от нее; кладовая [9]: *Старик, наевшись, вышел на двор, хорошую суму вынес* ***в клеть****, а сердитую повесил на крючок; а сам по двору ходит – не ходит, только время проводит* («Двое из сумы») [2, с. 29].

Таким образом, на примере русских народных сказок можно сделать вывод об особом значении расположения помещений в избах, связанного со спецификой ведения крестьянского быта. Каждое место в доме выполняло свою функцию, и названия этих мест также не случайны. Внимание к дому объясняется тем, что это главное богатство в жизни человека, здесь проходит вся его жизнь и складывается его род.

Список использованной литературы

1. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки : в 3 т. / А. Н. Афанасьев / сост. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. – М. : Наука, 1984. – Т. 1. – 512 с.

2. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки : в 3 т. / А. Н. Афанасьев / сост. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. – М. : Наука, 1985. – Т. 2. – 464 с.

3. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки : в 3 т. / А. Н. Афанасьев / сост. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. – М. : Наука, 1985. – Т. 3. – 496 с.

4. Брейгер, Ю. М. Русская народная сказка как отражение духовной культуры нации / Ю. М. Брейгер // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 4 (35). – С. 54–56.

5. Даль, В. И. Словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа: https://slovardalja.net/. – Дата доступа: 07.04.2024.

6. Климова, С. В. Социально-философские аспекты анализа архитипических функций дома [Электронный ресурс] / С. В. Климова. – Режим доступа: http://anthropology.ru/ ru/ texts/klimova/function.html. – Дата доступа: 07.04.2024.

7. Кожевников, В. М. Литературный энциклопедический словарь / В. М. Кожевников, П. А. Николаев. – М. : Совет. энцикл., 1987. – 751 с.

8. Русская изба. История создания и внутреннее убранство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://learnrussianineu.com/russkaja-izba-istorija-sozdanija-i-vnutrennee-ubranstvo/. – Дата доступа: 07.04.2024.

9. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Т. Ф. Ефремовой. – Режим доступа: https://lexicography.online/explanatory/efremova/. – Дата доступа: 07.04.2024.

10. Стабина, Н. В. Значение дома как жизненного пространства личности / Н. В. Стабина // Вестн. практ. психологии образования. – 2010. – №1 (22). – С. 50–56.

11. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д. Н. Ушакова. – Режим доступа: https://lexicography.online/explanatory/ushakov/. – Дата доступа: 07.04.2024.

К содержанию

Д. А. БІТНЕР
Брэст, БрДТУ
Навуковы кіраўнік – Я. Р. Самуйлік, канд. філал. навук, дацэнт

РОЛЯ МІКАЛАЯ РАДЗІВІЛА ЧОРНАГА Ў СТАНАЎЛЕННІ І РАЗВІЦЦІ АДУКАЦЫІ І КУЛЬТУРЫ Ў ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ

Развіццё культуры немагчыма ўявіць без удзелу ўсіх грамадскіх інстытутаў, бо сама дзяржава не ў сілах задаволіць розныя патрэбы людзей у гэтай галіне. Неабходна сістэма падтрымкі адукацыі і культуры з боку прыватных асоб. Практыка падтрымкі і развіцця мастацтва ва ўсіх яго праявах вядомая яшчэ з Антычнасці. Тэрмін «мецэнацтва» паходзіць ад імя апекуна паэтаў і мастакоў Гая Цыльнія Мецэната, які таксама з'яўляўся дарадчыкам, сябрам і памочнікам рымскага імператара Актавіяна Аўгуста.

На тэрыторыі сучаснай Беларусі традыцыя падтрымкі, захавання і развіцця адукацыі, культуры і мастацтва вядомая яшчэ з часоў Полацкага княства. Аднак менавіта ў Вялікім Княстве Літоўскім мецэнацтва набыло спецыфічныя рысы, якія дазваляюць лічыць яго адным з важных складнікаў нацыянальнай культуры.

Шырокае распаўсюджванне мецэнацтва на тэрыторыі ВКЛ у перыяд Рэфармацыі садзейнічала станаўленню сістэмы адукацыі, нацыянальнай культуры, кнігадрукавання, стварэнню многіх шэдэўраў мастацтва і архітэктуры, развіццю філасофіі, грамадска-палітычнай і рэлігійнай думкі. Сярод магнатаў рэфармацыйныя ідэі адстойвалі прадстаўнікі такіх знакамітых родаў, як Вішнявецкія, Сапегі, Хадкевічы, Пацы, Кішкі і, вядома ж, Радзівілы.

Адным з найбольш вядомых прадстаўнікоў эпохі Адраджэння і Рэфармацыі ў ВКЛ быў князь Мікалай Радзівіл Чорны (1515–1565), палітычны, грамадскі і рэлігійны дзеяч, маршалак земскі (вялікі), канцлер, ваявода віленскі – першы дыгнітарый краіны. Мікалай Радзівіл Чорны нарадзіўся 4 лютага 1515 г. у Нясвіжы. Бацькам яго быў Ян Радзівіл – маршалак земскі і кашталян троцкі. Хлапчука ўжо ад нараджэння чакала бліскучая кар'ера, аднак жыццё падвергла яго выпрабаванню. Ва ўзросце сямі гадоў ён страціў бацьку. Маці Ганна з роду Кішкаў выйшла замуж другі раз. У выніку гэтага Мікалай і яго малодшы брат Ян пераехалі жыць у дом дзядзькі – Юрыя Радзівіла, які быў аб'яўлены іх апекуном да паўналецця.

У 1529 г. Мікалай разам з братам быў прыняты пры двары Жыгі- монта I Старога і яго жонкі Боны Сфорца. У той час у Кракаў у афіцыйную каралеўскую рэзідэнцыю па запрашэнні прыязджалі еўрапейскія паэты, мастакі, музыканты і архітэктары. Магчыма, Мікалай Радзівіл мог мець

стасункі з імі. У 1534 г. Мікалай Чорны паступіў у Кракаўскі універсітэт, але ў лютым таго ж года ВКЛ было ўцягнута ў вайну з Маскоўскай дзяржавай. Мікалай Радзівіл Чорны і яго брат Мікалай Радзівіл Руды выехалі ў Літву з мэтай удзелу ў баявых дзеяннях, дзе Мікалай Радзівіл знаходзіўся аж да 1537 г. Менавіта падчас вайны выявілася сапраўдная сутнасць маладога Радзівіла, ваенныя дзеянні зрабілі незабыўнае ўражанне на яго светапогляд. Добрая адукацыя, атрыманая пры двары, знаёмства з ідэаламі Адраджэння пераканала юнака ў тым, што мастацтва дыпламатыі найважнейшае і больш эфектыўнае, чым пралітая кроў на палях бітваў. Пасля вяртання з вайны Мікалай Радзівіл пачаў будаваць паспяховую кар'еру дыпламата і палітычнага дзеяча, а таксама яшчэ больш зблізіўся з Жыгімонтам II Аўгустам. Нездарма Мікалая Чорнага называлі «некарана- ваным каралём ВКЛ»: без яго парады кароль Жыгімонт не прымаў ніводнага рашэння. А так як вялікі князь Жыгімонт II Аўгуст часта адсутнічаў, то Радзівіл фактычна кіраваў Княствам. А ў 1551 г. Радзівілы атрымалі прывілей на захоўванне ў Нясвіжскім замку дзяржаўнага архіва Вялікага Княства – Літоўскай метрыкі.

Адной з асноўных сфер дзейнасці Мікалая Чорнага была рэфарматарская. З ідэямі Рэфармацыі ён пазнаёміўся падчас падарожжа па Германіі. Духоўныя пошукі прывялі яго спачатку да лютэранства, а потым да кальвінізму. Паваротным крокам стала знаёмства Радзівіла з магістрам тэалогіі Кракаўскага ўніверсітэта Сымонам Закам. У 1553 г. адбылася адна з самых рэзанансавых падзей у ВКЛ – Мікалай Радзівіл афіцыйна абвясціў сябе кальвіністам. Аўтарытэт яго быў настолькі вялікі, што шляхта стала масава пераходзіць у кальвінізм. У кароткі тэрмін большая частка палітычнай эліты ВКЛ прасякнулася ідэямі Рэфармацыі. Пры сваіх дварах магнаты засноўвалі новыя цэрквы. Па падліках гісторыкаў, толькі ва ўладаннях саміх Радзівілаў іх было больш за 200. У ВКЛ запрашаліся вядомыя прапаведнікі. Іх аратарскае мастацтва прыцягвала да кальвінізму ўсё большую аўдыторыю. З мэтай укаранення новых ідэй у грамадстве пачалі актыўна развівацца адукацыя і кнігадрукаванне. Забеспячэннем неабходнымі навучальнымі матэрыяламі Мікалай Чорны займаўся асабіста. Першая друкарня была заснавана ў Нясвіжы, дзе былі выдадзены першыя кнігі на беларускай мове – «Катэхізіс» і «Пра апраўданне грэшнага чалавека перад Богам» Сымона Буднага. У друкарнях таксама выдавалася вучэбная і прапагандысцкая літаратура.

У 1563 г. у Берасці на сродкі Мікалая Радзівіла была выдадзена Біблія, якую часта называюць «Радзівілаўскай». Пераклад Біблії, першага пратэстанцкага выдання на польскай мове, быў ажыццёўлены знакамітымі навукоўцамі рэфармацыйнага кірунку (Стары Запавет з яўрэйскай мовы, а Новы Запавет – з грэчаскай): Іванам Ласкім, Сымонам Закам, Францыскам

Станкарам і інш. Вялікая па памеры (каля 750 лістоў) Берасцейская Біблія была багата ўпрыгожана. Кожны раздзел пачынаўся ініцыяламі, выкананымі шрыфтамі гатычнай пляцёнкі, якія, як адзначае В. Ф. Шматаў, з'яўляюцца адным з найважнейшых кампанентаў афармлення і ўдала ажыўляюць тэкст, набраны ў дзве калонкі гатычным шрыфтам. На тытульным лісце з аднаго боку знаходзіцца гравюра, якая паказвае Адама і Еву пад яблыняй, а з другога – гравюра, якая ўзнаўляе раскрыжаванага Хрыста. У арганічнай сувязі з рэнесансавай архітэктурай адлюстраваны старазапаветныя сюжэты: «Грэхападзенне», «Скрыжалі Майсея», «З'яўленне меднага змея» і інш. Пасля Францыска Скарыны гэта былі першыя біблейскія выявы ў беларускім кнігадрукаванні. Мікалай Чорны ўсяляк садзейнічаў распаўсюджванню Берасцейскай Бібліі ў Польшчы і Літве. Нягледзячы на свой высокі кошт, кніга была вельмі папулярная і запатрабаваная. Віленскі сінод 1617 г. пастанавіў, каб дадзеная Біблія была пры кожным зборы ў ВКЛ.

Распаўсюджванне Бібліі ў Расіі ў XVI–XVII стст. аказала істотны ўплыў на развіццё літаратурнага працэсу. Вядомы гісторык А. Венгерскі ў XVII ст. пісаў аб масавым вывазе гэтай кнігі і іншых пратэстанцкіх выданняў карэннымі жыхарамі Расіі. Сваімі ўражаннямі аб Берасцейскай Бібліі, выяўленай на алтары царквы ў Койданаве ў сярэдзіне XIX ст., дзяліўся ў адным са сваіх дарожных нарысаў Уладзіслаў Сыракомля: «На алтары, на вялікае маё здзіўленне, я знайшоў цудоўна захаваны экзэмпляр Берасцейскай Бібліі, той вялікай у нашы часы бібліяграфічнай рэдкасці, на друкаванне якой Мікалай Радзівіл Чорны выклаў значныя сумы, паслаўшы ў Берасце трыццаць славутых тады літаратараў».

Аднак пазней сыны Мікалая Радзівіла перайшлі ў каталіцтва і заняліся масавым знішчэннем дадзенага выдання. Мікалай Крыштоф Радзівіл Сіротка патраціў больш за 5000 чырвонцаў на тое, каб скупіць як мага больш кніг і спаліць іх. А Юрый Радзівіл, віленскі біскуп, «пачаў сваё служэнне ўрачыстым спаленнем забароненых кніг». Як пісаў Адам Кіркор, ён «скупіў усе пакінутыя ў абарачэнні экзэмпляры і спаліў перад касцёлам св. Іаана ў Вільні».

У 2023 г. унікальнаму кніжнаму помніку кнігадрукавання XVI ст. споўнілася 460 гадоў. Дадзенае выданне Бібліі стала сапраўднай бібліяграфічнай рэдкасцю. У свеце захавалася ўсяго каля 40 экзэмпляраў Берасцейскай Бібліі. І толькі адзін з іх захоўваецца ў Цэнтральнай навуковай бібліятэцы імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. У цяперашні час Радзівілаўская Біблія прадстаўляе асаблівую цікавасць для грамадскасці хутчэй не сваім зместам, а перш за ўсё дзякуючы багаццю мастацкага афармлення, як кніга, якая мае цудоўныя ілюстрацыі, шматлікія гатычныя ініцыялы, і як кніга са складаным лёсам і багатай гісторыяй.

Такім чынам, рэфарматарская і мецэнацкая дзейнасць Мікалая Радзівіла Чорнага спрыяла развіццю адукацыі і культуры ў краіне. Адкрытыя ў Берасці і Нясвіжы друкарні, якія выдавалі пратэстанцкую літаратуру, былі на той час асноўнымі на тэрыторыі ўсёй Усходняй Еўропы. Выданне Берасцейскай Бібліі можна лічыць адной з самых значных культурных з'яў эпохі Адраджэння, бо пераклад гэтай кнігі ў гісторыі кожнага народа – гэта важны і значны крок у развіцці адукацыі, культуры і маральных асноў грамадства. Радзівілаўская Біблія ўяўляе сабой выключную каштоўнасць як аб'ект сумеснай работы вучоных некалькіх краін. А Мікалая Чорнага можна лічыць не толькі мецэнатам, але таксама ініцыятарам і ідэйным натхняльнікам дадзенага праекта, які аказаў уплыў на развіццё адукацыі і культуры не толькі ў ВКЛ, але і ў іншых славянскіх краінах [1, с. 342–343; 2; 3, с. 494; 4–6].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Асветнікі зямлі беларускай, X – пачатак XX ст. : энцыкл. давед. / рэдкал. Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2001. – 492 с.

2. Богодзяж, Н. Николай Радзивилл Чёрный – одна из самых ярких фигур истории [Электронный ресурс] // Н. Богодзяж // Беларусь сегодня. – 2017. – Режим доступа: https://www.sb.by/articles/atlant-kalvinizma.html. – Дата доступа: 03.06.2024.

3. Вялікае Княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2005–2006. – Т. 2. – 2006. – 790 с.

4. Николай Радзивилл Чёрный [Электронный ресурс] // Великое княжество Литовское, Руское и Жемойтское. – Режим доступа: https://vklby.com/index.php/lichnosti/11-lichnosti/115-nrch. – Дата доступа: 03.06.2024.

5. Николай Радзивилл Чёрный [Электронный ресурс] // Википедия : свобод. энцикл. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Радзивилл,_Николай_Чёрный. – Дата доступа: 03.06.2024.

6. Сай, А. А. Николай Радзивилл Чёрный – «некоронованный король ВКЛ» [Электронный ресурс] / А. А. Сай // Национальная культура глазами молодых : сб. материалов XVII итоговой науч. конф. студентов, магистрантов, аспирантов, 22 марта 2017 г. / Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск, 2017. – Режим доступа: http://repository.buk.by/handle/123456789/15727. – Дата доступа: 03.06.2024.

К содержанию

С. С. БОВДА
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЗВИЩА-ХАРАКТЕРИСТИКИ

Ядро ономастического поля формируют антропонимы – имена собственные (далее – ИС) человека как официальные, так и неофициальные. К неофициальным дополнительным ИС человека принадлежат, в частности, **прозвища**. Прозвище дается другими людьми в соответствии с характерной чертой человека, сопутствующими его жизни обстоятельствами, по какой-либо аналогии, по происхождению и иным мотивам [2, с. 111]. Прозвище возникает само собой; часто отражает не то, как человек хочет выглядеть, а то, какой он есть на самом деле. Дополнительное неофициальное имя может появиться в любой момент жизни и быть известным только узкому кругу людей [1, с. 89]. Прозвище обладает рядом признаков: локальностью, своеобразной корпоративностью; специфической семантикой, связью с понятием о реалии, которая лежит в основе прозвища; близостью к апеллятивам или к проприальной лексике; неслучайностью; подвижностью; заочным/«заглазным» употреблением; недолговечностью; структурно-грамматическим разнообразием; юридической незакрепленностью [1, с. 37–38].

Прозвища, отмечает А. В. Суперанская, – живой источник новых именований [3, с. 192]. Открытость прозвищной подсистемы, ее подвижность; яркая связь неофициальных ИС с социумом, происходящими в нем процессами; отражение в данных антропонимах приоритетов, ценностных установок, традиций, особенностей отношений между людьми, тенденций в современной коммуникации делают исследование данной группы антропонимов актуальным.

Материалом нашего исследования послужили 122 прозвища, собранные методом анкетирования респондентов разного возраста и социального статуса, проживающих и рожденных на территории Беларуси. Зафиксированные ИС вербализуют три основных тематических мотива именования человека и с учетом этого распадаются на следующие номинативные типы (внутри них выделяются номинативные подтипы (далее – НП): 1) «род занятий, увлечения, пристрастия»; 2) «внешние данные, внешний вид»; 3) «особенности характера, поведения». Последний номинативный тип и стал предметом нашего анализа.

Прозвища, объективирующие особенности характера и поведения человека (28 единиц), основываются на оценке личности именуемого, на его общественной валентности. Данные ИС относятся к так называемым **прозвищам-характеристикам** и репрезентируют 12 номинативных подтипов (далее – НП):

1. НП **«доброта, обаятельность»** (6 ед., 21,43 %): *Бусинка* (прозвище обладает положительной коннотацией за счет и уменьшительно-ласкательного суффикса, и мотивации словами *бусина* ‘что-то маленькое, красивое, приятное, милое’ и *буся* ‘поцелуй’; в анкете отмечается, что ИС выражает нежность и любовь к другим). Добрые люди нередко воспринимаются как милые, и вполне закономерно сравнение реального человека с положительным анимационным героем: *Дашка-чебурашка* (ср. со ставшим прецедентным именем *Чебурашка* персонажа книг Э. Успенского, мультипликационного и художественного фильмов; данный пример также демонстрирует рифмовку личного имени и прозвища), *Даша-путешественница* (отсылка к героине одноименного популярного американского обучающего мультсериала). Также добрыми признаются люди солнечные, которые всегда находятся в хорошем настроении, улыбаются (*Лучик*), и заботливые (символом благожелательного, делающего добро человека для многих является *мама – Мамаша*, *Мамушка*).

2. НП **«ответственность, настойчивость»** (4 ед., 14,29 %): *Босс*, *Мама* (по словам обладателей прозвищ, они самые надежные в компании, решают разные проблемы), *Пчелка* (*пчела* олицетворяет прилежание, трудолюбие, порядок; возможно, на появление ИС повлиял и любимый многими мультперсонаж – *Пчелка* Майя, добрая, веселая, справедливая, всегда готовая всем помочь), *Няня* (владельцу прозвища, как комментирует он сам, доверяли присмотр за детьми), *Царапаха* (у ИС два мотивирующих слова; по мнению анкетируемого, его сравнили с *черепахой*, у которой *твердый* панцирь (это неторопливое животное ассоциируется не только с медлительностью, но и с постепенным продвижением вперед, с выносливостью, постоянством); также прозвище подчеркивает, что ответственность, упертость не всегда легко воспринимаются окружающими, что эти черты характера могут и *царапать*).

3. НП **«непослушание, несерьезность»** (4 ед., 14,29 %): *Рульда-бульдинья* (внутренняя форма ИС непрозрачна, но звучит оно явно неодобрительно; как отмечает респондент, прозвище он получил в шутку после ситуации, когда ослушался, сделал что-то неправильно); *Ветровей* (именуемый отличается легкомысленностью, *ветреностью*); *Валацуга* (от белорусского апеллятива *валацуга* ‘прост., бран. Бродяга; повеса’, который в качестве прозвища приобретает ироническую окраску; по признанию участника анкетирования, он любит *гулять*, *бездельничать*); *Фиолетовый* (в ИС ощущается осуждение говорящими человека за несерьезное по отношению к тому, что происходит с ним самим, с его окружением; ИС семантически коррелирует с предикативным наречием *фиолетово* ‘перен. абсолютно *безразлично*, неинтересно, все равно’).

4. НП **«избранность, отборность»** (3 ед., 10,71 %): *Клеопатра* (биография последней египетской царицы до сих пор вызывает интерес, а ее имя стало прецедентным; к владелице прозвища в семье особое отношение, ее «возвели на престол»); *Цацулечка* (от *цаца* пренебр. ‘о том, кто важничает, требует к себе слишком большого внимания, кто доставляет много хлопот и забот’; интересно, что это семейное прозвище (девушка росла в семье одна, и ей ни в чем не отказывали) обладает позитивной оценкой (ср. с мотивирующим апеллятивом), которую поддерживают суффиксальные морфемы с ласкательным значением). Людей, которые считают себя особенными и отличаются высокомерием, могут сравнивать с представителями животного мира: *Павлинка* (прецедентное для белорусской лингвокультуры имя (так звали героиню одноименной пьесы Я. Купалы), приобретает в качестве прозвища иную коннотацию, соотносится со словом *павлин* в его переносном значении ‘разг. о человеке, уделяющем повышенное внимание своей внешности, одежде, держащемся *высокомерно,* заносчиво’; по признанию анкетируемого, его сравнили с *павлином,* который ходит с высокоподнятой головой).

5. НП **«быстрота, энергичность»** (3 ед., 10,71 %): *Вертолетик, Дизель* (метафорическое ИС восходит к названию двигателя внутреннего сгорания, а также транспортного средства с таким двигателем; человек с данным прозвищем ведет активный образ жизни); *Энерджайзер* (обладатель ИС любит *много* и *активно* танцевать; к слову, антропоним перекликается с запомнившейся многим рекламой литиевых батареек *«Energizer»*).

6. НП **«вспыльчивость»** (2 ед., 7,14 %): *Дракоша* (ИС образовано суффиксальным способом от существительного *дракон* и, невзирая на ассоциации с добрым героем мультфильма *Дракоша* Тоша, метафорически акцентирует такую черту человека, как вспыльчивость: чуть что – сразу «распылять огонь»), *Перчик* (существительным *перец* переносно называют быстро и остро реагирующего, язвительного, насмешливого человека, нередко *горячего, вспыльчивого* темперамента; а уменьшительно-ласкательный суффикс несколько смягчает остроту такой характеристики).

7. НП **«бесстрашие»** (2 ед., 7,14 %): *Ася* (владелица ИС отметила (но, к сожалению, не пояснила), что в ней увидели сходство с главной героиней повести *«Ася»*; И. Тургенев описывает характер героини так: «Быстро и остро реагирующий, язвительный, насмешливый человек, нередко горячего, вспыльчивого темперамента» [4, с. 4]); *Бабай* (прозвище отсылает к вымышленному персонажу, которого боятся все дети; а сам Бабай, предполагается, никого и ничего не боится, он *смелый*).

8. НП **«хитрость»** (2 ед., 7,14 %): *Хитрый, Кротик* (человек, как поясняется в анкете, часто воровал, обманывал; в прозвище ощущается связь с переносными значениями существительного *крот* ‘жарг. человек, занима

ющийся чем-либо секретным, тайным, преследующий интересы, чуждые той или иной среде, выведывающий, “вынюхивающий” информацию, тот, кому нельзя верить’ и актуализируется сема ‘*тайно, с хитростью*’).

9–12. Единичным примером (что составляет по 7,15 %) представлен каждый из следующих НП: **«громкость»**: *Горлопанка* (мотивирующее существительное отрицательно маркировано и означает ‘та, которая выражает свое недовольство, несогласие криком, говорит много, громко и попусту, не слушая собеседника’; при онимизации происходит сужение объема понятия и прозвище подчеркивает лишь то, что его владелица *громко* разговаривает); **«экономность»**: *Копейкина* (ИС напоминает о русском фразеологизме *Копейка рубль бережет*; однако респондент, объясняя происхождение своего прозвища, иначе расставляет акценты и отмечает, что имеет привычку складывать *копейки* в карманы, причем монеты оттуда постоянно выпадают); **«спокойствие, неконфликтность»**: *Зайчик* (прозвище дано человеку ласковому, без бурных проявлений); **«веселость, легкость, радостность»**: *Альбуся* (ИС можно рассматривать как содержащее либо компонент *буся* (что вполне может быть отсылкой в существительному со значением ‘поцелуй’), либо суффикс с ласкательным значением *-ус-*, продуктивный при деривации от личных имен; в окружении своих знакомых девушка *Алина* получила данное прозвище из-за *веселого*, простого характера). Таким образом, прозвища-характеристики вербализуют те или иные черты характера, манеру общения, особенности поведения, которые отметили другие люди и которые запоминаются, индивидуализируют, дифференцируют именуемого человека. Неофициальные дополнительные ИС выражают разное отношение к их обладателям – нейтральное (*Дизель*, *Ася* и др.), маркированное положительно (*Бусинка*, *Мама*, *Вертолетик* и др.) либо отрицательно (*Кротик* и др.), даже синкретично, объединяя разные оценки (*Клеопатра*, *Царапаха* и др.). В целом прозвища служат инструментом познания и оценки личности, помогают лучше понять другого человека, более эффективно строить с ним коммуникацию.

Список использованных источников

1. Гузнова, А. В. Роль прозвищ в жизни общества (на материале арзамасских говоров) / А. В. Гузнова // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2018. – № 1-1 (79). – С. 89–93.

2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической теоминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 198 с.

3. Суперанская, А. В. Современный словарь личных имен. Сравнение. Происхождение. Написание / А. В. Суперанская. – М. : Айрис-пресс, 2005. – 384 с.

4. Тургенев, И. С. Ася [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека Алексея Комарова. – Режим доступа: https://ilibrary.ru/text/1097/p.1/index.html. – Дата доступа: 30.06.2024.

К содержанию

Н. В. БОДРЕВСКАЯ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. Б. Переход, канд. филол. наук, доцент

СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ ВОСТОЧНОГО МИРА В ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА

Цикл стихотворений Сергея Есенина «Персидские мотивы» заметно отличается от предыдущих не только своей тематикой, но и тем, что поэт ни разу не посетил страны Востока, описанные в данном цикле. «Персидские мотивы», созданные в период 1924–1925 гг. и включающие 15 стихотворений, поражают своей орнаментальностью и праздничностью. Стихи об экзотической Персии, написанные в Баку, изображают причудливый восточный мир в тех же цветах, в каких юный поэт видел Русь – в золотом и голубом: *голубую оставил Русь – голубая родина Фирдуси, голубая да веселая страна*; *звени, звени, златая Русь, золотою лягушкой луна – в лунном золоте целуйся и гуляй* [9, с. 346].

Анализ стихотворений сборника «Персидские мотивы» позволил выявить языковые средства объективации восточного национально-культурного компонента, в числе которых: 1) ономастические средства: имена собственные известных людей (14 %), женские имена (11 %), географические объекты (19 %); 2) символические образы (19 %); 3) личные номинации людей (13 %); 4) предметы быта и элементы одежды (13 %); 5) растения (5 %); 6) священные реалии (3 %); 7) деньги (3 %). Общее число наименований, формирующих представленные выше тематические группы, составило 37 единиц.

Обратимся к рассмотрению выделенных языковых средств.

Ономастическая лексика – наиболее представительная группа слов, Рисующая в сборнике образ Востока.

Демонстрация восточного мира через имена, увековеченные в истории, наблюдается в ряде стихотворений цикла. В стихотворении «Голубая родина Фирдуси…» упоминается Фирдоуси Хаким Абулькасим Фирдоуси Туси (ок. 940 – ок. 1020–1025 гг.), персидский поэт, автор эпической поэмы «Шах-наме» [11]. В стихотворении «Свет вечерний шафранного края…» речь идет о древнем персидском философе XI–XII вв. – Омаре Хаяме: *Спой мне песню, моя дорогая, / Ту, которую пел Хаям…* [2, с. 181] (здесь и далее цит. из стихотворений цикла по [2]). Поэт неоднократно обращается в имени прославленного персидского поэта Саади (настоящее имя Муслихаддин Абу Мухаммед Абдаллах ибн Мушрифаддин), «в лирике которого поднимались сложные философские, этические и религиозные вопросы …» [8]. В стихотворении «Воздух

прозрачный и синий…» поэт сравнивает желтый месяц с песней Саади: *Вмиг отразится во взгляде / Месяца желтая прелесть, / Нежность, как песни Саади…* [с. 182].

В этом же произведении происходит реноминация географического наименования Хорассан – исторического региона Восточного Ирана; упоминается город Шираз, расположенный на юге Ирана, – город поэтов, цветов и вина: *Лунным светом Шираз осиянен…* [с. 181]. Определение места событий происходит и в стихотворении «В Хорассане есть такие двери…» также через упоминание этой древней исторической области. А в стихотворении «Золото холодное луны…» рисуется образ Багдада, где жила и пела Шахразада: *Далеко-далече там Багдад…* [с. 183], город в Ираке, «голубой и ласковой» стране, ныне его столица. Поэт искусно описывает этот дивный город, подобный сказочному миру.

Посредством указания точек на географической карте – города, водные объекты – Есенин в своей лирике дает нам точное положение, реальное место для представления событий, разговоров и пейзажей. К примеру, уже в самом названии стихотворения «Никогда я не был на Босфоре…» упоминается знаменитый пролив Босфор, находящийся в самом сердце турецкого Стамбула и соединяющий Черное и Мраморное моря.

В стихотворении «Ты сказала, что Саади…» лирический герой находится в диалоге со своей любимой Шаганэ: *Ты пропела: «За Евфратом розы лучше смертных дев…»* [с. 179]. Стоит упомянуть, что Евфрат – это крупная река в Западной Азии, проходящая через Турцию, Сирию и Ирак.

Еще одним способом объективации восточного колорита являются женские имена. Имена, как и предметы быта, несут в себе особую, культурную составляющую языка.

В стихотворении «Я спросил сегодня у менялы…» лирический герой спрашивает у менялы, как сказать по-персидски любимой девушке, «прекрасной Лале», «люблю», «поцелуй», «моя». В арабской культуре имя Лала может иметь значение «цветок» или «красивая женщина» [3]. Оно используется как прозвище или ласкательное имя. Таким же образом Персию характеризует имя Гелия, прозвучавшие в стихотворении «Голубая да веселая страна…», и Шахразада, означающая «родившаяся в городе» [5], в стихотворении «Золото холодное луны…».

Особое место в цикле стихотворений занимает имя Шаганэ, упомянутое в знаменитом стихотворении С. Есенина «Шаганэ, ты моя Шаганэ!». Обладательницей этого имени является знакомая поэта – учительница из Батуми, с которой он встретился во время своего отпуска: «В Батуми – знакомство с местной учительницей, удивительное имя которой – Шаганэ – так понравилось Есенину, что он назвал им свою прекрасную персианку» [6, с.139]. Имя в переводе означает ‘цветок’, ‘цветущая’ [4].

Огромную роль в восточной культуре играют образы небесных тел – солнца, луны и звезд. Это связано с тем, что календарь сельскохозяйственных работ построен на солнечном и лунном циклах, а звезды являются верными ориентирами для странников с давних времен. «Небесные светила и явления наделены в иранской культуре возвышенными поэтическими чертами и эпитетами, вошли в традиционные формулы фольклора и классической литературы, став олицетворением красоты, изящества и счастливой судьбы» [1, с. 16].

С. Есенин использует образ луны как символ жизни, символ любви. В стихотворении «Золото холодное луны…» через образ луны, показан счастливейший час лирического героя, который желает дышать полной грудью и жить без оков: *В лунном золоте целуйся и гуляй…* [с. 183]. В стихотворении «Глупое сердце, не бейся!» небесное тело становится тихим свидетелем свидания есенинского лирического героя и Лалы: *Месяца желтые чары / Льют по каштанам в пролесь / Лале склонясь на шальвары, Я под чадрою укроюсь* [с. 189]. В произведении «Никогда я не был на Босфоре…» лирический герой ведет диалог с возлюбленной персианкой о своей далекой Родине и упоминает о луне: *У меня в душе звенит тальянка, / При луне собачий слышу лай* [с. 180].

Однако показана в есенинском цикле и другая роль луны. В стихотворении «Отчего луна так светит тускло…» луна является предвестником расставания. Именно луна, а не кипарисы, цветы и розы сообщает поэту своим блеклым светом об измене любимой: *Оттого луна так тускло светит, / Оттого печально побледнела*.

Излюбленными символическими образами в восточной поэзии являются *соловей* и *роза*. Сергей Есенин обращается к этим образам в целом ряде стихотворений цикла. Привычные понятия *роза* и *соловей* в стихотворении «Голубая да веселая страна…» символизируют женщину и мужчину: *Но за Гелию в тенях ветвей / Обнимает розу соловей* [с. 190].

Восток неотделим от природы, поэтому данная группа лексических вербализаторов в цикле стихотворений особенно значима. Лексемы-флоризмы (*роза, кипарис, левкоя, олеандр, шафран, гвоздика, сад, синие цветы Тегерана* и др.) используются не только в изобразительной функции как яркое средство создания восточного колорита, но выполняют также характерологическую и эстетическую функции: *Так спросил я, дорогая Лала, / У молчащих ночью кипарисов, / Но их рать ни слова не сказала, / К небу гордо головы завысив* («Отчего луна так светит тускло…»).

Еще один способ описания восточного мира – это священные реалии. Понятие *Коран* использовал поэт в стихотворении «Быть поэтом – это

значит то же…». Коран – это священное писание ислама и первый письменный памятник арабской литературы. В стихотворении воссоздан образ Магомета, основоположника религии ислам: *Магомет перехитрил в Коране, / запрещая крепкие напитки*.

Маркерами восточного мира являются номинации предметов быта, элементов одежды – *шелк, хна, шальвары, шаль, ковер, чадра* и др. В стихотворении «Никогда я не был на Босфоре …» перечисляются явления, предметы одежды и быта, точно рисующие тематику Турции: *Не ходил в Багдад я с караваном, / Не возил я шелк туда и хну…* [с. 180]. В стихотворении «Улеглась моя былая рана…» упоминаются характерные для восточного мира предметы быта – *ковер* и *шаль*, которые лирический герой хочет преподнести русской девушке по приезде на родину: *Подарю я шаль из Хороссана / И ковер ширазский подарю* [с. 175].

В цикле «Персидские мотивы», описывая красоту Востока, Есенин подходит к одной из острых социальных тем Востока того времени – теме снятия чадры, темы освобождения женщины от обычаев, освященных религией [6, с. 140]: *Мне не нравится, что персияне / Держат женщин и дев под чадрой* («Свет вечерний шафранного края …»). В стихотворении «Улеглась моя былая рана…» лирический герой, разговаривая с чайханщиком, пока тот угощает его сладостями, ставит в сравнение русскую девушку и иранскую, восточные обряды выкупа невесты и русские, отмечая, что «поцелуям учимся без денег, без кинжальных хитростей и драк». И во время беседы с чайханщиком от героя стихотворения не ускользает факт разрешенного многоженства в этой богатой красками стране: «много роз в твоем саду», где роза – это символ девушки, который не один раз встречается в этом цикле. И если в России девушка предстает перед миром в своей естественной, неспрятанной красе, то в Иране женщина обязана с ранних лет держать открытыми лишь глаза, которыми она выражает свои настоящие чувства и переживания: *Незадаром мне мигнули очи, / Приоткинув черную чадру* [2, с. 175]. Такой элемент одежды бытовал в арабских странах в давние времена, но по-прежнему традиция его ношения сохраняется в Иране и Афганистане.

В стихотворении «Я спросил сегодня у менялы…» лирический герой ведет разговор с местным жителем, возможно, на базаре, с человеком, занимающимся разменом или обменом денег за определенные проценты: *Я спросил сегодня у менялы, / Что дает за полтумана по рублю…* [2, с. 177]. Менялы – профессия достаточно древняя. Она характеризуется обменом монет одного государства на монеты другого государства в Древнем мире и в Средние века [7]. В современном мире менялы приобрели другое «имя» – разменщик или банкир. А валюта, что продавал меняла – туман, или томан, – золотая монета Персии, чеканились с XVIII века [10].

Таким образом, воссоздавая картины Востока в цикле «Персидские мотивы», поэт использовал различную в тематическом плане лексику, благодаря которой восточный мир представлен орнаментальным, магическим, загадочным, прекрасным и светлым.

Список использованной литературы

1. Додыхудоева, Л. Р. Небесные светила и атмосферные явления в языковой картине мира иранских народов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/nebesnye-svetila-i-atmosfernye-yavleniya-v-yazykovoy-kartine-mira-iranskih-narodov-pamiro-gindukushskogo-regiona. – Дата доступа: 13.07.2024.
2. Есенин, С. Собрание сочинений : в 2 т. / С. Есенин ; сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Л. Прокушева. – Минск : Маст. літ., 1992. – Т. 1. – С. 175–202.
3. Имя Лала: версии о происхождении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://famiry.ru/database/names/lala. – Дата доступа: 13.07.2024.
4. Имя Шаганэ: версии о происхождении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://famiry.ru/database/names/shagane. – Дата доступа: 13.07.2024.
5. Имя Шахеризада [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/702058. – Дата доступа: 13.07.2024.
6. Кошечкин, С. П. Весенней гулкой ранью… Этюды-раздумья о Сергее Есенине / С. П. Кошечкин. – Минск : Юнацтва, 1989. – 239 с.
7. Меняла [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kartaslov.ru/значение-слова/меняла. – Дата доступа: 13.07.2024.
8. Саади [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/89790/Саади. – Дата доступа: 13.07.2024.
9. Сухих, И. Н. Русская литература для всех. Классное чтение! (От Блока до Бродского) / И. Н. Сухих. – СПб. : Лениздат, 2013. – 736 с.
10. Туман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://illustrated_dictionary.academic.ru/12015/Туман_%28монета%29. – Дата доступа: 13.07.2024.
11. Фирдоуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bigenc.ru/c/firdousi-314af8. – Дата доступа: 13.07.2024.

К содержанию

Д. В. БРИТАНОВ
Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Е. Никитина, канд. филол. наук, доцент

ДИДАКТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КОМПЬЮТЕРНОЙ ПОДДЕРЖКИ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ «ГЛАГОЛ»

В XXI в. происходит все более глубокое внедрение компьютерных (информационных) технологий в различные области человеческой деятельности. Это явление охватывает не только сферу производства и бизнеса, но и образование, культуру, медицину, науку и т. д. В результате

информатизации происходит трансформация привычных способов работы и взаимодействия людей, и компьютерные технологии становятся неотъемлемой частью нашей повседневной жизни.

Процесс интеграции средств компьютерной дидактики предполагает организацию обучения иноязычной коммуникации на основе систематического использования мультимедийных и других цифровых образовательных ресурсов. Для эффективной организации процесса обучения Ф. Хаббард выделяет несколько форм, которые можно использовать:

1) индивидуальная работа с использованием интерактивных программных продуктов; это может быть использование специальных приложений или программ для изучения иностранных языков, которые предлагают интерактивные упражнения и задания для развития навыков коммуникации;

2) работа в малых группах с использованием интерактивных программных продуктов: обучающиеся могут работать вместе, используя компьютерные программы, которые позволяют им совместно решать задачи, общаться и обмениваться информацией на иностранном языке;

3) индивидуальная работа с организацией сетевого взаимодействия внутри группы (компьютерно-медийное общение): обучающиеся могут использовать Интернет и специальные платформы для общения друг с другом на иностранном языке, обмениваться сообщениями, участвовать в дискуссиях и т. д.;

4) индивидуальная работа с использованием языковых интернет-ресурсов. Существует множество онлайн-ресурсов, которые предлагают материалы для изучения иностранных языков (учебники, статьи, аудиозаписи и видеоуроки). Обучающиеся могут использовать эти ресурсы для самостоятельного изучения иностранного языка.

5) взаимодействие в системе «учащийся–преподаватель» в режиме онлайн (онлайн-класс): учащиеся и преподаватель могут взаимодействовать друг с другом через Интернет, используя специальные платформы для проведения уроков и обсуждения учебных вопросов;

6) использование преподавателем компьютера, мультимедийного проектора, интерактивной доски и других технических средств для работы с целой группой, чтобы сделать уроки более интерактивными и увлекательными [1].

Уроки русского языка можно сделать значительно интереснее и содержательнее с помощью компьютерных средств. Современные технологии при изучении языка открывают перед учениками и учителями множество новых возможностей. Однако, несмотря на все преимущества, современные технологии пока не используются в обучении языку так широко, как могли бы. Это может быть связано с недостатком ресурсов,

недостаточной подготовкой преподавателей или страхом перед неизвестным.

Компьютерные средства могут быть интегрированы на различных этапах урока русского языка, что повысит вовлеченность учащихся к предмету. Они могут быть использованы для объяснения нового материала, для упражнений и практики, а также для проверки понимания и оценки. Использование компьютерных средств также может способствовать укреплению взаимоотношений между учениками и учителями, поскольку они вместе исследуют новые технологии и их применение в обучении.

Важно, что интеграция компьютерных средств в обучение должна быть аккуратной и продуманной. Цель – использовать технологию для повышения эффективности обучения и интереса к нему, а не просто ради технологии. В идеале компьютерные средства должны улучшать учебный процесс, а не отвлекать от него.

Одним из современных методов, который уже давно стал нормой, является использование презентаций для введения нового материала. Однако, несмотря на свою очевидную пользу, этот подход начинает терять свою актуальность и эффективность, потому что становится скучным для учащихся. Это происходит потому, что презентации часто создаются учителем на скорую руку, с минимальными визуальными средствами – простым однотонным фоном и большим количеством текста.

Поэтому для повышения эффективности преподавания и усвоения нового материала учащимися, рекомендуется использовать более современные и интересные методы подачи информации. Одним из таких методов может стать использование тематических мемов в презентациях.

Использование мемов в обучении – это не просто модный тренд, но и эффективный способ сделать уроки более яркими и интересными. Мемы могут внести немного юмора и легкости в учебный процесс, что поможет ученикам расслабиться и открыться для новой информации. Благодаря наглядности и хорошо подобранным картинкам, материал лучше будет усваиваться учащимися.

Мемы могут использоваться во всех темах изучения глагола, например, «Глагол как часть речи», «Спряжения глагола», «Форма глагола – причастие» и др., и преимущественно на этапах урока объяснения нового материала.

Еще одним важным этапом в процессе обучения, который можно существенно обогатить и сделать более привлекательным с использованием компьютерных технологий, является этап проверки домашнего задания или этап рефлексии. Эти этапы урока могут быть преобразованы в интерактивное занятие с использованием различных цифровых инструментов.

Одним из таких инструментов является веб-сайт random.org, который может генерировать случайные числа.

Данный подход можно использовать при проверке усвоения знаний учащимися, например вначале урока делая опрос таким способом при изучении темы «Глаголы совершенного и несовершенного вида». Выпавший на сайте номер будет определять по журналу, кто из учащихся будет отвечать на вопросы по пройденной теме. Это внесет в урок элемент неожиданности.

Применение современных технологий в обучении может внести значительный вклад в улучшение процесса актуализации и проверки знаний учащихся. Сегодня существует множество инструментов и приложений, которые помогают сделать этот процесс более интересным.

Одним из эффективных способов проверки знаний является использование приложения Quizlet. Оно предлагает организовать игру в командах, что позволяет не только проверить уровень знаний каждого участника, но и развить навык работы в команде. В рамках этой игры каждый игрок из команды должен ответить на поставленный вопрос. Если ответ неверный, то очки команды аннулируются, и участникам придется отвечать на вопросы по очереди с начала. Очевидно, что это создает дополнительное напряжение и стимулирует участников давать правильные ответы.

Эту игру можно использовать для проверки знаний учащихся после нескольких пройденных тем. Такой подход вносит в процесс обучения элемент соревнования, что способствует развитию группового взаимодействия и стимулирует учащихся к дальнейшему изучению материала.

Еще одним полезным сайтом для разнообразия в изучении темы «Глагол» может стать worldcloud. С помощью этого сайта можно делать картинки с большим количеством слов и различным оформлением. Worldcloud может помочь на этапе актуализации знаний, учитель может предложить картинку с большим количеством слов, из которых учащиеся должны выписать или найти те, которые подойдут под изучаемую тему.

В дополнение к стандартному образовательному процессу внедрение дополнительных методов обучения может оказать существенную помощь в усвоении материала учащимися. Одним из таких методов являются онлайн-консультации, или вебинары. Эти дополнительные занятия предназначены для учащихся, которые, возможно, не до конца поняли материал урока или желают углубить свои знания. Возможность еще раз повторить пройденное, задать вопросы и обсудить возникшие трудности с учителем или с другими учащимися может существенно упростить процесс обучения и повысить усвоения материала.

Учитель может проводить такие собрания в различных программах для общения и проведения онлайн-уроков: Discord, Zoom, Яндекс Телемост и др. Выбор программы зависит от ее функционала, удобства использования и предпочтений учащихся.

Внедрение дополнительных форм обучения способствует созданию более гибкой и адаптивной образовательной среды, которая может отвечать индивидуальным потребностям каждого ученика.

Таким образом, применение вышеперечисленных методов обучения имеет важное значение. Это не только способствует повышению интереса учащихся к изучаемому предмету, но и значительно повышает эффективность усвоения учебного материала, что в итоге приводит к общему повышению качества образования.

Список использованной литературы

1. Хаббард, Ф. CALL Mini-Course [Электронный ресурс] / Ф. Хаббард. – Режим доступа: http://www.stanford.edu/calss/linguist289. – Дата доступа: 03.05.2024.

К содержанию

М. В. БУГАЕВА
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Л. М. Садко, канд. филол. наук, доцент

МОТИВ ДОМА В СТИХОТВОРЕНИЯХ В. ПОЛИКАНИНОЙ, Т. КРАСНОВОЙ-ГУСАЧЕНКО, Л. КРАСЕВСКОЙ

Творчество В. Поликаниной (1958), Т. Красновой-Гусаченко (1948), Л. Красевской (1953) входит в золотой фонд женской русскоязычной поэзии Беларуси. Как указывают известные литературоведы В. Гниломедов и Н. Микулич, «современная русскоязычная поэзия Беларуси – уникальное явление на литературной карте Европы. Продуцируя на почве белорусских и русских духовно-социальных и литературно-художественных традиций и ценностей, развиваясь на острие интенсивного белорусско-русского общественно-культурного диалога и взаимодействия, она является частью одновременно белорусского и русского социокультурного пространства» [3, с. 59–60]. Философ и культуролог Г. Гачев обращает внимание, что «ценности, общие для всех народов (жизнь, свет, дом, семья, слово, Бог и т. п.), располагаются в разном соотношении» [2, с. 17].

Эстетические ориентации и ценностные константы выразительно проявляют себя в поэзии В. Поликаниной, Т. Красновой-Гусаченко, Л. Красевской в мотиве дома, который, вплетаясь в стихотворения авторов

бытовым и бытийственным контекстом, приобретает статус феномена – многоаспектного понятия.

Понимание мотива как дихотомического понятия, где сочетаются и обобщенные представления о действительности, и их воплощение в конкретных художественных средствах, опирается на доктрину академика А. Веселовского, который считает, что мотив соотносится с архетипом, что это «формула, образно отвечающая общественности на первых порах на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закрепляющая особенно яркие, казавшиеся важными или повторявшиеся впечатления действительности» [1, с. 500].

Авторы понимают Дом как бытийственное пространство, в котором зашифрованы важнейшие эмоционально-ценностные представления о пространстве и времени, способные защитить от испытаний окружающего мира и бездуховности современности. Следует отметить, что зачастую Дом в творчестве этих поэтов – это лишь рисунки памяти, воспоминания о детстве и юности, времени, когда еще были живы близкие и дорогие люди: родители, бабушки и дедушки. В связи с этим мотив дома реализует еще одно особое семантическое значение, восходящее к целому комплексу архетипических представлений. Так, Дом соотносится с образами утраченного рая, ценить который лирический герой начинает, лишь претерпев множество жизненных испытаний; с историями о духовных блужданиях, истинных и ложных возвращениях, образами, восходящими к истории о блудном сыне. Кроме того, согласуясь с традициями романтизма, Дом выступает также как «малое», «незначительное» место, которое молодой герой стремится покинуть, чтобы открыть для себя великое пространство Пути, возможности для реализации. Разрабатывая мотив дома, авторы вводят в художественный мир своих произведений и амбивалентный мотив бездомья, скитальчества, «блудного сына».

В стихотворении Т. Красновой-Гусаченко «Я поеду домой…» из сборника «Осень молодая» (2007) лексема «дом» появляется уже в заголовке стихотворения. Встреча с родным домом наполнена драматичными деталями: дом обветшал («печная труба – через крыши скелет» [5, с. 198]), а лирическая героиня всем сердцем стремится «в деревню, которой уж нет» [5, с. 198], хотя и остро чувствует себя «пропащим Герасимом» из тургеневской повести, на которого «хата все смотрит глазами щенка» [5, с. 198]. В тексте упоминаются характерные для литературной традиции дорожные жалобы, изображающие пронзительное чувство вины, растерянность героини, упоминающие, что «стежки засыпаны» [5, с. 198]. Дом здесь изображается как сила, противостоящая дорожным испытаниям: он помещен в идеальный ландшафт, наделяется

положительной семантикой приюта, нежности, терпеливости, тишины и уединения:

Вот и хата моя: никуда не пропала,
Под старой ракитою кротко стоит.
Это по миру я забрела, заплутала,
А хата моя в два окошка глядит [5, с. 198].

В стихотворении «Дом детства» В. Поликаниной из сборника «Под тихой звездой прощенья» (2012) лирическая героиня рассказывает о своей внутренней боли, о своем «снесенном доме» [6, с. 21]. Семантическое поле дома у этого автора включает в себя двор, скамейку, старые качели, радость семейных и дружеских отношений. Все это становится образом счастливого детства, которое возвращается только во сне. Автору удается создать идеальную картину полумифологического дома, наполненного светом и заботой, используя жанровые традиции идиллии. Художественный мир стихотворения построен на четкой поляризации добра и зла («горе, зло/ добро», «кроткий/задира» [6, с. 21]), дома и внешнего мира, наполненного суетой и тревогой. Дому отведена роль оплота и приюта, охранного места, где властвует Берегиня, хранительница и душа дома – мама:

Где мама мне печет оладьи,
Не празднословя о пустом,
В своем любимом желтом платье –
С надежной вышивкой крестом [6, с. 21].

Каждый предмет, звук, запах в доме имеет особое значение, вызывает эмоциональный отклик у героини: упоминание желтого цвета стен дома и желтого платья мамы – закрепленные в памяти картины солнечного света и тепла; окна и двери, что упоминаются в тексте, – надежные стражи, оберегающие домочадцев от испытаний внешнего мира; мамины оладьи – идиллическая еда, детское ощущение семьи и праздника.

Л. Красевская в стихотворении «Из воспоминаний детства» (сборник «Та самая сила», 2019) говорит о своем доме как о восхитительной стране детства в далекой таежной Тыве, у Красного Турана, «в глухом краю над Бирею-речушкой» [4, с. 139]. Уютно-потаенное пространство дома героини Л. Красевской репрезентировано образом жаркой печки, согревающей семью долгими зимними ночами, светом керосинки и огнем лучины, при которых дети так много читали и слушали рассказы мамы, подарками отца, что он приносил, возвращаясь с работы. В стихотворении Л. Красевской образ дома гармонично вписан в модель конечного/бесконечного,

временного/вечного. Лирическая героиня оптимистично признается, что ей «повезло счастливою родиться»:

Сакральных мест таинственная сила
Истоками любви земной питала…
Все сбудется, о чем и не просила,
Все, что сама судьба предначертала… [4, с. 139].

Такой светлый заряд жизнелюбия подарил лирической героине родной дом – счастливая избушка посреди бескрайней тайги, величественных гор и рек. Образ дома в стихах поэтессы расширен также за счет включения великолепия природы, огромных пространств Севера, где лирическая героиня с раннего возраста могла открывать для себя мир в его гармонической целостности. Героиня Л. Красевской легко покидает границы дома и, открывая бесконечность и многообразие действительности, отмечает про себя:

Мне было все равно где юг, где север,
Сверкая белобрысою макушкой
Рвала в букетик васильки да клевер [4, с. 139].

В стихотворении Л. Красевской обращает на себя внимание также особый мир сказочности, волшебства, фантазии, что нарисован в рассказах мамы «о странных происшествиях в деревне, о страшном привидении-мужчине» [4, с. 138]. Упоминает лирическая героиня и любимую книгу своего детства – «преданья о Солохе», гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки». Все это – особая атмосфера дома, первые шаги в формировании воображения и особого магически-поэтического взгляда на действительность.

В стихотворениях В. Поликаниной, Т. Красновой-Гусаченко, Л. Красевской мотив дома получает одно из доминирующих значений, выражает важнейшие мировоззренческие и национально-культурные особенности. Дом – это объект пристального авторского внимания, соединение родовых традиций, национальной истории, символ преемственности поколений, духовных связей с верой предков, а также дорогие сердцу воспоминания о доме бабушки и дедушки, о родительском гнезде. Авторы избегают изображения дома как антидома: кризис мира и распад гармонии относятся к пространству сегодняшнего дня, дом же в свою очередь, огражден памятью от событий современности, остается оплотом надежности.

Так, в стихотворении Т. Красновой-Гусаченко драматическое взаимодействие противоположных мотивов дома и пути является свидетельством движения времени, утекающей жизни, сожаления о прошлом. Мотив

вечного возвращения к дому, реализованный в стихотворении В. Поликаниной, также наполнен трагической модальностью, поскольку дом утрачивает свою важную составляющую – неизменность и константность, а родной очаг поглощен временем, разрушен, снесен с лица земли. В связи с этим выделяется оптимизм звучания стихотворения Л. Красевской, незамкнутость, открытость внешних границ Дома в этом произведении. Он здесь метафорически включает в себя пространство сакральных мест далекого Севера, становится символом единения человека и мира, Дома и мира, знаком их гармонической целостности.

Список использованной литературы

1. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Л. : Худож. лит., 1940. – 596 с.

2. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира : курс лекций / Г. Д. Гачев. – М : Академия, 1998. – 432 с.

3. Гниломедов, В. В. Современная русскоязычная поэзия Беларуси: творческая индивидуальность и литературный процесс / В. В. Гниломедов, Н. В. Микулич // Аксиологический диапазон художественной литературы : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2020. – С. 59–65.

4. Красевская, Л. И. Та самая сила : кн. поэзии / Л. И. Красевская. – Рязань : Рязань: Рязан. обл. типография, 2019 – 167 с.

5. Краснова-Гусаченко, Т. И. Будем жить… : избранное / Т. И. Краснова-Гусаченко. – Минск : Белорус. энцикл. им. П. Бровки, 2019. – 336 с.

6. Поликанина, В. П. Под тихой звездою прощенья… : кн. поэзии / В. П. Поликанина. – Минск : Літ. і маст., 2012. – 128 с.

К содержанию

В. П. ВАНДИЧ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЭКСПРЕССИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СЕТЕВОЙ ПОЭЗИИ

Современная литература в эпоху цифровых технологий претерпевает заметные изменения, оказываясь в значительной степени зависимой от интернет-среды. В связи с этим одной из важнейших задач становится исследование языковых особенностей нового культурного явления – сетевой поэзии, что и определяет актуальность нашего исследования. Фонетика и графика обыгрывают как письменную форму слова, так и его звуковую оболочку, давая авторам широкий простор для творчества.

Современная сетевая литература с каждым годом становится все ближе к повседневной жизни, в язык сетературы давно проникли и прочно

закрепились просторечия, имитация просторечного произношения является особенностью большинства стишков-пирожков, ведь такие произведения нарочно пишутся в полуразговорном стиле. Если в более ранний период развития русской литературы просторечная лексика выполняла функцию характеристики персонажа, давала речевую характеристику героя, то сейчас эта функция отошла на второй план, а основной функцией стала реализация языковой игры.

Трудность произнесения некоторых сочетаний согласных приводит к искажениям в произношении, которые в письменных текстах сетературы отражаются следующими способами:

а) появляются вставные гласные в конечных сочетаниях согласных, завершающихся сонорным звуком: *крем**ы**ль, жиз**ы**нь, александ**ы**р* и т. п. Такие сочетания нарушают принцип построения слога как волны сонорности, сонорный согласный после другого согласного создает дополнительный «всплеск» звучности, как бы лишний неполноценный слог. В просторечии такие слова обычно и произносятся с дополнительным вставным гласным типа [ъ]. Например, «*уходя, декаб**ы**рь / старый год увёл / вслед им стол ломицца / и сверкает ёл*» (ИН).

б) упрощаются группы согласных, особенно на конце слова: «*от салатов этих / лучше воздержись / в оливье по ходу / зародилась жи**сь**»* (Светка). Это происходит из-за частого употребления слова и «неудобства» его произношения с точки зрения слоговости (см. предыдущий пункт). Сочетания сонорных согласных упрощаются гораздо реже, но такие примеры тоже есть: *«на курсах фотоподготовки / поймать кавайную **свиню** / снимать её анфас и в профиль / и ню»* (Ветер). Выпадение «йота» позволило автору срифмовать слово *свинью* с *ню*, а сближение этих слов как раз и создает комический эффект: если люди обычно одеты, то животные не носят одежды, поэтому к ним неприменимо понятие *ню*.

в) происходит ненормативная ассимиляция: *«убить филолога так просто / к нему с утра стучи**сс**я в дом / и прямо в дверях убиваешь / пальтом»* (zhigaltcev). Сочетание [шс’] в русском литературном языке не ассимилируется, в отличие от белорусского и, конечно, русских диалектов.

Закон экономии речевых усилий, который наиболее активно действует в просторечии, проявляется в следующих случаях языковой игры:

а) выпадение гласного звука. В стихотворении «*прочтя в меню **сацви** по **грзински** / мы ржали а официант / за это нам в **сацви** подсыпал / **цианд**»* (Нестер Пим) автор использует опечатку в названии блюда в меню, где правильным вариантом было бы «сациви по-грузински», как образец для нового слова с похожей фонетической ошибкой – *цианд* вместо *цианид*. За счет неправильности и создается комический эффект.

Следующий пример связан с неправильно образованной формой фамилии известного художника. Используя неправильную форму слова, автор делает ее созвучной со сниженным и грубым словом, что в свою

очередь показывает отношение лирического героя стишка к искусству: «*как вам Гоген? – спросила Зоя* / *и сразу щёки как в огне* / *ведь я совсем не разбираюсь* / *в* ***гогне****»* (H_N).

б) выпадение целого слога. В следующем примере мы наблюдаем сокращение глагольной формы 2-го лица единственного числа *гуляешь* в слово *гуляш*, омонимичное с названием блюда, из-за чего автор получает возможность рифмовать эти слова: «*степенна жизнь пенсионера / попил кисель поел* ***гуляш*** */ и ходишь с тузиком по парку /* ***гуляш****»* (bespamiatnyh). Есть и случаи отпадения конечного слога: *«сказал двортерьер на свиданьи ночном / домашней ухоженной таксе / конечно вы с паспортом но в остальном /* ***так се****»* (Natalie). Оксана

в) выпадение гласного и согласного из разных слогов: *«я не сержус на вас, Оксана / на Ольгу тоже не сержус. / Меня* ***ваще*** *тут нет, я только кажус»* (Максим Козырь). В слове *вообще* выпадает один из гласных и следующий согласный. Твердые согласные в глагольных постфиксах имитируют старомосковское произношение (устаревшее, считающееся «интеллигентским»), что резко контрастирует с просторечным *ваще*. А в следующем примере выпадают дистантно расположенные звуки: *«заглянешь поутру в зачотку / а там уже стоит зачот / за чо не помнишь но наверно / за* ***чот»*** (колик). В местоимении *что-то* опущен второй согласный и последний гласный звук.

г) усечение нескольких слогов: *«нам президент сказал не надо / не надо из бюджета красть / а мы ему такие хором: / “ну* ***здрасть****”»* (Олег Олег). Из трех слогов слова здравствуйте в порошке остался только один.

Следующий прием – имитация «неполноценной» речи. К «неполноценной» речи мы отнесли речь инофонов, плохо владеющих русским языком, диалектную речь и речь людей с дефектами дикции.

Так, особенности чужой речи нередко становятся ключевым элементом языковой игры в малых формах сетевой поэзии. Один из показательных стишков представляет собой двустишие, в котором изображается китайский акцент: *«В Китае сбит корабыль НАСА* / ***сто*** *было* ***васа*** *стало* ***наса****»* (XElen). Из-за шутливой переделки слова *наше* в *наса* происходит фонетическое сближение с названием управления по исследованию космоса, из-за чего и создается комизм в данном стихотворении. В депрессяшке «*рэп читать бурятский / чувствую моё / ёхтор шлындыр мындыр / ёхар ши а ё»* (Миша Лапин) набором определенных звуков, сложенных в вымышленные лексемы, пародируется бурятский язык – язык агглютинативного типа с большим количеством согласных звуков типа [б], [х], [т] и др.

Неожиданным приемом для создания языковой игры является имитация речи человека с речевыми дефектами (картавость, шепелявость). В примере *«мой дядя самых честных плавил / все потому что он кал**т**авил»* (борго) эффект языковой игры достигается посредством воспроизведения на письме речи картавого человека. Так, словоформу *плавил* можно воспринимать как искаженное существительное *правил* или как форму глагола *плавил*. Из-за этого создается омонимичная пара, порождающая двойные смыслы в произведении. Любимый прием сетевых поэтов – отсылка к прецедентному тексту – также присутствует в этом двустишии. Пользователь, являющийся автором стишка, использует в качестве первой строки своего произведения цитату из первой главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. Еще один пример, заслуживающий внимания: *«поудаляют в**щ**ё на **ш**вете / **ж**убные якобы в**л**ачи / а ты потом **ш**уществованье / влачи»* (stakhanoff). Здесь автор строит языковую игру на том, что воспроизводит речь человека, посетившего кабинет стоматолога, где его лишили зубов, соответственно, нормальная артикуляция зубных звуков стала невозможной. Несоответствие произносительным нормам становится основой комического, а двойной, «игровой» смысл закладывается через пару «вынужденных» омонимов *влачи* (врачи) – *влачи* (глагол *влачить*). Правда, автор допустил две ошибки: оставил один [с] в слове *шуще**ст**вованье* и не учел, что [р] является не зубным, а альвеолярным звуком. Может имитироваться и детская речь или особенности речи взрослых, разговаривающих с маленькими детьми: *«я в ладошках муху / отогрел зимой / ты кусочек лета / **ути бозе** мой»* (Bartos). Возглас, выражающий умиление, звучит неожиданно по отношению к мухе, которая обычно вызывает у людей раздражение или отвращение. С другой стороны, это маленькое существо, действительно, тесно связано с летом.

Для создания эффекта языковой игры авторы прибегают к замене отдельных звуков, из-за чего в произведении появится пара квазиомонимов. В частности, может происходить замена в паре глухой/звонкий: *«если ты не знаешь, / что такое боль, / заведи будильник / ровно в **жесть** ноль ноль»* (hopper dozator). Весь контекст (*заведи будильник ровно… ноль ноль*) указывает на числительное, но глухой [ш] в слове *шесть* заменяется на [ж], в итоге получается слово *жесть*, выражающее резко отрицательную оценочную эмоцию. Замена в паре мягкий-твердый происходит в следующем примере: *«пожелал прохожий / предобрейших утр. / Чем-то поэтичным / он залит **вовнутр**»* (Шизга). Конечно, первая причина такого авторского хода – создание рифмы, но можно предположить, что автор пытается изобразить здесь речь пьяного человека, не до конца владеющего своим речевым аппаратом. Сетевые поэты могут прибегать к замене и непарным согласным: *«жы шы, – сказала Мариванна, / смотря в*

*тетрадку малыша. / И тот послушно неумело / **жышал**»* (МагАлИф). Здесь автор создает языковую игру на основе известного орфографического правила русского языка, в упрощенном варианте звучащего как «жи/ши пиши с буквой *И*». Отделяя часть звукосочетания «жи-ши», автор создает новый глагол, изменяющийся по аналогии с глаголом *дышать*. Еще один пример замены согласного с появлением окказионализма обнаружен в следующей депрессяшке: *«ездил с рукосуйством / через реки грек / не осталось больше / **безгрековных** рек»* (ТА). Автор создает комичные окказионализмы *рукосуйство*, *безгрековный* на основании созвучия со словами *рукоблудство* и *безгреховный*, что добавляет произведению двойной смысл и новую читательскую трактовку. Замена [х] на [к] позволила автору отождествить корень прилагательного с существительным *грек*.

С развитием Интернета, социальных сетей и мессенджеров происходит эволюция классического стихосложения в игровую форму через появление сетевой литературы, произведения которой размещаются в компьютерной сети и могут неоднократно редактироваться, в том числе читателями. Сетевая поэзия сочетает в себе элементы традиционной поэзии (стихотворный размер, ритм, рифма; аллюзии на известные литературные произведения) и новаторские элементы, привносимые главным образом засчет языковой игры. Несмотря на запреты, которые выдвигает языковая система, человек продолжает экспериментировать с языком дальше.

К содержанию

Д. Н. ВЕРЕНИЧ
Минск, БГУ
Научный руководитель – Е. И. Абрамова, канд. филол. наук, доцент

БЕЛОРУССКАЯ АРТ-ЖУРНАЛИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Понятие арт-журналистики, появившееся в конце XX – начале XXI века под влиянием культуры потребления, до сих пор не имеет точного научного определения. Арт-журналистика, представляющая собой особый сегмент журналистики, является относительно молодым понятием, что подразумевает его неоднозначность и неопределенность как для широких масс, так и для узких специалистов. Несмотря на то, что область интересов данного направления журналистики интуитивно понятна, ее объект, задачи и функции остаются терминологически размытыми.

Под арт-журналистикой обычно понимают материалы СМИ о художественном творчестве, но в таком случае остается открытым следующий вопрос: чем отличается арт-журналистика от литературно-художественной критики?

Арт-журналистику и литературно-художественную критику противопоставляют друг другу многие ученые, критики, философы. Основополагающим отличием выступает то, что основной функцией современной журналистики является сенсационность, что арт-журналистика рассчитана на массового читателя, стилистика ее доступна всем.

Основной задачей литературно-художественной критики является теоретико-эстетический анализ разных видов искусства, художественных произведений, авторских теорий, концепций, текстов, оценка их художественных достоинств, выявление недостатков, определение ведущих тенденций и т. д.

Арт-журналистика включает в себя не столько аналитику, сколько информационные, рекламные, популярно-просветительские, развлекательные материалы. Она обращена, в отличие от художественной критики, к массовой аудитории. В то же время арт-журналистика – это не только освещение вопросов искусства, но и возможность формировать художественные вкусы общества, утверждать культурные ценности. Арт-журналистика не формирует саму культуру, как литературно-художественная критика, но напрямую влияет на восприятие различных процессов, отражает состояние общественного сознания и ценностные предпочтения социума.

Направление требует тщательного изучения, в том числе в ракурсе национальной специфики функционирования арт-журналистики и литературно-художественной критики (и в целом культурной журналистики) в медиапространстве Республики Беларусь. Для этого мы постарались проанализировать несколько печатных изданий – газеты «Культура», ««Літаратура і мастацтва» и журнал «На экранах» за первый квартал 2024 г.

«Культура» – это еженедельное общественно-просветительское издание, основными задачами которого, как отмечается на сайте газеты, является освещение культурной жизни Беларуси, актуальных проблем и зарубежного опыта. Это основная газета Республики Беларусь общекультурного направления.

«Літаратура і мастацтва» – издание специализированное: это еженедельная литературная газета, учредителями которой в настоящее время являются Министерство информации Республики Беларусь, ОО «Союз писателей Беларуси» и РИУ «Издательский дом “Звязда”».

Журнал «На экранах» – единственный в Беларуси ежемесячный специализированный журнал, одной из главных задач которого является представление национального киноискусства. Учредителем журнала

является Республиканское унитарное предприятие «Издательство “Белорусский Дом печати”».

Если опираться на определение арт-журналистики как регулярной и систематической информационно-аналитической деятельности по освещению в СМИ событий и явлений искусства и художественной жизни (в том числе театральной, литературной, музыкальной, кинематографической и т. д.) с использованием всех жанров и форм подачи материала, при наличии оценочности и компетентного критического суждения, то газета «Культура», на наш взгляд, достойно представляет отечественные арт-СМИ. Издание, кроме культурно-просветительской функции, выполняет и ряд других: воспитательную, эстетическую, развлекательную, рекламную, информационно-справочную и др. В издании в основном наблюдается равноправное соотношение информационных ианалитических жанров (во многом за счет жанров рецензии и обозрения), есть и художественно-публицистические жанры, в подавляющем большинстве представленные очерком. Поскольку в настоящее время арт-журналистика интегрирована в поле производства и потребления культурных ценностей, то на страницах газеты присутствуют и PR-тексты.

Специализированный журнал «На экранах» в целом ориентирован на массовую аудиторию, но при этом все же старается сохранить баланс между контентом, предназначенным для широкого круга любителей кино, и тем содержанием, которое адресуется профессиональной части читательской аудитории. Жанровый диапазон журнала представлен анонсами, аннотациями, обозрениями, интервью, рецензиями, авторскими отзывами, статьями и корреспонденциями. Поскольку журнал нацелен на массовую аудиторию, то серьезной критики на страницах журнала за рассмотренный период мы не нашли. Рецензии и отзывы на фильмы, ролики, мультфильмы субъективно-оценочны, иногда написаны в грубоватой манере. Экспертных рецензий, написанных профессиональными кинокритиками, в которых высвечивались бы позитивные и негативные стороны фильма, иными словами, арт-критики, журналу недостает.

Еженедельная газета «Літаратура і мастацтва» – это литературная газета, газета творческой интеллигенции. Штат редакции состоит из отделов информации, публицистики, критики, прозы и поэзии, музыки. Редакция стремится удерживать баланс между собственно литературной частью и отражением других видов искусства, хотя приоритетной задачей издания является отражение тех явлений, которые происходят в современном литературном процессе Беларуси. Отличительной чертой издания является литературная публицистика, приближающаяся к критике. Собственно литературная критика почти не представлена на страницах газеты, зато публикуется много рецензий исключительно комплиментарного характера.

Результат такого положения дел – отсутствие возможности для ведения дискуссий, недостаточность обратной связи с читателем, коммуникации с ним.

Литературно-художественная критика, как показывает наш анализ, уходит со страниц периодических изданий. Собственно литературно-художественная критика уходит в Интернет.

Литературно-художественная критика как способ истолкования и оценки художественных произведений с акцентуацией таких особенностей, как интерпретация, оценка произведения искусства все чаще заменяется субъективным мнением, а литературно-критическая статья – рецензией.

Общей проблемой проанализированных изданий и в целом арт-журналистики в Беларуси является постепенная утрата механизма воздействия критики на формирование вкуса адресата, реакция которого на художественное произведение или событие в сфере культуры становится все менее предсказуемой. Теперь журналист должен предложить своей аудитории новость, раскрыть информационный повод, создать информационное поле, осветив выставки, проекты, спектакли, фестивали, осуществляя в итоге функцию PR-продвижения продукта.

При этом современная белорусская арт-журналистика – востребованная социумом сфера коммуникации, задача которой состоит в повышении уровня художественного образования и общей культуры граждан. Однако такая задача в настоящее время может быть успешно реализована, как нам кажется, только при активном включении в информационное поле сети Интернет. Как показывает анализ, среди представленных выше изданий полноценно ведет социальные сети лишь газета «Культура». При этом в ее telegram-канале 759 подписчиков, просмотров на записях около тысячи, но реакций всего 7 на пост; в Instagram более 1 000 подписчиков и в среднем около 10 лайков на пост.

В связи с этим особую актуальность приобретает также учет интересов целевой и массовой аудиторий при восприятии текстов, созданных в координатах арт-журналистики, а также создание новых медиа-платформ для ее динамичного и плодотворного развития.

Кроме того, белорусской арт-журналистике нужны молодые кадры, имеющие глубокие познания в искусстве, понимающие эту многогранную область и умеющие реагировать на запросы широкой аудитории.

К содержанию

П. О. ГОРЩАРИК
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Л. В. Скибицкая, канд. филол. наук, доцент

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕРБАЛЬНОГО И ВИЗУАЛЬНОГО КОДОВ КАК ТЕХНОЛОГИЯ INSTAGRAM

В современном мире социальные сети трансформировались из базовой функции коммуникационного канала в комплексную платформу для ведения бизнеса. Они представляют собой многофункциональный инструментарий, позволяющий выполнить широкий спектр задач маркетинга, охватывающих продажи, брендинг и дальнейшее продвижение.

Так, Instagram идентифицируется как доминирующая социальная сеть среди маркетологов, включая как зарубежных, так и белорусских пользователей. Данный формат социальной сети акцентирует внимание на визуальной презентации товара, что является важным для продвижения бренда в социальных сетях.

Instagram, согласно концепции его разработчиков, предназначен преимущественно для размещения визуального контента, в основном фотографий, при этом текстовое содержание играет второстепенную или даже опциональную роль. Эта особенность находит свое отражение в пространственном дизайне публикаций, где визуальное изображение имеет приоритет в восприятии пользователя. Одним из важнейших преимуществ визуального кода является его способность преодолевать языковые и культурные барьеры. Понимание визуального контента универсально и может эффективно использоваться для общения с международной аудиторией. Однако и вербальный компонент с течением времени не исчезает, вступает во взаимодействие с визуальным кодом и кодами других семиотических систем (например, музыки), формируя креолизованный (поликодовый) текст. Публикация в Instagram – выразительный пример подобного текста, поскольку возможности этой сети позволяют в одном посте сочетать собственно текст с изображениями, видео, музыкой и т. п. В течение длительного времени главную роль в передаче информации играли слова и текст, но в настоящий момент вербальные средства коммуникации стали остро нуждаться в визуализации. Исследованием лингвистики текста, в частности, поликодового, креолизованного текста занимались такие ученые, как Е. Е. Анисимова [1], А. А. Бернацкая [2], Н. С. Валгина [3], М. Б. Ворошилова [4], др.

Предмет исследования в данной статье – особенности взаимодействия вербального и визуального кодов в контенте Instagram. Эмпирическую базу составили 102 мультимедийные единицы в Instagram-аккаунтах компаний

ОАО «Савушкин продукт» (@savushkin_product), ОАО «Брестский мясокомбинат» (@brestmeat), «BREMOR» (@bremor_official) за период с октября 2023 г. по март 2024 г.

Instagram-аккаунт «Савушкин продукт» служит платформой для продвижения молочной продукции белорусского производства, активно вовлекая аудиторию через интерактивный и информативный контент. При высоком уровне визуальной привлекательности и ориентации на натуральность продуктов, аккаунт привлекает и удерживает внимание подписчиков, расширяя географию своей продукции на международном рынке.

Типичный пост в Instagram-профиле «Савушкин продукт» представляет собой креолизованный текст, сочетающий визуальный (всплывающее фото) и вербальный ряды. Например, следующий текст уточняет и комментирует визуальный ряд:

Встречайте любимый десерт в новом исполнении!

Глазированный сырок «Картошка» от «Савушкин» станет идеальным дополнением к чаю, перед которым невозможно устоять.

Нежный творожный сырок с насыщенным вкусом какао, кусочками печенья и миндаля, тонкими нотками аромата «Бренди» – идеальное сочетание, когда хочется чего-нибудь сладенького.

Делитесь своим впечатлением о новинке в комментариях!

Основной посыл текстового описания – акцент на качестве продукта, на что указывает повтор *идеальное дополнение, идеальное сочетание,* ряд прилагательных с оценочным значением (*любимый*, *нежный*, *насыщенным*, *тонким*).

Практика убеждения реализуется также посредством глагольных форм повелительного наклонения, которыми начинается (*встречайте*…) и заканчивается (*делитесь*…) пост.

Вопросительные конструкции в конце постов усиливают эффект интерактивности во взаимодействии автора и адресата: *Какие ваши любимые начинки к блинам? Делитесь своими вариантами в комментариях!* Ответы на подобные вопросы позволяют организовать дополнительный контент в комментариях.

Важным инструментом, который используют компании, например, «Брестский мясокомбинат», является хештег – слово, словосочетание или предложение без пробела, начинающееся знаком решетки (#), которое может являться как самостоятельным речевым событием, так и частью креолизованного текста. Хештеги *#брестскиймясокомбинат, #любовьесть* позволяют читателям быстро находить необходимую им информацию о компании среди множества постов других брендов. ОАО «Брестский мясокомбинат» @brestmeat демонстрирует как приверженность качеству и

инновациям, так и значение создания эмоциональной связи с аудиторией через социальные сети.

Посты аккаунта «BREMOR» @bremorofficial характеризуются частым использованием восклицательных знаков (*BREMOR выпустила новинку в линейке рыбных паст! Попробуйте нашу новинку по-новому и наслаждайтесь вкусом в каждом укусе!),* форм со значением «совместного действия» (*«Мы объединили...»*), *(«Предлагаем попробовать селедочку…»*), которые создают эффект интимизации речи.

Анализ контента аккаунтов «Савушкин продукт», «Брестский мясокомбинат» и «Санта Бремор» в Instagram показывает, что каждый из них стремится найти свой подход к аудитории, демонстрируя продукцию и ценности. «Савушкин продукт» акцентирует внимание на образовательном и развлекательном контенте, который стимулирует лояльность аудитории. «Брестский мясокомбинат» сочетает информационное наполнение с прозрачностью процессов, создавая доверие к качеству продукта. «Санта Бремор», в свою очередь, строит мультифункциональную платформу, которая служит не только витриной товаров, но и инструментом для внедрения корпоративных ценностей и культуры.

Мультимедийные тексты в Instagram-аккаунтах компаний ОАО «Савушкин продукт» (@savushkin_product), ОАО «Брестский мясокомбинат» (@brestmeat), «BREMOR» (@bremor_official) чаще всего обладают лаконичным вербальным компонентом, который может и отсутствовать, что мы обнаружили в 40 из 102 проанализированных единиц. Основную роль играет визуальный ряд, представляющий собой, по замечанию Е. В. Медведевой, «своеобразный “зачин” любого текста: именно на него реагирует пользователь, листающий ленту, именно он становится фактором привлечения внимания к сообщению в целом и служит средством возбуждения интереса к информации, содержащейся в нем» [5]. Эффективное использование средств выразительности, интимизации, тематического подбора лексики в информационно-смысловом поле вербального компонента поста призвано способствовать закреплению интереса пользователей.

Список использованной литературы

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) [Электронный ресурс] : учеб. пособие для студентов фак. иностр. яз. вузов / Е. Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 128 с. – Режим доступа: https://djvu.online/file/AmiZkoyZOtUVn. – Дата доступа: 03.07.2024.

2. Бернацкая, А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние [Электронный ресурс] / А. А. Бернацкая. – Режим доступа: https://research.sfu-kras.ru/publications/publication/109764675-331227798. – Дата доступа: 03.07.2024.

3. Валгина, Н. С. Теория текста : учеб пособие [Электронный ресурс] / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – Режим доступа: https://evartist.narod.ru/ text14/01.htm. – Дата доступа: 03.07.2024.

4. Ворошилова, М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения [Электронный ресурс] / М. Б. Ворошилова. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizovannyy-tekst-aspekty-izucheniya. – Дата доступа: 03.07.2024.

5. Медведева, Е. В. Instagram: пространство продвигающей коммуникации [Электронный ресурс] / Е. В. Медведева. – Режим доступа: https://medialing.ru/instagram-prostranstvo-prodvigayushchej-kommunikacii/. – Дата доступа: 03.07.2024.

К содержанию

А. В. ГОРЯЧЕВА
Барановичи, БарГУ
Научный руководитель – Е. А. Зуева, канд. филол. наук

СМЕРТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РУССКОГО НАРОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ)

Смерть имеет значение в системе жизненных ориентиров людей с древних времен. Тема смерти является одной из ключевых во многих произведениях, поскольку она тесно связана с разными сторонами человеческой жизни. С целью репрезентации смерти в представлении русского народа мы обратились к анализу функционирования лексемы *смерть* в интернет-источниках.

На сайте «Русская поэзия» [2] найдено **91 стихотворение**. Одни поэтические произведения называются «*Смерть*», в названиях других стихотворений встречаются словоформы лексемы *смерть*: **XVIII в.**: Г. Державин «*На* ***смерть*** *собачки Милушки*», В. Капнист «*На* ***смерть*** *друга моего*»; **XIX в.**: 1) **1-я половина**: Е. Баратынский «***Смерть***», «*На* ***смерть*** *Гете*», К. Батюшков «*На* ***смерть*** *супруги Ф. Ф. Кокошина*», Д. Давыдов «*На* ***смерть*** *N.N.*», А. Дельвиг «***Смерть***», «*На* ***смерть*** *Державина*», В. Жуковский «***Смерть***», «*На* ***смерть*** *фельдмаршала графа Каменского*», М. Лермонтов «***Смерть*** *поэта*», А. Пушкин «*Элегия (Я видел* ***смерть****…)*», К. Рылеев «*На* ***смерть*** *Байрона*», «***Смерть*** *Ермака*», В. Раевский «*На* ***смерть*** *моего скворца*», 2) **2-я половина**: Н. Некрасов «*На* ***смерть*** *Шевченко*», А. Фет «***Смерть***», «***Смерти***»; **XX в.**: 1) **Серебряный век**: К. Бальмонт «***Смерть***», А. Блок «*Мне снилась* ***смерть*** *любимого созданья*», В. Брюсов «*Баллада о любви и* ***смерти***», Н. Гумилев «***Смерть***», А. Крученых «***Смерть*** *художника*», Ф. Сологуб «*О владычица* ***смерть****, я роптал на тебя...*», 2) **Советская поэзия**: Э. Багрицкий «***Смерть*** *пионерки*», Д. Кедрин «*Это* ***смерть*** *колотит костью*», Л. Озеров «*Когда я работаю, я плохо верю в* ***смерть***», Б. Пастернак «***Смерть*** *поэта*», М. Светлов «***Смерть***», К. Симонов «***Смерть*** *друга*», А. Твардовский «*Ты дура,* ***смерть****: грозишься людям...*»; **Современная поэзия**: А. Введенский

«*На* ***смерть*** *теософки*». Анализ названий стихотворений позволяет отметить, что лексема *смерть* в названиях употребляется чаще всего в конструкциях: ***на смерть (кого?), смерть (кого?)***.

На сайте «Электронная библиотека RoyalLib.com» [3] найдено **48 прозаических произведений**, которые называются «*Смерть*» или в названиях которых встречаются словоформы лексемы *смерть*: **XIX в.**: 1) **1-я половина**: В. Одоевский «***Смерть*** *и жизнь*», И. Тургенев «***Смерть***», 2) **2-я половина**: Л. Толстой «***Смерть*** *Ивана Ильича*», «*Три* ***смерти***», А. Чехов «***Смерть*** *Чиновника*»; **XX в.**: 1) **Серебряный век**: С. Борисов «***Смерть*** *русского помещика*», А. Грин «***Смерть*** *Ромелинка*», Д. Мережковский «***Смерть*** *богов*», 2) **Советский период**: Ю. Тынянов «***Смерть*** *Вазир-Мухтара*», К. Булычев «***Смерть*** *этажом ниже*», Б. Тартаковский «***Смерть*** *и жизнь рядом*»; **Современная литература**: Л. Белякова «***Смерть*** *на кончике пера*», Т. Замировская «***Смерти***.*net*», В. Пронин «***Смерть*** *президента*», Г. Разумов «***Смерть*** *шахида*», Г. Рыльский «*Взломать* ***смерть***», В. Сидельников «***Смерть*** *на острие ножа*», Е. Станиславская «*Младшая сестра* ***смерти***», Г. Тарасюк «***Смерть*** *Марата*», А. Шувалов «***Смерть*** *в двух экземплярах*». Лексема *смерть* чаще присутствует в названиях произведений XX в., чем в названиях произведений XIX в., что можно связывать с трагическими историческими событиями XX в. (революции, Гражданская война, Великая Отечественная война), которые повлияли на мировоззрение людей. Названия прозаических произведений однообразны в номинативном плане: ***смерть (кого?), смерть (где?), смерть (как?)*** и др.

На сайте «Кино-театр.ру» [1] найдено **42 кинофильма и сериала**, в названиях которых встречается лексема *смерть*: **начало XX в.**: «***Смерть*** *Иоанна Грозного*» (реж. В. Гончаров), «***Смерть*** *обреченных*» (реж. В. Касьянов), «***Смерть*** *Леонида Андреева*» (реж. Н. Салтыков); **Советский период**: «***Смерть*** *в кино*» (реж. К. Худяков), «***Смерть*** *за кулисами*» (реж. Б. Дуров), «***Смерть*** *и вишневое дерево*» (реж. А. Жербюнас), «***Смерть*** *и жизнь художника Федотова*» (реж. К. Ровнин), «***Смерть*** *Калошина*» (реж. Е. Падве), «***Смерть*** *на взлете*» (реж. Х. Бакаев), «***Смерть*** *Орфея*» (реж. Г. Шенгелая), «***Смерть*** *Пазухина*» (реж. Г. Никулин), «***Смерть*** *прокурора*» (реж. У. Сапаров), «***Смерть*** *ростовщика*» (реж. Т. Сабиров), «***Смерть*** *Тарелкина*» (реж. Г. Товстоногов, В. Воробьев), «***Смерть*** *филателиста*» (реж. Г. Калатозишвили). **Современный кинематограф**: «***Смерть*** *в объективе*» (реж. А. Румынский), «***Смерть*** *и дева*» (реж. Л. Горячева), «***Смерть*** *на языке цветов*» (реж. А. Гусев), «***Смерть*** *нам к лицу*» (реж. Б. Гуц), «***Смерть*** *не танцует одна*» (реж. Н. Борц), «***Смерть*** *пионерки*» (реж. Ю. Панкосьянова), «***Смерть*** *по завещанию*» (реж. С. Быстрицкий), «***Смерть*** *Таирова*» (реж. Б. Бланк), «***Смерть*** *фигуристки*» (реж. А. Селиванов, А. Смирнов), «***Смерть*** *шпионам!*» (реж.

С. Лялин), «***Смерть** шпионам. Скрытый враг*» (реж. Э. Пальмов), «***Смерть** шпионам. Ударная волна*» (реж. А. Даруга), «*Тайны **смерти***» (реж. А. Попова), «*Тайны дворцовых переворотов. Россия, век XVIII. Фильм 6. **Смерть** юного императора*» (реж. С. Дружинина). Лексема *смерть* является частью названий современных кинокартин, так как одной из тематик российского кинематографа являются фильмы про полицию, криминал или войну.

На сайте «Gallerix. Картины и художники» [4] найдено **11 произведений живописи**, содержащих в своих названиях лексему *смерть* и ее словоформы: К. Брюллов «***Смерть** Инессы де Кастро*», В. Верещагин «***Смертельно** раненый*», М. Воробьев «*Дуб, раздробленный молнией. Аллегория на смерть жены художника*», Н. Ге «*Суд Синедриона. Повинен **смерти**!*», К. Маковский «***Смерть** Петрония*», А. Навоскольцев «***Смерть** Патриарха Ермогена*», К. Петров-Водкин «***Смерть** комиссара*», В. Перов «*Дележ наследства в монастыре (**Смерть** монаха)*», И. Репин «*Николай Мирликийский избавляет от **смерти** трех невинно осужденных*», «***Смерть** Федора Васильевича Чижова*», Н. К. Рерих «*Изба **смерти***», К. Сомов «*Арлекин и **смерть***». Анализ названий произведений живописи позволяет говорить о том, что смерть русскими художниками изображалась через смерти конкретных людей. Названия картин в большинстве однообразны в номинативном плане: ***смерть (кого?)***.

На сайте «Muzofond» [5] найдено **23 песни**, с названием «*Смерть*» или названиями, в которых есть словоформы лексемы *смерть*: группа «Iowa» «***Смерть** по карте*», группа «Аквариум» – «*Меня зовут **смерть***», группа «Алиса» – «***Смерть***», Бранимир – «***Верная** смерть*», В. Цыганова – «*Любовь и **смерть***», группа «ДДТ» – «*Маленькая **смерть***», Земфира – «*Любовь как случайная **смерть***», группа «Король и шут» – «***Смерть** на балу Генрих и **смерть**, **смерть** халдея, в доме **смерть***», группа «Крематорий» – «*Житейская **смерть***», группа «Ля-Миноръ» – «***Смерть** ювелира*», группа «Патология» — «***Смерть***», группа «Фактор-2» — «***Смерть***», группа «Х-фактор» – «*Белая **смерть***», Ю. Лоза – «***Смерть***», группа «Eschaton» – «***Смерть***», группа «Face2face» – «***Смерть***». Анализ названий музыкальных произведений позволяет говорить о том, что смерть определяется эпитетами: *верная, житейская, белая, маленькая*. Большое количество песен создавалось на современном этапе развития музыкальной индустрии, песни относятся к популярным сегодня жанрам музыки (рэп, рок, металл). Наличие лексемы *смерть* в этих жанрах обусловлено их спецификой: резкие звуки, провокационные тексты. Через них проще доносить замысел автора на отторгающие темы, которые могут не понравиться многим слушателям.

Анализ интернет-ресурсов свидетельствует об активном функционировании лексемы *смерть*, которая несет отпечаток культурного сознания носителей русского языка.

Список использованной литературы

1. Кино-театр.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kino-teatr.ru/. – Дата доступа: 15.05.2024.
2. Русская поэзия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian-poetry.ru/. – Дата доступа: 15.05.2024.
3. Электронная библиотека RoyalLib.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/. – Дата доступа: 02.08.2022.
4. Gallerix. Картины и художники [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gallerix.ru/. – Дата доступа: 15.05.2024.
5. Muzofond [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://muzofond.fm/. – Дата доступа: 15.05.2024.

К содержанию

А. А. ДАБРАЛІНСКАЯ
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – А. С. Кавалюк, канд. філал. навук, дацэнт

МАРАЛЬНА-ДУХОЎНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ РАМАНА У. КАРАТКЕВІЧА “КАЛАСЫ ПАД СЯРПОМ ТВАІМ”

“Каласы пад сярпом тваім” У. Караткевіча, па вызначэнні даследчыкаў, не толькі сацыяльна-гістарычны раман, але і раман пра жыццё, філасофскі раман. У гэтым творы асэнсоўваюцца такія значныя, актуальныя і для сучаснасці пытанні, як прызначэнне чалавека ў жыцці, пошукі свайго месца на зямлі і пошукі радзімы, роля асобы ў грамадстве, сцвярджаецца думка пра повязь часоў і людзей, пра пераемнасць пакаленняў.

Раман “Каласы пад сярпом тваім” вызначаецца сваім маральна-духоўным патэнцыялам. А. Верабей разглядае вобраз Алеся Загорскага як духоўна багатага чалавека са сваімі маральнымі каштоўнасцямі, які ніколі не здраджваў сваім ідэалам, сваёй жыццёвай філасофіяй працягваў “радаслоўную герояў рамантычнай літаратуры з іх самаахвярнасцю і гатоўнасцю на подзвіг дзеля свабоды радзімы” [1, с. 141]. Даследчыкам звяртаецца ўвага на шчырыя перажыванні Алеся пасля сутычкі сялян з царскім войскам: герой з трывогай і болем думае, што ў яго няма нічога, каб дапамагчы сваёй радзіме і народу. Алесь з павагай ставіцца да простага народа, заўсёды паводзіць сябе вельмі высакародна пры выратаванні людзей ці пры складаных абставінах. “Алесь Загорскі – дзейсная і высакародная натура. Ён знаходзіць збавенне і радасць у працы, якая яго ўзвышае і ўпрыгожвае. Ён змагаецца, пакутуе, радуецца…” [1, с. 143], – падкрэслівае А. Верабей маральную сутнасць галоўнага героя.

У артыкуле Г. Ішчанкі “Раман «Каласы пад сярпом тваім»: праблематыка, сістэма герояў, маральна-філасофскае напаўненне”

асэнсоўваецца духоўны свет герояў – прадстаўнікоў і сялянства, і шляхты – іх маральна-этычныя і духоўныя прыярытэты. Даследчыца выяўляе стаўленне У. Караткевіча да свайго народа: “Пісьменнік не баяўся засяродзіць увагу на тым, што не мог прыняць у мужыках, – на адсутнасці грамадскіх і грамадзянскіх інтарэсаў, якія могуць згуртаваць людзей на вялікую справу. У той жа час У. Караткевіч захапляўся маральнымі ідэаламі беларускага сялянства, вернасцю традыцыям продкаў, здольнасцю ў неспрыяльным умовах захаваць мову і самабытную культуру” [3, с. 129].

Прадстаўнікі шляхты ўвасабляюць у творы аўтарскі ідэал. Яны ўсім сваім выглядам і паводзінамі паказваюць годнасць, мужнасць, выкародства, гуманістычныя адносіны да сялян і здольнасць да кахання і сяброўства. У. Караткевіч імкнуўся паказаць, што ў асяроддзі шляхты, памешчыкаў і чыноўнікаў былі не толькі дэспаты, прыгоннікі, але і прыхільнікі дэмакратычных поглядаў, хто не прымаў прыгон, не мірыўся з існуючымі парадкамі.

Духоўная дэградацыя мясцовай шляхты ў рамане выяўляецца праз светаўспрыманне Чорнага Войны. “Пераканаўшыся ў нікчэмнасці бліжэйшых сяброў і адсутнасці мужнасці і стойкасці паплечнікаў, герой губляе усякую надзею на ўсталяванне грамадскага жыцця ў адпаведнасці з чалавечымі ідэаламі” [3, с. 127].

Для стварэння кантрасту паміж рознымі сацыяльнымі пластамі і ладамі жыцця ў рамане паказаны шляхецкая і сялянская сем’і і іх роды. Вобраз сялянскай сям’і прадстаўляе радавод прыгонных Кагутоў, а шляхецкую – род князёў Загорскіх. Гэты кантраст дэманструе адрозненні ў каштоўнасцях, перакананнях і паводзінах; паказвае, як сацыяльны статус уплывае на жыццё і маральны выбар чалавека.

Выяўляючы фактары фарміравання асобы Алеся Загорскага, Г. Ішчанка лічыць, што “важным гарантам духоўнай моцы маладога чалавека У. Караткевіч лічыў спрыяльную сямейную атмасферу” [3, с. 130]. Сям’я Загорскіх для пісьменніка была ўзорам сямейных зносін. Надаючы шмат ўвагі станаўленню асобы ў рамане, даследчыца акрэслівае сваё бачанне праблемы: “жыццёвы шлях асобы павінен вызначацца самой асобай, здольнай выбіраць свой шлях, будаваць свой лёс, фарміраваць сябе” [3, с. 130].

Яшчэ больш грунтоўна фактары духоўнага станаўлення герояў рамана даследуюцца Г. Ішчанкай у манаграфіі “Каласы адродзяцца ў зерні”. Па меркаванні літаратуразнаўцы, У. Караткевіч “не толькі паказвае эвалюцыю духоўнага станаўлення галоўнага героя, у якім увасоблены аўтарскі ідэал чалавека, але і акрэслівае тыя фактары, якія, на думку пісьменніка, спрыяюць гарманічнаму развіццю асобы” [2, с. 129]. Г. Ішчанка паказвае, што праз характары і паводзіны сваіх герояў У. Караткевіч стварыў узор для чытачоў, як павінна развівацца духоўнасць

кожнага з нас, як на прыкладзе героя можна набыць пэўныя якасці і, магчыма, нават змяніць сваё светаадчуванне.

Зноў жа даследчыца засяроджвае ўвагу на ролі сям'і як пачатку духоўнага станаўлення асобы ў Караткевічавым разуменні. Менавіта сям'я з'яўляецца галоўным узорам паводзін, мыслення і светабачання кожнага дзіцяці. Мастак слова лічыў, што моладзь не можа быць стойкай, выхаванай і мець у сваіх поглядах сталасць, дабрыню і сумленнасць, калі ў сям'і прыстунічаюць падман, жорсткасць, цынізм і іншыя адмоўныя з'явы. Выснова пацвярджаецца прыкладам Мікалая Буланцова, які "паходзіў з кантаністаў, з парыяў, вучаных на медныя грошы…" [2, с. 129], і лічыць, што так будзе заўсёды, пакуль бацькі не зразумеюць, што прычынай іх "нядобрапрыстойных" дзяцей з'яўляюцца яны самі.

Выхаваннем Алеся на дзядзькаванні мастак слова сцвярджаў, што шляхта, якая мела мажлівасць наймаць сваім дзецям замежных настаўнікаў і гувернёраў, больш давярала маральна здаровай сялянскай сям'і, якая здольна была здаровым ладам жыцця ў дзяцінстве і юнацтве закласці чалавеку падмурак душы і сфарміраваць яго ўяўленні аб сапраўдных маральных каштоўнасцях. Дзядзькаванне сфарміравала ў Алеся паважлівыя адносіны да людзей, працавітасць, адданасць роднай зямлі, навучыла шанаваць цяжкую сялянскую працу, паважаць сямейныя каштоўнасці і любіць свой народ.

Праз паказ шчырых сямейных ўзаемаадносін у сем'ях Кагутоў і Загорскіх У. Караткевіч натхняў чытачоў на ўмацаванне сваіх стасункаў з блізкімі, на разважанне аб сваіх дзеяннях і паводзінах у сям'і, а таксама дапамагаў зразумець, якія каштоўнасці важныя для стварэння шчаслівага і гарманічнага сямейнага жыцця. Так У. Караткевіч спрыяў фарміраванню свядомых адносін да сямейных каштоўнасцей.

Таксама важным маральна-этычным аспектам у рамане паказана сяброўства. Знаёмства і сяброўства Алеся Загорскага з Кастусём Каліноў-скім моцна паўплывала на фарміраванне і станаўленне іх асоб. У аснове шчырага сяброўства ляжала юнацкая патрэба да разумення сябе, іншых людзей і асяроддзя, самапазнання і самаразвіцця з дапамогай узаемнай падтрымкі. Юнакі шукалі ў сябры не толькі суразмоўцу, чалавека, з якім можна весела правесці час, а яшчэ нібыта люстэрка, у якім яны бачылі саміх сябе. Шчырае і моцнае сяброўства спрыяла маральнаму і духоўнаму росту герояў. Праз узаемадзеянне яны вучыліся пераадольваць свае недахопы, прымаць важныя рашэнні і развівацца як асобы. Сябры працавалі над сабой сумесна, каб пераадолець цяжкасці, якія ім ставілі лёс ці абставіны.

Яшчэ адным важным маральным аспектам у рамане "Каласы пад сярпом тваім", праз які выяўляюцца чалавечыя характары, з'яўляецца каханне. Праз узаемаадносіны Алеся і Майкі Раўбіч, Алеся і Гелены

Карыцкай У. Караткевіч прапанаваў розныя мадэлі кахання. З-за юнацкай нявопытнасці Майка рабіла раны ў сэрцы Алеся ўсё глыбей, а сам хлопец не разумеў, чаму за каханне яму плацяць пагардай і болем. Кахаючы адзін аднаго, Майка і Алесь зноў і зноў гублялі сваё каханне. Сапраўдным выратаваннем для хлопца стала Гелена, якая вярнула яго да радасці жыцця і да жыцця ўвогуле. Усім сваім сэрцам Гелена адчувала боль і скруху Алеся. Яна добра разумела, што ім не быць разам, і дапамагла вяртанню кахання Алеся і Майкі. Паводзіны Гелены сведчаць пра яе высакароднасць, духоўную прыгажосць, жаночую мудрасць і мужнасць.

Духоўны свет герояў выяўляецца праз іх ўнутраныя разважанні, пошукі, прынцыпы і адносіны да свету, народа і грамадства. Раман У. Караткевіча выхоўвае лепшыя пачуцці кожнага чытача, вучыць любіць, берагчы чалавечае ў чалавеку, фарміруе маральныя каштоўнасці і прыярытэты. Відавочна ў творы аўтарскае перакананне ў тым, што кожны чалавек можа реалізаваць сябе, знайсці сваё шчасце толькі побач са сваёй сям'ёй, родам, народам і клопатамі людства ўвогуле.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Верабей, А. Уладзімір Караткевіч: вядомы і невядомы : зб. эсэ, вершаў, прысвячэнняў / уклад.: А. Верабей, М. Мінзер, С. Панізнік. – Мінск : Літ. і маст., 2010. – 368 с.

2. Ішчанка, Г. М. Каласы адродзяцца ў зерні / Г. М. Ішчанка. – Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2002. – 109 с.

3. Ішчанка, Г. М. Раман "Каласы пад сярпом тваім": праблематыка, сістэма герояў, маральна-філасофскае напаўненне / Г. М. Ішчанка // Беларуская проза XX–XXI стагоддзяў: героі, паэтыка, аксіялогія : манаграфія / З. П. Мельнікава [і інш.] ; пад агул. рэд. З. П. Мельнікавай ; Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ, 2022. – С. 123–135.

К содержанию

Д. Н. ДУБИНА
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. С. Клундук, канд. филол. наук, доцент

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ В КОММУНИКАЦИИ И ПРОДВИЖЕНИИ КОМПАНИЙ

PR-коммуникации играют важную роль в развитии и продвижении компаний. В пространстве современного белорусского брендинга Public Relations появились недавно, но сразу стали внедряться в стратегии многих организаций из-за многогранных возможностей и большого количества каналов связи с массовой аудиторией. Результатом использования

различных PR-способов стал рост потенциальных потребителей той или иной продукции или услуг. Особенно этому способствует активное продвижение компаний в интернет-пространстве, технологии и разнообразные каналы связи которого постоянно совершенствуются.

Распространенным интернет-каналом коммуникации предприятий являются онлайн-магазины. В связи с возможностями всемирной паутины магазины могут увеличивать свои продажи в тысячи, а то и в миллионы раз. Сегодня одним из самых популярных интернет-магазинов является «Wildberries» – крупнейший онлайн-ритейлер России, работающий на рынке 17 лет и предлагающий потребителю абсолютно все – одежду, обувь, электронику, детские товары, продукты питания, товары для дома и др. Первоначально данная компания представляла собой магазин, в котором можно было купить товары только собственного производства, теперь же это самая эффективная площадка для распространения товаров всех предприятий и лучший канал коммуникации в сфере брендинга. Сегодня каждый заинтересованный продавец может разместить информацию о своей продукции на площадке этого международного маркетплейса. «Wildberries» предоставляет возможность различным брендам скооперироваться, создать свою коллаборацию. К каждому товару прилагается описание всех характеристик, которые могут заинтересовать потребителя. Здесь активно представлена обратная связь в виде отзывов, комментариев, вопросов-ответов, размещения фотографий и отметок. Продавец отвечает на отзыв, и тем самым реализуется коммуникация с потребителем, которая нацелена не только на продажу товара, но и на создание имиджа компании.

Белорусским вариантом «Wildberries» является интернет-магазин товаров «Ramonki» (до 2023 г. – «Monro24»), который существует с 2012 г. и позиционирует себя как современный бренд, находящийся в центре Европы. В 2023 г. компания провела ребрендинг, сменила имя, но прежними оставила главные ценности: отзывчивость менеджеров, белорусское качество, уникальность и индивидуальность. Специфика бренда «Ramonki» заключается в том, что они дают возможность продвигаться абсолютно всем белорусским маркам, соответственно, в их ассортименте только отечественные товары. Данный интернет-магазин позволяет белорусским компаниям распространить информацию о себе, показать свои преимущества, а также наладить PR-коммуникации и усилить обратную связь. Предприятие проводит разнообразные встречи в онлайн- и офлайн-формате, тем самым предоставив брендам возможность коммуницировать и создавать новые межкорпоративные активности.

Одним из эффективных видов интернет-каналов в коммуникации брендов являются блоги [1, с. 44]. Многие организации сотрудничают

с белорусскими, а также иностранными блогерами для продвижения своей продукции и услуг. Блогерам также это выгодно, поскольку у них появляются новые идеи для контента, они исследуют деятельность разнообразных белорусских компаний, организаций и агентств белорусского происхождения и чаще всего взамен получают какие-либо товары или услуги. Известным в Беларуси блогом-обозревателем является «Кокобай» (**Koko.by**), называющий себя охотником за едой, поставщиком честных обзоров про белорусскую продукцию, ее изготовление и продажу на разных точках. Его деятельность связана в основном с пищевой сферой и преимущественно представлена обзорами на продукты питания. Под обзор «Кокобая» попали многие белорусские бренды (например, «Коммунарка», Bonfesto, «Спартак», «Красный пищевик», «Савушкин продукт», «Брест-Литовск», «Евроопт»), рестораны, кафе и др. Каждый обзор проходит в формате видео, что способствует созданию еще большего доверия к тому или иному продукту. Для компаний это хороший способ рекламирования и PR-коммуникации, что в итоге приводит к популяризации их деятельности.

Блогерский канал **Slivki.by** также хорошо известен в Беларуси. В сетях распространены и отдельные блоги компании, представляющие разные города Беларуси, например, Брест, Борисов и др. Они продвигают свой проект в области скидок, распродаж, акций и розыгрышей. Брестские «Сливки» позиционируют себя как «Скидочный канал № 1», который предоставляет всегда только свежую информацию о товарах. Slivki.by готовят обзоры на все сферы потребительских интересов человека: продукты питания, технику, бытовые товары, одежду и др. В последние годы этот блог считается одним из самых востребованных каналов рекламной и PR-коммуникации для белорусских предприятий. Сотрудничая со «Сливками», компании Беларуси продвигают свои бренды среди потребителей и потенциальных пользователей. Сами же Slivki.by не забывают и о своем продвижении. В аккаунтах социальных сетей они репрезентируют социальные ролики, затрагивают бытовые проблемы, проводят опросы, дарят подарки от компаний. Они применяют технологию product placement – воздействие бренда на потребителя с помощью контента, в который интегрируется реклама.

Ресторанная сеть **Vasilki** позиционирует себя как ресторан с вкусной домашней едой, авторскими напитками и душевной атмосферой. Компания активно ведет свой Instagram, публикуя фотографии блюд, информацию о них, обзоры новых меню и организуя тематические акции, специальные предложения для посетителей. Каждый пост размещает актуальную информацию о своей деятельности, чем может заинтересовать СМИ и блогеров. Vasilki притягивают клиентов не только профессиональны-

ми фотовидеоматериалами, но и занимательными фактами, например, о том, что в 2023 г. они приготовили более 630 000 порций драников. Данный вид коммуникации предполагает привлечение новых потребителей.

У большинства вышеназванных компаний есть свои личные телеграм-боты, которые ответят на все актуальные и интересующие вопросы в течение нескольких секунд после того, как вы задали вопрос.

Многие белорусские предприятия постоянно используют интернет-ресурсы в коммуникации и продвижении своей продукции. Например, компания «Савушкин» характеризуется высоким уровнем коммуникационной политики. Стратегически спланированная брендом система по продвижению и популяризации в интернет-среде своей продукции включает разные каналы и технологии. Благодаря комплексному подходу к бренд-коммуникации «Савушкин» успешно раскручивает на рынке свои товары, получает положительные отзывы и поддерживает лояльность своих клиентов. Компания «МинскМебель» организует выставки и презентации новых коллекций мебели, причем делает это в штатном режиме и в разных стилях, тем самым создавая имидж бренда, часто разрабатывает идеи для проведения мастер-классов по дизайну интерьера, приглашает на мероприятия различных белорусских дизайнеров и архитекторов, периодически публикует статьи и обзоры в журналах и блогах, связанных с интерьером и строительством, а также компания участвует в благотворительных проектах.

Таким образом, интернет-ресурсы активно применяются в коммуникации и продвижении современных брендов. Использование различных технологий способствует эффективному развитию компаний.

Список использованной литературы

1. Джефкинс, Ф. Паблик рилейшнз : учеб. пособие для вузов / Ф. Джефкинс, Д. Ядин ; пер. с англ. под ред. Б. Л. Еремина. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 416 с.

К содержанию

А. С. ДЫДЗІК
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – В. М. Касцючык, канд. філал. навук, дацэнт

СПОСАБЫ ФРАЗЕАЛАГІЧНАГА І ПАРЭМІЙНАГА ВЫРАЖЭННЯ ПРАГМАТЫЧНАГА ЗНАЧЭННЯ Ў МАСТАЦКІХ ТВОРАХ ПІСЬМЕННІКАЎ БЕРАСЦЕЙШЧЫНЫ

Пад прагматычным значэннем у лінгвістычнай літаратуры звычайна разумеецца “частка зместу моўных адзінак, звязаная з выражэннем эмоцый і разнастайных характарыстык таго, хто гаворыць, а таксама з уздзеяннем на эмацыйны стан і паводзіны адрасата паведамлення” [8, с. 135]. Прагматычнае значэнне істотна адрозніваецца ад дэнататыўнага тым, што мае непасрэдную сувязь з умовамі і ўдзельнікамі камунікатыўнага акта. Яно выяўляецца толькі ў межах выказвання і непасрэдна абумоўлена асаблівасцямі працякання камунікацыі.

Выражэнне прагматычнага значэння фразеалагізмаў і парэмій як адзінак камунікацыі абумоўлена наяўнасцю ў семантыцы ўстойлівых адзінак наступных кампанентаў: дэйксіса, мадальнасці, экспрэсіі, ацэнкі і стылістычнай маркіраванасці. Пад дэйксісам разумеецца такое выкарыстанне ўстойлівых выразаў, калі яны могуць быць інтэрпрэтаваны толькі пры дапамозе звароту да фізічных каардынат камунікатыўнага акта – яго ўдзельнікаў, яго месца і часу. Што да мадальнасці, то пад ёй разумееца такая моўная катэгорыя, якая характарызуе праз ужытыя ўстойлівыя адзінкі адносіны моўцы да зместу выказвання ці статус абазначанай народнымі выслоўямі сітуацыі па адносінах да рэальнага свету або ілакутыўную сілу, гэта значыць камунікатыўную мэту моўцы, што рэалізуецца за кошт выкарыстання парэмій і фразеалагізмаў. Экспрэсіўнасць устойлівых выразаў як кампанент іх прагматычнага значэння звязана перш за ўсё з іх вобразнасцю. Аналізуючы сувязь паміж экспрэсіяй і вобразным планам устойлівай адзінкі, В. М. Тэлія адзначае, што “экспрэсіўнасць – гэта ўзмацненне ўспрымання за кошт эмацыйнай рэакцыі, выкліканай вобразнасцю” [11, с. 112]. Вылучаны кампанент прагматычнага значэння, носьбітам якога выступаюць устойлівыя адзінкі, падкрэслівае, узмацняе змест выказвання. Фразеалагізмы і прыказкі валодаюць таксама і ацэначным кампанентам прагматычнага значэння, паколькі выражаюць станоўчае ці адмоўнае суджэнне аб пэўным прадмеце ці маўленчай сітуацыі.

Яркім кампанентам у прагматычным значэнні ўстойлівых адзінак выступае стылістычная маркіраванасць. Яна паказвае на тое, што фразеалагізмы і прыказкі тыповыя для пэўнага функцыянальнага стылю

і сферы маўлення. Так, пісьменнікі Берасцейшчыны ў мастацкіх творах найчасцей выкарыстоўваюць размоўныя фраземы, якія сведчаць пра неафіцыйнасць мовы аўтара і мовы персанажаў, таксама надаюць маўленню экспрэсіўную афарбоўку, ацэначнасць. Яркімі прыкладамі такіх фразеалагізмаў служаць ***як рукой зняць***, ***на поўнае вока***, ***пуп рваць***: *Але сон кароткі – самы салодкі. Дзённую стому* ***як рукой зняло****, нібыта і сапраўды выспаўся* ***на поўнае вока*** [9, с. 17]; *Тым часам і рабочыя змікіцілі, што ў Мізэрыі асабліва* ***пуп рваць*** *не варта, грошы заробяцца самі* [6, с. 148].

Вылучаюцца тры спосабы выражэння прагматычнага значэння ў фразеалагізмах і парэміях: інфарматыўны, імператыўны і экспрэсіўны. Асноўнай задачай інфарматыўнага (апісальнага) спосабу выражэння прагматычнага значэння ва ўстойлівых адзінках з'яўляецца перадача важнай інфармацыі пра рэальнае становішча спраў, тлумачэнне фактаў і аргументаў, непасрэдна звязаных з падзеямі, жыццёвымі сітуацыямі, адлюстраванымі ў мастацкіх творах. За кошт прагматычнага значэння фразеалагізмаў, камунікатыўная мэта выкарыстання якіх – даць інфармацыю пра што-небудзь актуальнае ў маўленчым акце, пісьменнікі Берасцейшчыны ў сваіх творах адлюстроўваюць паводзіны персанажаў у зменных абставінах, іх адносіны з рознымі людзьмі. Фраземамі, якія даюць ацэначную інфармацыю пра паводзіны персанажаў мастацкіх твораў, з'яўляюцца: ***і брывом не павесці***, ***па свеце з торбаю пусціць***, ***блытацца пад нагамі***: *Цяпер будзе біцца, мурзач нямыты, але, на здзіўленне, той* ***і брывом не павёў*** *– спакойна напампоўвае салідолам маслёнкі ды яшчэ і пасвістае* [2, с. 369]; *– Злыдзень! Пустадомак! Агаліў,* ***па свеце з торбаю пусціў!*** [2, с. 338]; *–* ***Не блытайся пад нагамі****. – Падымаецца з бярвяна бацька. – А то хай бы апілкі згроб* [2, с. 31].

На тое, што чалавек ацэньваецца па заслугах, учынках, па выніках сваёй працы, звяртае ўвагу прыказка ***Птушку відаць па палёце.*** А народнае выслоўе ***Злодзей злодзея здалёк пазнае*** нясе інфармацыю пра тое, што людзі аднолькавых інтарэсаў і заняткаў дзейнічаюць заадно, збліжаюцца адзін з другім: *– Чаму ж не, пазнаў, – сказаў ён, запрашаючы сесці. – Як жа вас не пазнаць, Фрося Восіпаўна? –* ***Птушку відаць па палёце****. Ці, як у нас гавораць,* ***злодзей злодзея здалёк пазнае*** [10, с. 132].

Імператыўны спосаб выражэння фразеалагічнага і парэмійнага значэння рэалізуецца праз волевыяўленне суб'екта маўлення. Так, напрыклад, фразема ***замазваць вочы*** '*ўводзіць у зман, ашукваць каго-н*' [7, с. 457] паведамляе пра цвёрдае нежаданне моўцы быць абманутым: *– Ха! –пагардліва хмыкнуў Нагорны. – Ты паспрабуй! – Не* ***замазвай*** *мне* ***вачэй****! – голас яго набыў яшчэ большую сілу* [5, с. 238]. Віктар Супрунчук у рамане "Уратуй ад нячыстага" ўжывае фразеалагізм ***вешаць лапшу на вушы*** з мэтай

раскрыцця непраўдзівай інфармацыі аднаго з галоўных герояў: – *Нічога не зробіш. То ўсё выдаткі прагрэсу.* – ***Не вешай*** *бо* ***лапшу на вушы!*** *– вельмі дарэчы Цалагусіха прыгадала словы падгалістай Танькі з Рабінаўкі* [3, с. 246]. Устойлівы выраз у яркай форме адлюстроўвае валюнтатыўны намер моўцы, паказвае на волевыяўленне персанажа.

Асноўная камунікатыўная задача прыказак – даць параду – знаходзіць сваё адлюстраванне ў форме выказванняў з супраціўнымі і ўмоўна-выніковымі адносінамі. Так, у адным з кантэкстаў з дапамогай парэміі ***Няпраўдай свет пройдзеш, а назад не вернешся*** персанаж ацэньвае ўчынкі чалавека, які жыве падманам, несумленна: – ***Няпраўдай свет пройдзеш****, як той казаў,* ***а назад не вернешся****, – зноў уздыхнула нявестка* [4, с. 210]. Прыказка выступае носьбітам парады жыць чэсна, згодна са сваім сумленнем. Парэмія ***Хочаш жыць – умей вярцецца*** вучыць настойліва дабівацца сваіх жыццёвых мэт: – *Я – начальнік, і то перад Мішкам Кацалапым троха не на каленях стаяў. – Сеў у кабіну і шчыра параіў: –* ***Хочаш жыць – умей вярцецца*** [1, с. 176].

Экспрэсіўны спосаб у выражэнні прагматычнага значэння фразеалагізмаў і прыказак дазваляе перадаць унутраны стан, разнастайныя пачуцці персанажаў. Для характарыстыкі стану галоўнага героя ўжываюцца фразеалагізмы ў наступным кантэксце з рамана У. Гніламёдава “Уліс з Прускі”: – *Нешта ты як незадаволены чым? – Я заўсёды незадаволены – панам не дагодзіш. – Тут сваім не дагодзіш, – Масей кіўнуў на Міхаля, – не тое што панам. –* ***Душу*** *ён мне* ***топча****! –* ***скрыгатнуў зубамі*** *Міхаль* [4, с. 92]. У гэтым прыкладзе фразема ***скрыгатнуць зубамі*** перадае моцную злосць, нават нянавісць да аб’екта. Прагматычнай задачай фразеалагізма ў прыведзеным кантэксце з’яўляецца перадача агульнага эмацыйнага напружання, уласцівага маўленчай сітуацыі. Праз устойлівы выраз ***душу таптаць*** толькі ўзмацняецца стан трывожнасці, хвалявання галоўнага героя Міхаля. Фразеалагічныя адзінкі перадаюць душэўны боль персанажа ў пададзенай жыццёва-бытавой сітуацыі.

Многія фраземы і парэміі могуць рэпрэзентаваць адразу некалькі кампанентаў прагматычнага значэння. Напрыклад, фразеалагічная адзінка ***душа не на месцы*** ‘*хто-н. адчувае сябе неспакойна, трывожна*’ [7, с. 402] рэалізуе адначасова экспрэсіўную і інфарматыўную функцыі. У слоўнікавай дэфініцыі фраземы выразна пададзены экспрэсіўныкампанент, паколькі ўстойлівы выраз арыентаваны на выражэнне ўнутранага стану персанажа. Аднак гэтая фразема, ужываючыся ў мастацкім кантэксце, выконвае яшчэ і інфарматыўную функцыю – выступае носьбітам канкрэтнага сэнсу ў выказванні: – *Мо бачыў, як ён пакутуе? То-та ж. Пакутуе, значыцца* ***душа не на месцы*** [2, с. 51].

Пры дапамозе прыказкі ***Шчыраму сэрцу і чужая болька баліць*** у мастацкім творы вылучаецца спачувальнасць чалавека як станоўчая рыса, падкрэсліваецца, што чалавек павінен перажываць за беды іншых: – *Нічога. А вось табе!.. Што, можа, перашкодзіў, дык не турбуйся: адзін раз жывём, не спяшайся. Старыя людзі гаварылі, – ён узняў уверх палец, – паспееш з козамі на торг. Альбо таксама вельмі разумна:* ***шчыраму сэрцу і чужая болька баліць*** [10, с. 7]. Ужытая ў прыведзеным мікратэксце прыказка выяўляе адразу некалькі прагматычных функцый: перадае валюнтатыўны намер моўцы – дае параду, вучыць быць добразычлівым; актуалізуе пэўны сэнс, вылучае важную інфармацыю; нясе экспрэсію.

Такім чынам, у пэўнай маўленчай сітуацыі фразеалагізмы і прыказкі рэалізуюць свой прагматычны патэнцыял. Фразеалагічныя і парэміялагічныя адзінкі не толькі самі па сабе выступаюць носьбітамі ацэнак, пэўнай мадальнасці, дадатковых эмацыйна-экспрэсіўных адценняў, але і ў мастацкіх творах могуць рэалізаваць сябе як яркія моўныя сродкі інфармацыі, волевыяўлення моўцы, надання кантэксту выразнасці.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Гардзей, В. К. З мінулага не вяртаюцца… : аповесці, апавяданні / В. К. Гардзей. – Мінск : Маст. літ., 2013. – 511 с.

2. Гардзей, В. К. Уратуй ад нячыстага : аповесці, апавяданні / В. К. Гардзей. – Мінск : Маст. літ., 1992. – 367 с.

3. Гніламёдаў, У. Вяртанне : раман / У. Гніламёдаў. – Мінск : Маст. літ., 2008. – 429 с.

4. Гніламёдаў, У. Уліс з Прускі : раман / У. Гніламёдаў. – Мінск : Маст. літ., 2006. – 382 с.

5. Дамашэвіч, У. Камень з гары : раман / У. Дамашэвіч. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 334 с.

6. Дудзюк, З. Палоннікі жыцця : аповесці, апавяданні / З. Дудзюк. – Мінск : Маст. літ., 1997. – 270 с.

7. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1. – 672 с.

8. Панфилова, Е. Г. Прагматика фразеологизмов со структурой предложения и словосочетания [Электронный ресурс] / Е. Г. Панфилова // Язык и социум : материалы IX Междунар. науч. конф., Минск, 3–4 дек. 2010 : в 3 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Л. Ф. Гербик. – Минск : РИВШ, 2011. – Ч. 3. – С. 165–169. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/handle/123456 789/96241. – Дата доступа: 17.03.2024.

9. Праскураў, В. Наўсцяж вясковай вуліцы : аповесць, апавяданні, нарысы, дак. матэрыялы / В. Праскураў. – Брэст : Упр. інфарм. аблвыканкама, 1995. – 229 с.

10. Супрунчук, В. Жывеш толькі раз : раман / В. Супрунчук. – Мінск : Маст. літ., 1998. – 254 с.

11. Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Электронный ресурс] / В. Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 284 с. – Режим доступа: https://djvu.online/file/qB9P7bDqWeB0s. – Дата доступа: 04.03.2024.

К содержанию

А. С. ЖУКОВА
Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова
Научный руководитель – Е. Н. Горегляд, канд. филол. наук, доцент

ЖЕСТ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ЗНАК КУЛЬТУРЫ

Невербальное общение – это процесс передачи информации без слов: жестами, мимикой, зрительным контактом. Зачастую, если человеку не хватает собственно языковых средств, он прибегает к невербальным. На формирование невербальных средств могут влиять различные факторы: менталитет, профессиональная необходимость, воздействие социальных сетей, процесс глобализации.

Каждый народ имеет свою культуру, традиции, правила общения, и немаловажное значение здесь отводится невербальным средствам. Некоторые народы активно используют жесты и мимику, представители других культур являются более сдержанными. Так или иначе, всем людям свойственно использовать средства невербальной коммуникации для выражения своих эмоций, для конкретизации контекста, для придания вербальной коммуникации колоритности. Одни и те же жесты могут иметь разное значение в зависимости от того, в какой местности проживает человек, к какой культуре он относится. Бывает даже такое, что жесты, используемые в одной культуре как знак одобрения, в другой могут иметь уничижительное или даже оскорбительное значение. Поэтому перед посещением другого государства важно освоить не только базовые фразы на другом языке, но и изучить смысловое содержание тех или иных жестов. В противном случае могут возникнуть дискурсивные ошибки, вызванные незнанием системы языка, неверным использованием языковых средств в конкретных ситуациях, нарушением культурных норм и ценностей [2].

В рамках настоящего исследования с целью выявления культурологических особенностей невербальной коммуникации нами были опрошены представители Шри-Ланки, Китая и Палестины.

Культура Шри-Ланки сочетает современные элементы с традиционными аспектами и известна своим региональным разнообразием. На культуру страны долгое время оказывало влияние наследие буддизма Тхеравады, переданное из Индии [4]. Культура Китая – одна из самых древних и самобытных в мире, она оказала большое влияние на развитие культур многочисленных соседних народов [1]. В Палестине заметно яркое влияние арабской культуры, древних обычаев и современных тенденций [3].

Респондентам были предложены изображения жестов для выявления смыслового сходства / различия. Результаты представлены в таблице.

Таблица – Значения жестов в разных странах

Жест	Шри-Ланка	Китай	Палестина	Беларусь
	Один из самых распространенных жестов. Имеет одинаковое значение для представителей данных стран			
	Обозначение чего-то, что не нравится	Презирать кого-либо	Используется в значении «плохо»	Выражение недовольства
	«Удача». Жест символизирует надежду или удачу	«Обман». Жест не должен быть виден, тогда сказанное не считается обманом	«Вместе навсегда»	«На удачу». Жест используют, когда чего-то очень хотят
	Солидарность, сила, победа или протест	«Стоп»	Просьба о помощи	«Я с тобой». Символизирует поддержку
	Имеет распространенное значение «победа»	Используется для выражения положительных эмоций	Символизирует успешность	Распространенный жест на фотографиях, без конкретного значения
	Два значения: «рок» или «отдых»	Оба жеста означают «праздник»	Не используются	Используются очень редко, явной разницы между ними нет
	Выражение любви и заботы			
	Имеет два значения: «Позвони мне» и «Расслабься»	«Очень здорово»	«Позвони мне»	Имеет два значения: «Позвони мне» и «Классно!»

Таким образом, наше исследование показало разнообразие смыслового наполнения жестов в Шри-Ланке, Китае и Палестине. Но несмотря на специфику культуры в каждой из этих стран, отдельные невербальные знаки все же выявляют одинаковый смысл. Отметим, что, по нашим наблюдениям, в Беларуси жест «позвони мне» также используется в значении «классно!» или для того, чтобы указать на чью-то необычность. Возможно, это результат происходящего процесса глобализации.

Список использованной литературы

1. Культура Китая [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/ wiki/Культура_Китая. – Дата доступа: 07.05.2024.

2. Теория и практика межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] : учеб.-метод. комплекс / сост. Е. Н. Горегляд ; Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2016. – Режим доступа: https://rep.vsu.by/handle/123456789/9771. – Дата доступа: 08.05.2024.

3. Традиции палестинцев – жертвы от бед и хна для удачи [Электронный ресурс] // Мусагет. – Режим доступа: https://musaget.ru/traditsii-palestintsev-zhertvy-ot-bed-i-hna-dlya-udachi. – Дата доступа: 07.05.2024.

4. Culture of Sri Lanka [Electronic resource] // Википедия. – Mode of access: https://en.wikipedia.org/ wiki/Culture_of_Sri_Lanka. – Date of access: 07.05.2024.

К содержанию

М. В. ЗАДОЯНАЯ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЭВФЕМИЗМОВ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Среди разных характеристик современной коммуникации исследователи называют активное использование **эвфемизмов** – единиц определенной знаковой системы, заменяющих слова или выражения с негативной семантикой во всех функциональных стилях языка и сферах бытия человека для достижения коммуникативной целевой установки [5, с. 106]. Эвфемизация речи, в том числе речи СМИ, обусловлена намерением: завуалировать истинную суть вещей; внушить другому человеку какой-либо факт, приукрашивая его; отвлечь внимание, оказать манипулятивное воздействие на адресата; снизить уровень дискомфорта в коммуникации и др.

Эвфемизмы охватывают широкий круг тем, причем их набор, активность субститутов в каждой из тематических групп обусловлены сферой эвфемизации речи (коммуникация деловая, научная, бытовая/ повседневного общения, медиа). В СМИ, как тонко подмечает М. М. Назаров, наблюдается четкое разделение эвфемизмов на две группы в зависимости от принадлежности к качественной или «желтой» прессе; к социально-политическим или развлекательным изданиям. В медиакоммуникации второго типа более распространены личностные эвфемизмы, раскрывающие темы интимных отношений, физических недостатков человека, болезни, смерти, возраста, физического состояния человека и т. д.

Социально-политические эвфемизмы представлены в качественной медиакоммуникации, поднимающей важнейшие для широкой аудитории вопросы [6, с. 139].

Материалом исследования послужили эвфемизмы (130 единиц), полученные методом сплошной выборки из таких белорусских общественно-политических СМИ, как «Беларусь сегодня» (БС), «Голас часу» (ГЧ), «Брестский вестник» (далее – БВ), «Заря» (З), «Наш край» (НК), «Вечерний Брест» (ВБ), «Маяк» (М), за период с ноября 2023 г. по март 2024 г. [1; 2; 3; 4; 7; 8; 9].

По данным нашего исследования, эвфемизмы можно разделить на одиннадцать тематических групп (далее – ТГ), которые ранжированы в порядке падения продуктивности.

Эвфемизмы ТГ **«закон и порядок»** (32 ед., 25 %) используются: а) для описания факта совершения преступления: *«Мошенники **склонили** пятерых жителей Бреста»* – вместо *заставили* (БВ от 07.02.2024); *«Часть **похищенных** средств изъята»* – вместо *украденных* (БВ от 07.02.2024) и др.; б) для указания иных действий в правоохранительной сфере: *«Теперь стало известно: **экстрадиции** не будет…»* – вместо *выдачи преступника* (З от 14.02.2024); *«Этим пользуются аферисты, нуждающиеся в **фиктивных** счетах»* – вместо *незаконных* (БС от 29.02.2024) и др.; в) для номинации преступников: *«Брестчанин по дороге в клуб повредил два чужих авто и стал **фигурантом уголовного дела**»* (БВ от 08.02.2024); г) для вуалирования ареста: «*В Брестском районе **задержали** троих наркозакладчиков»* (БВ от 07.02.204) (БВ от 08.02.204) и др.; д) для называния тюрьмы: *«Особенно это касается бывших заключенных, у которых есть определенные трудности с социализацией и поиском работы после освобождения из **мест не столь отдаленных**»* (БС от 26.02.2024) и др.

Эвфемизмы ТГ **«война»** (21 ед., 16 %) востребованы: а) для более мягкого, не столь пугающего обозначения действий армии: *«Зависают и начинают **“обрабатывать” места**, откуда по нам стреляют реактивными снарядами»* – вместо *массированно обстреливать, бомбить* (З от 15.02.2024); *«Китай выступает за немедленное прекращение огня и **боевых действий** в зоне палестино-израильского **конфликта** и созыв международной конференции для достижения мирного сосуществования между Израилем и Палестиной»* – вместо *войны* (З от 15.02.2024); *«Во время пуска **“произошла аномалия”**»* – вместо *ядерная ракета не сработала* (БВ от 21.02.2024); *«ФСБ задержала в Запорожской области двух граждан Украины по подозрению в **диверсии**»* – вместо *террористическом акте (взрыве)* (З от 14.02.2024) и др.; б) для обозначения фактов убийств, смертей во время войны: *«Адвокаты окажут бесплатную юридическую помощь потерпевшим по делу о **геноциде**»* (З от 20.02.2024);

«В Полесской (ныне – Гомельской) области еще два месяца, до середины марта шли ***ожесточенные бои с серьезными потерями*** *с обеих сторон» –* вместо *массовые убийства*, вместо *ранениями*, *гибелью* (БВ от 08.02.2024) и др.; в) для номинации мест массового заключения, содержания и уничтожения военных и гражданских лиц: *«На вопрос, куда их ведут, отвечали: "В* ***санаторий Адольфа Гитлера****". Всего на территории Беларуси было свыше 260 лагерей смерти, их филиалов и отделений для военнопленных, для гражданского населения, женских лагерей, пересыльных лагерей СС, гетто и других* ***мест принудительного содержания****»* (БВ от 26.02.2024) и др.; г) для описания участников военных действий: *«Сегодня День памяти* ***воинов-интернационалистов****»* вместо *советских солдат в Афганистане в 1980–1989 гг.* (З от 15.02.2024) и др.

В ТГ **«эвфемизмы общего вокабуляра»** (18 ед., 14 %) включили языковые единицы типа: *«Не знаю, в итоге выбрался он самостоятельно или потребовался транспорт для извлечения из* ***коварной западни****»* – вместо *ямы на дороге* (ВБ от 10.02.2024); *«Приходится прибегать к* ***"каннибализму"*** – вместо *использовать запчасти одних самолетов для ремонта других* (БС от 01.03.2024) и др.

Эвфемизмы ТГ **«здоровье, медицина»** (16 ед., 12 %) употребляются: а) для обозначения людей с какими-либо заболеваниями: *«Она рассказала об истории возникновения месячника, об элементах доступной среды для людей с инвалидностью по зрению, а также об этике поведения с* ***незрячими и слабовидящими*** *людьми» –* вместо *слепыми* (НК от 21.02.2024) и др.; б) для обозначения болезней: *«****Болезнь немытых рук*** *– от заражения гепатитом А уберегут простые правила гигиены» –* вместо *гепатит А* (БС от 25.02.2024); *«Большинство из них имеют* ***особенности психофизического развития****. Ольга Николаевна, расскажите, пожалуйста, с какими нарушениями развития приезжают на реабилитацию дети?» –* вместо *физические и/или психические нарушения, приводящие к отклонению в общем развитии* (М от 31.01.2024) и др.; в) для номинации иных медицинских реалий: *«В прошлом году удельный вес людей, которые инфицировались* ***половым путем****, составил 90,6 %, при инъекционном введении наркотических веществ – 8,5 %, от матери ребенку – 0,9 %» –* вместо *секс* (З от 20.02.2024) и др.

Для эвфемизмов ТГ **«экономика»** (14 ед. 11 %) характерна маскировка тем, связанных: а) с понижением уровня жизни населения из-за удорожания товаров, услуг, из-за обесценивания бумажных денег: *«В Беларуси* ***скорректированы цены*** *на газ, тепловую и электроэнергию для населения»* (БВ от 17.02.2024) – вместо *повысили цены*; *«Тактика сработала, и* ***инфляция пришла в рамки допустимого****»* (БВ от 22.02.2024) – вместо *цены выросли, но не критично* и др.; б) с проблемами в экономике

страны: *«Конгресс достиг соглашения о финансировании правительства и защите интересов США, предотвратив* ***шатдаун*** *(частичное прекращение финансирования правительства)»* – вместо *аварийной приостановки деятельности* (БС от 26.02.2024) и др.

Немногочисленными примерами представлены эвфемизмы иных ТГ: 1) **«социум»** (10 ед., 8 %): *«Гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, предоставлена возможность проживания во временном приюте (“****кризисной комнате****”)»* (ВБ от 13.02.2024) и др.; 2) **«смерть»** (7 ед., 5 %): *«На месте обнаружения четырех детей* ***без признаков жизни****»* – вместо *умерших/погибших* (ГЧ от 15.02.2024); *«В Беларуси огонь* ***унес жизни*** *пятерых человек»* – вместо *убил* (БС от 26.02.2024) и др.; 3) **«финансовое положение»** (5 ед., 4 %): *«Указ Президента страны не случайно коснулся людей с инвалидностью и многодетных семей – это, как правило, категории граждан с* ***низкими доходами****»* – вместо *бедных* (ВБ от 08.02.2024) и др.; 4) **«политика»** (4 ед., 3 %): *«Конкуренция, а не* ***конфронтация****»* – вместо *конфликт* (З от 20.02.2024) и др.; 5) **«“туалетная” тема»** (2 ед., 1 %): *«Все смешалось: грязь, кровь убитых,* ***продукты жизнедеятельности****»* – вместо *кал/моча* (БВ от 08.02.2024); *«А дети в пьяном угаре, “по приколу” бросают в прохожих бутылками с мочой, вызывают рвоту и* ***справляют нужду*** *с балкона…»* – вместо *мочатся* (БВ от 08.02.2024); 6) **«спорт»** (1 ед., 1 %): *«Шкурдай* ***не сумела пробиться*** *в полуфинал ЧМ на дистанции 50 метров на спине»* – вместо *проиграла* (БВ от 14.02.2024).

Таким образом, газетные публикации, в целом медиакоммуникация, освещая вопросы внутренней и внешней политики государства, экономики, экономического положения населения (отдельных его категорий), демографии и т. д., апеллируют к эвфемизмам соответствующих тематических групп. Подобные субституты позволяют смягчить неприятную информацию, «убрать» негативные ассоциации, избежать «щепетильных» тем, усилить положительный эффект; дают возможность сформировать у читательской аудитории определенное отношение к той или иной непростой, неоднозначной ситуации; помогают сделать текст политкорретным, избежать конфликтов.

Список использованных источников

1. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sb.by. – Дата доступа: 06.05.2024.

2. Голас часу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.malorita.by. – Дата доступа: 06.05.2024.

3. ГУ «Редакция газеты “Брестский вестник” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bvn.by. – Дата доступа: 06.05.2024

4. Заря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zarya.by. – Дата доступа: 06.05.2024.

5. Морозова, О. А. Тематические группы эвфемизмов с градуальной семантикой в русском языке / О. А. Морозова // Верхневолж. филол. вестн. – 2022. – № 1 (28). – С. 104–110.

6. Назаров, М. М. Массовая коммуникация и общество: введение в теорию и исследования / М. М. Назаров. – М. : URSS, 2022. – 378 с.

7. Наш край [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: https://nashkraj.by. – Дата доступа: 06.05.2024.

8. Районная газета «Вечерний Брест» [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: https://vb.by. – Дата доступа: 06.05.2024.

9. Редакция гомельской районной газеты «Маяк» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozhnews.by. – Дата доступа: 06.05.2024.

К содержанию

А. Д. ЗАРЭЦКАЯ
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – Н. Р. Якубук, канд. филал. навук, дацэнт

АЙКОНІМЫ КОБРЫНСКАГА РАЁНА, СУАДНОСНЫЯ З ФЛАРЫСТЫЧНЫМІ НАЗВАМІ

Уласныя назвы, узнікаючы на розных этапах развіцця грамадства, нясуць у сабе адбітак сваёй эпохі. Лексічны матэрыял для геаграфічных найменняў чалавек браў невыпадкова, а падбіраў з улікам пэўных заканамернасцей. Адным з адметных вынікаў гэтага складанага і працяглага гістарычнага працэсу з'яўляецца вылучэнне разнастайных лексіка-семантычных груп утваральных асноў айканіміі.

Наяўнасць спрадвеку на беларускай зямлі мноства лясоў, бароў і гаёў давала падставы нашым продкам вызначыць пераважную пароду дрэў, хмызнякоў і травяністых раслін, якая часта з'яўлялася адметнай асаблівасцю той ці іншай мясцовасці, мела немалаважнае значэнне ў штодзённым побыце, гаспадарчай дзейнасці, і пакласці яе ў аснову назвы свайго паселішча.

Назвы населеных пунктаў, у якіх увасоблены канкрэтныя батанічныя найменні, вызначаюцца прыкметнай шматварыянтнасцю і паўтаральнасцю. Разам з тым семантычную матывацыю ўтваральных лексем часта адназначна ўстанавіць даволі складана, паколькі яны могуць абазначаць некалькі рэалій, атаксама з'яўляцца мнагазначнымі словамі ў літаратурнай і дыялектнай мовах.

На аснове праведзенага аналізу ўтваральных асноў назваў паселішчаў Кобрынскага раёна Брэсцкай вобласці выявілася, што найбольшую групу сярод айконімаў, матываваных батанічнымі номенамі, складаюць найменні,

суадносныя з канкрэтнымі відамі раслін, г. зн. матываваныя назвамі пород дрэў, кустоў, раслін, траў, іх частак.

Даволі пашыраны ў якасці ўтваральных асноў лексемы ***бяроза*** і ***дуб***, што тлумачыцца ландшафтным значэннем гэтых драўляных пародаў, якія часта складаюць прыкметную асаблівасць мясцовасці, адыгрываюць вялікую ролю ў гаспадарцы: *в. Дубавóе, в. Дубіны́* (словам *дубіна* ў дыялектнай мове называюць маладыя зараснікі дуба, дубняк, або дубовы лес, дуброву), *в. Старадýбцы*; *в. Бярóза, в. Бярóзна, в. Бярóза Касці́нская*.

Назва *в. Вóса* ў аснове мае “невядомы зараз назоўнік **аса** [назва дрэва], які можна рэканструяваць на падставе наяўнасці прыметніка *асовы* (*асовы лес*, *асовы грыб* ці *асавік*) у значэнні ‘асінавы’. Айконімы і мікратапонімы маглі ўзнікнуць як на аснове назоўніка **аса**, так і прыметніка **асовы**” [1, с. 7].

Да групы айконімаў, суадносных з канкрэтнымі найменнямі дрэў, намі таксама аднесены і наступныя: *в. Альхóўка, в. Грýшава, в. Ліпава, в. Падалéссе* (ад *алёс*).

Зафіксаваны адзін айконім, матываваны назвай ягадніку: *в. Чарнічнае*.

Пры ўтварэнні айконімаў, суадносных з найменнямі лясных, садовых масіваў, зараснікаў, хмызнякоў, найбольш прадуктыўнымі з’яўляюцца лексемы *бор* і *лес*: *в. Бóркі, в. Верхалéссе, в. Гайкóўка, в. Залéссе, в. Ліпнікі, в. Навасáдкі, в. Падбéр’е* (ад *бор*), *в. Пералéссе*.

Група айконімаў, суадносных з агульнымі назвамі раслін, нешматлікая. Яна прадстаўлена наступнымі назвамі: *в. Кустóвічы, в. Травы, п. Фруктóвы*.

Трэба адзначыць, што не заўсёды ўдаецца адназначна выявіць ўтваральную базу айконімаў, таму сярод разгледжаных намі найменняў, суадносных з фларыстычнымі апелятывамі, некаторыя можна таксама матываваць гідронімамі ці антрапонімамі, якія суадносяцца з найменнямі раслiннага свету.

Такім чынам, аналіз утваральных асноў айконімаў Кобрынскага раёна, суадносных з фларыстычнымі назвамі, тых лексічных рэсурсаў, якія паслужылі базай для фарміравання найменняў паселішчаў, дазволіў вылучыць тры лексіка-семантычныя групы: айконімы, суадносныя з агульнымі назвамі раслін; айконімы, суадносныя з канкрэтнымі відамі раслін; айконімы, суадносныя з найменнямі лясных, садовых масіваў, зараснікаў, хмызнякоў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Лемцюгова, В. П. Беларуская айканімія. Лінгвістычны аналіз назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці / В. П. Лемцюгова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 156 с.

К содержанию

Д. И. ЗИНКЕВИЧ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

СОВРЕМЕННОЕ УДАРЕНИЕ В ФОРМАХ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА *ГНАТЬ* И ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ

В современном русском языке сложились два основных понятия, связанных с акцентуацией: узус и норма. Узус – это совокупность фонетических норм, реально функционирующих в речи носителей языка в конкретный исторический период. Норма представляет собой общепринятый эталон произношения и ударения, закрепленный в словарях и справочниках. Норма отражает сложившиеся в обществе традиции и правила акцентуации. Она служит ориентиром для носителей языка и обеспечивает единообразие произношения и понимания речи. В то же время развитие языка приводит к появлению новых вариантов акцентуации, которые сначала воспринимаются как ошибки и оговорки, а затем распространяются и становятся узуальными, оставаясь при этом ненормативными. В настоящее время наблюдается значительная вариативность акцентуации, обусловленная как историческими причинами, так и экстралингвистическими факторами, влияющими на языковую ситуацию в современном обществе. Этим и объясняется актуальность нашего исследования.

Наше исследование посвящено акцентным вариантам форм прошедшего времени глагола *гнать* и его производных в современном русском языке. Данный глагол, как и его префиксальные дериваты, уже в древнерусском языке вел себя нетипично: в формах настоящего времени он относился к акцентной парадигме *c* (*же́ну*, *по́жену – жене́ши*, *пожене́ши*), а в формах прошедшего времени – к акцентной парадигме *a*, т. е. ударение в прошедшем времени было всегда на основе. Так, в древнерусских памятниках зафиксированы формы *отгна́ла*, *гна́лися* [2, с. 274]. Но обычно глаголы акцентной парадигмы *c* и в прошедшем времени относятся к этой парадигме [2, с. 20], т. е. ожидаемые формы прошедшего времени женского рода должны иметь флексионное ударение. При этом в современном русском языке формы презенса этого глагола относятся к акцентной парадигме *b*, а формы прошедшего времени – к акцентной парадигме *c*, тогда как в нормальном случае должны были бы относиться к акцентной парадигме *a* [2, с. 20]. Таким образом, современные нормативные формы прошедшего времени женского рода с флексионным ударением являются новыми. Возможно, они развились по аналогии с типичными глаголами акцентной парадигмы *c*, но при этом в презенсе глагол сейчас изменяется по другой парадигме.

Материалом для исследования послужил акцентологический подкорпус Национального корпуса русского языка [3]. Пару лет назад акцентологический корпус включал более 17 млн словоупотреблений, но недавно он существенно расширился за счет «наивной поэзии», размещаемой на сайте stihi.ru. Эти тексты не выдерживают эстетической критики, зато на сегодняшний день объем корпуса составляет 135 282 644 словоупотреблений. Акцентологическая разметка стихотворных текстов проводилась автоматически, использовалась программа Ю. Зеленкова, алгоритм которой позволяет обрабатывать русские словоформы с точностью 0,95–0,97 [1, с. 260–263]. В дальнейшем тексты, в которых для более чем 15 % строк не удалось определить силлаботонический метр, отсеивались. В то же время ошибочные предсказания программой места ударения не исключены, поэтому при акцентологических исследованиях следует проверять анализируемые формы, опираясь на метрическую разметку и рифмовку.

Наиболее частотными формами женского рода глаголов с корнем *гн-* оказались *гнала(сь)* (638), *прогнала* (579), *догнала* (191) и *загнала* (218).

Данные по частоте использования ненормативных форм исследуемых глаголов в процентах обобщены в следующей таблице.

Таблица – Частота использования ненормативных акцентных форм прошедшего времени женского рода глаголов с корнем *гн-* (в процентах)

Форма	До 1999	С 2000
гна́ла(сь)	5,4	12,1
прогна́ла	30	35,3
загна́ла	18,75	43,82
догна́ла	32	23,5
погна́ла(сь)	37,5	38,7
нагна́ла	63,6	63,8
изгна́ла	83,3	67,3
согна́ла	28,6	57,1
отогна́ла	100	61,9
угна́ла(сь)	75	45,5
подогна́ла	0	66,7

Самый большой процент нарушения нормы в произведениях, созданных до 1999 г., обнаруживаются у таких форм глагола, как *отогна́ла* (1 пример – 100 %), *изгна́ла* (5 примеров – 83,3 %), *угна́ла(сь)* (3 – 75 %), *нагна́ла* (7 – 63,6 %). Как видно из приведенных данных (одно–семь словоупотреблений), это глаголы с невысокой частотностью, для

высокочастотных глаголов процент нарушений не превышает 32 % (*догнала*), а у самых частотных бесприставочных глаголов *гнать* и *гнаться* нарушения в период до 1999 г. составляют всего 5,4 %.

Из таблицы видно, что существенно выросла частота использования ненормативных форм *гна́ла(сь)*, *загна́ла*, *согна́ла* (более, чем вдвое). Но для формы *догна́ла* частота упала почти в полтора раза. Форма *угна́ла(сь)* до 1999 г. использовалась в 75 % случаев, тогда как после 2000 г. – только в 45,5 %. Самый большой процент нарушения нормы после 2000 г. обнаруживается у таких форм глагола, как *изгна́ла* – 67,3 %, *подогна́ла* – 66,7 %, *нагна́ла* – 63,8 % и форма *отогна́ла* – 61,9 %. Форма *подогнала* до 1999 г. не встречалась, остальные три ненормативные формы были даже более частотными в этот период.

Особое поведение форм бесприставочных глаголов *гнать* и *гнаться* легко объяснить именно краткостью, односложностью их основы до окончания (не учитывая постфикс). Но различие между формами приставочных глаголов кажется необъяснимым. Для форм *отогна́ла* и *подогна́ла* можно предположить действие тенденции к ритмическому равновесию, поскольку из-за огласованной приставки они на слог длиннее других приставочных форм. Однако первая из названных форм до 1999 г. была зафиксирована всего один раз, а вторая не встретилась (как и *перегна́ла*), поэтому нельзя сделать вывод о действии данной тенденции именно в последние десятилетия. Глаголы *изгнать* и *нагнать* (как синоним *догнать*) стилистически окрашены. Форма *изгна́ла* зафиксирована в пяти примерах разных авторов: у Ф. Я. Козельского (XVIII в.), Д. В. Давыдова и Н. В. Кукольника (XIX в.), И. Северянина и С. Я. Маршака (XX в.); нормативная же форма встретилась только в произведении А. К. Толстого. Форма *нагна́ла* тоже фиксируется с XVIII в. (А. П. Сумароков), ее используют Д. В. Давыдов и Е. А. Баратынский (XIX в.), а также 4 автора начала XX в. Из 4 примеров нормативной формы два встретились у В. А. Жуковского. Для глагола *угнать* до середины XX в. ненормативные формы фиксируются в высоких контекстах: *Когда̀ одна̀ твоя̀ улы̀бка, / Крутя̀ столбо̀м,* ***угна̀ла*** *мра̀к!* (В. И. Нарбут; 1920); *Блага̀я мѝлость нѐба … / сомнѐнья всѐ* ***угна̀ла*** *о̀т меня̀* (В. И. Иванов; 1948–1949). В то же время в единственном примере с флексионным ударением речь идет об охоте: *Победа! Ѝ пойдѐт обы̀чный ра̀згово̀р; / Чья сво̀ра* ***угнала̀*** *и чья̀ его̀ поймала̀* (М. А. Стахович; 1853). Таким образом, и для этого глагола можно предположить стилистически обусловленное ударение, однако примеры слишком малочисленны.

Суммарно глагольные формы прошедшего времени женского рода с корнем *-гн-* до 1999 г. встретились 181 раз, в 24,9 % ударение было на основе. После 2000 г. таких форм 1654, ударение на основе в 30,2 %

случаев. Таким образом, заметна тенденция к нарушению существующей нормы и перемещению ударения на основу.

Список использованных источников

1. Гришина, Е. А. Наивная поэзия в акцентологическом корпусе / Е. А. Гришина, Ю. Г. Зеленков, Б. В. Орехов // Тр. Ин-та русс. яз. им. В. В. Виноградова. – 2015. – № 6. – С. 257–271.

2. Зализняк, А. А. Труды по акцентологии : в 2 т. / А. А. Зализняк. – М. : Яз. славян. культур, 2011. – Т. 2. – 352 с.

3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruscorpora.ru/new. – Дата доступа: 10.05.2024.

К содержанию

С. Д. ЗУБЕНЯ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Л. М. Садко, канд. филол. наук, доцент

ПОНЯТИЕ ФЛОРООБРАЗА: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Явления природы в литературе находят отражение в многочисленных художественных образах, изображающих мир стихий, животных, а также растений. При изучении последнего следует разграничивать термины «фитоним» и «флорообраз».

«Фитонимы – (гр. *phytonim* ‘растение’, *onyma* ‘имя, название’) названия растений. Фитонимами называют единицы народной ботанической номенклатуры, которые противопоставлены фитотерминам – научным обозначениям растений» [2, с. 36]. Выбор фитонимов зависит от особенностей лингвокультурной среды. Исследование номинаций растений проходит на уровне пересечения трех дисциплин – лингвистики, философии и ботаники. «С философской точки зрения, растения понимаются как естественные виды, т. е. объекты, сгруппированные естественным образом, а не человеком для выполнения каких-либо функций. Поэтому фитонимы – термины, обозначающие естественные виды – отражают особенности, которые существуют в природе на самом деле и, в отличие от других лексических групп, эти названия не являются произвольными» [2, с. 36–37].

Благодаря ботанике можно изучить связь (мотив появления названия) между номинацией растения и его характеристиками – местом произрастания, строением, цветом, формой и т. д. Например, растение, которое растет вдоль дорог, получило соответствующее название – подорожник.

Важно понимать, что система народных названий растений значительно отличается от научной. «Часто одно слово обозначает растения разных видов, а одному растению соответствует несколько фитонимов» [2, с. 37].

Например, гипсофила в народе известна как «дыхание ребенка», «перекати-поле», а также «кичим».

Флорообразы – это фитонимы, которые используются для создания художественного образа и по семантике своей многозначны. Литературовед С. Горбовская отмечает: «Литературно-художественный флорообраз – это вариант фитонима, функционирующий как многозначный, сложный образ исключительно в художественной литературе» [4, с. 12]. Они помогают автору выразить собственные чувства и эмоции, а также являются средством изображения психологического состояния героя. История флорообразов насчитывает не одну литературную эпоху, для каждой из которых характерны флорообразы с разной семантической наполненностью.

Для Античности характерна денатурализация природы при помощи мифологической искусственности. Доказательством служат многочисленные известные во всем мире легенды – о превращении Сиринги в тростник, о Нарциссе, превратившемся в цветок, о Кипарисе, добровольно превратившемся в дерево и др.

В эпоху раннего христианства значимость языка цветов идет на спад, так как представители христианской веры, противостоящие язычникам, активно распространяют мнение о том, что использование символики цветов – грех. В годы крестовых походов флорообразы возвращаются в активное употребление, но имеют в большей части случаев религиозную трактовку. Известно, что лилия, а позже и роза, в христианстве становятся атрибутами Богородицы, ее непорочности, девичества и красы.

В Средневековье распространены флороаллегория и флоросимвол-атрибут, символика растений зависит от их цвета, формы и других особенностей. Маргаритки, имеющие особую форму листьев, символизируют Святую Троицу, а аквилегия, в народе называемая «голубкой» из-за своего вида, стала символом Святого Духа.

В более поздние времена распространяется символика рождественской елки, украшенной звездами как воспоминаниями о главной, Вифлеемской, загоревшейся на небе, когда пришел в этот мир Богомладенец.

Важно отметить, что язык цветов проникает в такую область культуры, как геральдика – «эмблематическая система, сложившаяся на протяжении Средних веков в Западной и Средней Европе и характеризующаяся своеобразными обычаями оформления и употребления особых личных и коллективных знаков, прежде всего – гербов, а также устойчивым единством репрезентативной, идентификационной и декоративной функций этих знаков» [5]. На средневековых гербах изображены образы, символизирующие нежность и любовь, – роза с шипами или без них, дерево, перевитое плющом. Особое место занимает образ розы, изображенный на гербах двух враждующих ветвей королевской династии, между которыми разразилась

война, получившая название «война Алой и Белой розы». Распространёнными стали также куртуазные аллегории, где язык цветов был использован для передачи сложных нюансов отношений влюбленных. В поэзии трубадуров, например, широко представлен образ розы как аллегории великолепия женщины, Прекрасной дамы.

В эпоху Возрождения «делаются попытки преодоления средневековой аллегории, чувствуется желание повнимательнее приглядеться к живой природе» [3, с. 5]. Эстетика данного периода позиционирует растения и природу в целом как образец совершенства. Лилия символизировала чистоту и целомудренность, гранат был символом доброжелательности и плодородия, а лавр говорил о славе.

Во времена классицизма «роль играет флорообраз-троп, нередко тяготеющий к словесному штампу, клише, устойчивой риторической фигуре» [3, с. 5]. Активно используются различные сравнения, передающие идею великолепия, например, глаза классицисты сравнивают с голубыми незабудками, синими васильками, ежевикой, черникой и редиской. Данные сравнения лишены индивидуально-авторского переосмысления.

Для сентиментализма и предромантизма характерно единое понимание природы как высшего блага, мудрой и прекрасной, обрамляющей идеал, либо трагическую реальность. «Несмотря на определенную статичность и повторение из описания в описание одних и тех же деталей, сентименталистский пейзаж ставит целью изобразить постоянное цветение природы и провозгласить ценность природной гармонии для обретения душевного счастья» [1, с. 26].

«В XIX в. флорообраз приобретает особую глубину, смысловую дискретность, авторскую интерпретацию, т. е. становится субъективным» [4, с. 209]. Начало века характеризуется мировым распространением «селама» – языка цветов. Важную нишу занимает цветочная почта – обмен изображениями цветов и букета и, которые имели особый смысл. Значения цветов были зафиксированы в «цветочных словарях» («Азбука Флоры, или Язык цветов» Б. Деланше, «Селам, или язык цветов» Д. П. Ознобишина). Одна из особенностей флорообразов XIX века – тесная связь с Богом. Для многих поэтов природа с ее сложностью становится доказательством существования Бога, а ее красота и великолепие – символом величия Бога. В литературе рубежа XIX – XX вв. появляются авторские флорообразы – голубой цветок Новалиса, цветы зла Ш. Бодлера, красный цветок В. Гаршина и многие другие.

В современном – постиндустриальном – обществе отношение к природе характеризуется материализмом, номинации растений, которые

употребляются в литературе, не несут в себе особой семантической наполненности.

Изучение понятия флорообраза в его диахроническом развитии в литературе и культуре предшествующих эпох позволяет выявить диалектически сложный характер понятия, его многоаспектную семантическую наполненность, а также существование двух парадигм образов растений – с устойчивым значением и неустойчивой, индивидуально-авторской коннотацией.

Список использованной литературы

1. Аникейчик, Е. А. Нравственно-эстетическое значение пейзажа в русской литературе конца XVIII – начала XIX в.: от сентиментализма к предромантизму [Электронный ресурс] : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.01.01 / Е. А. Аникейчик ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2008. – 31 с. – Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/nravstvenno-esteticheskoe-znachenie-peizazha-v-russkoi-literature-kontsa-xviii-nachala-xix-v/read. – Дата доступа: 11.05.2024.

2. Галицына, Е. Г. Особенности изучения лексической группы фитонимов (на материале фитонимов древнеанглийского языка) [Электронный ресурс] / Е. Г. Галицына // Молодой ученый. – 2015. – № 10.5 (90.5). – С. 36–37. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/90/18098/. – Дата доступа: 11.01.2024.

3. Горбовская, С. Г. Фитоним как литературно-художественный образ (от флоротропа к субъективно-ассоциативному флорообразу) [Электронный ресурс] / С. Г. Горбовская // Humanities, Social-economic and Social Sciences. – 2015. – № 9. – С. 309–311. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/fitonim-kak-literaturno-hudozhestvennyy-obraz-ot-florotropa-k-subektivno-assotsiativnomu-floroobrazu. – Дата доступа: 08.12.2023.

4. Горбовская, С. Г. Флорообраз во французской литературе XIX века / С. Г. Горбовская. – СПб : Изд-во СПбГУ, 2017. – 273 с.

5. Медведев, М. Ю. Геральдика как эмблематическая система: история становления [Электронный ресурс] / М. Ю. Медведев // Словарь средневековой культуры ; под ред. А. Я. Гуревича. – М. : Росспэн, 2003. – Режим доступа: https://gerboved.ru/ t/1408. – Дата доступа: 11.04.2024.

К содержанию

С. Д. ЗУБЕНЯ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Л. М. Садко, канд. филол. наук, доцент

ФЛОРООБРАЗЫ В ЛИРИКЕ А. АХМАТОВОЙ

Явления природы в литературе находят выражение в виде флорообразов – многочисленных художественных образов, изображающих мир растений. История флорообразов насчитывает не одну литературную эпоху, для каждой из которых характерны флорообразы с разной семантической наполненностью. По мнению исследователя С. Горбовской,

«флорообраз и обладает целым комплексом общеизвестных коннотаций, и приобретает новую, свойственную только определенному автору субъективную семантику, а порой и субъективную форму» [3].

Анна Андреевна Ахматова – значимая фигура Серебряного века, классик русской поэзии, литературовед, переводчик. В своих произведениях поэтесса активно использовала флорообразы, которые можно определенным образом классифицировать. В творчестве А. Ахматовой проявляют себя *метафизические, экзотические, традиционно-фольклорные, классические флорообразы и гиперфлорообразы* [2].

Метафизические флоорообразы являются авторскими и обладают неустойчивой семантикой. Примером служит образ сада из стихотворения «Вновь подарен мне дремотой…» (1916):

Там, за пестрою оградой,
У задумчивой воды,
Вспоминали мы с отрадой
Царскосельские сады [3, с. 7].

С одной стороны образ Царскосельского сада несет значение «отечества новой русской поэзии», «гостеприимного крова», «задумчивой сени», воспетых А. Пушкиным, В. Кюхельбекером, И. Анненским, с другой стороны – это колыбель творчества самой поэтессы, счастливое прошлое, которое не вернуть. Можно сделать вывод, что данный флорообраз авторский и индивидуальный, в нем пересекаются несколько значений. Благородные Царскосельские сады в стихотворении А. Ахматовой – это и реальная, предметная локация, и эмотивное пространство, совокупность художественных образов, мотивов, сюжетов, святое место, практически мифологический Парнас, идеальный мир Эдема, и ирреальное пространство грезы, нежных воспоминаний из собственной биографии.

Традиционно-фольклорные флорообразы – это образы растений, которые сформировались посредством устного народного творчества и имеют свою устоявшуюся трактовку. Они присутствуют в народных легендах, былинах, сказках и других жанрах фольклора. Примером может служить созданный А. Ахматовой образ ивы из стихотворения «Память о солнце в сердце слабеет...» (1911):

Ива на небе пустом распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой [3, с. 175].

Ива – образ, который несет в себе целый ряд значений. В первую очередь, это «дерево, символизирующее скорбь и печаль» [5]. Для древних славян характерно представление об иве как о Древе Жизни и Мировом древе. В христианстве ива – святое дерево, символ страдания и мученичества. В стихотворении А. Ахматова пишет о неразделенной любви, использует образы холода, стылой воды, жухлой травы, темноты. Образ ивы здесь традиционный – это «плакучее» дерево, связанное с эмоциями горя и утраты. Однако ива способна цвести вопреки всем капризам погоды, становится символом древа жизни, как и сама лирическая героиня ахматовского стихотворения. После страданий она, сохранив в памяти моменты трагической любви, способна жить дальше.

В своем позднем стихотворении «Ива» (1940) А. Ахматова признается:

Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.
И, благодарная, она жила
Со мной всю жизнь, плакучими ветвями
Бессонницу овеивала снами [3, с. 295].

Этот фрагмент – своеобразный итог размышлений, аутонаблюдение за собственной поэзией и судьбой, где плакучая ива, символ страданий и слез, становится эгидным, любимым образом.

Примером *классического* флорообраза является образ гвоздики, который А. Ахматова употребляет в стихотворении «…И на ступеньки встретить» (1913):

И дал мне три гвоздики,
Не поднимая глаз [3, с. 24].

Гвоздика здесь отсылает к семантике мученичества, гвоздей, вбитых в тело Христа. Стихотворение А. Ахматовой – вольный пересказ истории Золушки: героиня сказки Ш. Перро Сандрильона, ее башмачок, сверчок упоминаются в тексте. Известно, что сказочное повествование заканчивается счастливым браком принца и Золушки, однако А. Ахматова намекает на иной исход событий. Любовь осталась несбывшейся, а неверный и ветреный принц готов примерять «белый башмачок» всем. Так, подарок принца – гвоздики – не столько цветы любви, сколько гвозди страданий, что терзают влюбленную девушку.

При написании своих стихотворений А. Ахматова активно использовала *гиперсимволы* сада, травы, леса и др.

Образ сада занимает в творчестве поэтессы особое место. Д. Лихачев даже утверждает, что А. Ахматова – «последний из поэтов, уделявших в своей поэзии много места садам и паркам» [4, с. 135], – и конкретизирует концепцию сада в ахматовском художественном мире: «А. А. Ахматова также ассоциировала сад с Эдемом – местом счастливого творчества. Сад в поэзии Ахматовой – символ иного, настоящего и счастливого бытия» [4, с. 136]. Для лирики А. Ахматоввой характерен синтез метафизического и конкретно-топографического пространств в образе сада. Флорообраз «сад» употребляется с разными определениями: значение конкретного пространства (Флорентийский, приморский, деревенский, Царскосельский, Царицын, Екатеринин); сад как рай и небеса (чудесный, ангельский, единственный, райский, отеческий); сад как прошлое, которое не вернуть (временное значение) – (ушедший); значение поры года – (осенний). Образ сада употребляется как с положительной коннотацией – тихий, нежный, так и отрицательной – бессолнечный, мрачный, черный.

В творчестве А. Ахматовой встречается большое количество флорообразов. Флористические образы применяются в метафизическом значении (прошлое и нынешнее, жизнь и смерть, любовь и ненависть) и конкретном (место, время, пора года, деталь общей картины). Стоит обратить внимание на то, что наряду с образами, несущими традиционное значение (фольклорные, религиозные и мифические), автор использует авторские образы. Флорообразы А. Ахматовой выполняют свою основную функцию – выражают эмоции и чувства, а также отражают мировосприятие автора.

Список использованной литературы

1. Ахматова, А. Собрание сочинений : в 6 т., в 2 кн. / А. Ахматова. – М. : Эллис Лак, 1999. – Т. 2, кн. 2 : Стихотворения. 1959–1966. – 528 с.

2. Горбовская, С. Г. Образ растения во французской литературе XIX века: деактуализация многовековых традиций и формирование новой парадигмы [Электронный ресурс] : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.01.03 / С. Г. Горбовская ; РГГУ. – Калининград, 2021. – 35 с. – Режим доступа: https://www.dissercat.com/ content/obraz-rasteniya-vo-frantsuzskoi-literature-xix-veka-deaktualizatsiya-mnogovekovykh-traditsii? ysclid=luspxug tul803136913. – Дата доступа: 11.01.2024.

3. Горбовская, С. Г. Фитоним как литературно-художественный образ (от флоротропа к субъективно-ассоциативному флорообразу) [Электронный ресурс] / С. Г. Горбовская // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 9. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/fitonim-kak-literaturno-hudozhest vennyy-obraz-ot-florotropa-k-subektivno-assotsiativnomu-floroobrazu. – Дата доступа: 08.02.2024.

4. Лихачев, Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей: Сад как текст / Д. С. Лихачев. – М. : Согласие, 1998. – 469 с.

5. Символы, знаки, эмблемы : энцикл. / авт.-сост. : В. Э. Багдасарян [и др.]. – М. : Локид-Пресс, 2003. – 495 с.

К содержанию

К. С. ИВАНЮК
Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Е. Никитина, канд. филол. наук, доцент

СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НАГЛЯДНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ «ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ»

Современный урок не может обойтись без использования наглядных средств обучения. Средства наглядности играют ключевую роль в образовательном процессе, они способствуют значительному росту эффективности обучения, вызывают интерес у учеников к изучаемому материалу. Это позволяет учащимся лучше понять и усвоить информацию.

Изучив классификации средств наглядности Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина, Е. С. Полат, С. П. Антоновой и Н. П. Поморцевой [1; 2; 3], мы разработали собственную систему классификации наглядных средств. В нее входят:

а) слуховая наглядность – это средства, которые преимущественно обеспечивают информацию через слух (аудиозаписи и радиопередачи, речь учителя);

б) зрительно-слуховая наглядность – это средства, которые обеспечивают информацию через сочетание зрения и слуха (кинофрагменты и диафильмы);

в) графическая наглядность – это средства, которые обеспечивают информацию через визуализацию данных или идей (графики, таблицы и схемы);

г) изобразительная наглядность – это средства, которые обеспечивают информацию через визуальные изображения, картины и фотографии;

д) интерактивная наглядность – это современные технологии, которые позволяют пользователям взаимодействовать с информацией (компьютерные и мультимедийные технологии, а также интерактивные доски и Интернет).

Представленная классификация охватывает те педагогические и методические средства наглядности наиболее часто и эффективно применяемые на уроках русского языка для повышения интереса и уровня понимания учеников.

Наиболее популярные из имеющихся средства наглядности среди учителей – слуховая, графическая, зрительно-звуковая. Реже учителя используют изобразительную и интерактивную наглядность. Однако данные средства наглядности не менее эффективны.

В основном изобразительная наглядность используется при написании сочинения. Сюда относят репродукции картин, фотографии. Помимо этого,

учащимся можно предлагать шуточные картинки, которые помогут быстрее понять и запомнить определенное правило. Такое средство наглядности состоит из рисунка и текста. Между ними можно провести ряд ассоциаций, что и помогает упростить процесс запоминания определенного правила.

Зачастую учителя пренебрегают интерактивной наглядностью, так как скептически относятся к современным технологиям. Конечно, современные технологии имеют свои минусы, но в образовании – это способ облегчить восприятие темы. Компьютерные и мультимедийные технологии, а также интерактивные доски и Интернет являются примерами таких средств. Подобные средства наглядности упрощают процесс усвоения информации для обучающихся. Самое популярное средство интерактивной наглядности – презентация.

Одним из средств интерактивной наглядности является сайт Quizlet – это онлайн-программа, генератор карточек. В ней можно создавать карточки по любым предметам с использованием визуальной, текстовой и звуковой опоры. Интерактивные игры такого типа привлекают обучающихся к образовательному процессу и облегчают этап усвоения новой информации. Учащиеся сканируют QR-код и участвуют в викторине при помощи смартфона. Работа может проводиться как и в индивидуальной, так и в групповой форме. Например, обучающимся нужно выбрать правильные варианты написания «не» с прилагательными. Когда ученик выбрал варианты, он сразу может увидеть, правильно ли ответил, а также правило, поясняющее написание.

Еще одно из эффективнейших средств наглядности – алгоритм. Работу над составлением алгоритмов можно провести на уроке после знакомства с правилом. Иногда целесообразно дать готовый алгоритм целиком, иногда постепенно, шаг за шагом, путем наводящих вопросов выводить учеников на самостоятельные составления алгоритма. Это способствует развитию логического мышления обучающихся: им понятен ход рассуждений, и многие простые алгоритмы они могут составлять сами. Составление алгоритма заставляет ученика думать, а не получать готовый результат. Затем можно провести работу по закреплению на многократном повторении действий. Вначале проводится устная работа, а затем даются письменные упражнения.

Приведенный ниже алгоритм (рисунок) разработан специально для того, чтобы помочь обучающимся лучше запомнить и понять правило применения -*к*- или -*ск*- в прилагательных. Рекомендуется составлять этот алгоритм вместе с обучающимися. Такой подход к обучению, который включает активное участие учеников в процессе обучения, способствует более быстрому и эффективному запоминанию материала.

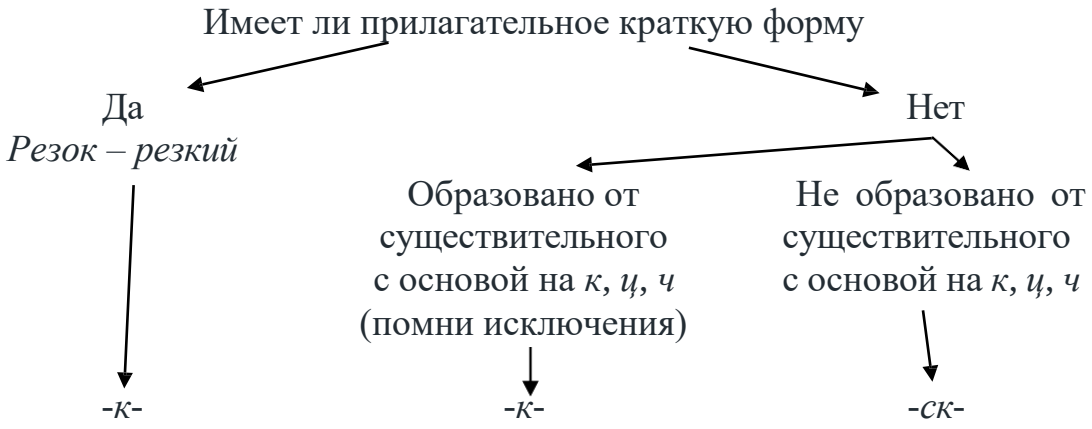


Рисунок – Алгоритм применения *-к-* или *-ск-* в прилагательных

Наглядность представляет собой специально организованный и тщательно продуманный показ учебного материала, который не просто проводит учащихся по тропе знаний, но и вдохновляет их самостоятельно открывать законы изучаемого явления и проверять их достоверность. Это не просто инструмент обучения, это ключ к пониманию сложных концепций. Применение средств наглядности при изучении нового материала позволяет учащимся более глубоко и полно понять суть изучаемого, поэтому не стоит ими пренебрегать.

Список использованной литературы

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.

2. Антонова, С. П. Реализация принципа наглядности в обучении лексике английского языка в средней школе / С. П. Антонова, Н. П. Поморцева // Реализация принципа наглядности в обучении лексике английского языка в средней школе : сб. ст. / сост. : Д. Р. Сабирова [и др.]. – Казань, 2019. – С. 195–201.

3. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Е. С. Полат [и др.]. – М. : Академия, 1999. – 224 с.

К содержанию

В. Ю. КАРПОВИЧ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Л. В. Скибицкая, канд. филол. наук, доцент

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ КОНТЕНТА МОДНОГО ЖУРНАЛА

Журналы о моде стали неотъемлемой частью современной индустрии. Они предлагают своим читателям оригинальное сочетание информации, эстетики и стиля. Они не только устанавливают модные тенденции, но и отражают особую лингвостилистическую культуру. Исследование лингвостилистических особенностей контента модных журналов позволяет углубить понимание особенностей языка в этой области и выявить коммуникативные стратегии модных изданий.

Исследование языка модных изданий – предмет научного интереса ряда ученых [например, 2–6], которые рассматривают различные аспекты влияния языка модных изданий на речевое поведение, структуру текстов и восприятие информации. Контент модного журнала характеризуется утонченностью, изысканностью и элегантностью. Тексты, размещаемые в таких изданиях, обычно написаны с использованием красочных и креативных образов, метафор и аллегорий. В них часто используются элементы product placement.

Важным аспектом лингвостилистических особенностей модных журналов является акцент на визуализации: к вербальной части добавляются фотографии, иллюстрации, рисунки и другие элементы, которые в совокупности создают единую концепцию.

Лингвостилистические особенности контента модного журнала составляют его уникальную атмосферу и помогают создать образ и стиль, который привлекает целевую аудиторию и передает модные тенденции и веяния. Они обращены к визуальной привлекательности и стилистическому описанию модных тенденций для создания яркого и запоминающегося образа мира моды.

В данной статье мы рассмотрим особенности контента модного журнала на примере белорусского журнала «Fashion Collection Беларусь».

Fashion Collection Беларусь – белорусский журнал о моде, красоте и стиле жизни, один из ключевых региональных проектов крупной международной сети Fashion Collection с головным офисом в Москве. Выпускается с 2012 г.

На страницах Fashion Collection размещаются эксклюзивные интервью со значимыми фигурами в мире моды и искусства, аналитические

статьи, обзоры тенденций, авторские фотоистории от лучших белорусских и российских фотографов.

Белорусская редакция Fashion Collection ведет активную работу на модном рынке страны – организовывает множество тематических мероприятий: показов, тематических встреч, семинаров и лекций» [1].

Исследование лингвостилистических особенностей журнала «Fashion Collection Беларусь» позволило выявить следующие характерные черты:

1) использование специфической лексики, включающей термины, иностранные слова из модной и косметической индустрии: *haute couture*, *must-have*, *smoky-eyes*, *fashion week*, *backstage*, *прет-а-порте*, *лукбук*, *тотал-лук*, *ультратренд*;

2) использование «вещно-предметных» существительных, обозначающих одежду, аксессуары, стили и образы: *кейп*, *микро-шорты*, *жакет*, *корсет*, *ткань*, *гардероб*, *коллекция*, *фактура*, *моноцвет*;

3) преобладание прилагательных, создающих образы и описывающих модные тренды: *ультраженственный*, *креативный*, *геометрический*, *абстрактный*, *богемный*, *драматичный*, *минималистичный*, *ультрамодный*;

4) использование фразеологизмов и прецедентных феноменов, которые чаще всего можно увидеть в заголовках: *быть в авангарде*, *до последнего вдоха*, *звезды сошлись*, *солнце в зените*;

5) постоянное упоминание брендов, которые прописываются в обзорах, биографиях, советах и рекламе (раздел «Выбор редакции»);

6) использование побудительных и вопросительных предложений: *«Чем заменить наскучившее пальто? Ультрамодным кейпом!»*; *«А что если превратить образ в россыпь цветов?»*; *«Вы готовы к такой весне?»*; *«Готовы записывать?»*; *«Решение есть!»*.

Важный аспект стилистики текста в модных журналах состоит в интеграции текста такими визуальными элементами, как фотографии, графика и иллюстрации. Расположение изображений на страницах помогает создать эстетически приятное восприятие материала и дополняет текст. Использование определенных шрифтов и цветов помогает создать соответствующую атмосферу и подчеркнуть основные идеи текста. Фотографии в модном журнале являются основным визуальным материалом и должны быть высокого качества, стильными и эстетически привлекательными. Fashion collection использует много интересных иллюстраций, которые передают дизайнерский взгляд на моду. Чаще всего это эскизы работ выдающихся модельеров, которые позволяют читателям увидеть создание и развитие концепции модного образа.

Помимо визуальных аспектов, уделяется внимание верстке страниц и расположению текста и изображений на них. Хорошо продуманная

композиция каждой страницы позволяет создать гармоничное единство между элементами и обеспечивает удобство чтения для аудитории.

Таким образом, модный журнал «Fashion collection Беларусь» представляет собой тип издания со своей специфической лексикой, грамматикой и стилистикой.

Модные издания в целом не просто демонстрируют последние тренды в индустрии моды, они также являются уникальным объектом изучения для лингвистов и культурологов. В них отражается особая семантика, прагматика и синтактика, создающие атмосферу утонченности, неповторимого стиля, репрезентирующих мир моды.

Список использованной литературы

1. Fashion Collection Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fcollection.by/o-nas/. – Дата доступа: 11.03.2024.

2. Атякшева, Д. А. Особенности речевого воздействия рекламных текстов в life-style изданиях [Электронный ресурс] / Д. А. Атякшева. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rechevogo-vozdeystviya-reklamnyh-tekstov-v-life-style-izdaniyah. – Дата доступа: 11.03.2024.

3. Будник, А. А. О. О влиянии языка модных журналов на моду речевого употребления [Электронный ресурс] / А. А. О. Будник. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-vliyanii-yazyka-modnyh-zhurnalov-na-modu-rechevogo-upotrebleniya. – Дата доступа: 11.03.2024.

4. Коньков, В. И. Речевая организация журнала мод [Электронный ресурс] / В. И. Коньков. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-organizatsiya-zhurnala-mody/viewer. – Дата доступа: 25.03.2024.

5. Косицкая, Ф. Л. Каталог моды как симфония дискурсов [Электронный ресурс] / Ф. Л. Косицкая. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/katalog-mody-kak-simfoniya-diskursov. – Дата доступа: 11.03.2024.

6. Кульнина, Е. А. Лингвостилистический анализ как средство изучения особенностей построения и понимания различных видов текста [Электронный ресурс] / Е. А. Кульнина. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilisticheskiy-analiz-kak-sredstvo-izucheniya-osobennostey-postroeniya-i-ponimaniya-razlichnyh-vidov-teksta. – Дата доступа: 05.06.2024.

К содержанию

А. В. КАСЦЮЧЫК
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – В. М. Касцючык, канд. філал. навук, дацэнт

ХАРАКТАРЫСТЫЧНЫЯ НАЙМЕННІ Ў ДЫЯЛЕКТНЫМ КАНТЭКСЦЕ (НА АСНОВЕ ГАВОРКІ ВЁСКІ ЗАСТАЎЕ ДРАГІЧЫНСКАГА РАЁНА)

З дапамогай характарыстычнай лексікі не толькі называецца адпаведны прадмет, дзеянне, але і даецца ім ацэнка, выказваюцца да іх свае адносіны. Гэтыя адносіны могуць быць станоўчымі ці адмоўнымі, у залежнасці ад чаго характарыстычную лексіку можна падзяліць на дзве групы – са станоўчай і негатыўнай ацэнкай.

Так, надзвычай яркімі эмацыйна-экспрэсіўнымі сродкамі дыялектнага маўлення з'яўляюцца мянушкі: ***Ба́нік*** ‘*чалавек, які працаваў у бані*’: *Баніка ўжэ даўно ныма*; ***Батэ́й*** ‘*чалавек, які ў свой час лічыўся заможным, самым багатым у вёсцы*’: *У Батэя зымою і сніга ны попросыш*; ***Гарагу́лыха*** ‘*жанчына, якая вельмі хутка і незразумела размаўляе*’: *Гарагулыху ны пырыговорыты ныяк*; ***Зылёный*** ‘*мужчына мае вельмі бляклы твар*’: *Зылёный хату пырыкрыў ужэ*; ***Ка́чэр*** ‘*ганарлівы мужчына, якога параўналі са свойскай птушкай*’: *Качэр буў господар добры*; ***Кру́ча*** ‘*мужчына вельмі хутка ездзіў на машыне, крута паварочваў*’: *Круча ўсім сынам машыны покупляў*; ***Масля́к*** ‘*мужчына сам сябе так назваў, бо вельмі любіў збіраць грыбы*’: *Масляк ныколы быз грыбыў ны буў*’; ***Шмо́ня*** ‘*нелюдзімы, адзінокі дзед, які жыў адасоблена ад людзей каля лесу*’: *Шмоня на скрыпцы ўміў граты*; ***Палко́ша*** ‘*мужчына з дзяцінства марыў быць палкоўнікам*’: *Палкоша з Зозулію ходять на ферму*; ***Пу́пэць*** *‘худы мужчына вельмі малога росту*’: *Пупэць і ны вырос ныяк*.

Характэрная асаблівасць кожнай характарыстычнай назвы – наяўнасць дадатковага значэння, эмацыйна-экспрэсіўнай афарбоўкі, як правіла, адмоўнай. Нярэдка чалавеку даюць мянушку таму, што яго ўчынкі і паводзіны не выклікаюць павагі: ***тырэ́ся*** – нязграбны, лянівы і няўмелы чалавек: *Якый з його господар? Одным словом – тырэся.* ***Задры́панэць*** – вельмі неахайны чалавек. Звычайна праз гэта слова ацэньваюць знешні выгляд чалавека, маючы на ўвазе тое, як ён апрануты, які стан яго вопраткі: *Зразу выдно, шо жынкі ныма – задрыпанэць які.* Назоўнікам ***ро́хля*** характарызуюць неахайнага чалавека: *Жывэ бы рохля, ныц ны робыть, ны прыбырае.* Яшчэ гэты назоўнік ўжываюць, калі гавораць пра вельмі нясмелага чалавека: *Вын і ны посварыцця, і ны доб'ецця нычого, бо рохля.*

Роспу́ста абазначае неслухмянага чалавека. Слова ўтворана ад асновы дзеяслова *распусціць.* Гэты назоўнік часцей выкарыстоўваецца ў якасці

наймення дзіцяці, якое нікога не слухаецца, паводзіць сябе эгаістычна ў дачыненні да іншых: *Шытык на гэту роспусту трэба браты.* Сінонімам да гэтага слова служыць прыметнік ***розма́заны***. Так гавораць пра непаслухмянае дзіця, якое вельмі разбэсцілі бацькі: *Гэто ўжэ самы выноваты, шо сын такі розмазаны.*

Прыметнік ***роску́дланый*** і назоўнік ***лаху́дра*** характарызуюць чалавека з неахайнай прычоскай: *Всігда ходыть роскудланый*; *Трэба грыбынэць подарыты, бо ходыть лахудра лахудрыю.* ***Зо́ляй*** называюць чалавека, які моцна вымазаўся: *Подывысь на сыбэ – просто золя!* Чалавека, стомленага ад працы, называюць ***замýляный***: *Такый замуляный прыйшоў з поля!*

Асобны сінанімічны рад утвараюць словы, якія характарызуюць нязграбнага, няўмелага чалавека. Да іх ліку адносяцца ***тырэ́ся***, ***коцюба́***, ***пу́то***, ***шалапу́та***, ***пырымо́та***: *Хіба моя сусідка хліб спычэ? Вона ж няка тырэся*; *Ны можэ ны гвоздь убыты, ны сокіру ў рукі ўзяты – коцюба*; *Ёго і на шабашку ны быруть, бо путо*; *Мыняе роботы гэты шалапута і ныдэ ны задэржыцця*; *Пока соткі гэта пырымота выташчыть – зыма наступыть.*

Непаваротлівую, вельмі павольную жанчыну называюць ***клу́ша*** ці ***копу́ша***: *Як клуша полэ огород. Пока повэрныцця…*; *Выбратыся ў ліс у пору ныяк з гэтыю копушыю ны можна.* Вельмі ж рухомы чалавек атрымаў найменні ***крути́ль*** і ***юла́***. Часцей гэтыя назвы датычацца малых дзяцей: *Такого круціля і ўпыльноваты тяжко*; *От юлу прывызлы бабы на літо.*

Індывідуальныя асаблівасці твару чалавека часта бываюць падставай для ўтварэння розных эмацыянальна-ацэначных намінацый. Так, ***вы́скірок*** – гэта той, хто падчас смеху шырока адкрывае рот і паказвае зубы: *А гэты выскірок всігда зубы сушыть*. ***Шно́бель*** – чалавек з вельмі вялікім носам*: Гэты шнобель усюды ўсуныцця.*Тоўстае дзіця называюць у вёсцы ***помпу́ха***: *Такую помпуху выгодовалы, а самыі худэнькі.*

Шмат найменняў характарызуюць асоб, якія не сядзяць на месцы, бязмэтна ходзяць. Асобны сінанімічны рад утвараюць словы, якія ацэньваюць паводзіны бестурботнага чалавека, які ўвесь час недзе ходзіць, марна праводзіць час. Да іх ліку адносяцца ***прыблу́да***, ***облу́да***, ***волоцю́га***, ***шалапу́та***, ***пу́то***. ***Прыблу́да***, ***облуда*** – чалавек, у якога няма пэўнага, пастаяннага месца пражывання: *Гэто ны наш чоловік, ны отсюда, прыблуда*; *Ныдэ ёму місця ныма, облуда.*

Многія характарыстычныя дзеясловы выяўляюць значэнне інтэнсіўнасці ці экстэнсіўнасці дзеяння праз наступныя характарыстыкі: – сіла дзеяння: ***одлупы́ты***, ***отпэ́рыты***, ***наваля́ты*** ‘*моцна набіць*’: *Успокойся, пока ны одлупыла*; ***зга́ныты*** ‘*моцна насварыць каго-н.*’: *Так мужыка свого зганыла, шо і мні стало страшно*; ***увалы́ты*** ‘*моцна ўдарыць*’: *Увалыў добрэ ў груды*; ***бра́знутысь***, ***грэ́пнутысь***, ***гэ́пнутысь***, ***ля́снутысь*** ‘*моцна*

ўдарыцца пры падзенні’: *Злазыў з воза і добрэ грэпнуўся об зэмлю*; ***шпурну́ты*** ‘*з сілай кінуць што-н. ці каго-н.*’: *Шпурнуў здуру кварту ў стыну*; ***залягáтыся***, ***роготі́ты*** ‘*моцна смяяцца*’: *Я росказую юй, а вона аж залягаецця, так рогочэ*; ***е́нчыты***, ***гвалтовáты*** ‘*моцна крычаць*’: *Нашо ўжэ так енчыты і гвалтоваты на тую дытыну*; – хуткасць дзеяння: ***попэ́рты***, ***кóпануты***, ***ломану́тысь*** ‘*вельмі хутка пайсці*’: *Куды ты ўжэ попэр, догнаты ны можна*; *О то копануў, оно пыл закурыў*; *Усі ў магазін ломанулыся – прывоз буў*; ***шкандэ́баты***, ***шкапырдáты*** ‘*ісці, ледзь перастаўляючы ногі*’: *Які ўжэ ў мынэ рух? От шкандэбаю крыху, по дворі пошкапырдаю;* ***колупáтыся***, ***кóшкатыся***, ***валэ́ндатысь*** ‘*вельмі павольна некуды збірацца*’: *Вечно ты вылэндаешся. Куды б ны збыралыся*; *Будэ ўжэ колупатыся на тых картоплях до ночы*; *Цілый дэнь ўсэ нішо кошкаецця, а робота так і ны дороблэна*; – выніковы аб’ём дзеяння: ***нады́баты*** ‘*знайсці што-н.*’: *Надыбала трохі ягід у лісы, бо якраз натрапыла на добру містыну*; ***набрáтыся***, ***налызáтыся***, ***нажрáтыся*** ‘*празмерна напіцца гарэлкі*’: *Хлопцы после роботы так набралыся, шо лэдь додому долізлы*; *Налызалыся мужыкі на высіллі і такі говоручы сталы*; *Гэто ж трэба так нажратыся, шо пуд паркан звалытыся*; ***убу́хаты*** ‘*патраціць вельмі многа грошай*’: *Стылькі ўбухалы ў гэту хату, а вона ны потрібна була ныкому*; ***доколупáтыся*** ‘*раззлаваць каго-н., робячы пастаянныя заўвагі*’: *Так доколупаўся, шо хоть кідай тую роботу.*

Некаторыя характарыстычныя назвы ўзніклі ў выніку заамарфічных пераносаў. Напрыклад, слова ***свыння́*** як назва асобы ўтворана ад *свіння* ‘*парнакапытная млекакормячая жывёліна, свойскі від якой разводзяць для атрымання сала, мяса, скуры, шчаціння; самка гэтай жывёлы*’. Так называюць бруднага, неахайнага чалавека, які заўсёды некультурна сябе паводзіць.

Асобную групу складаюць характарыстычныя назоўнікі і дзеепрыметнікі, утвораныя ад адпаведных дзеясловаў. Трэба адзначыць, што сярод усіх часцін мовы дзеяслоў валодае самым высокім словаўтваральным патэнцыялам. Так, менавіта ад асновы дзеяслова ўтворана значная колькасць назваў неахайнага чалавека. Гэта дзеепрыметнік ***захлёстаный***, які з’яўляецца вытворнай намінацыяй ад дзеяслова *захлёстаты*, што абазначае ‘*запырскаць брудам, забрудзіць*’: *Прышоў з роботы такій захлёстаный, шо ны одмытыся*; а таксама ***потрэ́паный***, што выступае ўтварэннем ад дзеяслова *потрыпáты* ‘*пабіць*’: *Опять Колька ўвэсь потрэпаный ходыть.*

Назоўнік-мянушка ***Тры́нда*** паходзіць ад дзеяслова *трындзець*, гэта значыць многа гаварыць: *За Трындыю ужэ колхознэ полэ начынаецця.* Наступная характарыстычная намінацыя ***страхолю́дына*** ўтворана ад

дзеяслова ***страшыць*** і назоўніка ***людзі***: *Гэто ж трэба буты такою гыдькыю, страхолюдына прамо*.

Многія дыялектныя назоўнікі характарызуюць чалавека паводле росту. Сярод іх назіраюцца словы, якія ўступаюць у сінанімічныя і антанімічныя адносіны. Агульным значэннем ‘*вельмі высокі чалавек*’ аб’яднаны ***ды́лда***, ***оглóбля***, ***вылыкду́р***: *Ныхорошэ для діўкы такэю дылдыю буты*; *Такі вырос высочэзны, доўгі, як оглобля*; *Такый вылыкдур, а дома нычого ны робыть*. Са значэннем ‘*чалавек малога росту*’ ўжываюцца словы ***кардýпэль***, ***шмакодя́ўка***, ***шпэ́ндрык***: *Такій кардупэль і ны жэныцця ныколы*; *Няка шмакодяўка, алэ і тая задаецця*; *Гэты шпэндрык і пролізэ ўсюды*.

Унікальнымі з’яўляюцца матывацыйна няясныя дзеяслоўныя карані. Іх мае самая шматлікая група эмацыянальна-экспрэсіўных слоў Драгічын-шчыны: ***начапу́рытысь*** ‘*апрануцца прыгожа, святочна*’: *Начапурылась і подалась у Дорогічын*; сінонімы ***выкабэ́люватысь***, ***выпе́ндруватысь*** ‘*задавацца*’: *Гэта баба всігда выламуецця і выкабэлюецця, бо надто сыбэ любыть*; *Гэты жыты ны можэ, шоб ны повыпендруватысь*; ***закля́кнуты*** ‘*знямець, знерухомець*’: *Картоплі выбырала со скопця і так заклякла, шо лэдь розогнулася*; ***валэ́ндатыся***, ***пу́татыся*** ‘*хадзіць без справы*’: *Оно путаюцця і валэндаюцця Коля з Жэнію*; ***накапу́зытыся*** ‘*пакрыўдзіцца на некага*’: *Насварыла малую, то на цілый дэнь накапузылася*; ***надыбáты*** ‘*знайсці нешта*’: *Коб шэ насіння дэ надыбаты, да огород посіяты*; ***околі́ты*** ‘*моцна змерзнуць*’: *Ныкуда і ны пойду ў гэты мороз, бо можна околіты*; ***роспотýрхаты*** ‘*растрэсці*’: *Увэсь стожок сіна діты роспотурхалы*; ***пу́чытысь*** ‘*прыкладваць намаганні*’: *Пучышся всэ літо, а сіна всэ однэ на зыму ны хватае*; ***варакýзыты*** ‘*гаварыць абы-што*’: *Прыйдэ ў хату і ўжэ варакузыть*; ***очýхатысь*** ‘*вылечыцца*’: *Усю зыму хворіла, алэ няк очухалась*; ***судóсыты*** ‘*сустрэць*’: *Якій ішоў, такого і судосыв*; ***ташчы́ты*** ‘*капаць бульбу*’: *Осэнню кількі дён трэба було ташчыты*.

Такім чынам, характарыстычнасць слоў у дыялектным маўленні выяўляецца як адметная і заканамерная з’ява. Найменні-характарыстыкі валодаюць, як правіла, эмацыянальнасцю, ацэначнасцю, вобразнасцю, інтэнсіўнасцю ці экстэнсіўнасцю. Важным паказчыкам характарыстычных слоў выступае ўнутраная форма, за кошт якой моўная адзінка захоўвае жывыя словаўтваральныя сувязі з іншымі словамі.

К содержанию

Я. У. КАСЫНЮК
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – А. С. Кавалюк, канд. філал. навук, дацэнт

ЖАНРАВА-ТЭМАТЫЧНЫ ДЫЯПАЗОН ТВОРЧАСЦІ ВОЛЬГІ ІПАТАВАЙ

В. Іпатава – вядомая беларуская пісьменніца, перакладчыца, грамадскі дзеяч, публіцыст і крытык, без яе гістарычных твораў сёння цяжка ўявіць нацыянальную літаратуру.

В. Іпатава пачынала сваё творчае станаўленне з вершаў і з'яўляецца аўтарам зборнікаў паэзіі "Раніца" (1969), "Ліпеньскія навальніцы" (1973), "Парасткі" (1976). Паэтычная творчасць – гэта найперш дзённік жыцця і лёсу самой пісьменніцы, выяўленне яе ўласнага ўнутранага свету, псіхалагічнага стану. Кожны паэтычны твор пра чалавечыя прыхільнасці, захапленні, перажыванні і трывогі, пра боль растанняў і радасць спатканняў. Гэта і выяўленне стану дзіцячай пакалечанай душы. В. Іпатава пісала толькі праўду, часам прыкрую, ніякія праблемы і перажыванні не замоўчвала. Яе паэзія запамінальная сваёй шчырасцю. Шырокі тэматычны дыяпазон паэтычных твораў В. Іпатавай: гэта дзетдомаўская і сіроцкая тэмы, ваенная і малой радзімы, гістарычная, сваяцкая і маральна-этычная.

Празаічная творчасць В. Іпатавай пачыналася з апавяданняў. Яны склалі тры зборнікі: "Вецер над стромай" (1977), "Дваццаць хвілін з Немезідай" (1981), "Перакат" (1984). Некаторыя творы з ранняга перыяду не ўвайшлі ні ў адзін з яе зборнікаў прозы, друкаваліся на старонках газет і часопісаў. Акрэсліваючы праблемна-тэматычную скіраванасць малой прозы В. Іпатавай, неабходна адзначыць, што вызначальнымі тэмамі яе апавяданняў і аповесці "Вузялок Святагора" стала дзетдомаўская тэма і тэма сіроцтва пры жывых бацьках, аўтабіяграфічная для пісьменніцы. Актуальнымі для В. Іпатавай у ранні перыяд творчасці былі праблемы сямейных і міжасабовых узаемадносін, адказнасці чалавека за свае ўчынкі і паводзіны, праблемы віны і пакарання. Стылёвай асаблівасцю твораў пісьменніцы з'яўляецца паглыблены псіхалагізм ў адлюстраванні герояў, уменне "маляваць словам", ствараць лаканічныя, але выразныя і змястоўныя карціны прыроды.

У сваіх ранніх празаічных творах В. Іпатава змагла перадаць пакручастасць уласнага лёсу. Часам цяжка вызначыць мяжу паміж жыццём гераінь і самой пісьменніцы. Намі заўважана, што ва ўсіх творах малой прозы В. Іпатавай галоўнымі героямі выступаюць жанчыны, дзяўчаты

падлеткавага ўзросту, малыя дзяўчынкі. Іх вобразы найбольш удаваліся пісьменіцы. В. Іпатава паказала розныя жаночыя лёсы, розныя жыццёвыя абставіны, але ўсіх гераінь аб'ядноўвае тое, што кожная імкнецца зразумець асабістае "я", пазнаць сэнс жыцця і дабіцца ўласнай незалежнасці. Менавіта асабістым унутраным светам герояў запамінальныя і павучальныя творы В. Іпатавай ранняга перыяду творчасці.

Адначасова з апавяданнямі пісьменніца пісала і аповесці. Да ранняга перыяду творчасці адносяцца яе "Прадслава" (1971), "За морам Хвалынскім" (1989), "Чорная княгіня" (1989). Ствараючы вобраз Ефрасінні Полацкай у першай сваёй гістарычнай аповесці, В. Іпатава рамантызуе яе, засяроджваецца на інтымных пачуццях гераіні, паказвае, што ў душы святой суіснавалі хрысціянства і паганства.

На матэрыяле старажытнай Полаччыны часу праўлення князя Брачыслава (IX–X стст.) створана аповесць "За морам Хвалынскім". Ёсць у творы і вобраз маладога Усяслава, сына Брачыслава Ізяславіча. Аднак рэальных гістарычных асоб пісьменніца не зрабіла галоўнымі героямі, перамясціла на другі план. Перавагу яна аддала простаму палачаніну, сыну каваля, аружаносцу і дружыннiку Алексу. В. Іпатава засяродзіла ўвагу як на побыце князя Брачыслава Ізяславіча, яго дружынніка, так і на жыцці простых людзей. Падарожжа Алексы ў чужыя краіны дало мажлівасць пісьменніцы паказаць тагачасныя ўсходнія гарады, такія як Джургеня, Бухара, Бакунэ, Харэзм, Мека і інш., выявіць культуру, звычаі іх насельнікаў. Гэта тэндэнцыя будзе пазней працягнута ў аповесці "Чорная княгіня" і робіць гістарычную прозу В. Іпатавай адметнай сярод іншых творцаў.

"Чорная княгіня" напісаная на матэрыяле гісторыі беларускіх зямель XVI ст. Паказаны той час, калі Рэч Паспалітая апынулася на стыку праваслаўя, каталіцызму і рэфармацыі. Твор пададзены як "мемуары" пакаёўкі знакамітай княгіні Гальшкі Астрожскай. Абапіраючыся на дакладныя гістарычныя крыніцы, В. Іпатава ўвасобіла ў нязвыклых вобразах многія гістарычныя асобы (караля Сігізмунда II Аўгуста, каралевы Боны Сфорца (маці Жыгімонта II Аўгуста), Барбары Радзівіл, Васіля Цяпінскага, Францыска Скарыны, Міколы Гусоўскага, князя Дзмітрыя Данскога, дзяржаўнага дзеяча Паўла Яна Сапегі і іншых. Выкарыстаўшы творчы вымысел для стварэння іх вобразаў, пісьменніца прапанавала "пляцоўку" для разгортвання фантазіі чытача і параўнання сучаснага светапогляду са светапоглядам людзей XVI ст.

Гістарычную трылогію В. Іпатавай складаюць раманы "Залатая жрыца Ашвінаў" (1999), "Вяшчун Гедзіміна" (2000), "Альгердава дзіда" (2001), якія ствараліся на працягу 1997–2001 гадоў і друкаваліся паасобку ў розных перыядычных выданнях. Раман "Залатая жрыца Ашвінаў" стаў першым у беларускай літаратуры творам, у якім даследуюцца

індаеўрапейскія і арыйскія карані нашай культуры. Пры напісанні рамана В. Іпатава абапіралася на многія дакументальныя матэрыялы, паданні, летапісы, кніжныя помнікі. У творы апісаны беларускія землі ў XIII ст., у час праўлення Міндоўга і яго сына Войшалка, у час стварэння Вялікага Княства Літоўскага, цэнтрам якога стаў Наваградак. В. Іпатава апісала падзеі, пры якіх утваралася магутная краіна, паказала наваколле старажытнага горада, яго людзей. Пры прадстаўленні паганства на беларускіх землях, пісьменніца апісала розныя абрады, ахвярапрынашэнні, шматлікіх багоў і духаў, у якія верылі тагачасныя людзі, і выявіла гарманічнае суіснаванне прыроды і чалавека. Правёўшы жрыцу паганскага храма Жывену праз розныя краіны, В. Іпатава дала мажлівасць пазнаёміцца з побытам розных народаў свету: ад тыбецкіх лекараў да візантыйскіх рабаўладальнікаў.

Раман “Вяшчун Гедзіміна” вылучаецца дакладнасцю падачы гістарычных падзей часу княжання Гедзіміна ў XIV ст. Пісьменніца паказала, якім чынам усталёўвалася цэнтралізацыя ўлады спачатку ў Наваградку, затым у Вільні, як расшыраліся межы Вялікага Княства Літоўскага. Гедзімін паўстае ў творы граматным палітыкам, які аб’ядноўваў землі княства мірным шляхам, нягледзячы на тое, што іх насельнікамі былі людзі розных вераванняў і традыцый. Князь запрашаў у краіну замежных купцоў, рамеснікаў, гандляроў, чым намагаўся наблізіць княства да Еўропы.

У рамане распавядаецца пра сямёра дзяцей Гедзіміна. Як кіраўнік магутнай краіны князь выгадна выдаваў дочак замуж, не думаючы пра іх далейшы лёс. Апісаны пісьменніцай магнацкія інтэр’еры ў Вільні, Троках, Наваградку і інш. Асабліва маляўніча паказаны побыт вясковых і гарадскіх жыхароў, звычаі, традыцыі, абрады сустрэчы замежных гасцей, чым цікавіліся людзі таго часу, што чыталі, аб чым марылі. Апісваюцца таксама паганскія звычаі і традыцыі; яны, па сутнасці, і складаюць асаблівы каларыт эпохі.

У рамане “Альгердава дзіда” прысутнічаюць тыя ж героі, што і ў папярэдніх творах трылогіі, але галоўнай гістарычнай асобай выступае адзін з сыноў Гедзіміна Альгерд. Ён увайшоў у гісторыю Беларусі зацятай барацьбой з тэўтонамі, перамогай над татарамі, памнажэннем багацця Вялікага Княства Літоўскага, будаўніцтвам праваслаўных храмаў. Менавіта пры яго праўленні дзяржава раскінулася ад Балтыйскага да Чорнага мора.

Гістарычная трылогія В. Іпатавай прасякнута ідэяй гонару за слынных беларусаў, патрыётаў свайго краю. Гістарычныя падзеі, увасобленыя ў творах пісьменніцы, спрыяюць нацыянальнаму самасцвярджэнню, выклікаюць нязменную цікавасць чытачоў да вытокаў беларускай гісторыі. Як і творы іншай тэматыкі, гістарычныя аповесці і раманы В. Іпатавай

насычаны псіхалагізмам, вызначаюцца паглыбленнем у душэўны стан герояў, іх пачуцці, роздумы над асабістым шчасцем і грамадзянскім доўгам.

Такім чынам, творчасць В. Іпатавай вызначаецца разнастайнасцю жанравага і тэматычнага дыяпазону. Паэзія пісьменніцы прадстаўлена вершамі і невялікімі паэмамі, а проза – апавяданнямі, аповесцямі і раманамі, аб'яднанымі ў трылогію. Шырокі тэматычны дыяпазон паэтычных і празаічных твораў малой жанравай формы В. Іпатавай: гэта дзетдомаўская і сіроцкая тэмы, ваенная тэма і тэма малой радзімы, гістарычная, сваяцкая і маральна-этычная тэмы. У аповесцях і раманах асэнсоўваецца гісторыя беларускіх земляў і ўсходніх краін.

К содержанию

А. А. КАЦЕВИЧ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. Б. Переход, канд. филол. наук, доцент

НОМИНАЦИИ МОЛОДЕЖНЫХ КУЛЬТУРНО-МАССОВЫХ СОБЫТИЙ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Геортоним (от греч. 'праздник') – имя собственное любого праздника, памятной даты, торжества, фестиваля и т. п. [6, с. 48]. Большинство исследователей неоднозначны в определении этого понятия, поскольку праздник имеет множество граней и смыслов, его можно рассматривать и оценивать с разных точек зрения. Термин «геортоним» трактуется достаточно широко: как номинация традиционного народного или светского праздника и как номинация массового мероприятия, специально организованного события.

Язык и культура тесно связаны друг с другом: язык является основным средством общения и передачи информации, а культура определяет способы мышления, ценности, традиции и обычаи общества. Вследствие этой тесной связи появилась новая наука – лингвокультурология. Лингвокультурология – «комплексная научная дисциплина, изучающая взаимосвязь и взаимовлияние культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания» [8].

Предметом исследования лингвокультурологии являются единицы языка, которые закрепились в культуре и при этом получили определенное значение. Отражение культурной информации в названиях культурно-массовых мероприятий можно рассматривать в таких аспектах, как:

1) выявление национально-культурной составляющей; 2) установление прецедентных наименований в структуре геортонимов; 3) репрезентантация культурных кодов в названиях мероприятий.

Национально-культурный компонент в названиях культурно-массовых мероприятий. Национально-культурный компонент – «компонент значения слова, несущий информацию о национальной культуре народа» [7]. Он отражает менталитет и специфику этноса и таким образом делает язык уникальным.

Можно выделить несколько способов выражения национально-культурного компонента в названиях мероприятий.

1. Белорусскоязычные названия: *спортивно-культурный фестиваль* ***«Вытокі. Крок да Алімпу»*** (г. Слоним); *фестиваль фольклорного искусства* ***«Берагіня»*** (п. Лельчицы) **–** Берегиня – славянское божество, мать всех духов и владычица земных богатств.

2. Обращение к топонимии Беларуси: *фотовыставка «****Брест*** *исторический.* ***Брест*** *современный»* (г. Брест); *спортивный праздник «****Новополоцкая*** *лыжня»* (г. Новополоцк).

3. Использование гидронимов Беларуси: *международный фестиваль водного туризма «****Неманская*** *весна»* – р. Неман; *праздник народного творчества «****Августовский канал*** *приглашает друзей»* – Августовский канал.

4. Апелляция к хоронимам Беларуси: *международный фестиваль этнокультурных традиций «Зов* ***Полесья****»*; *эколого-туристический фестиваль «Тайны* ***Прибужского Полесья****»* (заказник «Прибужское Полесье»).

5. Обращение к символам национальной культуры, которыми стали реалии материальной или духовной жизни белорусов: *музыкально-литературная гостиная «****Беларускія калядкі****»* (г. Минск) – (*калядкі* ‘колядки’); белорусские традиции празднования Коляд прошли сквозь века и сохранились по сей день, в некоторых городах страны они до сих пор развиваются.

Таким образом, многие номинации мероприятий отражают национально-культурный компонент, тем самым представляя информацию о нашей стране, ее культуре и истории, духовных и материальных ценностях, национальных традициях.

Номинации культурно-массовых мероприятий – прецедентные феномены. Названия мероприятий должны привлекать людей, побуждать посетить то или иное событие. Одним из способов реализации этого является использование прецедентных феноменов.

Прецедентные феномены – «это единицы дискурса, регулярно возобновляемые в речи, известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, имеющие общий минимизированный

коннотативно окрашенный инвариант восприятия, обращение к которому понятно без дополнительной расшифровки» [5, с. 20].

Существуют различные классификации прецедентных феноменов. В. В. Красных по характеру распространения делит прецедентные феномены на социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные [2, с. 173].

Социумно-прецедентные феномены – «феномены, которые известны любому среднему представителю того или иного социума и входящие в коллективное пространство» [2, с. 174]. Например, *литературный праздник «**Ай да Пушкин!**»* (г. Витебск) – известное для каждого филолога восклицание Пушкина по поводу написания им драмы «Борис Годунов»; *книжная выставка «**Гранд-дама детектива**»* (г. Минск) – перифраз, который вызывает ассоциации с прецедентным именем Агата Кристи.

Национально-прецедентные феномены – «феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-лингвокультурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу» [2, с. 174]. Например, *фотовыставка «Беларусь **сінявокая**»* (г. Минск) – Беларусь называют синеокой, так как на ее территории находится множество рек и озер; *проект «**Мы памятаем**»* (г. Минск) – этот проект приурочен к празднованию 75-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, выражение также стало прецедентным.

Универсально-прецедентные феномены «известны любому современному человеку и входят в универсальное когнитивное пространство» [2, с. 174]. Например, *вечеринка «**Ромео и Джульетта** – поколение next»* – «Ромео и Джульетта» – трагедия У. Шекспира; *акция «**Колесо фортуны**»* (г. Брест) – выражение «Колесо фортуны» употребляется в значении «случай, слепое счастье» и др.

Таким образом, использование прецедентных феноменов в названиях мероприятий позволяет сделать их запоминающимися, актуализирует ассоциативно-культурный фон целевой аудитории.

Названия культурно-массовых мероприятий как репрезентанты культурных кодов. По мнению В. В. Красных, код культуры – «“сетка”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [3, с. 5].

В названиях культурно-массовых мероприятий Беларуси вербализованы различные культурные коды.

1. Соматический (телесный) код. В данном коде особое место занимают символьные функции различных частей тела [3, с. 7]. Например,

*благотворительная акция «Протяни **руку** помощи»* (г. Брест), *выставка «Загляните в мамины **глаза**»* (г. Минск) и др.

2. Временной код «фиксирует членение временной оси, отражает движение человека по временной оси, кодирует бытие человека в материальном и нематериальном мире, проявляется (в том числе) в отношении человека ко времени» [3, с. 10]. Например, *акция «Беларусь: **до и после**»* (г. Минск), *проект «**Летом 44-го…**»* (г. Минск) и др.

3. Предметный код. Под ним понимается «совокупность имен и их сочетаний, которые обозначают объекты и предметы, в том числе повседневного обихода, и приписываемые им свойства» [4, с. 147]. Предметный код связан с окружающими нас предметами. Например, *акция «**Книга** – рядом»* (г. Витебск), *мероприятие «**Дом**, где мы живем»* (г.Витебск) и др.

4. Биоморфный код. Данный код объективирует связь с живыми существами, населяющими окружающий мир. Биоморфный код делится на фитоморфный (растительный): *культурно-просветительское мероприятие «**Пионы**: магия и красота»* (Центральный ботанический сад) и зооморфный (животный): *инклюзивный фестиваль «Сиреневая **ласточка**»* (г. Пинск).

5. Пищевой код семиотизирован в номинациях таких мероприятий, как *«Лунінецкія **клубніцы**»* (аг. Дворец) – *клубніцы* ‘клубника’; фестиваль «*Гаспадарчы **сыр***» (г. Славгород) и др.

6. Духовный код репрезентирует «нравственные ценности, эталоны и связанные с ними моральные оппозиции культуры («добро – зло», «хорошо – плохо» и т. д.) [3, с. 19]. Например, *патриотический проект «**Долг и память**»* (г. Жабинка); *благотворительная акция «**Забота**»* (г. Витебск).

7. Персонажный код культуры получает вербализацию в названиях «богов, святых, легендарные или мифологизированные исторические личности, персонажи песен и легенд» [1, с. 217]. Например, *фестиваль фольклорного искусства **«Берагіня»*** (п. Лельчицы); *пленэр по керамике «Арт-**Жыжаль**»* (г. Могилев) – Жижаль – древнебелорусский бог огня и др.

Таким образом, в названиях специально организованных массовых мероприятий выявлен комплекс из семи кодов, которые содержат и задают эталоны культуры. Между кодами культуры нет жестких границ, поэтому в ряде названий происходит взаимодействие кодов.

Список использованной литературы

1. Васильева, Т. Ю. Реализация персонажного кода культуры в ойконимии Белорусского Поозерья / Т. Ю. Васильева // Учен. зап. ВГУ им. П. М. Машерова. – Витебск, 2012. – Т. 13. – С. 216–226.

2. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.

3. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 5–19.

4. Красных, В. В. Предметный код культуры в русском культурном пространстве / В. В. Красных // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч. конф., Москва, 8–10 июня 2002 г. – Москва, 2003. – С. 146–148.

5. Назарова, Р. З. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов / Р. З. Назарова, М. В. Золоторев // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15, вып. 2. – С. 17–23.

6. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 187 с.

7. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] // Академик. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/. – Дата доступа: 17.05.2024.

8. Справочно-информационный портал «Грамота.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gramota.ru/o-portale. – Дата доступа: 17.05.2024.

К содержанию

А. А. КАЦЕВИЧ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. Б. Переход, канд. филол. наук, доцент

ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ КУЛЬТУРНО-МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ БЕЛАРУСИ

Геортоним – «собственное имя любого праздника, памятной даты, торжества, фестиваля» и т. п. [3, с. 48]. Геортонимы представляют собой обширный слой лексики, который является неотъемлемой частью повседневного языкового окружения. Праздник связан с обществом в целом, с его социальными, политическими и духовными процессами, что находит отражение в искусственных номинациях праздничных событий. Названия праздников как имена собственные обозначают единичные в своем роде объекты-события и обладают основными функциями этих наименований – номинативной, идентифицирующей и дифференцирующей [5, с. 3].

Объектом исследования в статье стали имена собственные – названия культурно-массовых мероприятий Беларуси. Предмет исследования – принципы номинации указанной подсистемы геортонимов.

Понятие «принцип номинации» означает «основание для связи имени с называемым объектом» [2, с. 114]. Можно выделить пять принципов номинации культурно-массовых мероприятий Беларуси: 1) принцип номинации по отношению к другим объектам; 2) принцип номинации праздничного события по его свойствам и качествам; 3) принцип номинации по

связи с абстрактным понятием; 4) принцип номинации по связи с человеком; 5) принцип номинации по связи со временем.

Необходимо отметить, что в некоторых названиях мероприятий можно заметить взаимодействие нескольких принципов номинации. Например, *фестиваль* «***Берестейские сани»*** – прилагательное *берес- тейские* указывает на место проведения (Брестская область), а существительное *сани* – на принцип номинации по связи со временем (сани используют зимой).

Принцип номинации по отношению к другим объектам направлен на использование названий, которые указывают на значение мероприятия для окружающих объектов. Наиболее распространенными в этом случае являются названия, мотивированные топонимами, гидронимами, хоронимами и апеллятивами.

В названиях, мотивированных топонимами, указывается место, где будет проходить мероприятие: *праздник музыки* ***«Заславль»*** (г. Заславль), *национальный фестиваль белорусской песни и поэзии* ***«Молодечно»*** (г. Молодечно) и др. В номинациях используются топонимы (*праздник Купалье «****Александрия*** *собирает друзей»* (аг. Александрия) и др.) и оттопонимические дериваты, прежде всего имена прилагательные (*фестиваль народных ремесел «****Слуцкія*** *паясы»* (г. Слуцк) и др.) и др.;

Названия, мотивированные гидронимами, указывают на то, что мероприятия будут проходить около водных объектов: *международный фестиваль водного туризма «****Неманская*** *весна»* (Августовский канал) – р. Неман, *праздник народного творчества* ***«Августовский канал*** *приглашает друзей»* (Августовский канал) и др.;

Названия, мотивированные хоронимами, связаны с важными территориальными объектами, что позволяет подчеркнуть их значимость: *международный фестиваль этнокультурных традиций «Зов* ***Полесья»*** (национальный парк «Припятский»), *традиционное праздничное событие «****Беловежская*** *сказка»* («Беловежская пуща») и др. Многие названия, мотивированные хоронимами, отсылают нас к Беловежской пуще и Полесью, что указывает на значимость этих мест и стремление номинаторов прорекламировать территориальный локус.

Названия, мотивированные апеллятивами – «именами нарицательными в противоположность именам собственным» [9, с. 37]. Данные названия указывают на объекты или предметы, связанные с мероприятием: *международный праздник «****Вишневый*** *фестиваль»* (г. Глубокое) – этот город славится своими *вишневыми садами*, а в центре города есть скульптура «Глубокская вишенка», *международный фестиваль славянской мифологии «Шлях* ***Цмока»*** (д. Домжерицы) – главным персонажем фестиваля является дракон (от бел. *цмок* ‘дракон’).

Принцип номинации праздничного события по его свойствам и качествам актуализирует суть мероприятия, выделяя его основные характеристики. Название может указывать: 1) специфику, назначение мероприятия: *фестиваль «Магия **огня и света**»* (г. Лида) – на мероприятии используется всевозможный огненный реквизит; *праздник «**Мядовы** фальварак»* (аг. Симоничи) – вся продукция на празднике будет изготовлена с добавлением меда; 2) достоинства, преимущества мероприятия: *фестиваль «**Креативная** волна»* (г. Гомель) – название привлекает направленностью на поток новаторских идей и творчества, в этом и заключается особенность данного мероприятия; *студенческий фестиваль национальных культур «Молодежь мира: **самобытность, солидарность, сотрудничество**»* (г. Гродно) – в геортониме используются лексемы с положительной коннотацией «самобытность», «солидарность», «сотрудничество» с целью подчеркнуть ценности и преимущества фестиваля и др.

Принцип номинации по связи с абстрактным понятием используется для создания названий, которые связаны с абстрактными идеями, подчеркивающими цели мероприятий: *акция «Живи **с позитивом** и **с умом**»* (г. Брест) – цель акции заключается в развитии идей позитивного мышления и формировании гармоничных отношений с собой и окружающим миром; *благотворительная акция «**От** всей **души**»* (цель акции – проявление заботы к старшему поколению).

Принцип номинации по связи с человеком базируется на идее антропоцентричности языка, которая является на сегодня одной из ведущих в лингвистике. Суть данной научной парадигмы состоит в том, что «человек познает мир через осознание себя, своей теоретичной и предметной деятельности в нем, и это придает ему право творить в своем сознании антропоцентрический порядок вещей, который определяет его духовную сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей» [1, с. 67]. Названия культурно-массовых мероприятий Беларуси, представляющие принцип номинации по связи с человеком, распадаются на несколько подгрупп:

1) названия, мотивированные антропонимами: *литературная гостиная «От **Гомера** до наших дней»* (г. Брест); *дни молодежного творчества «Наш **Пушкин**»* (г. Брест) и др. В этой группе отмечены номинации с прецедентными именами – широко известными именами собственными, «которые используются не для обозначения конкретного человека (города, предприятия, организации и т. д.), а в качестве своеобразного культурного знака, символа, определенных качеств, свойств» [4, с. 76];

2) названия, мотивированные апеллятивами – наименованиями лиц: *конкурсная шоу-программа «С праздником, **студент**!»* (г. Брест); *конкурс «**Мисс** и **мистер** студенчество»* (г. Минск) – мисс и мистер – вежливое обращение к девушке и к мужчине в Англии, Америке и др.

Принцип номинации по связи со временем отражает события, которые связаны с определенными временными периодами или историческими событиями: *фестиваль исторической реконструкции «**Эпоха рыцарства**»* (д. Озерцо) – в ходе фестиваля проходила реконструкция турниров и сражений рыцарей, царила атмосфера Средневековья; *смотр-конкурс творческих работ студентов «Подвиг народа в **Великой Отечественной войне** в благодарной памяти потомков»* (г. Витебск) – мероприятие посвящено 75-й годовщине Победы и др.

Таким образом, названия специально организованных праздничных событий соответствуют пяти принципам номинации: 1) по отношению к другим объектам; 2) по свойствам и качествам; 3) по связи с абстрактным понятием; 4) по связи с человеком; 5) по связи со временем. Эти принципы помогают создавать информативные и значимые названия мероприятий, подчеркивая контекст и цели культурно-массовых событий.

Список использованной литературы

1. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филол. науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; отв. ред. А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1978. – 198 с.

3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 187 с.

4. Терещенко, А. В. Прецедентные имена в современном русском и английском языках: статус, семантика, особенности функционирования / А. В. Терещенко // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. – 2016. – № 11 (176). – С. 76–84.

5. Чесноков, П. Лингвокультурологические особенности чешских и русских названий праздников : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / П. Чесноков. – Волгоград, 2012. – 17 с.

К содержанию

С. С. КАШИРОКОВА
Россия, Нальчик, КБГУ имени Х. М. Бербекова
Научный руководитель – С. К. Башиева, д-р филол. наук, профессор

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ТОПОНИМОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Географические объекты являются неотъемлемой частью жизни человека, поэтому их номинации, т. е. топонимы, – важнейший фрагмент ономастической лексики любого языка, который включает «всегда разно-

язычные и всегда разновозрастные образования, которые совокупно слагаются в топонимическую систему в любом районе земного шара» [5, с. 7]. В формировании топонимов большую роль играют ареал и мировосприятие народа. На наш взгляд, именно они являются ключевыми экстралингвистическими факторами, влияющими на названия географических объектов, которые отражают физические характеристики ландшафта, культуру как результат когнитивного опыта этноса и др., т. е. то, что актуально для номинатора.

Как правило, ученые уделяют внимание изучению топонимов крупных территорий. Не отрицая безусловную значимость таких работ, мы бы хотели рассмотреть номинации малых территорий, что и обусловило обращение к наименованиям географических объектов двух районов Кабардино-Балкарской Республики Российской Федерации. Нам интересен такой аспект, как образование топонимов и в целом формирование русской топонимики в северо-кавказском полиязычном, многонациональном регионе, в котором издревле контакты между народами были достаточно активными на экономическом, культурном уровнях, но при этом сохранялась и специфика мировосприятия многочисленных этносов, что зафиксировалось в региональной топонимике. Е. Ф. Кавлакас справедливо утверждает, что «проблема формирования особой – топонимической – картины мира является актуальной задачей современной лингвистики в силу ее этнокультурной значимости и интегративного статуса, так как топонимическое картирование окружающего мира представляет собой один из системообразующих способов вербализации действительности, отражает корреляцию историко-социальных, языковых и этнокультурных аспектов развития народов» [3, с. 4].

Цель данной статьи – рассмотрение лингвокультурологических особенностей формирования русского топонимического пласта на территории одного из субъектов северо-кавказского региона Российской Федерации – Кабардино-Балкарской Республики.

Собранный нами эмпирический материал топонимов можно разделить на две большие группы:

1) русские топонимы: *г. Майский, ст. Екатериноградская, с. Заречное, с. Прогресс, с. Красносельское, с. Граничное, с. Придорожное, с. Степное, с. Ново-Полтавское, с. Благовещенка, х. Александровский, х. Минский, с. Прималкинское, х. Матвеевский, х. Ново-Вознесенский, х. Ново-Покровский, х. Ново-Троицкий, с. Пролетарское, с. Советское, ст. Солдатская, с. Заводское, с. Интернациональное, с. Акведук, с. Плановское, с. Тамбовское, с. Урожайное* и др.;

2) топонимы-гибриды – сложные географические названия, состоящие из разноязычных слов (кабардинский – русский, балкарский –

русский и т. п.): *х. Ново-Осетинский, с. Верхний Акбаш, с. Верхний Курп, с. Нижний Курп, с. Новая Балкария, с. Ново-Хамидие, с. Нижний Акбаш, с. Малый Терек.*

Анализ топонимов позволил выделить несколько наиболее важных тематических групп географических номинаций на территории Майского и Терского районов.

1. **Топонимы, образованные от антропонимов.** Единицы с компонентом антропонимом связаны с обозначением рода, племени, первого поселенца и т. д.: *ст. Екатериноградская* – названа в честь императрицы Екатерины II Великой, *х. Александровский*;

2. **Топонимы, обозначающие локацию географических объектов:** *с. Заречное* – указывает на расположение населенного пункта «за рекой», *с. Граничное* – на нахождение вблизи границы, *с. Придорожное* – на месторасположение у дороги и т. д.

3. **Топонимы, отражающие особенности территории:** номинация *с. Степное* указывает на то, что место ровное, без леса; топоним *с. Белоглинское* – на наличие осадочной горной породы; топоним *с. Виноградное* – на обилие винограда на данной территории; номинация *с. Урожайное* – на плодовитость почвы местности; *с. Акведук* – на обилие оросительных систем.

4. **Топонимы, образованные от номинаций других географических объектов:** *с. Янтарное* – название происходит от родниковой речки Янтарки, протекающей на его территории.

5. **Топонимы, получившие названия по предыдущему месту жительства переселенцев:** *с. Ново-Полтавское,* созданное выходцами из Полтавской губернии в 1884 г.; *х. Минский*, образованный в 1922 г. поляками, переселившимися из Минской губернии; *с. Черниговское*, основанное в конце 1893 г. переселенцами из Черниговской губернии; *х. Саратовский*, образованный в 1901 г. переселенцами из Саратовской губернии; *с. Тамбовское*, сформированное переселенцами из Тамбовской губернии в 1865 г. и т. п.

6. **Топонимы, репрезентирующие советскую эпоху:** *с. Ульяновское, с. Советское, с. Пролетарское, с. Комсомольское, с. Красноармейское, с. Красносельское, с. Плановское и т. д.*

7. **Топонимы, отражающие религиозную культуру:** номинации населенных пунктов в честь православных праздников – *с. Благовещенка* (Благовещенье), *х. Ново-Троицкий* (День Святой Троицы), *х. Ново-Вознесенский* (Вознесение Господне);

8. **Топонимы, репрезентирующие воинское дело:** *ст. Солдатская, с. Гвардейское.*

9. **Топонимы, отражающие образовательную деятельность:** *с. Учебное*, образованное вместе с Прохладненской областной сельскохозяйственной школой в 1912 г.

10. **Топонимы, репрезентирующие этнические особенности:** *с. Интернациональное* указывает на полиэтничность населения.

К русским номинациям примыкают гибридные топонимы, состоящие из двух компонентов, имеющих разное языковое и этническое происхождение. Некоторые ученые предлагают рассматривать их как результат «совместного языкового творчества представителей разных этносов, компактно проживающих на одной территории» [2, с. 119]. В связи с этим мы предлагаем классифицировать данные номинации следующим образом:

1. **Гибридные топонимы, указывающие на размер территории:** *Малая Кабарда, с. Малый Терек.*

2. **Гибридные топонимы, обозначающие расположение в пространстве:** с. Верхний Акбаш, с. Верхний Курп, с. Нижний Курп, с. Нижний Акбаш.

3. **Гибридные топонимы, указывающие на возраст населенного пункта:** *х. Ново-Осетинский, Новая Балкария, Ново-Хамидие.*

Стоит отметить, что в образовании топонимов важное место занимают географические слова. По закрепившимся в топонимии словам-апеллятивам (вода, река, озеро, холм, гора, лес и под.) нельзя составить полного представления о языке в целом, несмотря на то, что многие исследователи утверждают, что онимизация является основным средством образования топонимов [5, 6, 7 и др.].

Ю. Н. Мельникова и Е. Шигорева в работе «Статус имен собственных в лексической системе (в сопоставлении с именами нарицательными)» освещают две формы онимизации – семантическую и грамматическую. В первом случае апеллятив переходит в оним без деривационного форманта (*акведук – с. Акведук*). В случае грамматического словообразования (онимизации) имя собственное образуется с апеллятивом в основе при помощи служебных морфем (река – *с. Заречное*).

Топонимы, образованные от географических слов, мало изменяются, поскольку смена владельца не влияет на такие слова, как «река», «гора» и т. п., поэтому географические названия *с. Заречное, с. Степное* понятны сразу, а названия *типа Екатериноградская, Тамбовское*, хотя в целом и понятны, требуют объяснения.

Таким образом, мы рассмотрели лингвокультурологические особенности формирования русского топонимического пласта на территории одного из субъектов северо-кавказского региона Российской Федерации Кабардино-Балкарской Республики (на материале топонимов Майского и Терского районов), систематизировали номинации населенных пунктов, разделив их на две

основные группы: русские и гибридные топонимы, выделили основные тематические группы географических наименований.

Анализ номинаций позволил показать, что топонимы способны отражать любые свойства географического объекта, включая и результат деятельности человека на его территории.

Подводя итог, отметим, что каждой географической зоне присущи свои отличительные географические или культурные особенности, отражением которых являются особые географические слова, слова-апеллятивы, антропонимы и другие основы.

Список использованной литературы

1. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.

2. Быканова, В. И. О потенциале использования гибридных топонимов для реконструкции модели пространства / В. И. Быканова // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2010. – Вып. 3. – С. 119–123.

3. Ковлакас, Е. Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. Ф. Ковлакас. – Краснодар, 2009. – 51 с.

4. Мельникова, Ю. Н. Статус имен собственных в лексической системе: в сопоставлении с именами нарицательными / Ю. Н. Мельникова, Е. С. Шигорева // Лексикография и коммуникация – 2015 : материалы I междунар. науч. конф., Белгород, 23–24 апр. 2015 г. / под ред. А. П. Седых. – Белгород : БелГУ, 2015. – С. 181–188.

5. Мурзаев, Э. М. Очерки топонимики / Э. М. Мурзаев. – М. : Мысль, 1974. – 382 с.

6. Мурзаев, Э. М. Топонимика и география / Э. М. Мурзаев. – М. : Наука, 1995. – 304 с.

7. Суперанская, А. В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1985. – 182 с.

К содержанию

В. А. КЛЕБАНОВИЧ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Е. Никитина, канд. филол. наук, доцент

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ МОРФОЛОГИИ

В современной школе особенно остро стоит задача изучения русского языка, повышения культуры речи, пропаганды лингвистических знаний. Именно в школе дети начинают осваивать общепринятые нормы устного и письменного литературного языка, учатся применять языковые средства в различных условиях общения. Роль учителя заключается в том, что он должен помочь детям осмыслить требования и нормы языковой культуры, научить школьников самостоятельно формулировать мысли, следить

за точностью, правильностью, разнообразием и выразительностью языковых средств.

Работа по развитию речи в школе ведется в трех направлениях:

1) обогащение словарного запаса и грамматического строя речи учащихся, что осуществляется в процессе словарно-семантической работы и обучения грамматике;

2) работа над нормами русского литературного языка, что является базой для формирования правильности речи, ее коммуникативной целесообразности;

3) развитие связной речи учащихся, обучение их всем видам речевой деятельности, формирование умений воспринимать высказывания других людей и составлять собственные связные высказывания в соответствии с их целью, содержанием, условиями общения [1, с. 300].

Обучение учащихся правильному словоупотреблению – это то, на что нужно обратить особое внимание при работе над повышением уровня культуры их речи. В нашей работе мы рассматриваем такой раздел русского языка, как морфология. Именно морфология играет ключевую роль в развитии грамотной речи учащихся. В результате изучения данного раздела школьники усваивают теоретические сведения, учатся распознавать части речи, морфологические категории, обогащается и развивается их связная речь.

Проанализировав учебники по русскому языку для шестого и седьмого классов (авторы Л. А. Мурина, Т. Н. Волынец и др.), мы заметили, что в изданиях 2020 г. в колонке «условные обозначения» появились отдельные значки для упражнений, предназначенных для формирования и развития речевой культуры. По теме «Морфология» были выявлены несколько категорий упражнений на развитие культуры речи учащихся.

Например, при изучении **имени существительного** предлагались следующие упражнения:

– рассмотреть и описать репродукцию картины русского художника;

– объяснить разницу в значении близких по написанию слов (*поступок и проступок*), составить с каждым из слов по два предложения так, чтобы был понятен смысл каждого из данных слов;

– поставить ударение в форме слова *торт*;

– произнести слова, не нарушая орфоэпической нормы *(Ильинична, Саввична, Лукинична, Фоминична, Кузьминична, Никитична)* и др.

При изучении **имени прилагательного** ребятам предлагались следующие упражнения на развитие речи:

– рассмотреть фотографию, описать её, используя как можно больше прилагательных;

– рассмотреть фото, продолжить текст описания и др.

В ходе производственной (педагогической) практики на базе ГУО «Средняя школа № 18 г. Бреста» в 6 «А» класса нами была самостоятельно разработана система упражнений по формированию речевой культуры учащихся. Например, при изучении темы «Имя прилагательное» одним из самых продуктивных оказался такой прием работы с текстом, который мы с ребятами назвали «Письмо с дырками».

Упражнение 1. Заполните пробелы прилагательными.

А жаворонок все пел, поднимаясь выше и выше. (Какое?) … солнце осветило его, и теперь он уже казался с земли не (какой?)… птичкой, а (какой?) …звездочкой, вторым (каким?) … солнышком, рожденным самой землей.

Совместными усилиями мы получили следующий текст: *а жаворонок все пел, поднимаясь выше и выше. Яркое солнце осветило его, и теперь он уже казался с земли не серенькой птичкой, а золотой звездочкой, вторым крохотным солнышком, рожденным самой землей.*

Такой прием подходит в качестве работы с параграфом при изучении нового материала, а также для проверки усвоенных ранее знаний.

В рамках изучения темы «Лексико-грамматические разряды имен прилагательных» при освоении качественных имен прилагательных ребятам было дано следующее упражнение.

Упражнение 2. Прочитайте текст. Найдите имена прилагательные, определите их разряд. Какие признаки предметов они обозначают?

Ранняя весна сияла на голубом небе, но молодой лес по-зимнему был засыпан белым снегом. Были ли вы суровой зимой в лесу? Конечно, не были, туда и войти невозможно. Там, где знойным летом вы шли по широкой дорожке, теперь через эту дорожку лежат молодые тонкие деревца, и так низко, что только маленькому быстрому зайцу под ними и пробежать (По М. Пришвину).

При рассмотрении темы «Относительные имена прилагательные» учащиеся выполняли следующее упражнение.

Упражнение 3. От существительных образуйте прилагательные, запишите их. От каких существительных можно образовать по два прилагательных?

Белка, мышка, рыба, рыбка, кошка, дядя, лиса, лисичка.

Школьники также выполняли упражнения, направленные на выразительность, содержательность и ясность речи.

Упражнение 4. Прочитай фразу «Маша умеет играть на гитаре» с различной эмоциональной окраской: удивление, огорчение, ирония, восхищение, гнев, констатация факта.

Упражнение 5. Прочитайте предложение несколько раз, каждый раз выделяя голосом следующее слово:

Мама мне купила игрушку. Мама *мне* купила игрушку. Мама мне *купила* игрушку. Мама мне купила *игрушку*.

Данный блок упражнений лучше всего подходит для физкультминуток. С одной стороны, учащиеся развлекаются, с другой – развивают свою речь.

Таким образом, в ходе анализа учебников, наблюдения за работой учителя русского языка и литературы 6 «А» класса, мы подобрали упражнения, направленные на формирование речевой культуры школьников. Данные упражнения можно распределить по следующим группам: упражнения, направленные на обогащение словарного запаса; упражнения, направленные на точность, логичность и коммуникативную целесообразность речи; упражнения, направленные на контроль речи обучающихся; упражнения, направленные на выразительность, содержательность и ясность речи.

Список использованной литературы

1. Литвинко, Ф. М. Методика преподавания русского языка в школе : учеб. пособие / Ф. М. Литвинко. – Минск : Выш. шк., 2015. – 448 с.

К содержанию

В. А. КЛЮКА
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Е. Никитина, канд. филол. наук, доцент

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА СЕНСОРНОЙ ЛЕКСИКИ В РАССКАЗАХ Б. ЕКИМОВА

Языковая картина мира является объективной частью того, как человек воспринимает окружающую его действительность. На протяжении всей жизни человека она вбирает в себя и сохраняет весь его языковой опыт. Этот опыт прослеживается в выборе слов, фразеологизмов, пословиц, поговорок, метафор, типов синтаксических конструкций и т. д. Значительное влияние на формирование языковой картины мира оказывает процесс восприятия, посредством которого человек взаимодействует с окружающим миром и другими людьми.

Восприятие представляет собой сложный психологический процесс, имеющий как прямое, так и косвенное отношение к различным аспектам человеческого бытия. Гуманитарные дисциплины активно изучают этот процесс, анализируя духовные и физиологические аспекты жизни

человека, его поведения, взаимодействия с окружающими, представления о мире и реализации этих представлений через язык и искусство.

Несмотря на многоаспектное исследование восприятия, на сегодняшний день не существует общепринятого определения этого процесса. Большинство исследователей придерживаются классификации восприятия на базе основных каналов получения сенсорной информации или отдельных органов чувств. Лингвист Е. С. Кубрякова отмечает, что этот термин «равно относится как к отдельным сенсорным актам, так и к процессам интеграции и синтеза полученных чувственных данных, как к способностям человека выделять в действительности признаки, качества, стороны разных объектов и процессов, так и формировать их целостный образ» [1, с. 17].

Цель данной статьи – проанализировать функции сенсорной лексики в семантической организации рассказов Б. П. Екимова. Материалом для исследования послужили рассказы «Старик и Чуря» (далее – «СЧ»), «Давай останемся здесь жить…» (далее – «Д»), «Возвращение» (далее – «ВЗ»), «Квартира» (далее – «К»), «День до вечера» (далее – «ДВ»).

Зрительное восприятие представляет собой наиболее обширное из всех полей восприятия. Зрение обеспечивает человеку максимальное количество информации, и поэтому в большинстве языков значительная часть слов и выражений, относящихся к категории восприятия, связана со зрительной лексикой. Одна из самых объемных лексико-семантических групп – **цвет** (72 единицы). Обнаружены следующие группы цветолексем:

1) **красный цвет и его оттенки** (17 единиц). Красный привлекает внимание и делает объекты, окрашенные в него, более заметными и выделяющимися: *Тем и славен поселок, построенный полвека назад: домики под* ***красными крышами****, укрытые тенистыми аллеями и зелеными стенами* (Д); *увесистых, грамм по шестьсот, в золотистой чешуе, с малахитовой спинкой <…>* ***красные плавники*** *жаром горят на снег* (ДВ).

2) **зеленый цвет и его оттенки** (11 единиц). Этот цвет – символ природы, поэтому он имеет много положительных ассоциаций (рост, оживление природы, надежда, молодость): *Появлялась на белом листе бумаги синяя речка, желтое хлебное поле, зеленая гора <…> палисадники с яркими цветами.* (ВЗ); *Темнело. Но все еще виделось: просторный* ***зеленый луг*** *до самой горы, купы деревьев.* (ДВ). Зеленый цвет, помимо своего прямого значения, обладает и метафорическими значениями: *Вчера –* ***зеленый пацан****, потом – жених, а нынче – дочь в невестах* (К). Эта фраза используется для описания молодого человека, который не обладает достаточным опытом в определенной сфере деятельности или в целом в жизни.

3) **желтый цвет и его оттенки** (10 единиц). Желтый цвет, как и темно-красный, ассоциируется с осенью – порой увядания природы, жизни: *Поздней*

осенью деревья облетали <…> тополевый лист да кленовый, дубовый, вязовый, ***желтый, багряный, пламенно-алый*** (Д).

Звуки воздействуют на воображение читателя: он не только понимает смысл текста и представляет образы, переживает эмоции, заложенные в произведениях. В анализируемых рассказах обнаруживаются противопоставления **громких** (7 примеров) и **тихих** (7 примеров) звуков. Громкие звуки способствуют созданию конкретных и четких образов, формируют ряд смысловых ассоциаций: *далекий хрустальный* ***звон*** *<…> словно за многие версты над водою* ***звонят*** (СЧ); *Заснеженный хутор дремал, несмотря на позднее утро. Редкий* ***петуший крик****, а людей не видать* (ДВ). Тихие звуки помогают погрузиться в моменты печали, тоски и уныния героев. Всю эту меланхолию отгоняет природа, издавая определенные звуки и погружая читателей в атмосферу спокойствия: *лучший час над водой –* ***тихий вечер*** (СЧ); *деревья облетали, с* ***тихим шелестом*** *роняя листву* (Д); *в тесных улочках, в* ***глухих переулках*** *гнездилась сизая мгла* (ВЗ).

В рассказах Б. Екимова наблюдается высокая чувствительность к **запахам**, которые позволяют воссоздать целостную картину перцептивного процесса. В текстах преобладают **приятные запахи** (11 примеров): *пахучая сахарная патока* (ВЗ), *пряный табак* (К), *запах палых листьев* (Д). К **неприятным запахам** относятся четыре примера: *пахнет горькими травами* (ВЗ), *пахнет старостью* (ВЗ), *пахнуло смрадом* (ВЗ), *запах грязной одежды* (ДВ). Все эти словосочетания имеют негативные коннотации. Так, например, в предложении ***пахнуло каким-то смрадом****, словно не в родную хату вошла, а в чужой дом, давно брошенный* слово *пахнуло* имеет значение ‘ударило в нос’ и усиливает смысл слова *смрад* (‘зловоние, вонь’), которое само по себе имеет отрицательное значение.

Отдельную группу составляют **запахи еды** (пять примеров): *На черном листе противня светят оранжевые кусочки печеной тыквы <…> сладки даже на погляд, в коричневых каплях и подтеках* ***пахучей сахарной патоки*** (ВЗ), *в доме стоял* ***сладкий дух печеного*** (К). Такие запахи в рассказах говорят о том, что еда не только выполняет функцию насыщения, но и является предметом сильных эмоциональных реакций и воспоминаний. Запахи еды являются одним из самых сильных сигналов обонятельного восприятия, которые стимулируют и возвращают наш мозг в прожитые дни.

Самыми малочисленными группами перцептивной лексики в анализируемых текстах являются **осязание** и **вкусовое** восприятие.

Осязание представлено тремя лексико-семантическими группами:

1) температура (11 примеров): ***теплая*** *вода* (СЧ), ***жаркое*** *солнце* (ВЗ), ***горячая*** *вода* (К);

2) текстура (1 пример): ***сухие*** *палки* (Д);

3) влажность (1 пример): ***мокрый*** *снег* (ДВ).

Температурные ощущения представлены синонимическим рядом слов *теплый – горячий – жаркий*. Встречается словосочетание, в котором слово *холодный* употреблено в переносном значении: *страха, конечно, нет, но появляется какая-то смутная тревога, оглядываешься, будто чуешь чей-то* ***холодный взгляд*** (ДВ). Выражение *холодный взгляд* передает специфическое состояние, при котором человек не демонстрирует эмоциональных реакций и не выражает свои чувства через взгляд.

Среди обозначений **вкусовых ощущений** обнаружены три лексико-семантические группы:

1) сладкий (пять примеров): ***сладкая*** *каша* (ВЗ), ***сладкая*** *тыква* (ВЗ), ***сладкие*** *ягоды* (ДВ);

2) горький (три примера): ***горькая*** *редька* (ВЗ), ***горький*** *перец* (ВЗ);

3) кислый (одинпример): ***кислая*** *капуста* (ВЗ).

Восприятие играет важную роль в создании художественного текста, обращая внимание как на чувственное восприятие отдельных персонажей, так и на особенности мировосприятия автора. Через использование звуковых, зрительных, обонятельных характеристик создаются отдельные сюжетные линии, портреты персонажей, описывается их поведение.

Список использованной литературы

1. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова. – М. : Моск. гос. ун-т, 1996. – 245 с.

К содержанию

А. И. КОЗАЧЕНКО
Барановичи, БарГУ
Научный руководитель – А. А. Савко, старший преподаватель

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ МОДЫ

Сегодня мода привлекает внимание не только ученых из разных областей, но и лингвистов, для которых мода является относительно новым и недостаточно исследованным явлением. За рубежом ученые начали изучать этот феномен еще в середине XX в., особенно в рамках французского структурализма, например, в работах Р. Барта. Отечественная лингвистика обратилась к изучению моды только на рубеже XXI в.

В последнее время понятие дискурса стало одним из основных в лингвистике. Дискурс стал рассматриваться как сложная единица, состоящая из ряда предложений, связанных логическим, смысловым типом связи. В. В. Красных определяет дискурс, как «вербализованную

речемыслительную деятельность, понимаемую как совокупность процесса и результата и обладающую как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [1, с. 270]. Под дискурсом моды мы понимаем продукт деятельности группы людей мира моды, воплощающийся в устной и письменной коммуникации, сосредоточенной на совокупности значимых оппозиций и правил сочетания одежды.

Как правило, дискурс моды представлен в статьях различных авторов в глянцевых журналах, которые рассматриваются как печатное или электронное издание, ориентированное на конкретную аудиторию, в большинстве своем состоящую из женщин.

Проведенное нами исследование показало, что современный англоязычный дискурс моды реализуется как лексическими, так и синтаксическими средствами. В данных материалах представлен анализ лексических средств, характерных для современного англоязычного дискурса моды. Проанализировав 76 лексических средств, отобранных методом сплошной выборки, из 20 статей, выпущенных в период с октября 2023 г. по февраль 2024 г., американским глянцевым журналом Vogue (Вог) и английским глянцевым журналом Glamour (Гламур), мы пришли к выводу, что на лексическом уровне можно выделить следующие единицы:

1. **Существительные:** *transition, gowns, distaste*.

В первом примере с помощью слова *transition* автор показывает переход с зимней одежды на весеннюю, связанный с потеплением: *«So far we are seeing suede sets, the perfect* ***transition*** *from cold to hot»* (Sunny With a Chance of Snow, Vogue, February 10, 2024).

В следующем примере было употреблено существительное *gowns*, представляющее собой синоним к слову *dress* ‘платье’. Используя лексическую единицу *gowns* вместо всем привычного *dress*, автор статьи подчеркивает статусность описываемого мероприятия: *«Galliano, who went on to design those famed bias-cut* ***gowns*** *that swirl around curves like wet meringue, clearly got over this particular point of* ***distaste****»* (Galliano Embraces The Body at His Seminal Margiela Couture Show, Vogue, January 29, 2024). В данном примере мы видим слово *distaste*, часто встречающееся в мире моды при описании какой-либо безвкусицы в выборе одежды и дизайна.

2. **Прилагательные:** *femme fatale, trend−driven*.

В следующем примере мы наблюдаем словосочетание *femme fatale*, которое является в каком-то роде устойчивым и является одним целым субстантивированным прилагательным, обозначающим женственный образ, который покоряет и разбивает сердца: *«But EmRata has also pioneered a* ***femme fatale*** *style with her furry coats»* (Emily Ratajkowski Loves A Furry Coat!, Vogue, December 4, 2023).

Прилагательное *trend-driven* описывает моду как нечто, чем движут тренды и популярность определенной одежды в данный период времени: *«There, this self-described "working designer" set about creating a quality wardrobe for modern women, like herself, who value ease and practicality over fast,* ***trend-driven*** *fashion»* (Deciphering Phoebe Philo's Personal Style, Vogue, October 2023).

3. **Глаголы:** *to match, to put around.*

Глагол *match* использован в значении 'сочетать отдельные части гардероба со вкусом в единое целое': *«And on Halloween, she* ***matched*** *her black leather coat with a shearling collar and cuffs to her fur-cuffed boots»* (Emily Ratajkowski Loves A Furry Coat!, Vogue, December 4, 2023).

Фразовый глагол *to put around* в данном примере передает значение 'успокоить': *«She has that kind of gentle composure that immediately* ***puts*** *those* ***around*** *her at ease»* (Leigh-Anne Pinnock:'I miss the sisterhood of Little Mix. But this is my time now', Glamour, October 18, 2023).

4. **Лексические стилистические средства.**

В первом примере мы наблюдаем эпитет *iconic*, с помощью которого автор выражает свое мнение по поводу платьев из прошлого столетия, считая, что эти платья останутся в памяти многих на долгие годы: *«Whether it's* ***iconic*** *'90s runway frocks or archival jewelry pieces dating decades further back, these celebrities have demonstrated the timelessness of great style»* (The Best Vintage Looks From The 2024 Awards Season, Vogue, February 5, 2024).

Эпитет *gentle* обозначает что-то мягкое, в данном случае речь идет охарактере человека, способного повлиять на настроение других с помощью своей выдержки и спокойствия: *«She has that kind of* ***gentle*** *composure that immediately puts those around her at ease»* (Leigh-Anne Pinnock: 'I miss the sisterhood of Little Mix. But this is my time now', Glamour, October 18, 2023).

Метафора *dressed to kill* передает идею о том, что человек выглядит настолько впечатляюще, что его можно сравнить с оружием, способным убить внешним видом. Это выражение обычно используется при описании кого-то, кто выглядит особенно привлекательно или вызывает восхищение своим стилем: *«Similarly to the Fast&Furious films, the biker babes are all* ***dressed to kill****»* (I'm Still Obsessed With the Biker Style in Torque, Vogue, January 30, 2024).

В примере*: «In the most recent on-the-town photo of the designer she's wearing black silk and leather,* ***accessorized with a joyful smile****»* (Deciphering Phoebe Philo's Personal Style, Vogue, October 2023) можно выделить метафору *accessorized with a joyful smile*, означающую, что образ можно дополнять не только аксессуарами, привычными для индустрии моды,

а также с помощью обычной улыбки, способной произвести большее впечатление на других, нежели какие-то серьги или сумка.

Таким образом, современный англоязычный дискурс моды выражается лексическими средствами, которые не отличаются большой вариативностью, но они способны передать смысл, эмоции и основные термины, используемые в мире моды. Авторы статей используют лексические средства для более подробного и красочного описания событий, частей гардероба, известных личностей, поскольку знают, что использование эмоционально-окрашенной лексики дает возможность привлечь внимание большей аудитории.

Список использованной литературы

1. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : лекционный курс / В. В. Красных. – М. : Гнозис : Кучково поле, 2001. – 270 с.

К содержанию

А. КОЛЕСНИКОВА
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Л. В. Скибицкая, канд. филол. наук, доцент

РОМАН «МАСТЕР И МАРГАРИТА» М. А. БУЛГАКОВА И ТВОРЧЕСТВО ГРУППЫ «КОРОЛЬ И ШУТ»: ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ

В 2013 г. журнал «Русский репортер» опубликовал результаты социологического исследования [1], целью которого стал ответ на вопрос об общем культурном коде, благодаря которому осознается культурная и ментальная идентичность нации. Для реализации проекта участникам было предложено назвать книги, позволяющие «отличать своих от чужих» [1]. Топ-100 подобных книг возглавил роман «Мастер и Маргарита», который широкой аудитории стал известен к концу 1980-х гг.

Такой выбор можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, роман предложил постсоветскому читателю убедительные картины критического анализа «идеальной» советской действительности. В произведении представлен сатирический образ тоталитаризма. Это органично перекликалось с общественными настроениями перестройки, когда люди стремились освободиться от разного рода ограничений.

Еще один важный фактор, обусловивший статус романа как главного текста конца XX в., – идейный комплекс М. А. Булгакова, представленный концептами свободы, творчества и индивидуальности, которые были актуальны в период перестройки. Когда советское общество стало

открываться для новых идей, именно «Мастер и Маргарита» стал мощным источником информации, призывающим усомниться в авторитетах.

Кроме того, роман апеллировал к важнейшим религиозным и философским темам, автор парадоксально осмысливал природу добра и зла, искупления и веры. Страницы произведения нашли отклик в обществе, переживающем значительные идеологические сдвиги во время перестройки, когда люди пересматривали свои убеждения в свете меняющейся политической ситуации.

«Мастер и Маргарита» стал культурным феноменом. Его сложная структура повествования, богатый символизм, запоминающиеся персонажи поразили воображение читателей разных поколений. В годы перестройки этот культурный резонанс был усилен, поскольку люди нуждались в таком «учебнике советской и христианской истории» [1].

«Мастер и Маргарита» представляет собой удивительное сочетание различных жанров и стилей. Неслучайно В. Е. Хализев определил жанр текста как «роман-миф» [2, с. 342]. Роман-миф характеризуется интересом к онтологическим проблемам. Он сосредоточен на создание символической модели человеческого существования. Этот жанр углубляется в фундаментальные вопросы человеческого бытия, стремясь выстроить целостное мировоззрение и затронуть главные вопросы человеческой жизни. В булгаковском романе представлено многослойное повествование, которое затрагивает глубокие философские темы и исследует вечную борьбу добра и зла.

Получивший популярность в кругах самиздата в семидесятые текст М. А. Булгакова стал центральным произведением в период перестройки. Он был воспринят как сатирическая критика абсурда советской жизни и призыв к свободе личности и творчества.

В разрезе проблемы литературных репутаций и иерархий роман «Мастер и Маргарита» находится на вершине литературной пирамиды. На сегодня это произведение считается классикой, что подтверждает и исследование «Русского репортера».

Группа «Король и Шут» по этому критерию, конечно, проигрывает булгаковскому творению, и, безусловно, ее творчество принадлежит массовой культуре. Но в то же время дискурс «Короля и Шута» восполняет какие-то очень важные составляющие в культурном коде читателя конца прошлого века.

История «Короля и Шута» (или «Шутов» – на таком сокращении настаивал фронтмен Михаил Горшенев) началась в Ленинграде (первоначальное название коллектива – «Контора»). Поворотным моментом стал 1989 г.: в коллектив пришел Андрей Князев (Князь) – именно он и создавал тексты фольклорно-мифологического плана, совокупность

которых впоследствии дала основание поклонникам говорить о «Вселенной» «Короля и Шута».

Хотя группа «Король и Шут» распалась, их наследие продолжает жить в сердцах поклонников. В 2016 г. была издана книга, посвященная биографии группы, в 2018 г. прошел юбилейный трибьют «Король и Шут»; в 2017 г. – состоялась премьера короткометражного фильма. В 2023 г. на экраны вышли панк-сказка «Король и Шут» и документальный фильм «Михаил Горшенев. Легенда о Короле и Шуте», актуализировавшие новый виток интереса аудитории к наследию группы. Репутация группы и ее лидера постепенно приобретают легендарный характер.

В творчестве «Короля и Шута» соединились противоположные тенденции – акцент на массовости аудитории, с одной стороны, и оппозиционность, андеграундность – с другой. Этот парадокс можно объяснить, на наш взгляд, изначальным тяготением участников к театральности с присущим ей карнавальными элементами и атрибутикой. Задолго до того, как сторителлинг (как явление и номинация) вошел в современную медиакультуру, коммуникативную практику «рассказывания историй» освоил коллектив «Шутов»: они и рассказывали в своих композициях истории, завораживающие слушателей.

Составляющие репутации группы «Король и Шут» – это текст и музыка, синтез которых создал неповторимую Вселенную «шутов» посредством апелляции к андеграунду, карнавалу, жанровому синкретизму как на уровне текстов, так и на уровне музыкальных форм.

Важную роль в формировании репутации группы сыграл и скоропостижный уход из жизни фронтмена Михаила Горшенева, что обусловило эффект незаконченности, с одной стороны, и потенциальной перспективы, с другой.

Наконец, необычный мир «страшных сказочных историй», населенных необычными существами, – еще один репутационный фактор. «Король и Шут» были единственной группой, которая обратилась к демонологическому дискурсу и построила собственный мир на мифологическом конструкте «двоемирия».

Что же объединяет музыкальную группу «Король и Шут» и роман «Мастер и Маргарита» в культурном коде современного человека? Одна из основных общих черт – интерес к демонологии. Роман и песни группы погружают читателя или слушателя в мир загадочного и необъяснимого, заставляя задуматься над природой сверхъестественных сил.

Более того, литературный и музыкальный коды предлагают собственные интерпретации демонологии и связанных с ней концепций. «Король и Шут» создает свой собственный мир мистики и ужасов.

Репутация группы «Король и Шут» росла по андеграундным каналам, такое тайное распространение добавляло им привлекательности, делая их символом «бунта». И роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», первоначально подвергшейся цензуре со стороны властей, в конечном итоге стал символом сопротивления идеологическому контролю.

Таким образом, два самостоятельных феномена – роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» и творчество группы «Король и Шут» – включены в культурный код человека рубежа веков.

Список использованной литературы

1. Геном русской души [Электронный ресурс] // О. Андреева [и др.]. – Режим доступа: https://www.thevoicemag.ru/stars/news/06-12-2022/ot-naslednikov-mihaila-bulgakova-potrebovali-115-mln-rubley-za-prodazhu-amerikancam-prav-na-mastera-imargaritu/]. – Дата доступа: 14.02.2024.

2. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник / В. Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2004. – 405 с.

К содержанию

С. А. КРАВЧУК
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. С. Клундук, канд. филол. наук, доцент

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ БЕЛОРУССКИХ БРЕНДОВ

В данном исследовании под коммуникативной стратегией бренда мы будем понимать тщательно продуманный план действий по продвижению компании. Коммуникативная стратегия базируется на позиционировании бренда, решает задачи коммуникации с конкретными целевыми группами потребителей и включает в себя анализ и выбор потенциальной аудитории, мониторинг рынка и определение особенностей ситуации, разработку тактик позиционирования, подбор эффективных инструментов, средств и коммуникационных каналов продвижения и обратной связи, создание плана действий в случае кризиса, оценку работы стратегии, выдвижение новых гипотез, необходимую корректировку самой стратегии и др.

Ученые выделяют ряд видов коммуникативных стратегий для продвижения брендов, среди которых называют интегрированную маркетинговую коммуникацию, рекламную, цифровую и событийную стратегии, стратегию влияния и PR-стратегию. Проанализируем их

особенности на материале некоторых белорусских компаний, в частности, торговой сети «Евроопт» и автомобильной интернет-площадки «Av.by».

Общая концепция бренда торговой сети «Евроопт» реализована с помощью стратегии *интегрированной маркетинговой коммуникации*, которая предполагает использование различных коммуникационных каналов для создания единого и согласованного образа бренда. Она включает в себя координацию рекламы, PR, прямого маркетинга, интернет-маркетинга, спонсорских мероприятий и других инструментов маркетинга, чтобы обеспечить достижение общей цели [2]. Благодаря этой стратегии налаживается эффективный контакт с целевой аудиторией и в целом увеличивается внимание целевой аудитории к рекламным кампаниям предприятия.

Активное ведение социальных сетей бренда, наличие обратной связи говорят об использовании *цифровой стратегии* в продвижении бренда. Цифровая стратегия представляет собой комплекс маркетинговых мероприятий, основанных на использовании цифровых каналов коммуникации для установления контакта с целевой аудиторией. Она включает в себя использование различных онлайн-платформ, других цифровых инструментов, направленных на привлечение внимания к самому бренду, создание условий для взаимодействия с возможными клиентами и укрепления связи с уже существующими.

Грамотное структурирование сайта компании позволяет пользователю быстро сориентироваться и с помощью разных вкладок (красная цена, акции, вакансии, «Е-плюс», собственное производство, магазины, фермеры, новости, инвесторам, о компании) найти нужную ему информацию. На сайте представлены ссылки на социальные сети («Вконтакте», Facebook, «Одноклассники», Instagram, TikTok, YouTube, Telegram и Viber), на скачивание мобильного приложения «Е-плюс», на информацию об игре «Удача в придачу!», на сайты магазинов сети и др. Это позволяет удержать потенциального покупателя и является весомым аргументом для инвесторов при выборе компании, с который они хотят сотрудничать.

Разные способы и средства рекламирования торговой сети «Евроопт» указывают на активную реализацию *рекламной стратегии*, целью которой в первую очередь является продвижение конкретных продуктов на рекламных площадках. Также применяется и *событийная стратегия*, которая реализуется посредством организации брендом различных мероприятий, охватывающих большую аудиторию (например, акции «Удача в придачу»). *Стратегия влияния*, известная еще как инфлюенс-маркетинг, представляет собой стратегию, основанную на использовании влиятельных личностей (инфлюенсеров) для продвижения продуктов или услуг бренда. Однако стоит отметить то, что у компании «Евроопт» она

представлена слабо ввиду малого количества совместных проектов и мероприятий с другими ведущими компаниями.

Таким образом, ведение социальных сетей, наличие обратной связи от потребителей, проведение конкурсов, акций, освещение их результатов дает возможность утверждать, что торговая сеть «Евроопт» выстроила правильную концепцию своего продвижения.

У автомобильной интернет-площадки «Av.by.» мы также отметили успешную реализацию *стратегии интегрированных маркетинговых коммуникаций* и *рекламной стратегии*. В компании создают рекламу, которая эффективно воздействует на сознание людей и легко запоминается. По заявлению компании, «каждую секунду на “Av.by” приходит уникальный пользователь» [1]. Однако у компании «Av.by.», по нашему мнению, не в полной мере осуществляется обратная связь, а различные розыгрыши и акции проводятся редко. Упор делается на новости, помощь в подборе автомобилей и др. Как указывается на сайте, «новости и спецпроекты на “Av.by” читает четверть аудитории страны. Каждый месяц мы выпускаем около 45 материалов, которые собирают более 650 000 прочтений. В среднем в первые сутки рекламный материал на главной странице получает более 10 000 просмотров, а спецпроекты – более 15 000 прочтений». «Av.by» активно продвигает и видеонаправление, развивает свой YouTube-канал.

Социальные сети компании являются хорошо развитыми информационными каналами взаимодействия с аудиторией, что указывает на *цифровую стратегию*. Между тем, на большом количестве постов отсутствуют комментарии, а если они и есть, то администраторы не всегда на них реагируют. В большинстве социальных сетей информация дублируется, однако можно найти и посты, адаптированные именно под конкретную сеть.

Площадка «Av.by» проводила определенные мероприятия (например, «вечеринки av.by»), о которых информировалось в социальных сетях. Также «Av.by» сотрудничает с многими компаниями и является организатором мероприятий, например, автомобильной премии «Маскот–2023», ход которой также был представлен на своей странице в сети Instagram. Это указывает на реализацию *событийной и PR-стратегий* в продвижении данного бренда. Как известно, *PR-стратегия* основывается на отношениях с общественностью, медийных связях, событиях и других инструментах для создания положительного образа бренда: организации пресс-конференций, выступлениях на конференциях, написании пресс-релизов, участии в благотворительных мероприятиях и т. д. В целом автомобильный интернет-ресурс качественно

выстраивает и реализует концепцию по созданию своего имиджа и продвижению компании.

Таким образом, эффективное использование коммуникативных стратегий играет ключевую роль в успешном продвижении белорусских компаний, в расширении охвата аудитории и повышении узнаваемости брендов. Создание уникального и целенаправленного контента и представление его на разных платформах способствует привлечению внимания и установлению долгосрочных отношений с потребителями.

Список использованной литературы

1. Av.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://av.by/. – Дата доступа: 14.05.2024.

2. Интегрированные маркетинговые коммуникации [Электронный ресурс] / Центр развития компетенций в маркетинге Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ. – Режим доступа: https://marketing.hse.ru/blog/integrirovannye-marketingovye-kommunikacii/. – Дата доступа: 08.05.2024.

К содержанию

В. А. КРАЎЧУК
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – А. С. Кавалюк, канд. філал. навук, дацэнт

МАСТАЦКАЕ АСЭНСАВАННЕ ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКАЙ РЭЧАІСНАСЦІ Ў НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

Гістарычна сталася так, што амаль два дзесяцігоддзі заходняя частка Беларусі ўваходзіла ў склад Польшчы і знаходзілася пад яе ўладай. Гэта абумовіла масавы нацыянальна-вызваленчы рух працоўных Заходняй Беларусі. Сёння па-рознаму інтэрпрэтуюцца гістарычныя падзеі таго часу. Ва ўстанаўленні гістарычнай праўды поруч з архіўнымі дакументамі важную ролю адыгрывае нацыянальная літаратура, бо многія мастакі слова яшчэ з заходнебеларускага часу звярталіся да асэнсавання заходнебеларускай рэчаіснасці (В. Машара, В. Таўлай, М. Танк, Я. Брыль). Творы заходнебеларускай тэматыкі ўспрымаюцца мастацкімі дакументамі часу: бо іх аўтары былі сведкамі ці нават актыўнымі ўдзельнікамі тагачасных падзей.

Для больш грунтоўнага асэнсавання мастацкай інтэрпрэтацыі заходнебеларускай тэматыкі ў літаратуры важным бачыцца гістарычны каментар пра Заходнюю Беларусь як геапалітычную адзінку, якая з’явілася паводле Рыжскай мірнай дамовы ад 18 сакавіка 1921 г. У выніку больш за 100 тыс. кв. км тэрыторыі Беларусі з насельніцтвам звыш 4 млн чалавек перайшло ў межы польскай дзяржавы. Гэтую тэрыторыю польскія ўлады

падзялілі на чатыры ваяводствы: Палескае, Навагрудскае, Віленскае і Беластоцкае. У іх дзейнічала польская адміністрацыя, якая была падмацавана шматлікімі пастарункамі (паліцэйскімі ўчасткамі). Польская ўлада для “крэсаў усходніх” распрацавала спецыяльны рэжым, у выніку якога насельніцтва Заходняй Беларусі апынулася ў вельмі цяжкім становішчы, яно зведала на сабе эканамічны, сацыяльны і нацыянальны прыгнёт.

Гаспадарка на заходнебеларускіх землях, разбураная імперыялістычнай і грамадзянскай вайной, амаль не адбудоўвалася, і да таго ж беларускія землі ператварыліся ў сыравінны прыдатак Польшчы. “Да 1935 г. колькасць прамысловых рабочых скарацілася на 40 % у параўнанні з 1913 г. Прамысловасць Заходняй Беларусі ў 1938 г. давала ў 9 разоў менш прадукцыі, чым БССР. На заводах і фабрыках працоўны дзень доўжыўся 10–11 гадзін. За тую ж самую працу ў прамысловасці польскаму рабочаму плацілі больш, чым беларусу. Асабліва пакутлівай з’явай было беспрацоўе. У сярэднім на аднаго працуючага прыходзілася два беспрацоўныя. Таму людзі згаджаліся на любую работу і любую аплату” [1]. Цяжка жылося жыхарам заходнебеларускай вёскі, якія складалі 85 % насельніцтва. Каля 90 тысяч парабкаў былі беззямельнымі. Польская ўлада ліквідавала абшчынныя ўчасткі зямлі. Значна павялічылася колькасць бедных жыхароў вёскі. У пошуках заробкаў яны шукалі выйсця ў эміграцыі.

Не менш цяжкім быў для заходніх беларусаў і нацыянальны прыгнёт. Улада буржуазнай Польшчы не прызнавала беларусаў за нацыю, праводзіла палітыку паланізацыі насельніцтва, імкнулася выкараніць нацыянальную свядомасць, каб замацаваць сваю ўладу на “крэсах усходніх”. Праследавалася нацыянальная мова і культура, ліквідаваліся беларускія школы, бібліятэкі, газеты. Да падзелу Беларусі на яе заходняй тэрыторыі працавалі каля 400 беларускіх школ, дзве настаўніцкія семінарыі, пяць гімназій, а да 1939 г. ўсе яны былі зачынены.

ЦК Грамады выдаваў сатырычны часопіс “Маланка” і шматлікія газеты, якія часта закрываліся ўладамі, таму выходзілі пад новымі назвамі: “Наш голас”, “Жыццё беларуса”, “Беларуская справа”, “Народная справа”, “Беларуская ніва”, “Наша справа”, “Наша воля”, “Народны звон”.

Феномен літаратуры Заходняй Беларусі праіснаваў дваццаць гадоў і даў падставы сцвярджаць, што літаратурны працэс развіваўся ў адпаведнасці з грамадска-палітычнай сітуацыяй, а самі творы адлюстроўвалі памкненні і мары заходніх беларусаў. У цэлым, літаратура Заходняй Беларусі яскрава выражала свядомасць мясцовага насельніцтва, яго спадзяванні на лепшую будучыню. Заходнебеларускія літаратары (М. Танк, П. Пестрак, М. Васілёк, інш.) у сваёй большасці знаходзіліся на перадавых пазіцыях у вызваленчым змаганні. Іх творчасць была прасякнута пафасам барацьбы. Іншыя мастакі слова працягвалі адраджэнскую

традыцыю. Культура і мастацтва, якія сфарміраваліся ў заходнебеларускім асяроддзі, прасякнуты нацыянальнымі традыцыямі і складаюць унікальны, самабытны мастацкі пласт.

Заходнебеларуская тэма, шырока прадстаўленая ў літаратуры Заходняй Беларусі, распрацоўвалася на працягу ўсяго XX ст. беларускімі мастакамі слова: Змітраком Бядулем, М. Лыньковым, Кузьмой Чорным, Г. Далідовічам, Г. Марчуком і інш. Для Я. Брыля і В. Адамчыка заходнебеларуская тэма стала вызначальнай, у Максіма Танка гэта характэрна заходнебеларускаму перыяду яго творчасці. Л. Геніюш і У. Калеснік да асэнсавання заходнебеларускай рэчаіснасці звярнуліся ў кнігах успамінаў “Споведзь” і “Доўг памяці”.

Максім Танк быў актыўным удзельнікам нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі. Будучы інструктарам ЦК камсамола Заходняй Беларусі, супрацоўнічаў з легальнымі і падпольнымі віленскімі перыядычнымі выданнямі, вёў актыўную грамадска-патрыятычную і культурна-асветную дзейнасць. Заканамерна, што вершы Максіма Танка заходнебеларускга перыяду грамадска-палітычнага зместу. Яны моцна паўплывалі на рэвалюцыйную моладзь, у рукапісах вершы распаўсюджваліся сярод шырокіх народных мас. Паэт шматгранна адлюстраваў жыццё працоўных Заходняй Беларусі: іх беззямелле і галечу, эканамічны, сацыяльны і нацыянальны ўціск, нацыянальна-вызваленчы рух. Сярод лірычных герояў заходнебеларускай літаратуры герой Максіма Танка вызначаецца чалавечнасцю, ён жывы, рэальны чалавек, які клапоціцца пра родных і блізкіх. Дакументальным сведчаннем пра Заходнюю Беларусь і яе становішча ў межах Польшчы з’яўляюцца “Лісткі календара” М. Танка, дзе між іншым шмат увагі адведзена заходнебеларускай літаратуры.

Я. Брыль таксама адносіцца да той генерацыі нацыянальных пісьменнікаў, якая прыйшла ў літаратуру ў другой палове 1930-х менавіта ў рэчышчы заходнебеларускага мастацтва слова. Але заходнебеларуская тэма стала вызначальнай не толькі ў ранняй творчасці пісьменніка, але і пазнейшай. У адрозненне ад іншых пісьменнікаў Заходняй Беларусі (В. Таўлай, М. Танк, М. Васілёк і інш.) малады Брыль непасрэдна не ўдзельнічаў у нацыянальна-вызваленчым руху; яго думкі імкнуліся ў свет культуры, вялікай літаратуры.

Найбольш вядомымі творамі заходнебеларускай тэматыкі Я. Брыля з’яўляюцца апавяданні “Марыля”, “Праведнікі і зладзеі”, “Галя”, аповесці “Сірочы хлеб” і “У сям’і”, раман “Птушкі і гнёзды”. У сваіх ранніх апавяданнях і аповясцях празаік асэнсоўваў сацыянальныя і нацыянальныя праблемы заходнебеларускай вёскі. Гэта і сацыяльная няроўнасць; цяжкае матэрыяльнае становішча жыхароў; пісьменнікам выяўлена псіхалогія вясковых багацеяў, якія дэманстравалі свае перавагі над галотай;

зафіксаваны факты валодання багатымі вяскоўцамі лесам як асабістай уласнасцю. У аповесці “Сірочы хлеб” адлюстравана дзейнасць польскай школы, адносіны настаўнікаў да мясцовых вучняў; створаны вобраз Міколы Кужалевіча як чалавека новага светапогляду, гатовага адстойваць правы беларусаў як нацыянальнай меншасці і бараніць свой народ ад прыгнятальнікаў. У аповесці “У сям’і” аўтар узнавіў побыт заходебеларускай вёскі, а таксама згадаў месца заключэння палітычных зняволеных – Бяроза-Картузскі канцлагер. Калі, асэнсоўваючы заходнебеларускую тэматыку ў 1930–1950-я гг., Я. Брыль засяроджваўся больш на сацыяльных аспектах жыцця вёскі, то ў рамане “Птушкі і гнёзды” паказаў лёс той часткі заходнебеларускай моладзі, якая ў час Другой сусветнай вайны вымушана была ваяваць у польскім войску, прайшла праз нямецкі палон. Аўтар засведчыў наяўнасць пачуцця зямляцтва ў палонных беларусаў, іх сумесныя намаганні вырвацца з палону. Па вяртанні на радзіму былыя вязні працягнулі змаганне супраць акупантаў.

Назвы паэтычных зборнікаў Л. Геніюш “Ад родных ніў”, “Невадам з Нёмана”, “На чабары настоена” выразна сведчаць, што вобразы малой радзімы станавіліся крыніцай натхнення паэткі. Аднак у яе паэтычных творах мы не выявілі мастацкага ўвасаблення рэалій заходнебеларускай рэчаіснасці. Яны паказаны ў кнізе ўспамінаў “Споведзь”. З асаблівай любоўю да малой радзімы і настальгіяй па ёй напісаны першы раздзеле “Жлобаўцы”. У поле зроку пісьменніцы трапілі такія аспекты заходнебе- ларускай рэчаіснасці, як нацыянальная і сацыяльная неспавядлівасць, прыгнёт народа, пагардлівыя адносіны палякаў да беларусаў, непрызнанне іх як народа, ганьба беларускай мовы. Таксама ў сваім творы Л. Геніюш паказала складанае матэрыяльнае становішча заходніх беларусаў і іх беспрацоўе.

У аўтабіяграфічнай кнізе “Доўг памяці” У. Калесніку ўдалося шматпланава адлюстраваць заходнебеларускую рэчаіснаць: побыт і працоў- ную дзейнасць сваіх сямейнікаў і землякоў, іх звычаі, традыцыі, светабачанне, вераванні. Былы гімназіст падрабязна і дэталёва ўзнаўляе працэс навучання і выхавання ў польскай гімназіі, пагардлівыя адносіны палякаў да беларусаў; абуджэнне ўнутранага пратэсту, пачуцця чалавечай годнасці ў заходнебеларускай моладзі. У той жа час пісьменнік паказаў мажлівасць беларусаў падчас вучобы ў польскай навучальнай установе далучыцца да еўрапейскай культуры.

Напісаная ў традыцыях беларускай рэалістычнай прозы тэтралогія В. Адамчыка займае ў беларускай літаратуры своеасаблівае месца як адметная, энаграфічна і гістарычна дакладная, самабытная хроніка заходнебеларускай рэчаіснасці. У рамане “Чужая бацькаўшчына” празаік імкнуўся аб’ектывізавана паказаць жыхароў заходнебеларускай вёскі

і мястэчка, абапіраючыся на багаты фактаграфічны матэрыял. У рамане “Год нулявы” ўзноўлены побыт заходнебеларускай вёскі напярэдадні яе вызвалення ад польскага рэжыму, паказана складанае становішча заходнебеларускай інтэлегенцыі перад вайной, калі пачаліся арышты тых, хто ўдзельнічаў у нацыянальна-вызваленчым руху ў Заходняй Беларусі. Частка гэтай інтэегенцыі верыла ў тое, што немцы маглі даць беларусам незалежнасць. Паказаны забойствы былых асаднікаў, рабаўніцтва іх сядзіб. У рамане “І скажа той, хто народзіцца” гаворыцца пра ўсталяванне на тэрыторыі былой Заходняй Беларусі савецкай ўлады, якая, на жаль, аказалася для мясцовага насельніцтва не больш спрыяльнай, чым польская. Асэнсоўваючы тэму калектывізацыі, В. Адамчык адзначыў, што ў былой Заходняй Беларусі яна праводзілася значна пазней, чым у Савецкай Беларусі і на аснове панскіх маёнткаў, фальваркаў, і асадніцкіх двароў. Аўтарам тэтралогіі не выяўлена прымусовага характару калектывізацыі ў гэтым рэгіёне. У рамане “Голас крыві брата твайго” засведчаны пісьменнікам на заходнебеларускай тэрыторыі грамадзянскі характар вайны, калі беларусы забівалі сваіх жа. Аўтар асабліва засяроджвае ўвагу на паказе трагічнага лёсу заходнебеларускай інтэлегенцыі, на долю якой выпалі і польскія, і савецкія астрогі; частка яе, дбаючы пра будучыню Бацькаўшчыны, супрацоўнічала з акупантамі.

Такім чынам, заходнебеларуская тэматыка даволі шырока і шматпланава ўвасоблена ў нацыянальным мастацтве слова, пачынаючы з часу Заходняй Беларусі, і з’яўляецца мастацкім яе дакументам.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Заходняя Беларусь пад уладай Польшчы [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://studfiles.net/preview/6447824/page:65/. – Дата доступу: 08.05.2024.

К содержанию

А. Ч. КРИВАНОС
Барановичи, БарГУ
Научный руководитель – Е. А. Зуева, канд. филол. наук

ИЗУЧЕНИЕ ПРАВИЛ ОРФОГРАФИИ С ОПОРОЙ НА ИСТОРИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПЯТОМ КЛАССЕ

Сведения по истории родного языка полезны каждому грамотному человеку, так как «они позволяют более сознательно подойти к правописанию и произношению многих слов современного русского языка, а также более глубоко и тонко осознать их значение» [1], соответственно, знание истории языка способствует формированию и развитию у обучаю-

щихся лингвистического мировоззрения, выполняет прикладную функцию, являясь вспомогательным средством для повышения уровня орфографических умений. По замечанию Л. А. Глинкиной, «обращение к истокам слова при усвоении орфографии стало в конце XX – начале XXI вв. достаточно популярным методическим приемом при обучении русскому языку» [2, с. 7]. На уроках русского языка при изучении орфографии рассматриваются основные элементы и правила орфографии, которые помогают понять особенности правописания слов.

В рамках прохождения производственной (педагогической) практики на базе ГУО «Средняя школа № 21» г. Барановичи нами было проведено исследование по темам «Правописание букв *з* и *с* на конце приставок», «Правописание *ы, и* после приставок на согласный» в разделе «Орфография» с целью анализа внедрения элементов истории языка на уроках русского языка в пятом классе. Учащимся были предложены упражнения. Сперва было предложено выполнить задание.

Упражнение 1. Сравните текст, записанный в современной и в старой орфографии, и расскажите, какие различия в записи слов вы увидели.

Не вѣтер бушуетъ над боромъ	*Не ветер бушует над бором*
Не с горъ побежали ручьи	*Не с гор побежали ручьи*
Морозъ-воевода дозоромъ	*Мороз-воевода дозором*
Обходитъ владѣния свои.	*Обходит владенья свои.*

В результате обсуждения учащиеся пришли к следующему выводу, что в тексте старой орфографии была буква ***ѣ***, а в тексте современной орфографии на ее месте стоит буква ***е*** (*вѣтер – ветер, владѣния – владенья*), в старой орфографии на конце некоторых слов пишется ***ъ***, а в современной орфографии ***ъ*** не пишется (*боромъ – бором, горъ – гор, морозъ – мороз, обходитъ – обходит*).

Историко-графический комментарий учителя: современная система письма существует с 1917–1918 гг., когда произошла реформа правописания. Некоторые буквы были удалены из алфавита, например, вместо буквы ***ѣ*** **(ять)** стали писать ***е***. На конце слов после согласных перестали писать букву ***ъ*** **(ер)**.

После вступительной беседы пятиклассникам было предложено выполнить орфографические упражнения. Первая часть упражнений касалась «Правописания букв *з* и *с* на конце приставок».

Упражнение 1. Перепишите слова, вставляя буквы **з/с** в приставках. Подчеркните согласную после приставки.

И..расходовать, ра..смотреть, в..помнить, в..дремнуть, и..портить, и.гнать, бе..причинный, бе..вольный, во..хождение, во..рождение,

бе..граничный, бе..полезный, ра..бежаться, рас..троиться, и..лечиться, и..правляться.

Ответ: **ИЗ**расходовать, **РАС**смотреть, **ВС**помнить, **ВЗ**дремнуть, **ИС**портить, **ИЗ**гнать, **БЕС**причинный, **БЕЗ**вольный, **ВОС**хождение, **ВОЗ**рождение, **БЕЗ**граничный, **БЕС**полезный, **РАЗ**бежаться, **РАС**строиться, **ИЗ**лечиться, **ИС**правляться.

Упражнение 2. Из словосочетаний образуйте слово с буквами **з/с** в приставках. Подчеркните согласную после приставки.

Ребенок без забот, небо без звезд, жидкость без цвета, дорога без конца, плач без звука, движение без шума, вход без платы.

Ответ: **БЕЗ**заботный, **БЕЗ**звездное, **БЕС**цветная, **БЕС**конечная, **БЕЗ**звучный, **БЕС**шумный, **БЕС**платный.

Историко-орфографический комментарий: слова с приставками ***воз-/вос-***, ***низ-/нис-*** имеют в русском языке книжный, возвышенный характер в отличие от нейтральных слов с приставками ***вз-/вс-***: ***воз****гордиться*, ***вос****пылать*, ***низ****вергнуть*, ***нис****пустить*. Слова с приставками ***воз-/вос-*** были заимствованы из церковнославянского, который был на Руси книжным языком. Поэтому они и по сей день сохраняют возвышенный оттенок.

После проверки упражнений на правописание *з* и *с* на конце приставок были получены следующие результаты: 7 человек выполнили упражнения верно, 8 человек выполнили частично верно, были допущены ошибки, 2 человека выполнили упражнения с большим количеством ошибок.

При изучении темы «Правописание *и, ы* после приставок на согласный» мной было предложено выполнение следующего задания на закрепление пройденного материала.

Упражнение 1. Запишите словосочетания, вставляя пропущенные буквы, и обозначьте орфограммы.

От..скать клад, под..тожить результаты, сверх..з..сканные блюда, пред..дущая глава, без..ниициативный работник, вз..гравшееся море.

Ответ: От**Ы**скать клад, под**Ы**тожить результаты, сверх**И**з**Ы**сканные блюда, пред**Ы**дущая глава, без**Ы**ниициативный работник, вз**Ы**гравшееся море.

Для историко-орфографического комментария на данном уроке были использованы материалы книги М. В. Панова «Занимательная орфография» [3], где автор рассказывает о наблюдениях известного ученого Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765 гг.). Ученикам рассказаны и продемонстрированы следующие наблюдения: «С увлечением собирал М. В. Ломоносов материал для своей грамматики (вышла в 1757 г.). Тысячи записей! И каждая – какое-нибудь наблюдение, вопрос, обобщение, предположение. Например:

*отъ**и**скать* *от**и**скать* *от**ы**скать…*

Одно слово записано в трех вариантах. М. В. Ломоносов ищет, какую орфографическую норму избрать? Утвердилось последнее написание, сам М. В. Ломоносов отдавал ему предпочтение:

***и**скать – от**ы**скать* ***и**тог – под**ы**тожить*

***и**грать – с**ы**грать* ***и**кать – раз**ы**кался*

М. В. Ломоносов чутко отмечал, что отвечает духу нашего письма, а что – противоречит [3, с. 37].

При проверке работ учащихся выяснилось, что 9 человек в классе в полном объеме усвоили тему и не допустили ни одной ошибки при выполнении упражнения. Остальная часть класса (8 человек) выполнили упражнение частично правильно, допустив некоторые ошибки.

Таким образом, представленные задания и упражнения рассчитаны для всех учеников, направлены на формирование и закрепление навыков, проверку усвоения учениками знаний по орфографическим темам. Темы «Правописание букв *з* и *с* на конце приставок», «Правописание *ы*, *и* после приставок на согласный» в разделе «Орфография» не вызывают у учащихся никаких трудностей. Ценность историко-лингвистического комментария при изучении правил орфографии способствует осознанному усвоению правописания слов. Предложенная система упражнений может использоваться при изучении отдельных правил раздела «Орфография» на уроках русского языка в пятом классе на разных этапах и учебных элементах уроков.

Список использованной литературы

1. Бабулевич, С. Н. Историко-лингвистическое комментирование в контексте обучения русскому языку в школе [Электронный ресурс] / С. Н. Бабулевич, Т. Ф. Кузенная // Вестн. Минин. ун-та. – 2018. – Т. 6. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-lingvisticheskoe-kommentirovanie-v-kontekste-obucheniya-russkomu- yazyku-v-shkole/viewer. – Дата доступа: 22.04.2024.

2. Глинкина, Л. А. Этимологические тайны русской орфографии : словарь-справочник / Л. А. Глинкина. – М. : АСТ: Астрель : Транзиткнига, 2006. – 381 с.

3. Панов, М. В. Занимательная орфография / М. В. Панов. – М. : Просвещение, 1984. – 159 с.

К содержанию

А. С. КУЗІЧ
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – Л. І. Яўдошына, канд. філал. навук, дацэнт

ПЕРЫФРАЗА ЯК СРОДАК СТВАРЭННЯ ВОБРАЗА ЧАЛАВЕКА Ў РАМАНАХ-ЭСЭ А. ЛОЙКІ “ФРАНЦЫСК СКАРЫНА, АБО СОНЦА МАЛАДЗІКОВАЕ” І “ЯК АГОНЬ, ЯК ВАДА…”

Адметнае месца сярод мастацкіх сродкаў, ужытых для стварэння вобразнасці ў раманах-эсэ А. Лойкі “Францыск Скарына, або Сонца Маладзіковае” і “Як агонь, як вада…”, належыць перыфразам. Перыфраза звычайна ў вобразнай форме характарызуе прадметы і з’явы, падкрэсліваючы іх незвычайнасць [1]. Перыфрастычныя выразы ў раманах-эсэ выкарыстоўваюцца пісьменнікам для характарыстыкі вобразаў галоўных і другарадных герояў, апісання абстрактных і канкрэтных паняццяў, геаграфічных аб’ектаў і інш.

У рамане-эсэ пра Францыска Скарыну [3] А. Лойка ўжывае мноства перыфраз для характарыстыкі вобраза галоўнага героя. Напрыклад, перыфразы ***смярдзючы купец***, ***злашчасны купец***, ***няшчасны пісар*** утрымліваюць у сабе негатыўную афарбоўку і адлюстроўваюць зневажальныя адносіны да Ф. Скарыны, якія часам даводзілася перажываць першадрукару за мяжой, чуючы падобныя выказванні з вуснаў чужых людзей. Наступная перыфраза мае відавочную адсылку да антычнага вобраза Адысея, які, па легендзе, доўга дабіраўся да свайго дома: ***полацкі Адысей***. Прыведзенай перыфразай, як і перыфразай ***чалавек дарогі***, А. Лойка падкрэслівае шматлікія падарожжы і пераезды Ф. Скарыны. Перыфраза ***пасланнік Бога***, якую ў тэксце галоўны герой выкарыстоўвае для самахарактарыстыкі, акрэслівае ўнутранае разуменне Ф. Скарынам свайго прызначэння на Зямлі – працаваць на карысць людзям. Прыналежнасць Ф. Скарыны да купецкага роду пісьменнік перадае перыфразай ***сябар гандлю і разліку***. Ужываннем наступнай перыфразы пісьменнік адзначае пераемнасць пакаленняў, адыход адных славутых дзеячаў культуры і працяг іх справы маладымі: ***слаўны наступнік слаўнага Фіёля***. Выкарыстаннем перыфразы ***Вялікі Даўжнік*** аўтар звяртае ўвагу на тагачасны несправядлівы суд над Ф. Скарынам, які змог перакрэсліць усе яго дасягненні як вялікага першадрукара і асветніка і зрабіць вінаватым перад законам. Перыфраза са сказа “*«Псалтыр»* – ***яго гуслі***” ўказвае на тое, што кніга Ф. Скарыны стала для яго своеасаблівым музычным інструментам.

Для стварэння вобразаў другарадных персанажаў у рамане-эсэ “Францыск Скарына, або Сонца Маладзіковае” пісьменнік ужывае

адзінкавыя перыфразы: ***канонік-адшэльнік з Фраўэнбургскай вежы*** – М. Капернік; ***намеснік Бога на Зямлі*** – Папа Рымскі, ***кветкі жыцця*** – дзеці, ***магутныя свету гэтага*** – каралі.

Перыфразы сталі актыўнымі сродкамі стварэння вобраза Янкі Купалы ў рамане А. Лойкі “Як агонь, як вада…” [2]. З дапамогай іх пісьменнік малюе разгорнуты партрэт класіка беларускай літаратуры, яскрава і выразна перадае рысы яго характару, падкрэслівае выключнае месца мастака слова ў гісторыі беларускай літаратуры, напрыклад: ***беларускі Гільгамеш***; ***негаспадарлівы старэйшы сын***; ***дастойны ўнук Скарыны***; ***адзінокі шукальнік блакітнай птушкі шчасця***; ***адзінокі паэт***. Арыгінальным з’яўляецца наступнае аўтарскае ўтварэнне, з дапамогай якога пісьменнік перадае выключныя творчыя здольнасці Янкі Купалы: ***найбрыльянцейшы з брыльянтаў паэт-самародак***. Пры ўтварэнні перыфраз, якія характа- рызуюць галоўны вобраз рамана, аўтар часта выкарыстоўвае формы вышэйшай ступені параўнання прыметнікаў: ***самы наймагутнейшы паэт***; ***самы высакародны беларускі паэт***; ***самы вольналюбівы беларускі паэт***; ***самы лепшы паэт Беларусі ўсіх часоў***; ***самы багаты набытак газеты “Наша ніва”***. Перыфразы ***дзіця вёскі***, ***паэт сялянства***, ***голас сялянства*** выразна паказваюць на месца нараджэння паэта і любімы, цэнтральны вобраз яго паэзіі.

Пры дапамозе наступных перыфрастычных выразаў А. Лойка характарызуе вобраз Янкі Купалы не толькі як песняра беларускага народа, яго думак і пачуццяў, але і як чалавека моцнага духам, здольнага супрацьстаяць перашкодам свайго часу. Ажыццяўляецца гэта дзякуючы выкарыстанню ў складзе перыфраз апорных кантрасных назоўнікаў “пясняр беларускай вёскі – зрушальнік, рыцар”: ***пясняр новай беларускай вёскі***; ***пясняр простага мужыка***; ***сын і пясняр сапраўднай красы***; ***пясняр беларускага сейбіта і ратая***; ***зрушальнік царскіх тронаў і карон***; ***рыцар шчырага культу жанчыны***.

Пісьменнік як выдатны знаўца сусветна вядомых помнікаў літаратуры ў сваім рамане звяртаецца да твораў іншых аўтараў, што напрыклад, відавочна ва ўжыванні характарыстычнай перыфразы ***Адысей па броварах***. ***Не хлапчук з пустыні і пушчы, не Мцыры, які перамог Барса, і не высокі патрыцый*** – у гэтым разгорнутым выразе, што характарызуе Я. Купалу, відавочная адсылка да паэмы “Мцыры” М. Лермантава. Матывы вядомага твора італьянскага паэта Дантэ наклалі адбітак на выкарыстанне пісьменнікам наступнай перыфразы: ***другі круг пекла для Купалы*** – *Яхімоўшчына*.

Каб прасачыць за эвалюцыяй Янкі Купалы як асобы адоранай, А. Лойка на пачатку твора выкарыстаў разгорнутую перыфразу ***хлопчык з далёкага Купалля***, ***якому так хацелася***, ***каб яму паспявалі***, а ў канцы твора знаходзім перыфразу ***чалавек перадгісторыі***. І эвалюцыя гэтага

вобраза праходзіла ў штодзённым шуканні Купалам папараці-кветкі, сваёй кветкі шчасця, якая ў творы набыла метафарычны сімвал творчасці: ***засохлая кветка – закладка ў Біблії стагоддзяў***.

Для стварэння вобраза Янкі Купалы пісьменнік часта выкарыстоўвае апорныя назоўнікі (*пясняр*, *сумленне*, *вартаўнік*, *голас*) у складзе перыфраз: *І гэта была вунь якая яркая праграма жыцця і песні Купалы –* ***рамантыка, сына і песняра сапраўднай красы*** [2, с. 233]; *Лепш сказаць аб велічы Купалы –* ***песняра простага мужыка****, відаць, цяжка было ў гэтай зале* [2, с. 279]; ***Пясняр беларускага сейбіта і ратая*** *не мог не спалучыць стальное і сейбіцка-сялянскае* [2, с. 449]; *Ён, хто стаў* ***голасам прыгнечанага дарэвалюцыйнага сялянства****; ён –* ***пясняр новай беларускай вёскі*** *– Купала меў права на выключэнне для маці* [2, с. 311]; *Паэт –* ***сумленне народа, вартаўнік*** *яго* [2, с. 116]. Гэтыя агульнаўжывальныя назоўнікі паказалі тую адданасць роднай зямлі і людзям, якую Янка Купала пранёс праз усё жыццё, адлюстраваў у сваёй творчасці.

Перыфраза таксама стала дзейсным сродкам стварэння вобразаў другарадных персанажаў у рамане-эсэ “Як агонь, як вада…”. У творы сустракаецца шмат разгорнутых перыфраз, ужытых пісьменнікам пры стварэнні жаночых вобразаў або вобразаў тагачасных беларускіх пісьменнікаў. Напрыклад: ***святочнае маладое дзіця Акопаў*** – сястра Янкі Купалы Лёля; ***белатварая, чорная кветачка Цхалтуба*** – Эліко (“Алена Міхайлаўна”); ***не нявіннае дзіця прыроды, пушчанскіх нетраў*** – П. Мядзёлка; ***беларускі Горкі*** – Цішка Гартны; ***саратаўскі мужык*** – Мысаўскі; ***пасланцы будучыні*** – браты Гарэцкія; ***Напалеончык ад літаратуры*** – Л. Бэндэ; ***пясняр паходу ў Новую Зямлю*** – М. Зарэцкі; ***лоўчы душ*** – ксёндз Абрантовіч. Многія перыфразы маюць экспрэсіўную афарбоўку і з’яўляюцца надзвычай характарыстычнымі. Напрыклад, перыфраза ***пасланцы будучыні*** характарызуе вобразы маладых братоў Гарэцкіх, якія, на думку Янкі Купалы, нібы з’явіліся з будучыні і прынеслі з сабой новыя ідэі для літаратуры. Перыфраза ***Напалеончык ад літаратуры*** малюе вобраз крытыка Л. Бэндэ і адзначае яго ваяўнічыя намеры перарабляць літаратурныя творы на свой манер. Перыфразай ***пясняр паходу ў Новую Зямлю*** аўтар характарызуе вобраз М. Зарэцкага як даследчыка знакамітай паэмы Якуба Коласа.

Разгорнутая перыфраза ўжыта ў рамане-эсэ для апісання вобраза Ф. Багушэвіча: ***мужыцкі адвакат, магутны будзіцель нацыянальнай свядомасці беларусаў, аграмадная фігура беларускай літаратуры канца 19-га стагоддзя***. Яна адметна характарызуе вядомага беларускага пісьменніка, перадае станоўчую ацэнку яго дзейнасці і творчасці.

Параўноўваючы перыфразы ў абодвух раманах-эсэ, можна адзначыць не толькі іх колькасць у рамане пра Янку Купалу, але і іх больш

эмацыйны характар у гэтым творы. Варта заўважыць таксама, што ў абодвух раманах выкарыстана перыфраза, заснаваная на адсылцы да вобраза Адысея: ***полацкі Адысей*** (пра Скарыну) і ***Адысей па броварах*** (пра Купалу). Яна высвечвае аўтарскую асацыятыўную сувязь ва ўспрыманні гэтых асоб, а таксама падкрэслівае аналогію ў біяграфіях галоўных герояў. Пэўную сувязь паміж раманамі паказвае і перыфраза ***дастойны ўнук Скарыны***, якая ў нейкай меры нібы прадказвае з'яўленне наступнага рамана ці тое, што для пісьменніка постаці Купалы і Скарыны блізказначныя ў беларускім культурным дыскурсе.

У рамане-эсэ "Як агонь, як вада…" найбольшую па колькасці групу склалі перыфразы, выкарыстаныя А. Лойкам для стварэння вобраза Янкі Купалы – каля 60 %, для намінацыі вобразаў іншых герояў выкарыстана каля 20 % перыфраз. Многія перыфразы ў творы з'яўляюцца характарыстычна-ацэначнымі выразамі і перадаюць ацэнку чалавечых якасцей Купалы і асаблівасцей яго біяграфіі (***дзіця вёскі***; ***хлопчык з далёкага Купалля, якому так хацелася, каб яму паспявалі***; ***негаспадарлівы старэйшы сын***; ***Адысей па броварах***), яго ўнутранага псіхалагічнага стану (***адзінокі паэт***; ***адзінокі шукальнік блакітнай птушкі шчасця***), яго творчасці і таленту (***найбрыльянцейшы з брыльянтаў паэт- самародак***; ***паэт сялянства***; ***голас сялянства***; ***чалавек перадгісторыі***), яго месца і ролі ў нацыянальнай культуры (***дастойны ўнук Скарыны***; ***Беларускі Гільгамеш***).

У рамане-эсэ пра Францыска Скарыну для мастацкага апісання вобраза галоўнага героя пісьменнік ужывае каля 26 % перыфраз, для намінацыі вобразаў іншых персанажаў твора – 18 % перыфраз. Перыфразы сустракаюцца і ў маўленні аўтара, і ў маўленні Скарыны, і ў маўленні іншых персанажаў. Яны дапамагаюць вобразна абмаляваць адметнасці біяграфіі беларускага першадрукара (***сябар гандлю і разліку*** – пра купецкае паходжанне Ф. Скарыны; ***чалавек дарогі, полацкі Адысей*** – намёк на частыя падарожжы Скарыны), перадаць аўтарскую эмацыянальна-ўзвышаную ацэнку яго дзейнасці (***слаўны наступнік слаўнага Фіёля***, *"Псалтыр"* – ***яго гуслі***) і інш.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Капцова, Ю. А. Перыфраза як элемент этычнага інструментарыю беларускай мовы [Электронны рэсурс] / Ю. А. Капцова. – Рэжым доступу: https://rep.brsu.by/bitstream/handle. – Дата доступу: 26.04.2024.

2. Лойка, А. Выбраныя творы : У 2 т. Т. І. Як агонь, як вада…: раман-эсэ пра Янку Купалу / А. Лойка. – Мінск : Маст. літ., 1992. – 461 с.

3. Лойка, А. Францыск Скарына, або Сонца Маладзіковае / А. Лойка. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 381 с.

К содержанию

М. О. КУЗЬМИНА
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Л. В. Скибицкая, канд. филол. наук, доцент

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ВЛАСТИ

Формирование образа власти в региональных СМИ представляет собой многоаспектный процесс, особенности которого включают в себя несколько ключевых аспектов, определяющих успешность стратегий воздействия на общественное мнение и формирование положительного имиджа власти.

Региональные СМИ играют важную роль в информационном пространстве. Они являются основным источником новостей и аналитических материалов для местных жителей. Поэтому важно, чтобы работа региональных СМИ была профессиональной, объективной и независимой, способствовала формированию доверия к транслируемой информации.

Для эффективного формирования образа власти через региональные СМИ необходимо активное информационное взаимодействие с общественностью. Это включает не только публикацию новостей о деятельности государственных структур, но и организацию открытых диалогов, интервью с представителями власти, а также поддержку обсуждения актуальных проблем и инициатив.

Еще один аспект заключается в использовании современных коммуникационных технологий для привлечения аудитории и создания интересного контента. Социальные сети, видеоконтент, интерактивные форматы позволяют региональным СМИ быть более доступными и привлекательными для широкой аудитории.

В данной статье мы рассмотрим, какие коммуникативные практики в этом направлении использует областная газета «Заря».

Изучая материалы, опубликованные на интернет-ресурсе «Зари», мы обнаружили, что основными принципами формирования образа власти в данном СМИ выступают достоверность и открытость. На наш взгляд, данные принципы не могут быть поставлены под сомнение, так как регламентируются действующим законодательством.

Такие формы коммуникации власти с аудиторией, как пресс-конференции, интервью, пресс-релизы и др. постоянно освещаются в областном СМИ: *Президент рассказал о непубличной части Концепции национальной безопасности*; *Интервью с председателем Брестского облисполкома Юрием Шулейко*; *Головченко: в силу поставленных перед системой здравоохранения задач времени для раскачки нет* [1].

Важной коммуникативной практикой издания выступает создание позитивных историй, в которых рассказывается об успешных проектах, программах или инициативах, принесших положительные результаты. Например: *В парке семейных деревьев – новая аллея* [1].

Существенную роль в позиционировании положительного образа власти играют материалы, отражающие суть проектов, направленных на повышение осведомленности граждан о принимаемых решениях: *Какие законодательные новшества для автомобилистов введены или вот-вот вступят в силу* [1].

Анализ работы новостного сайта «Зари» показал, что издание активно взаимодействует с аудиторией. На сайте есть раздел «Вопрос-ответ», где на вопросы граждан отвечают эксперты, в том числе представители власти. Это способствует расширению коммуникационных каналов, а также созданию положительного образа власти и демонстрации их активной работы с общественностью.

Нами выявлены следующие основные направления деятельности власти, которые освещались в издании за период с октября 2023 по апрель 2024 г. (всего 200 материалов): экономическая сфера (*На базе ОАО «Ивацевичдрев» прошел семинар на тему цифровизации реального сектора экономики* (24.10.2023)); вопросы международных отношений (*Лукашенко: с территории Беларуси не будет агрессии против Польши* (25.04.2024)), социальная сфера (*В Барановичах 15 декабря стартовала новогодняя благотворительная республиканская акция «Наши дети»*, (16.12.2023)), новые аспекты законодательной области (Законопроект об ответственном обращении с животными депутаты рассмотрят в первом чтении 11 октября (10.10.2023)) [1].

Указанные и другие подобные материалы имеют однотипную структуру «жесткой новости» (Top Line, лид, расширяющий информационный ряд Top Line; основная новость с ответами на вопросы «Как это происходило?» «Почему это произошло?»). Это, с одной стороны, свидетельствует об осознанном понимании сотрудниками издания формата онлайн-журналистики и включенности издания в тренды современного медиапространства. С другой стороны, такая заданность и повторяемость текстов приводит к стереотипизации, в том числе и смысловой, за счет чего в сознании аудитории формируется клишированный образ власти. Об этом свидетельствуют данные онлайн-опроса, в котором мы попытались проанализировать характер обратной связи по поводу публикуемой в «Заре» информации о власти. Преимущественное большинство участников онлайн-опроса ответили, что по прочтении материалов сайта и газеты у них сформировался положительный образ власти. В то же время пятая часть опрошенных обратила внимание на отсутствие материалов критической направленности.

Отметим, что работа сотрудников ведущего интернет-ресурса Брестчины характеризуется взвешенностью оценок, уважением к читателю,

профессиональным подходом к освещению событий. Этот отражается и в практиках формирования образа власти. Подчеркнем, что несомненным преимуществом издания выступают аналитический подход к репрезентации фактов и явлений, доступность информации, практики сотрудничества и диалога, а также развитие медиаграмотности населения.

Успешное формирование образа власти в региональных СМИ требует комплексного подхода. Он включает открытость, учет интересов различных сегментов аудитории и активное использование современных коммуникационных технологий.

Список использованной литературы

1. Новости Бреста сегодня [Электронный ресурс] // Новости Бреста – газета Заря. – Режим доступа: https://zarya.by. – Дата доступа: 10.05.2024.

К содержанию

К. А. КУЛАКОЎСКАЯ
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – Н. Р. Якубук, канд. філал. навук, дацэнт

ТАПОНІМЫ Ў ТВОРАХ УЛАДЗІМІРА ГНІЛАМЁДАВА

Тапанімічныя назвы – неад’емны кампанент тэкстаў мастацкіх твораў. У розных пісьменнікаў і нават у розных жанрах літаратуры выяўляюцца свае адметнасці адлюстравання мастацкай прасторы твора і ўключэння самых разнастайных тапонімаў (урбанонімаў, мікратапонімаў, гідронімаў, камонімаў, харонімаў, астыёнімаў, дрымонімаў і інш.) у мастацкі тэкст. Звычайна ў літаратуры шырока выкарыстоўваюцца тапонімы рэальныя і створаныя аўтарскай фантазіяй. Такія адзінкі, як адзначаюць даследчыкі, прыўносяць у сюжэтную канву “канкрэтнасць і дынамізм, жывасць і дакладнасць пры абмалёўцы сюжэтных сітуацый і прасторавых уяўленняў персанажаў і самога пісьменніка” [3, с. 88].

У творах Уладзіміра Гніламёдава намі вылучаны наступныя віды тапонімаў паводле аб’екта намінацыі: *астыёнімы* – уласныя імёны гарадоў; *камонімы* – уласныя імёны сельскіх населеных пунктаў; *урбанонімы* – уласныя імёны любога ўнутрыгарадскога тапаграфічнага аб’екта; *харонімы* – назвы краін, вялікіх абласцей, раёнаў, значных прастораў; *гідронімы* – найменні водных аб’ектаў; *мікратапонімы* – назвы дробных геаграфічных аб’ектаў пэўнай мясцовасці (выганаў, урочышчаў, лясоў, балот, палёў і т. п.); *аронімы* – найменні пэўных аб’ектаў рэльефу; *драмонімы* – найменні наземных ці водных шляхоў зносін; *дрымонімы* – уласныя імёны лясных участкаў.

Найбольшую колькасць сярод таманімічных назваў у прааналізаваных раманах складаюць найменні населеных пунктаў, ці айконімы (ад грэч. *oikos* ‘жыллё’ і *onyma* ‘імя’), якія прадстаўлены дзвюма разнавіднасцямі: астыёнімамі і камонімамі.

Самым шматлікім відам тапонімаў у творах У. Гніламёдава з’яўляюцца астыёнімы, прадстаўленыя назвамі гарадоў Беларусі, Расіі і іншых краін свету, напрыклад: *Чыгуначныя дарогі, якія звязалі* ***Берасць*** *і* ***Гародню*** *з* ***Мінскам*** *і* ***Вільняй***, ***Масквой*** *і* ***Варшавай***, *пакінулі* ***Камянец*** *убаку, і ён застаўся, як пісаў адзін этнограф, “Вельмі бедным і нязначным мястэчкам Брэсцкага павета”* [1, с. 36]; *На вялікія кірмашы – раз ці два ў год – прыбывалі сюды цэлыя абозы балаголаў з Беласточчыны, Валыні, з* ***Пружан***, *з Палесся, з-за* ***Берасця*** *і з многіх іншых бакоў* [1, с. 36]; *– Якое там жыццё! У* ***Гомелі*** *зноў пагром быў…* [1, с. 37]; *– Гэта і быў горад* ***Вавілон*** *– з раскошнымі дамамі і паркамі, у якіх спявалі птушкі і, канечне, памнажаліся грахі* [1, с. 54]; *У* ***Іерусалім*** *хадзіла Лёкса Бабіч* [1, с. 170]; *– Ад* ***Лібавы*** *да* ***Нью-Йорку*** *на ўсім гатовым – сто рублёў! – казаў Масей Галёнка, які пра ўсё даведваўся першы* [1, с. 171]; *– Дзевятага студзеня ў* ***Пецярбургу*** *загінулі каля ста чалавек* [1, с. 190]; *Параход адплываў з Лібавы, куды трэба было дабірацца цягніком праз* ***Баранавічы***, ***Вільню***, ***Рыгу*** *па Лібава-Роменскай чыгунцы* [1, с. 209]; *– Да* ***Порт-Артура*** *не дайшоў, – расказваў Фэдар, – быў у* ***Харбіне***, ***Мукдэне*** *– вёрст тысячу прайшлі. Быў пад* ***Ляалянам***, *ох і ўсыпаў нам там японец. Разам з усімі адступаў да* ***Цяльпіна*** [2, с. 19]; *– Усякае бывае. Аднойчы я ў* ***Твін Піксе*** *жыў. Гарадок такі* [2, с. 25–26]; *Пасля жорсткіх баёў 20 жніўня армія генерала Рузскага ўзяла* ***Львоў***, *а армія Брусілава –* ***Галіч*** [2, с. 89] і інш.

У меншай колькасці ў тэкстах намі зафіксаваны назвы рэальных сельскіх населеных пунктаў, якія ёсць або былі на тэрыторыі Беларусі ці Расіі, напрыклад: *Вёска называлася* ***Пруска***, *і выгляд, які яна мела, менш за ўсё наводзіў на думку пра якія-небудзь змены* [1, с. 7]; *Недалёка ад Прускі ёсць вёска* ***Велека***, *калі ісці на* ***Відамле***, *і вёска* ***Люта*** *– гэта ў бок Брэста пад Высокім* [1, с. 7]; *Суседнія вёскі –* ***Выгнанка***, ***Зінькі***, ***Бабічы***, ***Алешкавічы***, ***Трасцяніца***, ***Ліпна***, ***Бучамле***, ***Сухаволле***, ***Свішчова***, ***Царкоўнікі***, ***Перкавічы***, ***Вайская***, ***Кашчэнікі*** *і іншыя – недалёка, побач, можна сказаць, у межах якіх-небудзь пяці-шасці кіламетраў, а людзі ў іх па-свойму жывуць, з уласнымі традыцыямі* [1, с. 9]; *Старажытны шлях, што ішоў з поўдня праз Берасць,* ***Турну***, ***Чарнаўчыцы***, *Відамле, Камянец,* ***Камянюкі***, ***Белавежу*** *і вёў на Гародню, у бок Трокаў, канчаткова страціў ранейшую сваю ролю* [1, с. 36]; *Мінулі* ***Рудавец***, ***Трасцяніцу***, ***Ратайчыцы*** [2, с. 4]; *Працавалі ў яго [Арыстарха Паца] людзі з* ***Шалічаў***, ***Гароднікаў***, ***Вялекі*** [2, с. 63]; *Раніцай полк змянілі, і ён пайшоў на адпачынак. Адпачывалі ў вёсцы* ***Палачаны*** [2, с. 270]; *– Вось, таварышы, у лютым, – дакладваў ён [Міша Касякін], –*

успыхнуў мяцеж у сяле ***Брыкаўка*** *Мікалаеўскага павету* [2, с. 405]; *Потым стала вядома, што атрад Чырвонай Гвардыі, у якім служыў Аляксандр Ільіч, пад камандаваннем таварыша Масальскага, выступіў з Бузулука і заняў пазіцыі ў раёне* ***Нова-Сергіеўкі*** *і* ***Матвееўкі*** [2, с. 422] і інш.

Рэальныя ўрбанонімы ў раманах Уладзіміра Гніламёдава ўжываюцца з мэтаю фарміравання тапаграфічнай адпаведнасці адлюстраванай у мастацкім тэксце прасторы з рэчаіснасцю: *Пасля заняткаў, вярнуўшыся на сваю* ***Рымарскую вуліцу****, кватарант скрушна паскардзіўся гаспадару* [1, с. 101]; *Сям'я Зайцаў жыла на* ***Граеўцы*** [1, с. 189]; *Будавалі, падвышалі* ***Холмскія вароты*** [1, с. 189]; *Гэта быў вядомы многім дом на* ***23-й авеню****, які меў дваццаць восем паверхаў* [1, с. 229]; *Фотасалон знаходзіўся непадалёку, на* ***85-й авеню*** [1, с. 240]; *Цэнтр Дэтройта –* ***вуліца Дзірнборн*** [1, с. 309]; *Лявона, як толькі пачаў папраўляцца. Перавялі ў другі шпіталь, які знаходзіўся ў Мінску, па* ***вуліцы Даўгабродскай*** [2, с. 303]; *Ён [Лявон] абмінуў* ***Губернатарскі сад****, прайшоў па драўляным мосце праз Свіслач, падняўся наверх, бліжэй да цэнтра* [2, с. 308]; *Аказваецца на* ***Саборнай плошчы*** *павінен быў адбыцца мітынг, прысвечаны звяржэнню самадзяржаўя* [2, с. 309]; *Выйшлі з тракціра і з* ***Мікалаеўскай вуліцы*** *павярнулі на* ***Сімбірскую****, потым на* ***Дваранскую*** [2, с. 330] і інш.

Зафіксаваны намі і гідронімы. Аўтар згадвае назвы рэк, балот, мораў, азёр і іншых водных аб'ектаў, размешчаных на тэрыторыі Беларусі і за яе межамі: *– А рэкі!* ***Буг, Нёман, Дзвіна!*** [1, с. 7]; *Хлопцы і дзяўчаты, як звычайна, збяруцца на беразе* ***Плісы****, ля мастка, пад вербамі, а там ужо дамовяцца, што рабіць далей* [1, с. 131]; *Ганін вянок даплыў амаль да* ***Прыдушні*** *(так называлася месца, дзе ў Лосьну ўпадала Пліса і дзе вада была асабліва глыбокая), пакруціўся на вірах і, зачапіўшыся за бераг, стаў* [1, с. 137]; *У царкве Уваскрасенія малілася, твар асвяжыла ў* ***Іардане****, там, дзе біблейскі Іаан хрысціў першых хрысціян* [1, с. 170]; *– Гэта – кіты! – растлумачыў нехта з пасажыраў, які, можа, не першы раз пераплываў* ***Атлантычны акіян*** [1, с. 221]; *Рэчка мела дзіўную назву:* ***Матушка Волга*** [1, с. 259]; *Дэтройт стаяў у раёне* ***Вялікіх азёр*** *на беразе* ***ракі Дэтройт*** [1, с. 309]; *Той раз бура на* ***рацэ Гудзон*** *і на* ***возеры Эры*** *патапіла не адзін іх смак, а ажно шэсць параходаў, забрала трыццаць пяць чалавечых ахвяр* [1, с. 362]; *Але Кузёмка як у ваду глядзеў. Праз колькі дзён пасля таго, як ён пайшоў з Прускі, у канцы жніўня – якраз амаль там, дзе некалі перамаглі славяне пад Грунвальдам, у* ***Мазурскіх балотах****, – пацярпела паражэнне армія генерала Самсонава* [2, с. 90]; *– Мы яшчэ напоім сваіх коней вадою з* ***Віслы*** *і* ***Рэйна, Міжземнага мора*** *і нават* ***Індыйскага акіяна****! – паабяцаў камісар рэвалюцыі* [2, с. 463]; *Па-першае, карабель раптам памяняў курс, павярнуўшы на поўдзень, і праз* ***Панамскі канал*** *яны з Атлантычнага акіяну апынуліся ў* ***Ціхім*** [2, с. 660] і інш.

Харонімы ў раманах “Уліс з Прускі” і “Расія” прадстаўлены наступнымі прыкладамі: *Нягледзячы на тое, што гэта быў амаль што геаграфічны цэнтр* ***Еўропы****, гістарычны час чамусьці абмінаў яго, несучы змены і навіны іншым краям і народам* [1, с. 6]; *Сяляне спаўнялі каралеўскія павіннасці і з панскім уціскам, як у іншых частках* ***Беларусі****, не зналіся* [1, с. 8]; *На вялікія кірмашы – раз ці два ў год – прыбывалі сюды цэлыя абозы балаголаў з* ***Беласточчыны****,* ***Валыні****, з Пружан, з* ***Палесся****, з-за Берасця і з многіх іншых бакоў* [1, с. 36]; *Пасля* ***Кіеўскай Русі*** *было тут* ***Галіцка-Валынскае княства****, а затым, з 1366 г.,* ***Вялікае княства Літоўскае****, утворанае літоўскімі князямі* [1, с. 51]; *У* ***Рускай імперыі*** *можна было адкупіцца ад арміі, але гэта было пад сілу толькі багатым сем’ям* [1, с. 97]; *– Цяпер жа з* ***Японіяй*** *вайна, чуў? Нашто нам яшчэ адна?* [1, с. 113]; *Гэта быў Эліс-Айленд, з якога пачынаўся Нью-Йорк. Тут знаходзіўся галоўны іміграцыйны пункт* ***Злучаных Штатаў Амерыкі*** [1, с. 223]; *Дзяржавы адна адну абхітрыць хочуць. Толькі цяпер на баку* ***Расіі*** *былі* ***Францыя*** *і* ***Англія****, а на баку* ***Германіі*** *–* ***Аўстра-Венгрыя*** *і ў дадатак* ***Турцыя*** [2, с. 86] і інш.

У творах У. Гніламёдава засведчаны намі аронімы: *Ад нейкага адукаванага чалавека, які прыязджаў у Пруску запісваць казкі, ён чуў, што калісьці на гэтай зямлі пасяліліся велеты, якіх яшчэ называлі люцічамі. Прыйшлі яны сюды з-пад* ***Карпат*** [1, с. 7]; *Не заўважылі, як пад’ехалі да* ***Бабіцкай гары*** [1, с. 29]; *Сярэдні Захад Злучаных Штатаў – так называўся гэты край. Пачынаўся ён недзе ад штата Агайо і цягнуўся далёка на захад, ажно да* ***Скалістых гор*** [1, с. 248]; *Запоўніўся вадой і* ***Салдацкі яр****, што прайшоўся ля падножжа* ***Аляксееўскага бугра*** [2, с. 172]; мікратапонімы: *Сёлета Кужалі пасадзілі бульбу за* ***Малым Трыбам*** *– так называлася мясціна, куды яны накіроўваліся цяпер па даўно наезджанай палявой дарозе* [1, с. 18]; *Прускаўцы заўладалі* ***Срачом*** *– чамусьці так называлася гэтае поле* [1, с. 27]; *Лявонка, адвёўшы Цыганчыка на выган, за* ***Жырыло****, пабег на спатканне з Ганнай* [1, с. 168]; *Несла гарам з сенажаці, з* ***Прыдаткаў****, – там дыміўся торф* [2, с. 81]; дрымонімы: *З часоў Уладзіслава Ягайлы* ***Белавежская пушча*** *належала каралю і вёскі, якія да яе прылягалі, – таксама* [1, с. 8]; *Табар паехаў, і коні зніклі. Коней знайшлі – у* ***Бабіцкай Бярэзіне*** [1, с. 150]; драмонімы: *Параход адплываў з Лібавы, куды трэба было дабірацца цягніком праз Баранавічы, Вільню, Рыгу па* ***Лібава-Роменскай чыгунцы*** [1, с. 209]; *– Абяцалі ж затрымаць немцаў на* ***лініі Коўка-Гродна-Брэст****, – не здаваўся Галёнка* [2, с. 92]; *На другой старонцы прачытаў, што ўсходні фронт стабілізаваўся па* ***лініі Паставы-Баранавічы-Пінск*** [2, с. 112]; *Добра ўжо падкарочаны састаў ... бег на ўсход – па* ***Самара-Златаустаўскай чыгунцы*** [2, с. 114].

Такім чынам, можна адзначыць, што тапанімікон раманаў Уладзіміра Гніламёдава характарызуецца багатым колькасным складам геаграфічных

намінацый і тэрытарыяльным ахопам прасторы і выкарыстоўваецца не толькі для ідэнтыфікацыі пэўных канкрэтных мясцін, паселішчаў, рэгіёнаў і іншых аб'ектаў навакольнага асяроддзя, але і ў якасці асноўнага рэгіянальнага кампанента для стварэння ў творах мясцовага каларыту і ўсебаковага апісання і раскрыцця вобразаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Гніламёдаў, У. Уліс з Прускі : раман / У. Гніламёдаў. – Мінск : Маст. літ., 2006. – 382 с.

2. Гніламёдаў, У. Расія / У. Гніламёдаў. – Мінск : Харвест, 2007. – 672 с.

3. Шур, В. В. Онім у мастацкім тэксце : манаграфія / В. В. Шур. – Мінск : Кнігазбор, 2006. – 216 с.

К содержанию

М. Г. ЛАБАЙ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. Н. Ковальчук, канд. филол. наук, доцент

НРАВСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТ КАК ПРИЧИНА РАЗРУШЕНИЯ ЛИЧНОСТНОГО «Я» ЖЕНЩИНЫ В РАССКАЗЕ С. ЕСЕНИНА «У БЕЛОЙ ВОДЫ» И ПОВЕСТИ В. МАКАНИНА «УДАВШИЙСЯ РАССКАЗ О ЛЮБВИ»

Сюжет, повествующий о женщине, поддавшейся греху, а позже пытающейся искупить его, хорошо известен в мировой культуре с библейских времен (Мария Египетская, Мария Магдалина). Но несмотря на активное использование зарубежной традицией, в русской литературе он появился лишь в Петровскую эпоху через повесть «Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины».

Вплоть до середины XIX в. в литературе главенствовал мотив «совращенной и покинутой». Такое толкование образа искушенной женщины можно обнаружить в повести «Бедная Лиза» М. Карамзина, в «Невском проспекте» Н. Гоголя. Во второй половине XIX в. образ переосмысливается. Героини не просто «соблазненные» женщины, у греха, в котором они живут, появляется благородный мотив (Соня Мармеладова в «Преступлении и наказании», Катя Маслова в «Воскресенье»).

В XIX в. взгляд на семейные отношения основывался на религиозных установках. Общество негативно относилось к разводам и супружеским изменам, приоритетом была стабильность и сохранение семьи. Но в XX в. понятие брака начало переосмысливаться. К этому времени в литературе уже имелся ряд произведений, воплощающих образы неверных жен: «Леди

Макбет Мценского уезда» Н. Лескова, «Анна Каренина» Л. Толстого, «Гроза» Н. Островского. Впервые более остро вопрос о кризисе семьи поставил П. Сорокин. Позже его идеи поддержали Н. Бердяев, В. Розанов, Н. Федоров, критикуя в своих трудах презрение христианства к сексуальной жизни человека.

Кризис традиционных религиозно-этических норм брака привел к переосмыслению семейных ценностей обществом, в том числе с их физической стороны. Русский поэт С. Есенин в письмах к М. П. Бальзамовой в 1912 рассуждал: «Все люди живут ради чувственных наслаждений. <…> Женщина, влюбившись в мужчину, в припадках страсти может отдаваться другому, а потом – раскаиваться» [1, с. 45]. Результатом данных размышлений стал рассказ «У белой воды», написанный в 1916 г. Рассказ поднимает сложную тему нравственного конфликта между духовной чистотой и греховностью плотской чувственности. Произведение строится по классической для подобного сюжета схеме: «искушение – падение – раскаяние».

В центре повествования находится жена рыбака Корнея Бударки Палага. Разлученная с мужем, она чувствует, «как закипает в ней кровь» и молится о его скорейшем возвращении. В ходе повествования перед Палагой встают два искушения: одно – в канун Ильина дня, другое – в Ильин день. Первое искушение неслучайно происходит в преддверии одного из важнейших православных праздников. Заметив на острове мужчину, Палага отвязала от причала челн и отправилась туда, но, оказавшись на острове, смогла победить похоть и вернулась к берегу. Выбор автором художественного времени имеет сакральное значение, связанное с образом святого Илии, служение которого пришлось на момент правления царя Ахава. В тот период женой царя была распутная язычница Иезавель, построившая в Израиле множество храмов в честь идола плодородия Ваала. Она уничтожала нормы морали и саму веру в Бога, заставляя народ идти гибельным путем. Пророк Илия боролся с повсеместным развратом и противостоял сторонникам культа Ваала. Героиня произведения С. Есенина, испытав искушение, начинает молиться. Именно вера и осознание предстоящего праздника помогают ей одолеть похоть.

Преодолев первое искушение и вернувшись домой, Палага вновь молится, после чего укладывается спать в мокрой рубашке, но молитва не прекращает ее метаний. Среди ночи в Ильин день Палага выбегает к реке, чтобы окунуть туда голову, а на утро отправляется в церковь. В своих молитвах Палага обращается к раскаявшимся святым грешницам – святой Магдалине и Марии Египетской, чтобы преодолеть блуд в своих мыслях:

«Глядя на икону Марии Египетской, просила у нее ее крепости одолеть свою похоть…» [2, с. 108].

По пути из церкви Палагу настигает второе испытание. На перекрестке объезжих дорог ее догоняет попутчик, предлагающий «отдохнуть в лощинке». В славянской культуре перекресток традиционно считается символом выбора и скопления нечистых сил. Первоначально Палага поддается искушению и соглашается на предложение попутчика, разрешая ему приходить в дом, но после ей удается перебороть себя и преодолеть похоть. Ударив парня по лицу, женщина прячется от него во ржи. Просидев там всю ночь, она возвращается домой, но вновь встречает попутчика, дожидающегося ее на пороге. Палага находит в себе силы оттолкнуть мужчину, за что тот жестоко избивает ее: «Приподнявшись кое-как на локти, она стала сползать к воде; руки царапались о камни, сарафан рвался. У воды тыкаясь лицом, она обмыла запекшуюся на коже кровь, немного попила и побрела домой» [2, с. 111].

Борясь с искушением, Палага дважды совершает омовение, являющееся символом ее духовной победы. Однако, согласно народным поверьям, в Ильин день у воды собирается вся нечисть, из-за чего нельзя заходить в реку и ловить рыбу. Считалось, что это может навлечь тяжелые болезни. Герои произведения игнорируют запреты, и вскоре муж Палаги возвращается домой в тяжелом состоянии, он не может встать с кровати: «Корней был как скелет, из заросшего лица торчал один только длинный нос, щеки провалились, грудь ушла в плечи» [2, с. 111]. Осознав бессилие мужа, Палага поддается искушению. Нравственное падение героини происходит в тот момент, когда в дом приходит помощник Юшка. Женщина раскаивается и жалеет о содеянном: «Ее охватила жалость, ей показалось, что она потеряла что-то. <…> Она вспоминала, насколько она была тогда счастливее, когда подставляла под взмахивающие кулаки грудь и голову» [2, с. 113–114]. Поддавшись греху, она не представляет дальнейшей жизни, поскольку предала не только мужа, но и собственные духовные идеалы.

В годы революции образ женщины в русской литературе был переосмыслен, она обрела права наравне с мужчиной. Постепенно с формированием советского общества образ искушенной женщины был вытеснен, его чаще можно встретить в творчестве писателей-эмигрантов. К концу XX в. с распадом СССР образ вернулся в литературу, но из-за изменения норм морали в переосмысленном виде. Помимо этого, в современном обществе произошла трансформация гендерных ролей. Часто мужчина оказывается в роли жертвы, сокрушается о несправедливости и нуждается в женской помощи. Ярким примером, демонстрирующим переосмысление образа искушенной женщины, является «Удавшийся рассказ о любви» В. Маканина, вышедший в 2012 г.

В центре повествования – отношения двух героев. Мужчина – Сергей Тартасов, некогда писатель, а теперь ведущий захудалой ТВ-программы. Он жаден, похотлив, алчен и хитер. Женщина – влюбленная в него Лариса Игоревна, бывший корректор, а ныне хозяйка борделя. Основная проблема, которую поднимает автор, – жертвенность женщины по отношению к мужчине. В ключевой момент произведения герой повести использует женщину, чтобы добиться выхода своей книги, рискуя ее работой и репутацией: «А как долго стал бы Тартасов еще и дальше дружить с ней, лишись она ценнейшего рабочего местечка? – вопрос, пожалуй, экзистенциальный; и без ответа» [3, с. 14]. Лариса Игоревна, вдова, всю жизнь любившая не мужа, а Тартасова, редактирует его повесть, закрывая глаза на политизированные эпизоды, за что ее ругает начальство. Герои скрывают свои отношения, но, когда все выясняется, она теряет работу. Со временем Тартасов исписывается и оказывается за чертой бедности. Ради спасения любимого женщина решается на отчаянный шаг – отдаться начальнику Вьюжину, чтобы выбить работу Тартасову. При этом Лариса Игоревна обвиняет себя в недостаточной жертвенности, ей стыдно от того, что она испытала удовольствие, забывая о Тартасове.

Для В. Маканина женщина – это высшее существо, прародительница, владеющая огромной силой – лоном матери: «Лоно праматери?.. Миллионы людей (в будущем) напрямую зависели от ее скромной прожитой жизни. Через ее дочь, ее крохотную внучку и дальше, дальше! Мы уходим (из жизни), и мы входим (в жизнь) через узкое место… Это и есть самые-разсамые философские глубины» [3, с. 57]. Неоднозначные, но акцентированные образы в повести – лоно, трещинка или щель – варьируются автором. Именно через узкий ход герои путешествуют во времени, что помогает им скрыться от неутешительного настоящего: «Тартасов пояснил, что все от навыка и что бывает по-разному. Трудности перехода из одного времени в другое чисто технические – можешь себе выбрать любую точку. Хоть на рисунке обоев! Представь, что за этой точкой на обоях есть некий ход… узкое место. И вот мало-помалу внедряешься в него (мысленно). Как сверло ввинчиваешься. Углубляешься! А затем вмиг проскакиваешь в иное время…» [3, с. 19]

В. Маканин восхищается жертвенностью и могуществом женщины. Мужчины же в повести – жалкие существа, способные раскрыться лишь посредством женщины и контакта с ней. Чаще всего ими движет жажда любовных утех, в то время как женщина способна на настоящую жертву. Тартасов, чтобы получить желаемый интимный контакт, всячески унижается перед девушками, работающими в борделе. Он пытается занять деньги у знакомых, но это ему не удается. Для него неважно, с кем быть,

важен лишь сам факт соития. На контакт соглашается только Галина, чтобы утешить старика. Такой поступок расстраивает Ларису Игоревну.

Развязкой повести становится визит Вьюжина, вновь использующего Ларису и ее тело, чтобы ощутить свою мужскую силу. Он предлагает ей отдаться в обмен на то, чтобы сохранить работу Тартасову. Она соглашается, несмотря на предшествующий этому эпизоду поступок Тартасова, и именно в этот момент испытывает абсолютную любовь к миру, к нему, она осознает, какой силой наградила ее природа: «Тысячи и тысячи мужчин (опять эта мысль… или другая?) – миллионы, столпившиеся у ее лона, как у входа. С просьбой впустить… Она сейчас любила их всех, потому что любила Тартасова, в этом и был ее рассказ о ее любви» [3, с. 59]. Автор не осуждает поступки героини, а наоборот, оправдывает ее. Для него женщина – величайшее существо, обладающее огромной силой, способной управлять жизнью и создавать ее, она не подчиняется, отдавая себя, а подчиняет.

Таким образом, образ искушенной женщины трансформируется. Еще в начале XX в. подобную героиню однозначно осуждали, связывая ее поступки с духовным падением и отказом от норм морали. Таких женщин порицала церковь, общество, родные, а вместе с тем они сожалели и сами. Лишь раскаяние, молитва и искренняя вера могли облегчить их страдания, как внешние, так и внутренние.

С переосмыслением общественных норм морали изменилось и отношение к образу искушенной женщины. В литературе XXI в. происходит перераспределение гендерных ролей, в результате чего героиня может представляться прародительницей, обладающей огромной силой, решающей, как распоряжаться телом для достижения своих целей. При этом такой образ может быть представлен в светлых тонах с помощью усиления мотива жертвенности.

Список использованной литературы

1. Есенин, С. А. Письма / С. А. Есенин. – М. : Издат. технологии, 2018. – 266 с.

2. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений. : в 3 т. / С. А. Есенин. – М. : Правда, 1970. – Т. 3 : Проза. – 380 с.

3. Маканин, В. С. Удавшийся рассказ о любви / В. С. Маканин. – М. : Вагриус, 2000. – 429 с.

К содержанию

Е. А. ЛЕОНЧУК
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

СЛОВА С ПОЛНОГЛАСНЫМИ И НЕПОЛНОГЛАСНЫМИ СОЧЕТАНИЯМИ В ЯЗЫКЕ А. А. ФЕТА

В формировании и развитии русского литературного языка особую роль сыграли старославянизмы: «Вопрос о соотношении церковнославянской и русской стихий в письменном языке был актуален для русского литературного языка на всем протяжении его истории» [3, с. 3]. «С вопросом о церковнославянизмах или просто славянизмах теснейшим образом связан вопрос о природе русского языка не только древнейших оригинальных памятников, но и вопрос о природе современного литературного языка» [6, с. 337]. Каждый этап развития русского литературного языка определяется отношением к старославянскому наследию. Переломным моментом в отношении русских писателей к старославянизмам традиционно считается первая треть XIX в., и новые принципы использования такой лексики связываются с творчеством А. С. Пушкина. Соответственно, формируется представление о том, что частота использования старославянизмов в русском литературном языке за последние два века мало изменилась. Правда, в прошлом столетии на этот показатель могло повлиять распространение атеизма, а вот для XIX в. кажется безусловным использование старославянизмов в поэзии с одинаковой интенсивностью. Наше исследование посвящено подтверждению или опровержению такого представления на основе анализа частоты использования старославянизмов поэтом второй половины XIX в. – А. А. Фетом – в сравнении с А. С. Пушкиным.

Для исследования использовались материалы Национального корпуса русского языка [5]. Объем подкорпуса произведений А. А. Фета составил 97 390 слов, мы приводим долю слов на миллион словоупотреблений (ipm).

Понятие *старославянизм* Г. О. Винокур трактует в двух значениях – генетическом и стилистическом. В генетическом смысле это «слова, которые в современной русской речи имеют не русское, а церковнославянское происхождение» [1, с. 443]. В этом аспекте понимания старославянизмами мы обычно называем слова, имеющие некоторые фонетические признаки, наиболее ярким из которых является неполногласие (сочетания *-ра-*, *-ре-*, *-ла-*, *-ле-*, соответствующие восточнославянским *-оро-*, *-ере-*, *-оло-*, *-ело-*, *-еле-*).

В стилистическом смысле Г. О. Винокур определил старославянизм как «славянизм не по происхождению, а по употреблению, а еще точнее, как

все то, что в каждую эпоху для говорящих и пишущих есть специальная принадлежность церковнославянского языка своего времени и в этом качестве способно функционировать как наделенный определен- ными стилистическими свойствами церковнославянский вариант общеупотребительного средства русской речи» [1, с. 448].

Существует две группы старославянизмов:

– слова с фонетическими и словообразовательными признаками старославянизмов, не имеющие русских соответствий (*время, благо, сладкий, рассуждать, смущать* и др.);

– старославянизмы, имеющие русские соответствия.

Особую стилистическую роль играют именно старославянизмы второй группы, поскольку автор имеет возможность выбора русского или старославянского синонима: «Как правило, исследователи эксплицитно и однозначно обосновали один и тот же признак маркированности славянизмов: употребление в качестве варианта или дублета общеупотребительных, нейтральных слов. Такое определение стилистических славянизмов стало традиционным в исторической лексикологии русского языка» [2, с. 18]. Старославянизмы первой группы являются единственными выразителями соответствующих понятий, хотя они также могут иметь стилистическую окраску.

В произведениях А. А. Фета есть старославянизмы, не имеющие русских соответствий (*время, вред, благо, благой, сладкий, сладость*), или такие, русские эквиваленты которых являются архаизмами (*враг, плен* – ср. *ворог, полон*). И напротив, встречаются слова с полногласными корнями, не имеющие старославянских соответствий в активном употреблении (*хороший, болото, молоко*). Такие слова мы не рассматриваем. Мы выделили 27 пар, в которых хотя бы единично используются оба элемента – и старославянизм, и русизм.

Исследование показало, что у А. А. Фета чаще встречаются слова с полногласными сочетаниями *оро, оло, ере, ело*, чем с неполногласными *ра, ла, ре, ле*. Совокупная частота слов с неполногласными корнями составила 2 320,3 ipm, тогда как частота слов с полногласными корнями – 6 561,1 ipm (в 2,8 раза больше).

Так, слово *волос* встречается в 17,9 раз чаще старославянизма *влас* (ср. у зрелого А. С. Пушкина только в 1,7), *холод* – в 15 раз чаще слова *хлад* (у А. С. Пушкина после 1822 г. в 1,2), *голос* – в 13,7 раз чаще слова *глас* (у зрелого А. С. Пушкина в 2,2), *город* – в 12,5 раз чаще слова *град* (у зрелого А. С. Пушкина в 2,3), *берег* – в 12 раз чаще слова *брег* (у А. С. Пушкина после 1822 г. в 1,9), *голова* – в 7,9 раз слова *глава* (у А. С. Пушкина после 1822 г. в 1,2), *дерево* – в 6,7 раз чаще слова *древо*, *молодой* – в 5,1 раз чаще слова *младой* (у А. С. Пушкина после 1822 г. в 2), *борода* – в 4 раза

чаще слова *брада*, *ворота* – в 2 раза чаще слова *врата*, *золото* – в 1,8 раза чаще слова *злато* (у А. С. Пушкина после 1822 г. в 1,2), *сторона* – в 1,3 раза чаще слова *страна*, *через* – в 1,3 раза чаще слова *чрез*.

А. С. Пушкин даже после 1822 г. использовал слова с неполногласными корнями с частотой более 5,5 тыс. ipm, так что у А. А. Фета они оказались вдвое менее востребованными. Однако и слов с полногласными корнями у А. С. Пушкина оказалось несколько больше – более 7 тыс. ipm. Например, слово *брада* он использовал лишь до 1822 г., тогда как существительное *борода* и во втором периоде зафиксировано в шести произведениях. Вариант *ворота* у А. С. Пушкина использовался чаще в 4,2 раза варианта *врата*, тогда как у А. А. Фета только вдвое. Причем старославянизм последний автор использует только в выражениях *врата войны*, *врата эдема*, *райские врата*, а у А. С. Пушкина это не только *врата спасения* или *восточные врата*, но и *врата Цареграда*, *врата* как архитектурный элемент Царского села и др. Слово *ворота* у А. А. Фета во всех случаях используется как бытовизм, тогда как у А. С. Пушкина можно встретить такие примеры: *Ты пригвоздил свой щит булатный / На цареградских* ***воротах*** («Олегов щит»; 1829); *Сиди, как у* ***ворот*** *угрюмого Кавказа, / Бывало, сиживал покорный твой слуга* («Румяный критик мой, насмешник толстопузый...»; 1830); *И не стукнется Эрот / У могильных уж* ***ворот!*** («Опытность»; 1814). Таким образом, А. С. Пушкин свободно чередует оба варианта в сходных контекстах (*На цареградских* ***воротах*** *– на* ***вратах*** *Цареграда*; *У могильных уж* ***ворот*** *– до хладных* ***врат*** *могилы*), для А. А. Фета существительные *ворота* и *врата* уже явно не воспринимаются как полные синонимы.

Старославянизмов с неполногласными сочетаниями, которые А. А. Фет использовал активней, чем слова с полногласием, обнаружено всего четыре: *шелом – шлем* (в 21,9 раза), *череда – чреда* (в 2 раза), *голосить – гласить* (в 2 раза), *перед – пред* (в 1,2 раза).

Старославянизмы с неполногласными сочетаниями, которые функционально полностью вытеснили слова с русским полногласием, это *влечь* (174,6 ipm) и *длань* (20,5 ipm). У А. С. Пушкина слово *ладонь* использовалось главным образом в сочетаниях с глаголами *хлопать* или *бить*, А. А. Фет ни разу не употребил это слово.

Изучение старославянизмов «дает возможность проникнуть через историю языка в историю народа, понять механизмы развития национальной культуры» [4, с. 26]. В частности, наше исследование показало, что лексика старославянского происхождения еще довольно активно используется в поэзии второй половины XIX в., но А. А. Фет не злоупотребляет этим традиционным средством выразительности и при наличии пары синонимов чаще использует русские по происхождению лексемы.

Список использованных источников

1. Винокур, Г. О. О славянизмах в современном русском литературном языке / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М. : Наука, 1959. – С. 443–459.
2. Киынова, Ж. К. Славянизмы в русском языке: историко-культурное и семантико-стилистическое своеобразие [Электронный ресурс] автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10 02 01 / Ж. К. Киынова ; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 2014. – 48 с. – Режим доступа: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01007845746.pdf. – Дата доступа: 25.11.2023.
3. Мансветова, Е. Н. Славянизмы в русском литературном языке XI–XX вв. / Е. Н. Мансветова. – Уфа, 1990. – 224 с.
4. Молдован, А. М. Русский язык и русистика сегодня / А. М. Молдаван // Русский язык: исторические судьбы – и современность : тр. и материалы III Междунар. конгресса исследователей. – М. : Изд-во МГУ, 2007. – С. 25–26.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruscorpora.ru/new. – Дата доступа: 10.05.2024.
6. Шахматов, А. А. Очерк современного русского литературного языка : учеб. для вузов / А. А. Шахматов ; под ред. С. П. Обнорского. – М. : Юрайт, 2017. – 235 с.

К содержанию

ЛИ ЧЖИ
Санкт-Петербург, СПБГУ
Научный руководитель – Н. Е. Якименко, канд. пед. наук, доцент

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ *БЕДНОСТЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

К эвфемизмам – смягчающим словам и сочетаниям слов – говорящий прибегает всякий раз, когда предполагает, что тема разговора может обидеть, причинить боль или смутить собеседника [7, с. 3], чтобы смягчить неприятное сообщение или уменьшить негативное воздействие на слушателя. Лингвокультурологическое описание эвфемизмов представляет собой изучение этих замен и их значений в рамках определенной культуры, что помогает понять, как эвфемизмы формируются и используются в разных языках и культурах, а также как они отражают изменения в моральных, социальных и культурных ценностях общества.

Эвфемизмы в русском языке условно делятся на обиходно-бытовые и социально-политические. Участники политического дискурса используют социально-политические эвфемизмы, чтобы избежать коммуникативных конфликтов, завуалировать реальное положение вещей, скрыть истинный смысл тех или иных нежелательных явлений [6, с. 40]. Например, их нередко используют при описании таких социальных пороков, как преступность, наркомания, алкоголизм, бедность [4, с. 38], а бедность

является одной из наиболее актуальных и важных проблем современного общества. Это характеристика экономического положения индивида или социальной группы, при котором они не могут удовлетворить определенный круг минимальных потребностей, необходимых для жизни, сохранения трудоспособности, продолжения рода [1].

Слово *бедность* происходит от общеславянского существительного *беда*, которое восходит к праиндоевропейскому корню со значением ‘вынужденное подчинение силе’ [2]. Отсюда можно предположить, что бедность – и следствие, и форма проявления несвободы [3]. Всего в русском языке найдено примерно 50 языковых единиц для обозначения бедности, из них 10 – о голоде, 9 – о деньгах, 9 – о бездомности. В русском языке для обозначения бедных обычно используются следующие выражения: *асоциальные родители*, *вынужденные переселенцы*, *люди с особыми нуждами*, *социально не защищенные* и др.

Мы отобрали из Национального корпуса русского языка [5] единицы, представляющие собой УСК – устойчивые словесные комплексы – газетно-публицистического стиля речи (*социально не защищенные слои населения*, *стесняться в средствах, нуждаться в средствах*, *недопривилигированные слои населения*, *дом ночного пребывания*, *виртуальная зарплата*), собственно фразеологизмы, обладающие эвфемистической функцией (*питаться акридами и диким медом*, *перебиваться с хлеба на квас*, *греть руки*, *карман тощий/пустой у кого-л.*), коллокации как единицы ограниченного использования (*несколько кусаются* – о ценах, *либерализация цен*, *галопирование цен*). Такие единицы позволяют снизить напряжение языковой формулировки, уменьшить негативную эмоциональность и смягчить информацию о бедности. Рассмотрим некоторые из них.

Социально незащищенные слои населения – ‘бедняки, беднота’ [7, с. 402]. Данное выражение описывает людей, которые не имеют достаточной социальной защиты и находятся в зоне риска бедности: *...Городская служба занятости традиционно работает, защищая* ***социально незащищенные слои населения****, то есть трудоустраивая инвалидов, малообеспеченных и др*. (Наталья Дядик. Временное явление // «Дело» (Самара), 02.07.2002). Данный эвфемизм используется при описании государственных программ по борьбе с бедностью, он позволяет скрыть настоящую проблему и убрать негативный оттенок слова *бедность*, что может быть полезно для государства в плане поддержки общественного мнения и снижения напряженности.

Перебиваться с хлеба на квас – ‘сильно нуждаться, жить впроголодь’ [7, с. 126]: *Вообще, россиянин вызывает у своих сограждан законную симпатию только в том случае, если он беден как церковная крыса и* ***перебивается с хлеба на квас*** (М. А. Захаров. Театр без вранья (2007));

Семья была бедняцкая, ***перебивались с хлеба на квас*** (В. Бирюлин. Новое вино на Зеленом (2016) // «Ковчег», 2015). Данный эвфемизм представляет собой метафору для описания крайней бедности, т. е. человек живет на самом минимуме, и каждый день едва хватает на кусок хлеба и квас. Выражение связано с традиционной русской культурой: в прошлом квас был основным напитком, а хлеб составлял основу рациона многих бедных людей. Поэтому такие дешевые и доступные средства питания становятся основным знаком бедности, маскируя тем самым негативные стороны.

Карман тощий, пустой у кого-л. – ‘кто-то беден, не имеет достаточно денег’ [7, с. 152]. Выражение описывает состояние элемента, непосредственно связанного с деньгами, – карман. В данном случае, слова *тощий* и *пустой* показывают, что у человека нет денег или очень мало их осталось: *Лучше деньги без кармана, чем иметь* ***карман пустой*** (Свободная душа (2002) // «Жизнь национальностей», 14.10.2002); *Ни кожи, ни рожи*. ***Карман пустой****… Лакеишка, да и то поганенький* (М. К. Первухин. Золотой Якорь // «Пробуждение», 1907). Примеры отражают отношение общества к бедности, осуждение бедности как нежелательного состояния. Из этого следует, что в русском языке существует множество выражений, которые описывают бедность как состояние, когда недостаточно денег для обеспечения прожиточного минимума.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что эвфемизмы в русском языке являются не только языковым явлением, но и зеркалом, отражающим глубинные социальные, культурные и моральные ценности. Эвфемизмы не только раскрывают отношение людей к такой сложной социальной проблеме, как бедность, но и демонстрируют, как в определенном культурном контексте избегается прямое выражение чувствительных или неудобных тем. Детальный анализ эвфемизмов, связанных с бедностью, позволяет нам увидеть представление русского общества о бедности, включая сочувствие к беднякам, осуждение бедности и метафорическое описание экономических трудностей. Использование этих эвфемизмов отражает не только разнообразие и сложность языка, но и неоднозначность отношения общества к проблеме бедности. Поэтому исследование эвфемизмов, связанных с бедностью, в русском языке не только помогает нам лучше понять русскую языковую культуру, но и дает уникальную перспективу для изучения отношения русского общества к проблемам бедности.

Список использованной литературы

1. Бедность [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Бедность. – Дата доступа: 12.05.2023.

2. Бедность [Электронный ресурс] // Викисловарь. – Режим доступа: https://ru.wiktionary.org/wiki/ бедность. – Дата доступа: 12.05.2023.

3. Бедность [Электронный ресурс] // ECONOMICS. – Режим доступа: https://ecanet.ru/word/Бедность. – Дата доступа: 12.05.2023.

4. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Красин // Русистика. – 1994. – № 1–2. – 38 с.

5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru. – Дата доступа: 07.05.2023.

6. Новоселова, В. А. Эвфемизмы в политическом дискурсе (по материалам газеты «Карелия») / В. А. Новоселова // CARELICA. – 2015. – № 2 (14). – 40 с.

7. Сеничкина, Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 462 с.

К содержанию

А. С. ЛИНКЕВИЧ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

ФУНКЦИИ УРБАНОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Л. УЛИЦКОЙ «ЗЕЛЕНЫЙ ШАТЕР»)

Современная лингвистика рассматривает художественный текст как феномен словесного искусства, как речевое произведение, в котором действительность представлена в виде образов. Для их создания автор обращается к гетерогенным языковым единицам, в том числе к именам собственным (ИС). Одним из ярких примеров насыщенности онимами (их более 900) является роман Л. Улицкой «Зеленый шатер» [3]. В ономастическом пространстве этого литературного произведения продуктивность демонстрируют антропонимы и урбанонимы. Последним и посвящена данная статья.

ИС внутригородских объектов Москвы (в этом городе разворачиваются основные события повествования; Москва выступает символом советского государства) отличаются в художественном тексте **полифункциональностью**, выполняют основные (номинативную, идентификационную) и второстепенные (иллюзии, сообщения, обобщения информации и представления устойчивых общественных знаний о мире, отсылки, информирования) функции.

I. Реализуя **номинативную** функцию, ИС называет отдельный объект:

1) **пространства Москвы** (50 хоронимов, 28 агоронимов, 127 годонимов), а именно: а) историческую местность, район города, парк, кладбище: *«Благодаря Пьеру… они попали на открытие фестиваля в **Лужниках**…»*; *«Бабушка Нина, как обычная домработница, гуляла с детьми в **Чапаевском парке**…»*; *«Поездка на **Востряковское кладбище***

заменяла ей все возможные развлечения: театр, кино, общение с живыми родственниками» и др.; б) площадь, рынок*: «Они дошли до* ***площади Пушкина****, остановились в самом начале Тверского бульвара»*; *«А купить в Москве можно все возле букинистического на Кузнецком, …а еще лучше на* ***Птичке****…»* (на *Птичьем рынке*) и др.; в) улицу, переулок, бульвар, проезд и иной линейный объект: *«Сын Сергея Петровича жил на* ***Большой Никитской****»*, *«Знаменитая кровать с колонками и херувимами снова откочевала в антикварный магазин на* ***Смоленскую набережную****»* и др.;

2) **сооружений Москвы** (51 ойкодоним, 9 экклезионимов), а именно: а) здание: *«“Ну, не советую тебе. Я здесь был в пятьдесят седьмом, на фестивале. Есть национальная особенность – к* ***Мавзолею*** *можно подходить только на коленях”. Профессор испуганно затряс обеими руками: “Нет, нет, Пабло, я никуда не пойду! Я останусь в номере”. Оля мгновенно поняла, что уже участвует в розыгрыше»* (к этому памятнику-усыпальнице на Красной площади, в траурном зале которого установлен саркофаг с телом В. И. Ленина, считал важным прийти практически каждый советский человек, гость столицы); *«****Гостиница “Москва”****, седьмой этаж, номер семьсот двадцать четыре»* (есть легенда, что окончательный проект этой гостиницы – одной из первых, построенных в советской Москве, одной их крупнейших, т. к. занимала целый квартал, – осуществлял лично И. В. *Сталин*); *«Она меня привела в* ***“Сайгон”****… Там мне понравилось, познакомились с компанией ребят»* (это кафе стало фактически первым молодежным клубом в СССР); *«… она свернула в* ***ГУМ****. Там тоже стояла очередь…»* (*Государственный универсальный магазин*) и др.; б) вокзал: *«…он предъявил паспорт с момента покупки обратного билета в кассе* ***Московского вокзала*** *до родного дома пять раз…»* и др.; в) станцию метро: *«****Станция метро “Молодежная”*** *значилась в ту пору только в архитектурных планах»* и др.; г) мост: *«Прямо вот так стоят на улице люди на* ***Кузнецком мосту*** *и предлагают вам… “Технологию власти”?»* и др.; д) культовое сооружение: *«Анна Александровна распорядилась похоронить ее в* ***Донском монастыре****, в могиле деда»* и др.

3) **социальных институций Москвы** (84 эргонима), а именно: а) объединение людей по убеждениям, политическим/идеологическим пристрастиям, интересам, общности взглядов, устремлений: *«Это были карикатуры: гигантские буквы, складывающиеся в слова “Слава* ***КПСС****”, а под этими гигантскими буквами стояла толпа людей и собак, пытающихся добраться до священных слов»* (*Коммунистическая партия Советского Союза* была правящей и требовала от всех советских граждан преданности, боролась с инакомыслием); *«Этот первый поход по литературным местам оказался прообразом* ***кружка****, который к концу года нашел себе название* ***“ЛЮРС”*** *– любителей русской*

словесности» (кружок объединил учителя и учеников, последние с удовольствием, интересом погружались в русскую литературу XIX в.) и др; б) учреждение образования: *«… он презрел филологию и принял самостоятельное решение – в Ленинградский институт киноинженеров,* ***ЛИКИ****»* и др.; в) торговое предприятие: *«На следующий день ближе к вечеру, когда Айше отправилась в* ***магазин "Детский мир"****, зашел к Михе участковый…»* и др.; г) учреждение культуры: *«Верный Олин рыцарь Рифат… вызвался обеспечить настоящим пловом, доставил его на квартиру ровно к восьми часам вечера в огромном, …взятом напрокат из ресторана на* ***ВДНХ*** *казане»* (*Выставка достижений народного хозяйства*) и др.

Структура анализируемых ИС бинарна: в них идентификатор (*район*, *парк*, *улица*, *площадь*, *магазин* и т. д.), являясь конструктивным элементом, выполняет функцию «введения в ряд». Прориальная группа, которая у части урбанонимов оформляется с помощью кавычек, актуализирует апеллятивные и онимные реалии (они названы соответствующими мотивирующими лексемами); репрезентирует разные мотивы номинации внутригородского объекта, в частности: а) по отношению к человеку, в том числе причисленному к лику святых: *«К Колонному залу можно было пройти со стороны* ***Пушкинской площади****…»*; *«Раечка, ты купи в* ***"Елисеевском"*** *чего-нибудь сладкого»* (магазин, названный по имени его хозяина *Г. Елисеева*, в советское время был местом, где можно купить дефицитные товары) и др.; б) по отношению к другому объекту (внутри Москвы или за ее пределами; природному или созданному человеком и т. д.): *«Он прекрасно видел, что пройти обычной дорогой от Трубной площади вверх по* ***Рождественскому бульвару****… невозможно»* (название отсылает к женскому Богородице-*Рождественскому* монастырю; *«Сообщение с городом было сложное: до Нахабина автобусом…, от Нахабина на электричке до* ***Рижского вокзала****…»*) и др.; в) по отношению к абстрактным понятиям: *«За день до отъезда всей компанией пошли в* ***Парк культуры****…»* и др. Отметим, что отонимные наименования объектов г. Москвы опять же расширяют ономастическое пространство романа, вовлекая в него новые ИС, делая фон художественного повествования еще более реалистичным, культурно-исторически наполненным…

II. Функция **идентификации** состоит в том, что ИС в произведении (как и в реальной действительности) на уровне идентификатора именует отдельный внутригородской объект, выделяя его из ряда подобных: *«Она провела у них два дня, рассорилась с отцом и вернулась на Чистопрудный* ***бульвар****»*; *«Отпевание назначила в* ***церкви*** *Петра и Павла, что у Яузских* ***ворот****»*; *«А он, братец, актер из еврейского* ***театра*** *ГОСЕТ, совсем незнаком вам?»* и др.

III. **Иллюзионирующая** функция ИС заключается в том, что оно создает, поддерживает иллюзию реальности вымышленного мира [1, с. 130]: *«Спустя некоторое время этот союз сердец после долгих споров, отвергнув **“Троицу”** и **“Трио”**, они назовут напыщенно: **“Трианон”**. Они ничего не знали о разделе Австро-Венгрии, слово было выбрано за красоту. Этот **“Трианон”** через двадцать лет промелькнет в тягостной беседе Ильи с сотрудником госбезопасности высокого ранга»* и др. Вымышленные ИС (эргонимы) соответствуют принципам, способам номинации подобных социальных институций, создают впечатление настоящих онимов.

IV. Функция **сообщения** сводится к информированию через ИС о каких-либо событиях, о людях, с которыми связан именуемый объект: *«…пересекали **Малую Молчановку** возле домика Лермонтова…»* (годоним восходит к фамилии одного из местных домовладельцев, стрелецкого полковника: в этом районе располагалась слобода трубников, в которой были переулки Трубников и Большие Трубники, и их «захватывало» обширное домовладение М. *Молчанова*; с XVIII в. переулки стали называться *улицами Большая* и *Малая Молчановка* [4]) и др. К слову, урбанонимы, как и другие разряды ИС, даже в изолированном употреблении выступают носителями культурной информации. Поэтому в конкретных коммуникативных ситуациях они попутно передают отношение к действительности, и отношение к ее содержанию [2, с. 254].

V. Функцию **обобщения информации** и **представления устойчивых общественных знаний о мире** путем соотнесения их с жизненным опытом демонстрируют ИС типа: *«…потом почти дословно пересказал ребятам все удивительные истории, услышанные от учителя по дороге от школы к **Кривоколенному переулку**»* (в начале именуемого линейного объекта находился деревянный питейный дом, который назывался *Кривое колено*; по нему и назван переулок [4]) и др.

VI. Выполняя в художественном тексте **отсылочную** функцию, ИС не только называет внутригородской объект, но и отсылает к иным географическим объектам/лицам, названия/фамилии которых стали основой номинации [2, с. 255]): *«С компанией мальчишек он проходил по **улице Горького**…»* (объект носит ИС русского писателя, публициста, общественного деятеля М. *Горького*); *«Он установил, что у нее много хвостов и один из них начинается – или кончается – у **Белорусского вокзала**…»* (ИС дано по направлению поездов, которые уходят с этого вокзала) и др.

VII. **Информативная** функция в художественном тексте связана с предназначением ИС: оно должно ориентировать в окружающем пространстве/городе, служить адресом. В данной функции урбанонимы несут информацию о специфике объекта: *«Она* [Антонина Наумовна] *…окончила **ИФЛИ**, так что была практически писателем»* (*Московский*

институт философии, литературы и истории – элитарное учебное заведение, в которое удавалось поступить далеко не каждому) и др.

Таким образом, урбанонимы в романе «Зеленый шатер» выполняют ряд функций – и основных, и второстепенных. Но все они содействуют расшифровке целого смыслового пласта (нередко имплицитного) романа Л. Улицкой, раскрытию его темы, идеи.

Список использованной литературы

1. Васильева, С. П. Литературная ономастика : учеб. пособие / С. П. Васильева, Е. В. Ворошилова. – Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2009. – 138 с.

2. Мезенко, А. М. Коммуникативные функции урбанонимов / А. М. Мезенко // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию проф. П. П. Шубы) : сб. ст. / БГУ : Общественные науки ; редкол. : И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Университетское, 2011. – С. 124–127.

3. Улицкая, Л. Е. Зеленый шатер : роман / Л. Е. Улицкая. – М. : Эксмо, 2011. – 638 с.

4. Улицы [Электронный ресурс] // Моя Москва. – Режим доступа: https://www.mmsk.ru. – Дата доступа: 12.05.2022.

К содержанию

В. А. ЛИХТАР
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. С. Клундук, канд. филол. наук, доцент

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТОВ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Одним из важнейших аспектов эффективной рекламной коммуникации является ее способность привлечь внимание целевой аудитории и передать необходимую информацию в краткой и доступной форме. Этому способствуют синтаксические ресурсы, которые определяют структуру текста, последовательность слов и словосочетаний, что влияет на декодирование информации. Использование удачных конструкций помогает создать гармоничные и легко воспринимаемые сообщения, нацеленные на эффективное общение с потенциальной аудиторией. Объектом нашего исследования послужили рекламные заголовки, слоганы, выдержки из видеороликов различных брендов, представленных потребителю за период 2018–2024 гг.

В рекламном синтаксисе преобладают простые односоставные предложения, повышающие усвоение рекламного текста, они легки для восприятия, лаконичны, экспрессивны [1, с. 238]: *Добавь яркости перекусу* (рекламный слоган напитка «Fanta» от «The Coca-Cola Company»); *Протяни лапу дружбы с «Cheetos»!* (рекламный ролик снеков «Cheetos» от «Frito-

Lay»). В рекламных текстах, по мнению Н. Г. Вартановой и М. С. Володиной, активно используются определенно-личные предложения с целью воздействия сообщения на адресата и побуждения его к действию [1, с. 239]. Считаем, что такие предложения способствуют построению разговорных отношений между лицом, создающим рекламу, и ее целевой аудиторией: *Попробуй «Fusetea» – освежись в один миг!* (рекламный слоган напитка «Fusetea» от «The Coca-Cola Company»); *Выбери свою «АУРУ»* (рекламный ролик шампуня «AURA» от «Cotton Club»); *Попробуй мгновение на вкус!* (рекламный слоган йогуртов «ZVONKA» от «Бабушкіна крынка»).

В рекламе применяются и другие виды односоставных предложений: *Питание. Термозащита. Насыщенный блеск* (рекламный слоган масла «Elseve» от «L'Oreal Paris»); *В «СберБанке»* ***работают*** *на Вас* (рекламный слоган «СберБанка»). Н. Г. Вартанова и М. С. Володина отмечают, что «для текстов рекламы характерно использование инфинитивных предложений, которые представляют информацию о товаре или услуге как неоспоримый факт» [1, с. 239]: *Порадовать своих близких. Окунуться в мир детства. Порадовать себя полезным лакомством. Превратить будни в настоящий праздник. И, наконец, встретиться с легендой* (рекламный ролик мороженого «Коровка из Кореновки» от «Кореновский молочно- консервный комбинат»); *Где взять заряд эмоций на каждый день? Открыть для себя «SPLAT SPECIAL»!* (рекламный ролик зубной пасты «SPLAT SPECIAL» от «IWI AG»).

Односоставные предложения в рекламе создают динамику, привлекают внимание и стимулируют воображение потребителя: *Мгновенно наполняет и разглаживает кожу* (рекламный ролик крема «Librederm с гиалуроновой кислотой» от «Биофармлаб»); *Чего только не сделаешь ради любви!* (рекламный ролик кофе «Nescafe Sensa» от «Nestle»). Они лаконично подчеркивают ключевые характеристики продукта, создают эмоциональную атмосферу и усиливают воздействие рекламного сообщения на аудиторию.

В рекламных текстах применяются и двусоставные предложения, однако они лаконичны и немногословны. В таких конструкциях чаще всего называется объект рекламы и место произрастания или производства товара. Словосочетания с топонимом акцентируют внимание на регионе изготовления продукта: *Чай «Цейлон» из самого сердца* ***Шри-Ланки*** (рекламный слоган чая «Цейлон» от «Орими Трэйд»); *Сельдь «Матиас» из вод* ***Норвегии*** (рекламный ролик от «BREMOR»).

Согласимся с мнением Я. Н. Третьяковой и Л. Г. Канарской о том, что в рекламных текстах широко используются вопросно-ответные структуры, свойственные разговорному стилю и языку художественной литературы

[3, с. 3]: *Вы все еще кипятите? Тогда мы идем к вам!* (рекламный слоган моющего средства «Tide» от «Procter & Gamble»); *Хотите выбрать и купить кондиционер? Сделайте правильный выбор!* (рекламный ролик кондиционеров «Midea» от «Beijiaozhen»). Использование подобных конструкций создает атмосферу диалога и взаимодействия между рекламодателем и аудиторией.

В рекламных сообщениях используется и инверсия: *Нового дня глоток* (слоган рекламных роликов кофе «Nescafe» от «Nestle»). Свободная расстановка слов нарушает установленный правилами грамматики порядок, что служит средством акцентирования внимания. Также нами зафиксирована парцелляция – смысловое членение содержания сообщения: *Бизнес. Лучший. Спорт. Новый BMW 5 серии* (рекламный слоган автомобиля от «BMW»). На наш взгляд, парцелляция способствует созданию более емких и максимально насыщенных значимой информацией рекламных текстов.

Для рекламных материалов характерен синтаксический повтор. Обычно к нему исследователи относят анафору, эпифору, анадиплосис, рамочную конструкцию и полисиндетон. Из материалов Т. В. Зубаревой следует, что анафорой называется «стилистический прием, связанный с повторением одинаковых букв, одинаковых частей слова, целых слов или словосочетаний в начале предложения» [2, с. 3]. Зачастую внедрение анафоры в рекламные материалы происходит на уровне лексики, однако могут повторяться и целые словосочетания: ***Нам есть*** *чем гордиться.* ***Нам есть*** *что любить* (рекламный слоган чая «Майский» от «Май»); ***Секрет пельменей «Мираторг»*** *– не в лучших ингредиентах для идеального теста, нет.* ***Секрет пельменей «Мираторг»*** *в мясе, которое мы сами производим* (рекламный ролик пельменей «Мираторг» от «СК Короча»). Мы полагаем, что в контексте рекламных сообщений анафора применяется с целью формирования ритма текста, усиления эмоциональной привлекательности, что способствует лучшему усвоению информации.

Эпифора представляет собой стилистический прием, заключающийся в повторении слов или выражений в конце последовательных предложений или разделов текста. Чаще всего эпифорический повтор состоит из названия марки продукта, благодаря чему на этом акцентируется внимание покупателей: *Музыка* ***там, где «Lay's»****! Музыкальные призы* ***там, где «Lay's»****!* (рекламный ролик чипсов «Lay's» от «Frito-Lay»). Такое построение текста способствует формированию ритмического рисунка и установлению определенного настроя или эмоционального тона у слушателей или читателей: *Правильные пельмени должны быть сделаны из* ***свежего, незамороженного мяса****. Форма – квадрат 4 на 4 и* ***свежее,***

незамороженное мясо (рекламный ролик мясных подушечек от «Брестский мясокомбинат»).

Анадиплосис – явление, при котором слово или группа слов, завершающих предложение или раздел текста, повторяются в начале следующего предложения или раздела. В процессе исследования нами было отмечено, что применение этого повтора способствует выражению логической последовательности, установлению причинно-следственных связей и созданию впечатления плавного развития событий: *Польза и радость внутри* ***«Королевских палочек». «Королевские палочки»*** *– сюрприз в каждой пачке* (рекламный ролик кукурузных палочек «Королевские палочки» от «Матяш»); *Невероятный вкус и хруст* ***«Doritos». «Doritos»*** *– для дерзких!* (рекламный ролик чипсов «Doritos» от «Frito-Lay»).

Рамочная конструкция, также известная как «кольцевая структура» – прием, при котором один и тот же элемент повторяется в начале и конце смежных фрагментов речи. Повтор создает ощущение замкнутости и целостности текста или высказывания, подчеркивая его завершенность и связность: ***«Геркулес»*** *– польза злаков, простота приготовления без искусственных добавок. Овсянки много –* ***«Геркулес»*** *один!* (рекламный ролик овсяных хлопьев «Геркулес» от «Русагро»). Как правило, повторяются названия марки продукта, что способствует запоминанию потребителем наименования продукта, созданию устойчивого представления о нем.

Полисиндетон – это стилистический прием, при котором несколько простых предложений или фрагментов предложения объединяются с помощью союзов, соединительных слов: *Это Сергей Шнуров.* ***И*** *тут он пил.* ***И*** *это тоже Сергей Шнуров.* ***И*** *здесь он тоже пьет.* ***И*** *причем регулярно.* ***И*** *в основном воду* (рекламный ролик воды «Святой источник» от «IDS Borjomi International»). В рекламных текстах полисиндетон используется для усиления воздействия, создания динамики и привлечения внимания аудитории.

Таким образом, в текстах рекламной коммуникации синтаксические ресурсы являются важным инструментом воздействия на потребителей. Наиболее популярными синтаксическими приемами, внедряемыми в рекламные материалы, являются синтаксический повтор, разные виды односоставных предложений, вопросно-ответные конструкции, которые наилучшим образом соответствуют ожиданиям целевой аудитории и специфике рекламной среды.

Список использованной литературы

1. Вартанова, Н. Г. Особенности синтаксиса рекламных текстов [Электронный ресурс] / Н. Г. Вартанова, М. С. Володина // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2019. – Т. 12, вып. 7. – С. 238–241. – Режим доступа: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2019_7_51.pdf. – Дата доступа: 12.04.2024.

2. Зубарева, Т. В. Фигуры речи в текстах наружной рекламы г. Витебска. [Электронный ресурс] / Т. В. Зубарева // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/241128/1.pdf. – Дата доступа: 13.05.2024.

3. Третьякова, Я. Н. Синтаксические средства языка в структуре рекламного текста [Электронный ресурс] / Я. Н. Третьякова, Л. Г. Канарская // КиберЛенинка. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sintaksicheskie-sredstva-yazyka-v-strukture-reklamnogo-teksta/viewer. – Дата доступа: 12.04.2024.

К содержанию

С. М. ЛІТВІНОВІЧ
Брэст, БрГУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – Л. М. Садко, канд. філал. навук, дацэнт

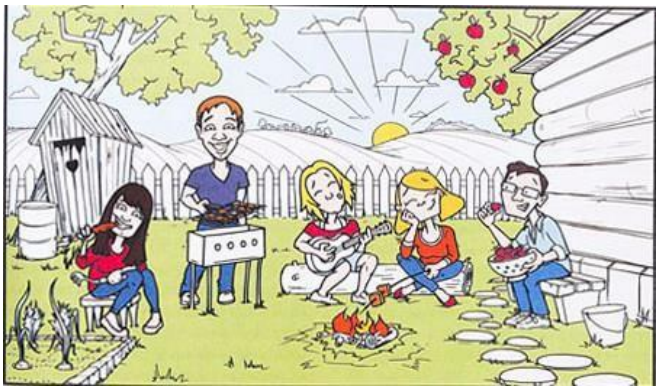
ДЫСКУРСІЎНЫЯ СТРАТЭГІІ ТУРЫЗМУ Ў ВЫДАННІ “HETA BELARUS, DZIETKA!” М. ЧАРАКОВАЙ І М. ЧАРНОВАЙ

Турыстычны даведнік “Heta Belarus, Dzietka!” М. Чараковай і М. Чарновай уяўляе сабой вербальна-візуальны тэкст з вызначанай аўтарамі прагматыкай і камунікатыўнай стратэгіяй. Любы даведнік для турыстаў, travel-guide, інфармуе пра прыродныя, сацыяльныя, культурныя і бытавыя асаблівасці краіны. Гэты твор можа разглядацца ў рамках як рэкламнага, так і інфармацыйнага дыскурсу. Даведнік “Гэта Беларусь, дзетка” М. Чараковай і М. Чарновай з’яўляецца “сложным текстовым образованием, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата” [1, с. 3]. Прыкладамі іншых тэкстаў з крэалізаванай прыродай могуць быць рэкламныя тэксты, афішы, плакаты, інструкцыі, а ў XXI ст. – коміксы, графічныя раманы, манга.

Разважаючы пра стратэгіі зносін, маўленчыя паводзіны турыстычнага дыскурсу даследчык Л. Ганчарова у якасці найважнейшай рысы адзначае “стратэгію пазітыва”, якая “предполагает взаимодействие с адресатом, его правильную оценку и умение подстроиться под его вкусы, привычки и стиль общения” [2]. У турыстычным даведніку традыцыйная частка – гэта апісанні славутасцей, гістарычныя даведкі, інфармацыя пра характэрныя і знакавыя месцы. Варыятыўны блок інфармацыі прадстаўлены ў аўтарскіх даведніках. Прыкладам такога даведніка з’яўляецца гід “Heta Belarus, Dzietka!” у культуралагічных экскурсах-урэзках, што пашырыць фонавыя веды адрасата пра Беларусь.

У стылістычным плане тэксты гэтага даведніка-гіда складаюцца з узаемадзеяння элементаў розных функцыянальных стыляў.

У традыцыях даведніка, як навукова-папулярнага тэксту, адзначаецца арыентацыя на такія дамінантныя прыкметы навуковага стылю, як высокі ўзровень абагульнення, дакладнасць, інфарматыўнасць, імперсанальнасць. Напрыклад, выкарыстоўваюцца катэгарыяльныя намінацыі навуковага характару: “назва Рутэнія «*Ruthenia*» ўжывался для абазначэння ўсходнеславянскіх земляў” [4, с. 11], “старабеларуская мова была дзяржаўнай у самай вялікай еўрапейскай краіне XIV–XVI стст.” [4, с. 16]. Аўтары ўжываюць лексічныя адзінкі і малюнкі-іллюстрацыі з лакатыўным значэннем (дача, лазня, прыбіральня, каса, лесвіцы ды ліфты і інш.), сярод якіх пераважаюць ксенонімы – словы і выразы, якія пазначаюць прадметы, працэсы і з’явы, характэрныя для жыцця і побыту якой-небудзь канкрэтнай краіны (перанос выхадных, ссабойка, лецішча). Так, раздзел “Лецішча і лазня” ўтрымлівае звесткі-цікавосткі пра асаблівы сацыялагічны і этнаграфічны статус дачы для жыхароў нашай краіны. Лецішча для беларуса, ды яшчэ з баняй, – месца нефармальных зносін, адпачынку. Таму намаляваныя з гумарам героі на кадры з даведніка займаюцца характэрнымі дачнымі справамі: сабраўшыся ў гурт, паляць вогнішча, спяваюць, іграюць на гітары, гатуюць шашлык, ласуюцца свежай морквай ды ягадамі (малюнак 1).



Малюнак 1 – Лецішча

У даведніку “Гэта Беларусь, дзетка” таксама шмат прыкладаў ужывання інфарматыўных лічэбнікаў (якасных і колькасных). Між тым адзначым, што навуковая безасабовасць, аб’ектыўнасць спалучаюцца тут з даступнасцю выказвання, размоўнасцю інтанацыі.

У турыстычным даведніку спалучаюцца сродкі безэмацыйнасці, стандартнасці і павышанай экспрэсіўнасці. Стандарт праяўляе сябе ў шэрагу клішэ: “вачыма іншаземцаў”, “мілыя сэрцу рэчы”, “распаўсюджаны стэрэатып”. Арыгінальна падабраныя сродкі выразнасці дазваляюць

гаварыць аб асаблівай экспрэсіўнасці аповеду: “нацыя бульбаманаў”, “дужа шчодрыя людзі” да інш.

Рэкламныя стратэгіі праяўляюць сябе ў архітэктоніцы кожнага раздзела, што абавязкова мае кідкі загаловак, які часам нагадвае слоган, рэкламны лозунг. Напрыклад, у раздзеле “Ранні шлюб” аўтары разважаюць, чаму жыхары Беларусі раней уступаюць у шлюб у параўнанні з замежнікамі. Адказам могуць стаць як раз некалькі слоганаў, што змешчаны на малюнку да гэтага раздзела: “Светлая будчыня” і “Дзяўчыны павінны мець мужа, каб увайсці” [4, с. 60]. Аўтарам падаецца, што ў нашым грамадстве шырока распаўсюджаны ўяўленні, што шчаслівае жыццё для дзяўчат магчыма толькі ў шлюбе. На малюнку адлюстраваны шэраг традыцыйных іканічных знакаў (адзінарог, бусел са скруткам з дзіцем, замак, вясёлка), што даюць гледачу ўяўленне пра хрэстаматыйна-радасную будучыню ў шлюбе (малюнак 2).

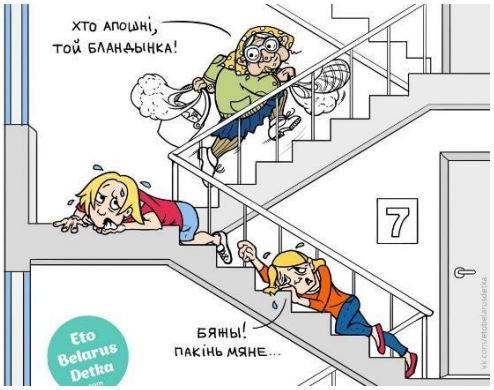
Малюнак 2 – Ранні шлюб

Структурна тэкставыя фрагменты даведніка блізкія нормам і прыкметам публіцыстычнага стылю (наяўнасць прадмовы ад аўтараў з абазначэннем аўтарскай пазіцыі, насычанасць тэкстаў дыскусійнымі пунктамі гледжання, рытарычнымі і жартаўлівымі зваротамі і прысвячэннямі). Адно з выдавецтваў так анансуе гэтае выданне: “Наша кніга славіць Беларусь знутры, але вачыма замежнікаў, паказвае дзіўную культуру краю блакітных азёр у зусім новым святле і ў іншай перспектыве. Кнігу павінны прачытаць усе, хто цікавіцца Беларуссю і хоча ведаць больш пра гэту бясконца займальную краіну. Не мае значэння, з Беларусі вы альбо з-за мяжы, калі вам падабаецца досціп і гумар, гэта кніга для вас” [3].

Вядома, што ў сучасных друкаваных медыя візуальны кантэнт – малюнкі, фотаздымкі, інфаграфіка – ужо адыгрываюць не дапаможную ролю фонавай крыніцы інфармацыі, а маюць паўнавартасны статус, з’яўляюцца абавязковым кампанентам кожнага выдання. У сучаснай публіцыстыцы ілюстрацыя часта мае вядучае ў адносінах да тэкставага матэрыялу

значэнне, становіцца адмысловым медыятэкстам, які паведамляе пра падзею як паўнавартасны журналісцкі матэрыял.

Малюнкі ў даведніку “Heta Belarus, Dzietka!” носяць рэпартажны характар, акцэнтуюць увагу чытача, нярэдка адыгрываюць ролю візуальнага цэнтра. У кампазіцыйным плане яны як бы замыкаюць на сябе астатнюю інфармацыю і з’яўляюцца зыходнай кропкай у знаёмстве з тэкстам каментарыяў. Напрыклад, праблема непрацуючых ліфтаў і нязручнасцей, з гэтым звязаных, адлюстравана ў рэпартажным стылі з элементамі карыкатуры – дакладна, выразна, дынамічна, смешна і адначасова дакументальна (малюнак 3). Дасціпна, з гумарам, але аналітычна на гэтым малюнку зафіксавана сутнасць падзеі, калі на сёмым паверсе гераіні зусім страцілі сілы, бо не прызвычаіліся да такіх лесвічных практыкаванняў, у адрозненне ад бабулі, якая за ўсё жыццё шмат разоў падымалася па лесвіцы пешшу:



Малюнак 3 – Праблема выключэння ліфтаў

Ад публіцыстычнага стылю ў гэтым тэксце прысутнічаюць таксама характэрныя ўстойлівыя выразы і клішэ: “вачыма іншаземцаў”, “усходні сусед”, “геаграфічная адзінка”, “беларускія землі”, “культурная эліта”, “беларуская ідэнтычнасць” ды іншыя.

Такім чынам, даведнік “Heta Belarus, Dzietka!” М. Чараковай і М. Чарновай мае сінтэтычную прыроду, абумоўленую перш за ўсё арыгінальнымі варыянтамі ўзаемадзеяння вербальнага і невербальнага кампанентаў, якаснымі трансфармацыямі камунікатыўных стратэгій, змяшэннем розных стылістычных прыкмет.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креализованных текстов) / Е. Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 128 с.

2. Гончарова, Л. М. Стратегии и тактики рекламных текстов туристской сферы [Электронный ресурс] / Л. М. Гончарова // Сервис в России и за рубежом. – 2011. – № 7. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-taktiki-reklamnyh-tekstov-turistskoy-sfery. – Дата доступа: 30.01.2024.

3. Гэта Беларусь, дзетка! Услаўленне беларускай унікальнасці // Интернет-магазин OZ.by. – Рэжым доступа: https://oz.by/books/more10834678.html. – Дата доступа: 11.02.2024.

4. Чаракова, М. Гэта Беларусь, дзетка! Услаўленне беларускай унікальнасці / М. Чаракова, М. Чарнова ; пад рэд. Э. Браўна і А. Ліс. – Мінск : Папуры, 2019. – 96 с.

К содержанию

С. М. ЛІТВІНОВІЧ
Брэст, БрГУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – Л. М. Садко, канд. філал. навук, дацэнт

КРЭАЛІЗАЦЫЯ Ў ВЫДАННІ “HETA BELARUS, DZIETKA!” М. ЧАРАКОВАЙ І М. ЧАРНОВАЙ

На сучасным этапе адзначаецца нарастанне прысутнасці візуальнай інфармацыі ў камунікацыі. З’яўляюцца тэксты са складаной семіятычнай прыродай, змешаныя, двух- і шматкампанентныя візуальна-вербальныя формы з наяўнасцю паралінгвістычных сродкаў афармлення тэксту. Такія творы грунтуюцца на інкарпарацыі знакаў іншых семіятычных сістэм (жывапісу, графікі, дызайна, музыкі, дэкламацыі, фатаграфіі, пантамімы). Слова ў падобных тэкстах перастае быць адзіным семантыка-інфармацыйным цэнтрам, што ўзмацняе матываванасць паэтычнага тэксту, сумяшчае семантычнае ўспрыманне з адчувальна-вобразным.

Сучасны лінгвіст І. Вашуніна адзначае: “Называя текст «креолизованным», мы констатируем наличие в его составе составляющих разных знаковых систем, образующих неразрывное единство, сплав” [1, с. 23]. У сваю чаргу паралінгвістычныя сродкі камунікацыі – гэта сродкі, што могуць перадаваць інфармацыю без выкарыстання слоў, задзейнічаюць розныя каналы ўспрымання, уносяць дадатковае семантычнае значэнне або экспрэсіўныя адценні, у пэўных сітуацыях замяшчаюць вербальны элемент і становяцца самадастатковымі для раскрыцця зместу тэксту.

У 2016 г. Марыя Чаракова і Марта Чарнова выдалі беларуска-англійскі даведнік-гід пад назвай “Heta Belarus, Dzietka!” пра асаблівасці жыцця, побыту, нораваў, помнікаў гісторыі і мастацтва нашай краіны. М. Чаракова ў раздзеле “Уводзіны” да свайго даведніка адзначае, што “з гэтай кнігай пра незвычайныя, часам дзікаватыя, але мілыя сэрцу рэчы, якія мы сустрэлі ў Беларусі, накіроўваем вас у падарожжа, каб дапамагчы зразумець, чым адметная наша краіна, якую мы так любім” [2, с. 9].

Праект стаў досыць заўважным і паспяховым, а кніга была тройчы перавыдадзена. Гэты твор уключае вялікую колькасць малюнкаў, выкананых у стылі анімэ, комікса з шэрагам подпісаў і каментараў аўтараў.

Комікс з’яўляецца крэалізаваным тэкстам, дзе спалучаюцца невербальныя кампаненты – графічныя (малюнкі, паслядоўнасць кадраў, дызайн і г. д.) і параграфічныя (каларыстыка, анаматопея, паказальна-раздзяляльныя лініі і г. д.) – а таксама літарны тэкст, вербальныя кампаненты (рэплікі персанажаў, аўтарскія каментары, загалоўкі і г. д.). Шэраг даследчыкаў выдзяляе таксама кампаненты, што нельга адназначна аднесці да вербальнай ці паравербальнай групы.

Адным з характэрных структурных элементаў коміксу, які выкарыстоўвалі М. Чаракова і М. Чарнова, з’яўляецца філактар – маўленчае воблачка побач з галавой персанажа з надрукаванай ўнутры рэплікай. Вокладка гіда дае пэўнае ўяўленне пра кампаноўку візуальных і вербальных элементаў, размешчаных шчыльнымі ланцугамі з выразнай графічнай разбіўкай кадраў чорнымі рысамі (малюнак 1).

Малюнак 1 – Вокладка

Як прынята ў даведніках, у выданні “Heta Belarus, Dzietka” вылучаецца некалькі разнародных блокаў:

– візуальна-ілюстрацыйныя матэрыялы (малюнкі, што з’яўляюцца ілюстрацыямі да гісторый, якія апавядаюць аўтары даведніка);

– моўнае апісанне цікавых звестак, падзей, характэрных здарэнняў, што перадаюць аўтэнтычнасць жыцця ў Беларусі.

У залежнасці ад дамінавання аднаго з гэтых блокаў інфармацыі змяняецца характар даведніка: пры дамінаванні візуальнага матэрыялу даведнік нагадвае своеасаблівы фотаальбом з “рэпартажнымі” малюнкамі, пры дамінаванні апісання славутасцяў, побыту і цікавасцяў даведнік становіцца падобны на этнаграфічна-краязнаўчую літаратуру.

Паміж тэкстам і малюнкамі ў выданні М. Чараковай і М. Чарновай адзначаюцца прадметныя, сэнсава-наратыўныя і асацыятыўныя сувязі. Прадметная сувязь усталёўваецца фізічнымі асацыяцыямі паміж аб’ектамі моўнага апісання і іх ўвасабленнямі ў візуальнай нарацыі. Напрыклад, калі ў раздзеле “Летняя неспадзяваначка” [2, с. 67] аўтары распавядаюць пра “традыцыю” планавых адключэнняў гарачай вады

кожнае лета, знаходзяць шэраг прадметаў, якія дапамогуць намаляваць гэтую сітуацыю. Адсутнасць гарачай вады – гэта амаль іканічныя знакі: зубы, якія ляскаюць ад холаду, малюнак сняжынкі, крыкі абурэння з ваннага пакоя ад нечакана халоднай вады з крана, гэта велізарныя ёмістасці на газавай пліце, дзе грэецца вада, каб можна было памыцца:

Малюнак 2 – Летняя неспадзяваначка

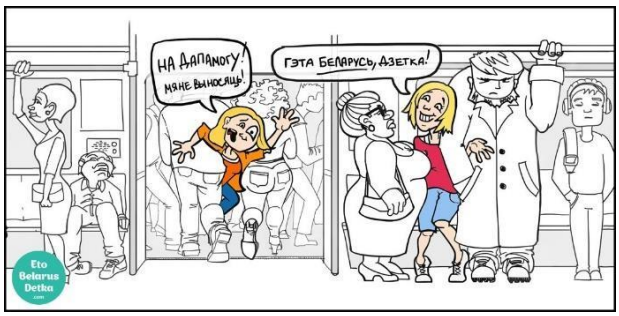
У дадзеным фрагменце аўтары выкарыстоўваюць некалькі ідэаграм. Гэта знак сняжынкі і набор параграфічных элементаў унутры філактара (?!#*@!). Абедзве ідэаграмы функцыянуюць як альтэрнатыва вербальнаму кампаненту і рэпрэзэнтуюць эмацыйны стан гераіні, якая апынулася пад струменем ледзяной вады і відавочна выкрыквае розныя рэплікі, далекія ад высокага стылю. Адзін з аўтарытэтных даследчыкаў комікса А. Сонін адзначае: “Идеограмма является квинтэссенцией комикса, основой его знаковой специфики” [2, с. 26].

Класічны газетны комікс складаецца з чатырох-шасці малюнкаў, якія паказваюць завязку і кульмінацыю падзеі і маюць адкрыты фінал, магчымасць працягваць серыю. У выпадку з гідам М. Чараковай і М. Чарновай своеасаблівым фіналам падзеі становіцца рэпліка-рэфрэн “Гэта Беларусь, дзетка!”. Акрамя таго, традыцыйна, малюнкі комікса звычайна аб’яднаны фігурай героя, які паўтараецца ў розных серыях.

Сэнсава-наратыўная сувязь злучае візуальныя і маўленчыя фрагменты больш складана, апасродкавана. Наратыў-мадэль, нейкі вобраз, што ствараюць М. Чаракова і М. Чарнова візуальнымі сродкамі, закладзены ўжо ў падмурак сюжэта. Па сутнасці, праз гэты вобраз чытач ацэньвае апісальную рэальнасць, а не толькі атрымлівае інфармацыю пра яе.

Так, калі аўтары бяруцца даць уяўленні пра паводзіны ў грамадскім транспарце (раздзел “Грамадскі транспарт” [3, с. 26]), яны малююць пануры чорна-белы натоўп з выразнымі буйнымі постацямі (мажныя жанчыны, высокія мужчыны), абыякавыя твары пасажыраў, нязграбныя позы і нязручныя жэсты. Славесны каментар у гэтым фрагменце мінімальны –

гэта толькі лямант гераіні, якая не прывыкла да такіх паездак, і звыклы адказ: “Гэта Беларусь, дзетка!” (малюнак 3).



Малюнак 3 – Грамадскі транспарт

Інтуітыўная сувязь паміж кампанентамі крэалізаванага тэксту абапіраецца на няўлоўнае: эмоцыі, настрой, перажыванне, вобраз. Цікавым падаецца выкарыстанне стэрэатыпнага ўяўлення пра беларусаў, што больш за ўсё ў жыцці любяць бульбу. У даведніку у раздзеле “Бульба” [3, с. 20] гэта сітуацыя ілюстравана праз вобразы маці і немаўляці, першае слова якога стала сапраўды беларускім: “Бульба” (малюнак 4).

Малюнак 4 – Бульба

Гэтае выданне – крэалізаваны тэкст, графічны турыстычны даведнік, мэтай якога з’яўляецца інфармаванне, перадача карысных і цікавых звестак пра Беларусь і лад жыцця ў краіне, папулярызацыя ведаў пра розныя аб’екты на нашых землях. Гэты крэалізаваны тэкст падае інфармацыю з дапамогай і семантычных (словы, выразы), і візуальных сродкаў і рэсурсаў (малюнкі, паралінгвістычныя знакі).

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Вашунина, И. В. Характеристика креолизованных текстов / И. В. Вашунина // Креолизованный текст: Смысловое восприятие : коллективная монография ; отв. ред. И. В. Вашунина ; ред. кол. : Е. Ф. Тарасов, А. А. Нистратов, М. О. Матвеев. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2020. – 206 с.

2. Сонин, А. Г. Комикс: психолингвистический анализ : монография / А. Г. Сонин ; под ред. В. А. Пищальниковой. – Барнаул : Изд-во Алтайс. ун-та, 1999. – 110 с.

3. Чаракова, М. Гэта Беларусь, дзетка! Услаўленне беларускай унікальнасці / М. Чаракова, М. Чарнова ; пад рэд. Э. Браўна і А. Ліс. – Мінск : Папуры, 2019. – 96 с.

К содержанию

П. І. МАЛАФЕЙЧЫК
Брэст, Ліцэй № 1 імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – Н. Л. Шавялінская, настаўнік белар. мовы і літ.

ІНДЫВІДУАЛЬНА-АЎТАРСКІЯ АФАРЫЗМЫ Н. ГІЛЕВІЧА ЯК ТРАНСЛЯТАР НАЦЫЯНАЛЬНАЙ КАРЦІНЫ СВЕТУ

Сёння, калі мы просім падлеткаў-ліцэістаў прывесці прыклад якога-небудзь афарызма, чуем у першую чаргу лацінскія ці грэчаскія выслоўі. З чым гэта звязана? Напэўна, з асаблівай папулярнасцю такіх фраз, бо яны “на слыху”, “модныя”, здольныя падкрэсліць асаблівы інтэлект, начытанасць, шырыню кругагляду асобы.

Магчыма, цікавасць да лацінскіх і грэчаскіх прыказак, крылатых выслоўяў і афарызмаў тлумачыцца не толькі тым, што яны прайшлі праз стагоддзі, утрымліваюць вопыт старажытных вучоных, філосафаў, але і тым, што сваім зместам яны сугучныя нашаму імкліваму часу.

Афарызм ніколі не характарызуе толькі адну пэўную асобу, аднак, нягледзячы на сваю ўніверсальнасць, даволі часта такія выразы змяшчаюць “спасылку” да народа і краіны, якім яны належаць: *Штосьці з намі не так, калі нават буслы не вярнуліся гэтай вясной* (Н. Маеўская); *Навошта каласы, калі няма васількоў?* (М. Багдановіч). Такім чынам, калі мы ўжываем афарыстычныя выслоўі беларускіх пісьменнікаў і паэтаў, па-свойму паглыбляемся ў свет нашай культуры і літаратуры, дакранаемся да духоўнай спадчыны сваёй зямлі.

Сапраўднай скарбонкай афарыстычных выслоўяў, трапных выразаў лічацца творы Ніла Сымонавіча Гілевіча – паэта, перакладчыка, фальклярыста, народнага паэта Беларусі.

Так, напрыклад, у рамане ў вершах “Родныя дзеці” дзейнічаюць абсалютна розныя, але вельмі цікавыя па сваіх характарах героі, якія жыва і непасрэдна рэагуюць на пэўныя з’явы жыцця, таму ў першую чаргу ў іх вусны, у іх думкі аўтар укладвае розныя выразы, якія па сваёй сутнасці могуць лічыцца афарыстычнымі.

Намі была вызначана пэўная колькасць такіх выслоўяў, якія мы размеркавалі па адпаведных тэматычных групах.

1. Каханне, сямейнае жыццё, перажыванне нешчаслівага кахання: *Мужык і жонка між сабой / Ва ўсім павінны сумяшчацца, / Іначай – кранты і адбой!* [3, с. 99].

2. Жыццё, жыццёвыя абставіны, сэнс жыцця: *Жыццё не любіць, каб няшчасным / На свеце чуўся чалавек!* [3, с. 6]; *Жыць адно тады і варта, / Калі рабіць дабро людзям* [3, с. 83].

3. Чалавек, народ, асаблівасці народнага жыцця: *Калі дасціпнае імя / Прышпіліць нехта чалавеку, / То не здзярэ і смерць сама* [3, с. 22].

4. Род, сям'я, памяць: *Род звядзецца, / Калі магіл не шанаваць…* [3, с. 80].

5. Радзіма, родная зямля, еднасць чалавека з роднай зямлёй: *У нас зямля – якую краску, / Якую былку ні сарві – / Кладзі да сэрца як лякарства / І – здаравей, брат, і жыві!* [3, с. 87].

6. Творчасць, дзейнасць; умовы, неабходныя для творчасці: *Памры – не дай сабе пад крылы / Падвесці фальшу страшны груз* [3, с. 62].

7. Маці: *Ніякай сіле, ліху злому / У сэрцы маці не забіць / Надзею: даць працяг жывому! / Надзею: песціць і любіць!* [3, с. 106].

8. Літаратура: *Праўда ў творах, / Якой бы горкай ні была – / Яна ніколі нам не вораг, / Не зло для нас і не бяда* [3, с. 131].

9. Мір, праблема захавання міру: *Для справы міру трэба ўсім нам / Яшчэ мацней любіць зямлю!* [3, с. 170].

Найбольш шматлікая з адзначаных намі – афарызмы тэматычнай групы "Радзіма, родная зямля, еднасць з роднай зямлёй". Гэта, безумоўна, звязана з вялікай любоўю аўтара як да ўсёй краіны – Беларусі, так і да куточка, дзе зроблены былі першыя крокі, – Лагойшчыны. Прыклад такой сыноўняй любові дэманструе ў рамане "Родныя дзеці" галоўны герой твора – кампазітар Сцяпан Якубавіч Вячорка. Гэта ён усімі сіламі сваёй душы пасля заканчэння Маскоўскай кансерваторыі рвецца ў Мінск, бо разумее, што раскрыць свой талент па-сапраўднаму творчы чалавек можа толькі на Радзіме: "*Што трэба творцу? / Вельмі многа! / Радзіму ў сэрцы трэба мець!*" [3, с. 62]; "*А твор павінен мець адзнаку / Сваёй зямлі, – інакш ён, брат, / Такі ж без водару, без смаку, / Як з гідрапонікі тамат*" [3, с. 179]. Ён пераканаць, што "*для ўсіх і кожнага – на свеце / Найпрыгажэйшы родны край!*" [3, с. 86]. Таму з вялікім захапленнем любуецца роднымі краявідамі, чароўнай цішынёй купальскай ночы.

Вельмі цікава раскрываецца ідэя твора ў лірычных адступленнях, якія можна лічыць сапраўднай скарбонкай афарыстычных выразаў. У адступленні "Паэтычным" аўтар прызнаецца чытачу, што "без роднага паветра" не можа дыхаць, а адступленне пятае "Кулінарнае" ўяўляе сабой гумарыстычнае прызнанне ў любові да ўнікальных страў беларускай кухні.

Пры гэтым Ніл Гілевіч звязвае арыгінальнасць нашых прысмакаў з асобай беларуса-працаўніка: “*Калі на свеце нехта дзесьці / Умее добра працаваць, – / То ўмее ён і смачна з’есці / І – адпаведна – згатаваць!*” [3, с. 136].

Вялікая колькасць выразаў аб’яднана намі ў тэматычную групу “Жыццё, жыццёвыя абставіны, сэнс жыцця”. У сюжэт твора пакладзена гісторыя кахання Сцяпана Вячоркі і Альжбеты Кудзёлкі, цяжкі разрыў у адносінах маладых людзей і сустрэча герояў праз дваццаць гадоў. Нам здаецца, што перад аўтарам стаяла вельмі важная задача – паказаць чытачу, якім няпростым можа быць жыццё, абставіны, як лёгка згубіць каханне, асабліва калі на жыццёвай дарозе “яму вырыў ліхадзей”. Сцяпан пераконвае сябе, што, “*калі ... попел-прысак астыў – нашто капацца ў ім?*” [3, с. 9]. Аднак ні шлюб з Фенечкаю, ні поспехі ў творчасці не радуюць героя. “*Ці мала што ў жыцці бывае! Якіх вузлоў не вяжа лёс! Няшчасны той, хто ўсё прымае Да сэрца блізка і ўсур’ёз*” [3, с. 11], – так лічыць Сцяпан ці, хутчэй, у гэтым стараецца пераканаць сябе герой, рыхтуючыся да сустрэчы з Альжбетай.

Унікальным героем у гэтым творы можна лічыць Віньку Шкута – швагра Сцяпана Вячоркі. Перад намі сапраўдны “народнік”, у вусны якога Гілевіч укладвае адпаведныя заўвагі: “*Народ не мокне ў рэстаране! / Народ сілкуецца ў чайной!*” [3, с. 15]. “*Народ не цэніць благавухаў – / Ён любіць водар сенажу!*” [3, с. 93] і інш.

Сярод шматлікіх герояў твора вылучаецца і вобраз маці – Сохвіі Пятроўны, простай вясковай жанчыны, што перажыла вялікія жыццёвыя трагедыі (здраду першага мужа, смерць дачкі і сына) і захавала ў сэрцы пяшчоту і спагаду. “*Ніякай сіле, ліху злому / У сэрцы маці не забіць / Надзею: даць працяг жывому! / Надзею: песціць і любіць!*” [3, с. 106] – пераканонвае аўтар ў адступленні чацвёртым “У гонар маці”.

Можна адзначыць, што дзякуючы афарыстычным выразам, якія шырока ўжывае Ніл Гілевіч у сваіх творах, пашыраецца і паглыбляецца выказаная аўтарам думка, з розных бакоў раскрываюцца героі, больш лагічнымі становяцца іх учынкі, больш зразумелай – жыццёвая пазіцыя.

У адпаведнасці са структурай мы вызначылі наступныя групы:

1) афарызмы – простыя сказы: *Ён не хацеў бы сустракацца З былым – ніколі і нідзе* [3, с. 9];

2) афарызмы – складаназлучаныя сказы: *Няма Радзімы ў злыдняў хіжых І маці ў нелюдзяў – няма* [3, с. 111];

3) афарызмы – складаназалежныя сказы: *Не варушыце, не турбуйце Таго, што зеллем парасло* [3, с. 24];

4) афарызмы – бяззлучнікавыя сказы: *Народ не гоніцца за смакам, Народ на градусы глядзіць!* [3, с. 129];

5) афарызмы – складаныя сказы з рознымі відамі сувязі частак: *Сама гісторыя вучыла: Шануй, народзе, і цані – Усё, што поіць-жывіць шчыра Тваёй свабоды карані!* [3, с. 67];

6) афарызмы – тэксты: *Народ сябе пазнаць павінен! Народ – не зборышча, не гурт. Ён мусіць мець – інакш загіне! – Усведамлення цвёрды грунт* [3, с. 184].

Пераважная большасць афарызмаў Ніла Гілевіча па структуры з'яўляюцца складанымі сказамі, часцей – складаназалежнымі і бяззлучнікавымі, рэдка – складаназлучанымі. Гэта, на нашу думку, можна патлумачыць тым, што пры падпарадкавальнай сувязі ўзаемаадносіны паміж кампанентамі сказа выражаюцца больш дакладна, чым пры злучальнай сувязі. Падпарадкавальныя злучнікі забяспечваюць сэнсавыя ўзаемаадносіны і лагічныя сувязі паміж часткамі. У бяззлучнікавых сказах гэта сувязь выяўляецца з дапамогай інтанацыі і зместу граматычных частак. Такія сказы звычайна адрозніваюцца лёгкасцю, непасрэднасцю, натуральнасцю, што абумоўлівае іх шырокае выкарыстанне ў мастацкіх тэкстах.

Афарыстычныя выслоўі выклікаюць цікавасць не толькі закладзеным у іх змесце вопытам пакаленняў, мудрасцю і сілай духу чалавека, яго маральнымі і эстэтычнымі ідэаламі, а і дакладнай і своеасаблівай характарыстыкай людзей, іх схільнасцей, вызначэннем і ацэнкай разнастайных узаемаадносін у грамадстве, з'яў рэчаснасці. Яны надзвычай лаканічныя і вобразныя, выразныя і зразумелыя. Змест афарызмаў універсальны і адначасова нацыянальна адметны.

Ніл Гілевіч разумеў неабходнасць зберагаць і захоўваць мудрасць мінулых пакаленняў, увасобленую ў народнай культуры, у традыцыях народнай педагогікі. У вусны герояў сваіх твораў аўтар укладваў вопыт пакаленняў, таму так часта яго паэтычныя радкі гучаць як выснова, як запавет, здзіўляюць сваёй трапнасцю і нават сімвалічнасцю.

Безумоўна, задача далейшага вывучэння афарыстыкі беларускай мовы застаецца актуальнай і важнай. Сёння афарызмы, крылатыя выразы беларускіх майстроў слова цікавыя не толькі лінгвістам, этнографам, філосафам, гісторыкам, а і ўсім, хто захапляецца народнай спадчынай, паважае вопыт былых пакаленняў і гатовы зберагчы яго для нашчадкаў.

Спіс выкарыстанай літаратуры:

1. Афарыстычныя выслоўі беларускіх пісьменнікаў / склад. Н. В. Гаўрош, Н. М. Нямковіч. – Мінск : Выш. шк., 2012. – 638 с.

2. Гілевіч, Н. Родныя дзеці : раман у вершах / Н. Гілевіч. – Мінск : Маст. літ., 2010. – 199 с.

3. Садоўская, А. Л. Лінгвакультурны падыход да аналізу фразеалагічных рэсурсаў мовы / А. Л. Садоўская // Роднае слова. – 2008. – № 8. – С. 44–46.

4. Янкоўскі, Ф. М. Беларуская фразеалогія / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск : Нар. асвета, 1981. – 79 с.

К содержанию

К. С. МІЗЕРЫЯ
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – С. Ф. Бут-Гусаім, канд. філал. навук, дацэнт

ПЕРЫФЕРЫЙНЫ АНАМАСТЫКОН АЎТАРСКІХ КАЗАК СУЧАСНЫХ БЕЛАРУСКІХ ПІСЬМЕННІКАЎ

Аўтарскія казкі сучасных беларускіх пісьменнікаў прыцягваюць увагу маленькіх і дарослых чытачоў. У іх расказваецца пра галоўныя каштоўнасці чалавечага жыцця: добразычлівасць, вернасць, адказнасць, любоў і сапраўднае сяброўства. Адбіраючы імёны з нацыянальнага анамастыкону, ствараючы іх на базе апелятыўнага лексічнага матэрыялу, аўтары казак максімальна выкарыстоўваюць уласцівасці беларускага іменаслову, які служыць асновай для стварэння стылістычна эфектыўных у кантэксце мастацкага твора паэтонімаў.

Перыферыйны іменаслоў – тапонімы, заонімы, міфонімы, бібліёнімы – складае фантастычны фон казак. Для дзіцячай белетрыстыкі адбіраюцца найбольш тыповыя, распаўсюджаныя, шырока вядомыя імёны ўласныя. Аказіянальныя анамастычныя намінацыі, як правіла, суправаджаюцца аўтарскімі тлумачэннямі ў тэксце.

Тапонімы аўтарскай казкі часцей за ўсё выступаюць у функцыі лакалізацыі прасторы мастацкага твора. У працэсе функцыянавання ў мастацкім тэксце тапонім абрастае многімі сэнсавымі сувязямі, асацыяцыямі, канатацыямі, якія пашыраюць значэнне геаграфічнай назвы, надаюць яму мастацкую выразнасць. У казцы “Ася-Дзьмухавец” Надзея Ясмінска запрашае нас у ***Краіну Вясны***, дзе жывуць прыгожыя гарэзлівыя вяснянкі. Менавіта адтуль яны кожны год разлятаюцца па свеце, каб трошкі пагасцяваць на дзіцячых тварыках: “*Слова «вяснянкі» ад слова «вясна», ці не так? Значыць, яны ўцяклі ў* ***Краіну Вясны***” [5, с. 37].

Унутраная форма гаваркіх тапонімаў ***Сінявочка*** і ***Зялёная Сажалка*** казкі Аляксея Дударава раскрываецца ў апісаннях крынічкі і сажалкі: “*У ціхай лагчыне, пад старой разгалістай вярбой, жыла маленькая чыстая крынічка. Яе звалі* ***Сінявочка****. Крыштальная вадзіца ўдзень і ўночы, улетку і ўзімку бруілася з Сінявочкі, бы нітачка-ручаінка. Пухнатыя аблокі кожную раніцу, бы ў люстэрка, пазіралі ў Сінявочку*” [3, с. 82]; “***Зялёная Сажалка*** *зялёнае слізкае павуцінне апранула на сябе, ваду схавала, усіх сваіх жыхароў прагнала прэч… Стары Карась і той уцёк*” [3, с. 84].

Гаваркія паэтонімы-характарыстыкі акрэсліваюць месца дзеяння казкі Сержа Мінскевіча “Каваль Корша”: ***Новае мястэчка***, ***Паўночны горад***, ***Заходняе каралеўства***, ***Далёкія Горы***. Па волі чараўніка месцам жыхарства Зойкі Зазнайкінай, гераіні казкі Генадзя Аўласенкі, становіцца краіна з адпаведнымі сутнасці дзяўчынкі-хвалька законамі: “*І вось зазнавалася яна, зазнавалася… і дазнавалася! Трапіла нашая Зойка, па маім жаданні, па шчупачыным распараджэнні, у трыдзявятае царства, у трыдзясятае гаспадарства.* ***Краіна Пахваляйкіна, горад Зазнайкіна***. *Акурат на галоўнай ягонай вуліцы апынулася,* ***Хвалько-стрыт***…” [2, с. 20].

Касмонімы ў мастацкім тэксце для дзяцей адносяцца да ліку факультатыўных анамастычных адзінак і ўжываюцца рэдка. Асноўнай функцыяй касмонімаў, створаных фантазіяй пісьменнікаў, з’яўляецца выяўленчая. Так, у казцы Надзеі Ясмінска зорка, з якой прылятае фея з цмокам, атрымала назву ***Лазурковай*** праз свой незвычайны колер.

Адной з характэрных асаблівасцей паэтонімікону дзіцячай аўтарскай казкі з’яўляецца значная колькасць заонімаў і фітонімаў. У якасці найменняў персанажаў аўтарскай казкі могуць выступаць анімізаваныя апелятывы. Вобразы жывёл, заступнікаў і памочнікаў герояў твораў, што працягваюць традыцыі народных казак пра жывёл, захоўваюць архаічныя сувязі з найстаражытнейшымі татэмістычнымі персанажамі першапачатковых родаплемянных міфаў. Так, чарадзейным памочнікам героя казкі “Каваль Корша” з’яўляецца трохсотгадовы ***Крумкач***. Гэта персанаж беларускага фальклору, найважнейшая рыса якога – усяведанне. Адзін з ягоных сталых эпітэтаў “вяшчун”. Калі кагосьці трэба знайсці, звяртаюцца да ворана [1, с. 88]. Менавіта ***Крумкач*** накіроўвае каваля да ***Цар-дуба***, жалуды і лісце якога дапамагаюць змайстраваць наймацнейшую ў свеце сякеру. Дуб – адно з найбольш паважаных дрэваў беларусаў і іншых індаеўрапейскіх народаў, у беларускай міфапаэтычнай мадэлі свету – сімвал вечнага жыцця. У многіх выпадках дуб у фальклоры фігуруе ў якасці сусветнага дрэва. ***Дуб*** сімвалічна ўвасабляў моц, сілу, мужчынскі пачатак [1, с. 153–154]. Трохсотгадовы ***Цар-дуб*** дапамагае кавалю Коршу перамагчы магутных джынаў і іх чарадзейных памочнікаў і выкаваць сякеру, каб можна было будаваць новыя дамы і гарады.

У форме заонімаў дзякуючы фанетычным, словаўтваральным і лексічным сродкам мовы выяўляецца і эмацыйная ацэнка, і адносіны да жывёл і птушак. Напрыклад, надзвычайныя здольнасці сапсана – героя казкі “Каваль Корша” – акрэслівае заонім ***Знебазірк***, дэфінітыўная сутнасць якога актуалізуецца ў кантэксце: “*Яго клічуць* ***Знебазірк****, ён мае такі зрок, што мошку пабачыць з піку вунь той скалы*” [2, с. 115]. У казцы Ганны Янкуты галоўным героем з’яўляецца кот ***Шпрот***. Такая мянушка ката выклікае асацыяцыі з рыбай – адным з любімых ласункаў катоў. На творчай

сустрэчы з маленькімі чытачамі Брэсцкай абласной бібліятэкі пісьменніца адзначыла, што празванне было выбрана і таму, што рыфмуецца са словам кот. Гаваркія заонімы могуць несці інфармацыю пра паводзіны персанажа. Асаблівае месца ў сям'і герояў казкі Надзеі Ясмінска "Пацеркі і кроплі" займае ***Кот***, якога жартаўліва назвалі ***Карабельным Катом*** з-за яго вельмі смешнай звычкі*:* "*Кот насамрэч быў* ***Карабельным Катом****. Бо, калі перакулены стол пераўтвараўся ў карабель, ён адразу ж туды залазіў. А яшчэ ката можна было прыкладваць да вуха, як вялікую ракавіну: у ягоным вуркатанні чуўся шум мора*" [6, с. 6].

Рэпрэзентантамі канатацыі сацыяльнасці становяцца ўжытыя пры заонімах апелятывы – паказчыкі сацыяльнага рангавання. Так, гераіня казкі – шанаваная на балоце казачніца – празываецца ***пані Чаротнай***. Паважлівыя адносіны да гераіні казак пра ката Шпрота перадаюцца празваннем ***Спадарыня Мыш***. Апелятыў ***спадарыня*** ўказвае на разважлівасць, немалы жыццёвы вопыт гераіні, які выклікае ў маладога пакалення павагу і давер: "***Спадарыня Мыш*** *– цудоўная асоба. Па-першае, яна пячэ найсмачнейшы ў свеце шакаладны маннік. Па-другое,* ***спадарыня Мыш*** *спачатку здаецца такой строгай, а пасля ў нейкі момант ты разумееш, што яна сапраўдная сяброўка і на яе заўсёды можна спадзявацца*" [4, с. 13].

Сродкамі адлюстравання рэалій фантастычнага свету аўтарскай казкі з'яўляюцца **міфонімы**. Падчас падарожжа гераіні казкі П. Ляхновіча "Зорная Кася" ў мінуўшчыну раскрываецца ўнутраная форма гаваркіх міфонімаў, дзякуючы чаму маленькаму чытачу маляўніча прадстаўляюцца звесткі пра бачанне нашымі продкамі навакольнага свету, населенага надзвычайнымі асобамі – памочніка – *учэпісты яздок. Калі ёсць каровы – ездзіць на каровах. Жывёла ад гэтага худнее, моа захварэць.* ***Хлеўнікі*** *– блізкія сваякі* ***Дамавікоў****. Толькі* ***Дамавікі****, жывучы ў хаце, апякуюцца яе жыхарамі, а Хлеўнікі шкодзяць. Нічога не зробіш, што ні нячысцік, то свой характар. Гэтак жа, як і ў людзей*" [2, с. 101]. На думку Алеся, героя казкі "Кот Шпрот і таямніца атракцыёнаў", фантастычнае захавалася і ў сучасным Мінску: у парку Чалюскінцаў жыве ***Атракцыёнавік***. Сучасны горад населены прывідамі. Так, з Алесем сябруе ***Мара***. З твора мы даведваемся, што пры нараджэнні прывіду было дадзена іншае імя – ***Кашмара***, звыклае ў асяроддзі фантомаў, але больш прыемнай для самой гераіні твора з'яўляецца скарочаная форма імені: "Я – ***Мара****. Насамрэч маё поўнае імя –* ***Кашмара****, але мяне так не называлі нават бацькі, якія гэтае імя прыдумалі*" [4, с. 9]. Першыя асацыяцыі са словам ***Мара*** – нешта светлае, добрае жаданае, што надае персанажу станоўчую характарыстыку. ***Мара***

сябруе з Алесем і дапамагае вызваліць мышэй з палону ***Атракцыёнавіка***. У казцы Надзеі Ясмінска “Ноч на даху” адной з галоўных дзейных асоб з’яўляецца ***Фея Сну***, якая дапамагае хлопчыку Даніку хутчэй заснуць і ўбачыць цікавы, захапляльны сон. У творы Надзеі Ясмінска “Сподачак для цмока” дзейнічае надзвычайная істота, якая жыве пад ложкам хлопчыка і можа павялічвацца, калі беспарадак у пакоі большае, і памяншацца, калі ў пакоі прыбрана. Вялікі цмок празываецца ***Цмаказаўрам***. А найменнем маленькага цмока становіцца незвычайная форма, утвораная з дапамогай памяншальна-ласкальнага суфікса – ***Цмаказюлька***.

Адукацыйна-асветніцкую функцыю выконвае ўведзенае на старонкі казкі Анатоля Бутэвіча найменне помніка духоўнай культуры беларусаў – бібліёнім ***Радзівілаўская Біблія***. Аўтар распавядае маленькаму чытачу пра тое, што за ўласныя грошы ў 1563 г. надрукаваў яе ў старажытным Бярэсці ў сваёй друкарні староста берасцейскі і канцлер вялікі літоўскі Мікалай Крыштоф Разівіл Чорны. На той час ***Радзівілаўская Біблія*** з’яўлялася найвялікшым паводле аб’ёму і самым цяжкім друкаваным выданнем ва ўсім Вялікім Княстве Літоўскім. Пазней за грошы Радзівілаў у створаных імі друкарнях была выдадзена не адна карысная кніга. Многія з іх і да сённяшняга дня лічацца рэдкімі і каштоўнымі сведкамі тагачаснага жыцця і карыснымі дапаможнікамі ў авалоданні навукамі.

У казцы Стасі Наркевіч “Як Янка радню вызваляў” прыгадваецца настольная кніга чараўнікоў – бібліёнім “***Закон варажбы***”. У творы Алены Масла “Як пані Чаротная на госці ў Палангу бегала” называецца самы папулярны сярод рапух часопіс “***Жабурынне***” і “***Кніга рапушыных рэкордаў***”.

Перыферыйныя онімы, уключаныя ў аўтарскія казкі, дапамагаюць напоўніць іх рэалізмам, наблізіць да чытача прыроду і жыццё людзей. Дзіцячыя пісьменнікі ў сваёй творчасці выкарыстоўваюць экстралінгвістычны, энцыклапедычны, асацыятыўны фон тапонімаў, касмонімаў, заонімаў, бібліёнімаў і міфонімаў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Беларуская міфалогія : энцыклап. слоўн. / З. Санько [і інш.]. – 2-е выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 599 с.

2. Зорная Кася : казкі / уклад. А. В. Спрынчан. – Мінск : Маст. літ., 2014. – 170 с.

3. Казкі беларускіх пісьменнікаў / уклад. І. Чаплаводскай. – Мінск : Юнацтва, 1983. – 208 с.

4. Янкута, Г. В. Кот Шпрот і таямніца атракцыёнаў / Г. В. Янкута. – Мінск : А. М. Янушкевіч, 2018. – 64 с.

5. Ясмінска, Н. Дом цікаўных казак / Н. Ясмінска. – Мінск : Галіяфы, 2018. – 72 с.

6. Ясмінска, Н. Пацеркі і кроплі / Н. Ясмінска. – Мінск : А. М. Янушкевіч, 2018. – 76 с.

К содержанию

А. В. МОЙСЕЙЧУК
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Л. В. Скибицкая, канд. филол. наук, доцент

РЕСУРСЫ СУГГЕСТИИ В ПЕЧАТНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

В настоящее время актуальным является изучение рекламного текста на различных уровнях его построения. Предметом исследования в лингвистических работах выступает рекламный текст, причем спектр лингвистических исследований многообразен, что соответствует научной парадигме современного языкознания.

В статье «Лингвистическая интерпретация рекламы: основные направления исследования» Е. В. Грищева [3] характеризует основные векторы интерпретации феномена рекламы в риторике, стилистике, культуре речи, теории коммуникации, лингвистике текста.

Ученые приходят к выводу, что язык рекламы – это «динамично развивающаяся функциональная подсистема литературного языка, формирующаяся на основе вербальных единиц различного генезиса, характеризующихся рядом деривационных, семантических и понятийных особенностей. Язык рекламы отличается социальной ориентированностью, антропоцентричностью, целевыми установками, наличием особой системы лингвистических способов и приемов формирования рекламного дискурса, как-то: генерализация, эвфемизация, подмена понятий, сравнение в пользу адресанта, псевдообъяснение, метод дополнительного свидетельства, использование имплицитной информации, модальных операторов необходимости, применение первичных ассоциаций, выполняющих функцию риторических предпосылок» [1].

В. Строкова и Л. Буянова [4], выделяют в качестве ключевого свойства рекламного текста суггестивность, поскольку с помощью суггестии реализуется функция влияния на выбор потребителя.

Актуальность исследования суггестивных ресурсов рекламного текста позволяет уточнить механизмы воздействия рекламы на аудиторию. Материалом исследования в данной статье являются тексты печатной рекламы в газетах «Заря» и «Брестский вестник».

При анализе контента указанных изданий было установлено, что рекламные объявления содержат, как правило, информацию о медицинских, ритуальных, образовательных, строительных, транспортных услугах, услугах по ремонту дома и автомобилей. Кроме того, печатается рекламная продукция о продаже техники для строительства, техники для сада и огорода, торговых точек г. Бреста.

В исследованных изданиях рекламные статьи составляют незначительную часть (0,6 %) от общего количества рекламных объявлений. Чаще всего они посвящены новому жилью, услугам общественного питания и малого бизнеса, а также мобильной связи.

Большинство проанализированных материалов – это рекламные модули, что обусловлено стоимостью подобной продукции. Чаще всего публикуется модульная реклама по заказу фирм, специализирующихся на изготовлении и установке окон, дверей, остеклении балконов и лоджий (27 % от общего числа рекламных объявлений). На втором месте (17 %) – реклама строительных материалов и транспортных услуг; 8,2 % составляют рекламные модули по изготовлению и ремонту мебели. Выбор типа рекламы, как правило, определяется заказчиком, при этом учитывается и характер целевой аудитории.

Отметим, что некоторые виды рекламы носят сезонный характер. Например, в мае, перед отключением горячей воды, часто появляются объявления о продаже водонагревателей. В летнее время актуальна реклама продажи сахара. В отличие от сезонной рекламы, объявления о производстве и установке пластиковых окон, остеклении балконов и лоджий публикуются в течение всего года.

Большинство рекламных модулей в газетах состоит из заголовка/слогана, информационного блока и справочной информации.

Часто в объявлениях используется заголовок, который уточняет вид услуги (*Мебель на заказ, Двери межкомнатные и филенчатые*) или название фирмы (*Ударник, Ваши окна*). Заголовок может также содержать информацию об уникальности предлагаемого товара или услуги, но часто такие утверждения слишком неопределенны.

Достаточно распространены в рекламных объявлениях так называемые «слепые заголовки»: *Новинка! Впервые в Бресте! Уникальное предложение!* С точки зрения технологии рекламы это неэффективный инструмент, однако именно такие заголовки обладают существенным суггестивным потенциалом. Такую же функциональность имеют заголовки, в которых используется обращение к потенциальным потребителям (*Вниманию садоводов!*).

Иногда заголовок – это простое предложение, приглашающее к участию (*«Брестстройтрест» приглашает принять участие в долевом строительстве*). Реже используется метафорический заголовок, а суть предложения раскрывается в информационном блоке (*Мелодия комфорта* – реклама мебели).

В некоторых модулях встречаются слоганы и девизы, которые используют выразительные средства языка. Например, синонимы (*Мудрое решение. Умный подход!*), антонимы (*Откройте старую ДВЕРЬ по-*

новому!), метафора (*Остров спокойствия в океане финансов* или *Наслаждайся собственным небом*). Эти приемы делают слоганы запоминающимися, привлекательными, активизируют эмоционально-образное восприятие аудитории.

В рекламных модулях часто используют для этой цели игру слов: *Окна на VEKA*; *Окна VEKA – выбор разумного человека!*; *Купи матрас прямо сейчас*; *Сносит крышу? Крой ее*.

Более активно используются изобразительно-выразительные возможности синтаксиса: назывные предложения (*Баварские окна. Тепло и уют Вашего дома*) создают концентрированную и лаконичную форму; восклицательные предложения (*Летние скидки!!! Качественное обучение за короткий срок и по минимальной цене!*), в том числе содержащие призыв (*Успей сэкономить!*), подчеркивают важность предложения и вызывают эмоциональную реакцию; бессоюзные предложения (*В «Светофоре» покупай – жди богатый урожай!*) придают динамику и усиливают сообщение; обращение и риторический вопрос (*Хозяюшка! А не пора ли менять окна?*) создают условия для индивидуального контакта с потенциальным клиентом; вопросно-ответные конструкции (*Не печатает принтер? Починим принтер. Заправим картридж*) формируют интерактивный формат.

В информационном блоке рекламы, как правило, подчеркиваются ключевые преимущества товара или услуги, чтобы заинтересовать потенциального клиента. Может быть указана бесплатная доставка, удобная рассрочка платежа, широкий выбор моделей и цветов или другие привлекательные условия, например: *Выезд дизайнера на дом, сборка и доставка. БЕСПЛАТНО. РАССРОЧКА, Широкий модельный ряд, разнообразная цветовая гамма*.

Информация о цене часто показана не в виде конкретного числа, а в форме специальных предложений: сезонные скидки, цены прошлого года, рассрочка без процентов (*Скидки до 55 %, По ценам 2021 года, Рассрочка до 6 мес. 0 %*). Чтобы привлечь еще больше внимания, иногда предлагаются бонусы или подарки за оформление заказа (*Акция! При заказе потолка светильники в подарок*).

Реже предприниматели сообщают о гарантиях (*Все для ПК. Гарантия надежности и качества*).

Рекламные объявления используют различные шрифты, стили надписей и расположение текста, чтобы выделить информацию и привлечь внимание читателя. Интересные и креативные решения встречаются нечасто, чаще всего используются стандартные форматы. Выбор цветов для рекламы ограничен возможностями печати газеты. Текстовую часть рекламы могут дополнять иллюстрации, привлекающие внимание читателя.

Иногда иллюстрации имеют ассоциативную связь с рекламируемым товаром или услугой (например, улыбающийся ребенок в рекламе натяжных потолков). Однако в целом для газетной рекламы характерен шаблонный подход: реклама пластиковых окон обычно содержит изображение окна, реклама транспортных услуг – изображение машины и так далее [2].

Таким образом, ресурсы суггестии в печатных рекламных текстах являются важным инструментом воздействия на потребителей. Они включают как вербальные, так и невербальные средства, направленные на привлечение внимания и побуждение к действию.

Список использованной литературы

1. Андерсон, О. В. Лингвокультурологические и национально-ментальные особенности языка рекламы [Электронный ресурс] / О. В. Андерсон. – Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/lingvokulturologicheskie-i-natsionalno-mentalnye-osobennosti-yazyka-reklamy. – Дата доступа: 23.06.2024.

2. Водопьянова, А. В. Реклама как инструмент манипуляции сознанием [Электронный ресурс] / А. В. Водопьянова. – Режим доступа: https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=11745. – Дата доступа: 06.03.2024.

3. Грищева, Е. В. Лингвистическая интерпретация рекламы: основные направления исследования [Электронный ресурс] / Е. В. Грищева. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-interpretatsiya-reklamy-osnovnye napravleniya-issledovaniya. – Дата доступа: 23.06.2024.

4. Строкова, В. И. Суггестивность рекламного текста как его ключевое свойство [Электронный ресурс] / В. И. Строкова, Л. Ю. Буянова. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/suggestivnost-reklamnogo-teksta-kak-ego-klyuchevoe-svoystvo. – Дата доступа: 06.03.2024.

К содержанию

А. В. НОВАК
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. Б. Переход, канд. филол. наук, доцент

АДЪЕКТИВЫ В ПОЭЗИИ ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО (ПО ДАННЫМ ПОЭТИЧЕСКОГО ПОДКОРПУСА НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

В кругу адъективной лексики ведущие позиции занимает имя прилагательное, которое не только обладает словоизменительными категориями, такими как род, число и падеж, но и способно выражать интенсивность проявления признака, что способствует усилению точности и выразительности речи. К адъективам в научной литературе относят также местоимения-прилагательные, адъективированные причастия и порядковые

числительные, которые в грамматическом плане аналогичны именам прилагательным.

Для анализа количественных данных использования адъективной лексики в стихах Евгения Евтушенко мы обратились к поэтическому подкорпусу национального корпуса русского языка (НКРЯ). Поэтический подкорпус НКРЯ включает 78 868 поэтических текстов 872 авторов, 11 млн словоформ и охватывает период с 1705 по 2015 г. [1].

Адъективная лексика – значимая составляющая, наряду с именами существительными, глаголами, наречиями, поэтических текстов автора, что подтверждается данными поэтического подкорпуса НКРЯ: 10 701 случай употребления адъективов в 853 поэтических текстах Евгения Евтушенко [2].

Для анализа адъективов в поэзии Евгения Евтушенко мы использовали грамматическую разметку, совпадающую с разметкой в основном корпусе НКРЯ.

По данным поэтического подкорпуса, автор использует в своих текстах 6 486 имен прилагательных (33,18 % от всех текстов поэта, зафиксированных НКРЯ). Среди них отмечены имена прилагательные с положительной и отрицательной оценкой, обозначающие качества человека, например: *Будет тридцать семь тебе, / мой наследник Петр, / ну, а батька в седине / все же будет* ***бодр*** (Жизнь, ты бьешь меня под вздох...); *Тот мещанин* ***убогий****, кто мещанством счел семью, / Кто ставший мужем и отцом не муж и не отец* («Семья»). В своих текстах поэт часто использует имена прилагательные в краткой форме – 1 622 (8,3 %): *Мысль о несчастности* ***страшна.*** // ***Приятна*** *между тем / Подлинка сладенькая – так оправдывать вину …* («Семья»); *…а покаяние – уют, где справочку дают, / что ты покаялся, ты* ***чист*** *и можешь снова в грязь* («Семья»).

Наиболее часто местоименные прилагательные выполняют анафорическую функцию, а также указывают на предмет с точки зрения говорящего. По данным НКРЯ, в текстах Е. Евтушенко встречается 3050 примеров местоименных прилагательных в 281 тексте (32,94 %): «*Кто принял историю мира / в* ***свою*** *негигантскую грудь, / навсегда распрямило, / никому не согнуть*; *А может быть, и мушкетеры, / и даже булгаковский кот, / и* ***тот*** *незабвенный,* ***который*** */ со* ***всеми*** *идет, кто идет»* («Горная дорога»). Местоимения-прилагательные противостоят всем прочим номинативным частям речи, указывая на признаки предметов (лиц), они не называют их и не определяют их содержания: «*Когда мужчине сорок лет, / ему пора держать ответ: / душа не одряхлела? – / перед* ***своими*** *сорока, / и* ***каждой*** *каплей молока, / и* ***каждой*** *крошкой хлеба; Тебя напрасно мучает, поэт, / небеспредельность сил* ***твоих*** *и лет: / поверь, в ней* ***никакого*** *нет позора* («Предел»). Определительное местоимение ***каждой*** выполняет усилительно-выделительную функцию,

подчеркивая значимость определяемых существительных; притяжательные местоимения ***своими*** и ***твоих*** актуализируют индивидуальность восприятия времени лирическим героем; отрицательный адъектив ***никакого*** служит для усиления отрицания, заключенного в безлично-предикативном сочетании ***нет позора***.

В поэтическом подкорпусе обнаружено 250 текстов поэта, в которых 1109 раз встречаются причастия (29,31 %). Причастия делают речь выразительной, текст более ярким, образным, красочным. Они передают динамику изменений, которые происходят с предметом или явлением. Конкретизация описания – один самых распространенных компонентов стилистических функций адъективированных причастий. В логическом плане описать явление – значит перечислить его признаки: *Идем по* ***пронесшимся*** *бурям, / по грудам* ***литых*** *желудей, / как будто по* ***замерзшим*** *пулям, / когда-то летевшим в людей* («Горная дорога»); *Там прошлое целуется, смеется, / и, сочиняя полунаугад, / в трактире пьет* ***заслушавшийся*** *Моцарт / убийственный лишь для убийцы яд* («Вторая жизнь»); *Другую бы нашел – и все дела / В* ***затравленных*** *глазах его жены / забито проглянуло что-то вдовье / Из мужа перло – аж трещали швы!* («Неразделенная любовь»).

Самая немногочисленная группа адъективов – это адъективы-числительные, или порядковые числительные. В текстах Евгения Евтушенко, согласно данным поэтического корпуса НКРЯ, встречается 56 примеров порядковых числительных в 39 текстах (6,57 %). Несмотря на то что адъективов-числительных в текстах употреблено значительно меньше, нежели прилагательных или причастий, их роль очень велика. Числительные не только придают тексту достоверность, но могут выполнять и экспрессивную функцию: *В небесах не ожидая рая, / землю ты попреком не обидь, / ибо не наступит жизнь* ***вторая****, / а могла и* ***первая*** *не быть* («Спасибо»); *Я не верю в пророков наитья, / во* ***второй*** *или в* ***тысячный*** *Рим, / верю в тихое: «Что вы творите?»* («Муки совести»); «*Ток-ток!» – и* ***первый*** *шаг, такой же робкий* (Глухариный ток); *Как, раскрыв свою сумку, / после* ***сотой*** *версты / самородком он стукнул / в кабаке о весы* («Я у рудничной чайной»). В стихотворении «Людей неинтересных в мире нет» есть строфа, в которой особую стилистическую нагрузку выполняет адъектив ***первый***, подчеркивающий неповторимость и уникальность жизни каждого человека: *И если умирает человек, / с ним умирает* ***первый*** *его снег, / и* ***первый*** *поцелуй, и* ***первый*** *бой… // Все это забирает он с собой.*

Количественные данные употребления адъективной лексики в поэзии Евгения Евтушенко по материалам поэтического подкорпуса НКРЯ позволяют сделать вывод о функционально-стилистической значимости

адъективной лексики, которая актуализирует идейно-художественные особенности поэтических произведений, способствует конкретизации образов, выступает оценочным квалификатором, повышает эмоциональность и выразительность поэтической речи.

Список использованной литературы

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruscorpora.ru/. – Дата доступа: 13.07.2024.

2. Поэтический корпус Национального корпуса русского языка как инструмент литературоведа и лингвиста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://slovesnik.org/images/docs/svobodvstrech/26aug2017/a-ch-piperski-poehticheskij-korpus-nkrya-kak-instrument-literaturoveda-i-lingvista-prezentaciya.pdf. – Дата доступа: 13.07.2024.

К содержанию

А. В. НОВИЦКИЙ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – В. Н. Смаль, канд. филол. наук, доцент

МЕТОДЫ ЭФФЕКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ТЕЛЕВЕДУЩЕГО НА АУДИТОРИЮ (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ АНДРЕЯ МАЛАХОВА)

Современный медиарынок перенасыщен развлекательным контентом, поэтому популярность телепередачи во многом зависит от личности ведущего и выбора им эффективных методов воздействия на аудиторию. Особенно важны личностные характеристики для ведущего ток-шоу.

Ведущий должен прекрасно ориентироваться в обстановке, в том числе и на месте, чтобы вовремя среагировать на то, что может произойти в студии. Он должен уметь грамотно вести диалог с гостями и зрителями в студии: важно умение выслушать все аргументы всех сторон, а также анализировать эти аргументы. Стоит отметить, что ведущий должен грамотно работать не только в записи, но и в прямом эфире. В арсенале телеведущего должны быть вербальные и невербальные методы воздействия на аудиторию. Рассмотрим некоторые вербальные приемы на примере популярного российского телеведущего Андрея Малахова.

Довольно важную роль среди вербальных методов играет интонация, которая служит способом отражения чувств, отношения к конкретной проблеме или теме ведущего, гостей или зрителей в студии. Интонация придает «жизнь» телепередаче, показывает зрителю, что все участники – обычные люди, способные выражать эмоции, выделять важное в своей

речи. Зачастую интонация позволяет в предложении выделить что- то важное. Например, в передаче «Пусть говорят» могут встречаться следующие варианты интонационных выделений: *«**Берегите** себя и своих близких»* (Ударение на первое слово. В устной речи сильной позицией является начало предложения, а ударение на первом слове усиливает позицию начала).

Немаловажное значение имеет громкость голоса, паузы. Так же это могут быть различные голосовые эффекты – повышенный или пониженный на определенной фразе или целом предложении тон. Стоит отметить и паузу, которая дает больше времени подумать над корректной постановкой вопроса ведущим, а также позволяет опрашиваемому подготовиться к более грамотному ответу. Ведущий может выделить тоном определенные важные фрагменты. Например, в ток-шоу «Пусть говорят» Андрей Малахов постоянно пользуется тоном. Он так же может поднимать или опускать звучание голоса, даже в одной фразе: «*Добрый вечер* (ровный тон голоса). *Ну расскажите мне* (подъем тона, повышение громкости) ... (пауза) *...сколько у вас детей* (понижение тона и громкости голоса, особенно на слове «детей»). Андрей Малахов также часто делает *длинные* паузы, которые также помогают выделить некоторые важные моменты: *«Хорошо* (подъем тона и повышение громкости, затем – пауза). *Вы узнаете* (подъем тона иповышение громкости голоса) ... (пауза) *... вы как мама* (опять подъем тона, особенное акцентирование внимания на слове «мама») ... (пауза) *..., что вы можете* (повышение тона на слове «можете») *сделать* (короткая пауза) *иделаете* (понижение тона и снижение громкости под конец предложения)*?»*.

Еще телеведущий любит комбинировать паузы и голосовые эффекты, прибавляя к этому еще и тянущиеся гласные. Вместе эти три фактора помогают лучше выделить самое интересное в предложении, а также акцентировать внимание зрителей и гостей телепередачи на факты в предложении. Также это позволяет выделить ключевые слова, чтобы становилось гораздо легче понимать. Например, вступительное предложение Андрея Малахова в телевизионном ток-шоу «Привет, Андрей!» получилось довольно богатым на звуковые средства экспрессии: «*Замеч**а-а-**тельные хиты дискотек* (поднятие тона, усиление голоса, особенно на слове «дискотек») ... (пауза) ... *будут звучать сегодня* (подъем тона на слове «звучать» и снижение тона и громкости голоса на слове «сегодня») *в нашей программе* ... (пауза). *И открыва**е-е-**т* (подъем тона, повышение громкости) *наш веч**е-е-е**р* (подъем тона и повышение громкости голоса на слове «вечер») *гости* (небольшое снижение тона, подготовка к тому, что произойдет дальше) *из Ряз**а-а-**нской области* (очень сильный и довольно неожиданный подъем голоса и увеличение громкости на слове «Рязанской»)». Представленные выше средства используются веду-

щим для достижения самых разных целей. К примеру, повышение тона в начале усиливает позицию слова *дискотек*, показывая зрителю, что тематика выпуска сильно затронет мероприятия такого плана. Усиление тона на словах *«звучать сегодня»* указывает на то, что в студии действительно будут звучать песни с дискотек, а слово *сегодня* еще и указывает на время, на то, что это абсолютно точно будет именно в этом выпуске программы. Дальше усиление тона наблюдается на словах *«И открывает наш вечер…»*. На данном моменте ведущий со вступления переходит к знакомству с гостями, приглашенными в студию. Дальше ведущий понижает тон и уменьшает громкость своего голоса, чтобы подготовиться к очень сильной позиции, где упоминается область, откуда в студию приехали гости. Ведущий акцентирует внимание именно на этих словах, тянет гласные, чтобы показать уникальность этой области в сегодняшней теме телепередачи.

Чтобы понять, как применяются все эти средства, можно рассмотреть следующий пример: ведущий задает гостю программы вопрос о его сложной жизненной ситуации. Он использует повышенный тон голоса и эмоциональные слова, чтобы выразить свое сочувствие и показать, что он заинтересован в истории гостя. Он также использует жесты рук и мимические выражения лица, чтобы показать свое участие и понимание. Риторический прием может быть использован для подчеркивания важности проблемы, например, вопрос *«Как такое может быть?»*. Могут также быть вопросы по типу *«Да что вы говорите?»* (в негативном смысле) или *«Ого … Расскажите поподробнее»* (в положительном смысле). Все эти средства экспрессивности помогают создать эмоциональную и драматичную атмосферу в программе. Также это иногда помогает зрителю по ту сторону экрана ощутить ту атмосферу, которая царит в студии. Камера не всегда может быть направленна в нужный момент на нужного участника шоу, поэтому иногда зрители могут не улавливать причину, по которой все в студии начинают сопереживать участнику или наоборот, недолюбливать его. И как раз тут сильно помогает интонация, с которой было сказано то или иное предложение, громкость голоса ведущего, тон, его мимика (выражение лица, непроизвольные движения, положение в студии, походка и тому подобное).

В целом, успешный ведущий ток-шоу Андрей Малахов умело комбинирует все эти методы и техники воздействия на аудиторию, чтобы создать увлекательное и запоминающееся шоу, способное привлечь и удержать внимание широкой аудитории.

К содержанию

У. О. ОСАДЧАЯ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Л. В. Скибицкая, канд. филол. наук, доцент

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ

Под социальной рекламой, как отмечает Н. В. Мещерякова, «понимают рекламу, призванную передать обществу социально значимую информацию, направленную на формирование и изменение в положительную сторону общественного мнения, социальных норм, моделей поведения» [3]. Успешной реализации этих задач способствует использование адекватных языковых средств.

Социальная наружная реклама представляет собой креолизованный текст, вербальная часть которого характеризуется краткостью, простой синтаксической организацией, смысловой насыщенностью. Поскольку социальная реклама обращена к массовой аудитории и отражает коллективные ценностные установки, то выразительная окказиональная образность для нее в целом не характерна. «Оживление социальных образных штампов происходит за счет соотнесения вербальной части рекламного текста с невербальным визуальным компонентом» [3], – пишет Н. В. Мещерякова.

Как отмечают О. В. Ворон и Л. С. Бочкова, «язык современной рекламы многообразен по своим функциям и средствам, а рекламное сообщение комплексно по своей природе. В этой связи к изучению языка рекламы можно подходить с различных аспектов» [1].

Поскольку основная цель социальной рекламы – впечатлить реципиента, образность и экспрессивность языка являются способом создания необходимых параметров. Реакция на образ рекламы остается в сознании человека на эмоциональном и информационном уровнях, и именно по этой причине создатели рекламных текстов часто прибегают к использованию идиом, фразеологических оборотов, метафорики, олицетворений, лексики, отличающейся стилистической окрашенностью.

В социальной наружной рекламе очевиден широкий тематический диапазон: защита семьи и детства, проблема сиротства, материнство, правила дорожного движения, борьба с курением, алкоголем, наркозависимостью, алкогольной зависимостью, опасными заболеваниями и др. Той или иной тематической направленностью обусловлены используемые в рекламе лексические средства.

В языке социальной рекламы особенно частотны метафоры. Лингвисты отмечают, что «абсолютное большинство рекламных текстов

представляют собой метафоры» [2]. Так, метафора используется в рекламе «АНТИСПИД»: *Мой дом – моя крепость*. В визуальной части представлено средство защиты (контрацептив), к которому пририсована крыша дома – так подчеркивается значимость данного средства.

Экспрессивность текстам придают также прилагательные: *Детдомовский ребенок – проблема общества?! Он не проблема, он просто ребенок. Ему нужна семья!*

Социальная реклама способна создавать несовместимые иллюстративные образы: *Красота – хрупкая сила*; *Ты тоже на пивной игле?* Так, на плакате социальной рекламы изображена пивная бутылка, в горлышко которой вставлена игла. Автор образно иллюстрирует опасность алкоголизма, который так же, как и наркомания, вызывает зависимость. Подобная функциональность отражена в рекламе, которая привлекает внимание аудитории к соблюдению правил дорожного движения: *Скорость убивает*. Прием олицетворения повышает общую экспрессию текста.

Другие социальные проблемы также приобретают «человеческие» свойства: *Экологично? А если природа ответит вам тем же?*; *Не будь игрушкой в руках наркотиков!* Иллюстративная часть плаката подкрепляет информацию, изображая, как шприц в виде человеческого существа управляет человеком как кукольной игрушкой. Используя олицетворение с целью придания тексту выразительности, автор создает возможность для адресата углубиться в содержащуюся информацию.

В настоящее время большое внимание уделяется детям-сиротам. В социальной рекламе, посвященной данной проблеме, также применяется олицетворение для создания образа этого явления: *Маленькая коляска ищет своего маленького хозяина. И вы можете стать его родителями*.

Эпитеты в текстах социальной рекламы достаточно популярны, причем это средство образности тяготеет к контекстовым «приращениям»: *Их укус неприятен, его укус смертелен.*

Скрытое сравнение использовано в плакате «Не слабое звено». Невербальная часть социальной рекламы иллюстрирует, что сила контрацептива настолько мощная, что способна быть связующим звеном. Переносное значение усиливает образ: *Проверь резину и будь уверен*. Текст подкреплен иллюстрацией, усиливающей смысловую часть текста. Изображение шины колес сравнивается со средством безопасности во время случайных связей партнеров.

Для социальной рекламы характерная черта – наличие обращений к реципиенту (*Найди меня, мама!*), побудительные конструкции (*Быть рядом просто!* или *Сделайте первый шаг!*, *Понимайте друг друга!*), обширный перечень однородных членов. Характерно также употребление вопросительных и восклицательных предложений.

Разговорный синтаксис придает рекламным текстам диалогичность, создает непринужденность изложению, способствует интимизации дискурса.

Частотными синтаксическими средствами в социальной наружной рекламе являются императивные обороты и различные утвердительные конструкции, в которых приказ замаскирован под реплику. Приведем примеры из рекламы, направленной на защиту животных: *Не участвуй в убийстве, не покупай шубу*; *Посмотри в глаза своей будущей шубе*; *Опомнитесь, звери – вы же люди!*; *Носи шубу мясом наружу!*; *Этичная одежда – выбор современных людей!*

Для социальной наружной рекламы характерно обыгрывание афоризмов. Часто в такой рекламе делается акцент на проблеме выбора. Так, на одном из баннеров между инвалидной коляской и детским автокреслом помещена фраза *«Выбирай, куда посадить ребенка»*, а ниже фраза вопросительно-восклицательного характера: *«Все равно?!»*

Таким образом, семантико-стилистический план социальной наружной рекламы формируется структурно-семантическими приемами, которые ориентированы на реализацию в тексте конкретных коммуникативных задач.

Список использованной литературы

1. Ворон, О. В. Страноведческие и языковые аспекты социальной рекламы (на материале наружной рекламы австралийских железных дорог и парижского метро) [Электронный ресурс] / О. В. Ворон, Л. С. Бочкова. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/stranovedcheskie-i-yazykovye-aspekty-sotsialnoy-reklamy- na-materiale-naruzhnoy-reklamy-avstraliyskih-zheleznyh-dorog-i-parizhskogo. – Дата доступа: 23.06.2024.

2. Литвинова, А. П. Лингвистические особенности рекламных текстов: перевод и сохранение прагматического компонента [Электронный ресурс] / А. П. Литвинова. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-osobennosti-reklamnyh-tekstov-perevod-i-sohranenie-pragmaticheskogo-komponenta. – Дата доступа: 23.06.2024.

3. Мещерякова, Н. В. Стилистические и прагмалингвистические особенности рекламных текстов социальной направленности: на материале текстов социальной рекламы на русском и немецком языках [Электронный ресурс] / Н. В. Мещерякова. – Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/stilisticheskie-i-pragmalingvisticheskie-osobennosti-reklamnykh-tekstov-sotsialnoi-napravlen. – Дата доступа: 23.06.2024.

К содержанию

Д. С. ПАРАСЕВИЧ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. С. Клундук, канд. филол. наук, доцент

ТЕХНОЛОГИИ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ СОВРЕМЕННЫХ PR-КОММУНИКАЦИЙ

PR-технологии – это совокупность методов и инструментов, которые используют для того, чтобы повлиять на мнение или установки целевой аудитории. В теории и практике нет единого подхода к классификации технологий в сфере PR-коммуникаций, поэтому ученые выделяют разные виды методов и инструментов реализации PR-деятельности компаний. В данном исследовании мы будем придерживаться дифференциации технологий, предложенной и описанной А. М. Чернышевой с учетом трендов развития PR-коммуникаций [1]. В связи с этим нами выделены три основных вида PR и соответствующих им технологий (повседневный, событийный, антикризисный), для реализации которых используется комплекс разных методов и инструментов. Эмпирическим материалом работы послужила имиджевая деятельность белорусских брендов «Брестгазоаппарат» (торговая марка «Gefest»), «Bremor», «Савушкин продукт», «Евроопт» и др. Рассмотрим основные технологии PR-коммуникаций данных компаний.

Повседневный PR – это технология, направленная на поддержание существующего уровня доверия общественности. Одним из ключевых инструментов в PR-коммуникации является *медиарилейшнз*, представляющий собой форму отношений государственных и коммерческих структур со СМИ, целью которой является поддержание имиджа организации или персоны. На сайтах СМИ можно найти материалы о победителях важных конкурсов, например, ежегодной премии потребительского признания «Народная марка Беларуси», которая определяет лидирующие бренды товаров и услуг путем массового открытого голосования населения в СМИ. Анкеты для голосования публикуются на ведущих интернет-ресурсах Беларуси, на сайте премии, а также в центральной и региональной прессе. Подобные новости повышают доверие новых покупателей к бренду, т. к. данная премия присуждается по итогам масштабного опроса потребителей.

Технология повседневного пиара включает *метод экспертного мнения,* который может применяться во всех PR-технологиях, в том числе и событийном PR. Его активно использует «Савушкин продукт». На платформе YouTube, в социальных сетях и электронных версиях печатных изданий публикуются обзоры экспертов, рассказывающих о молочной

продукции. Компания распространяет информацию о том, что ее продукция соответствует всем стандартам качества, а это повышает доверие покупателя. В 2019 г. компания проводила социальный проект «Клуб экспертов молока», нацеленный на привлечение внимания белорусов к проблемам ЗОЖ и правильного питания.

Инструментами в технологии повседневного пиара, как и в других PR-технологиях, являются *спонсорство* и *благотворительность*. Основные направления спонсорства и благотворительности – это медицина, спорт, образование, окружающая среда. Так, например, СП ОАО «Брестгазоаппарат» (торговая марка «Gefest»), «Bremor», компания ОАО «Савушкин продукт» являются спонсорами гандбольного клуба «Мешков Брест», что дает им больше возможностей появления в информационном поле во время мероприятий, связанных с клубом.

Специалисты в сфере PR выделяют такое направление (инструмент) в PR-технологиях, в том числе в технологии повседневного пиара, как *корпоративная идентичность* (ментальные и визуальные составляющие). В качестве элементов данного инструмента мы рассматриваем корпоративное издание и сайт. Интернет-ресурсы позволяют поддерживать круглосуточную связь с потребителями. При контент-анализе сайтов компаний мы отметили, что наиболее посещаемыми были следующие разделы: «История организации», «Профиль деятельности, услуги и продукция организации», «Анонсы проводимых организацией мероприятий», «Обратная связь». Нередко интернет-ресурсы компаний, например, «Савушкин продукт», «Bremor» выполняют и рекреативную функцию, на что указывает раздел с рецептами приготовления различных блюд.

Корпоративное издание – внутренний канал коммуникаций между руководством и персоналом всех уровней. Примерами белорусских корпоративных изданий являются газеты «Еврооптnews» ООО «Евроторг», «Універсітэт» (БГУ), «Берасцейскі ўніверсітэт», «Новости БелАЗа», «Трактор.бел» Минского тракторного завода, «Вестник Нафтана» (ОАО «Нафтан») и др. Основные функции корпоративного издания – информирование персонала о работе предприятия и о дальнейших планах, об изменениях, инновациях, кризисе; укрепление мотивации к труду (формирование корпоративного единства); трансляция передового опыта.

Событийный PR – это технология, помогающая привлечь внимание к деятельности компании с целью удержания интереса общественности к ее брендам и способствующая продвижению компании с помощью какого-либо значимого мероприятия. Инструментом событийного пиара являются специальные мероприятия. Они готовятся и проводятся для поддержания постоянства потока позитивной информации о деятельности компании и реализуемой ею продукции [1]. Примером такой технологии является

семейный фестиваль «Облака молока» от компании «Савушкин продукт» (проходил ежегодно с 2016 по 2019 гг.). В 2019 г. он был приурочен к тысячелетию г. Бреста. На фестивале было представлено сразу несколько брендов («Савушкин», «Юкки», «СуперКид», «Teos», «Брест-Литовск»). Гости любого возраста могли не только развлечься на многочисленных тематических площадках, но и узнать много нового и полезного о молоке и молочных продуктах. Весь комплекс мероприятий благоприятно повлиял на имидж компании, т. к. у горожан сложилось впечатление о «Савушкине продукте» не только как о крупной надежной организации, которая заботится о своих покупателях и имеет высокие показатели качества продукции, но и как о компании, которая принимает активное участие в жизни города.

В 2020 г. «Савушкин продукт» провел бесплатный онлайн-марафон «#мотивацияTEOS», в котором четыре эксперта делились практическими советами о правильном питании, о том, как с пользой проводить время в условиях самоизоляции. В течение месяца публикации экспертов и присоединившихся к проекту участников просмотрели более 7 млн человек. Основной площадкой для проведения онлайн-марафона стал Instagram. В данном случае компания использовала не только специальное событие, но и метод экспертного мнения в сочетании с работой в социальных сетях, что эффективно реализовывалось в условиях пандемии.

С целью освещения события нередко используется ранее упомянутый инструмент – *медиарилейшнз*. Для написания материалов о брендах журналистам нужны источники, т. е. первичные PR-тексты. Пресс-релиз – является самым распространенным способом передачи информации в СМИ. В качестве примеров можно привести пресс-релизы «Bremor» – одного из крупнейших производителей продуктов питания в Европе. Архив пресс-релизов ведется на сайте компании с января 2018 г. Последними информационными поводами для написания PR-текстов послужили такие события, как запуск самого крупного в стране холодильного экокомплекса в Бресте, открытие компанией логистического ecofriendly-комплекса (предпринятые меры по охране окружающей среды делают производство более безопасным в глазах общественности), открытие компанией игровой комнаты в детской боль- нице Бреста (благотворительность является способом придать социальную значимость деятельности организации).

Социальные сети – популярный инструмент продвижения бренда на современном этапе. Они обладают обширным спектром возможностей для налаживания отношений с аудиторией, помогают организации распространять информацию, которая может размещаться на корпоративном сайте. Белорусские компании активно используют такой способ работы с аудиторией и разрабатывают свои подходы для ее привлечения и удержания. В 2020 г. компания «Санта Бремор» пригласила предста-

вителей белорусской блогосферы, чтобы показать производство сельди «Матиас». Программа блог-тура состояла из трех частей: презентации «То, чего вы не знали о сельди», экскурсии на производство и кулинарного мастер-класса. Это было сделано с целью повышения интереса аудитории к рыбной продукции и кулинарным изделиям на ее основе и для укрепления доверия к производству, что в конечном счете привело к популяризации бренда «Bremor» в социальных сетях.

Метод «*пробуждения интереса*» основан на предоставлении интересных фактов в отношении определенных событий, персон, организаций. Например, к тысячелетию г. Бреста в 2019 г. редакция газеты «Вечерний Брест» выпустила книгу «Брест. Мгновения спрессованы в столетия». Данную информацию можно найти на официальном сайте «Bremor» в разделе «СМИ о нас». В книге, состоящей из десяти разделов, собраны факты о городе, его жителях и ведущих предприятиях. Один из разделов посвящен достижениям компании «Санта Бремор».

Игра с потребителем – это инструмент событийного пиара, позволяющий привлечь внимание к бренду путем раздачи бонусов, подарков, программ лояльности. Акция «Удача в придачу» от бренда «Евроопт» торговой сети ООО «Евроторг» на протяжении восьми лет осуществляет розыгрыш призов среди покупателей. Благодаря этой акции бренд известен даже той аудитории, которая не заинтересована в нем.

Антикризисный PR – это технология, направленная на прогнозирование, недопущение, а также регулирование последствий кризиса. Данная технология включает в себя все вышеназванные PR-инструменты, однако самым главным является *медиарилейшнз*. Через СМИ компания может выразить свою точку зрения на актуальную проблему. Так, в 2021 г. в журнале «Знак качества» было размещено два интервью (заместителя директора по качеству и главного санитарного врача компании «Санта Бремор») о работе на производстве в пандемию, что способствовало предотвращению беспокойства потребителей по поводу санитарных условий, в которых изготавливается продукция, и распространению информации о том, что компания заботится о своих сотрудниках, создавая благоприятные условия для работы.

Таким образом, выделенные нами современные PR-технологии и их инструменты активно используются белорусскими брендами. Приоритетность применения инструментов зависит от миссии, цели, задач и условий развития компаний.

Список использованной литературы

1. Чернышева, А. М. Брендинг : учеб. для бакалавров для вузов / А. М. Чернышева, Т. Н. Якубова. – М. : Юрайт, 2023. – 504 с.

К содержанию

А. С. ПАШКЕВІЧ
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – В. М. Касцючык, канд. філал. навук, дацэнт

НАЗВЫ РАСЛІН У ДЫЯЛЕКТНЫМ МАЎЛЕННІ (СТРУКТУРНА-СЕМАНТЫЧНЫ І МАТЫВАЦЫЙНЫ АСПЕКТЫ)

Назвы раслін у маўленні аграгарадка Спорава Бярозаўскага раёна займаюць значнае месца, паколькі іх ужыванне сведчыць пра няспынны працэс жывога ўзаемадзеяння чалавека з прыродай, якая яго акаляе. Яны рэалізуюць ў дыялектным кантэксце розныя функцыі: найперш намінатыўную (назыўную), камунікатыўную (выступаюць сродкам камунікацыі, зносін), пазнавальную (кагнітыўную) (адлюстроўваюць працэс пазнання раслiннага свету праз назапашаны жыццёвы вопыт), лінгвакультуралагічную (многія назвы раслін выступаюць самабытнымі найменнямі, адрознымі ад беларускіх літаратурных адпаведнікаў), вобразную і экспрэсіўную. Апошнія з названых функцый выяўляюцца пры ўжыванні метафарычных назваў (*раковы шыйкы*, *ра́чкы* ‘драсён змяіны’), у якіх выяўляецца жывая сувязь са словаўтваральнай базай, зыходнай намінацыяй.

Назвы травяністых дзікарослых раслін утвараюць самастойнае семантычнае поле, у межах якога вылучаюцца асобныя групы намінацый па структурнай прыкмеце. Так, сярод назваў раслін найчасцей сустракаюцца аднаслоўныя ўтварэнні: *пліс́ня* ‘раска маленькая’, *чарот* ‘трыснёг звычайны, ці паўднёвы’, *сы́тнык* ‘чарот азёрны’, *чортополо́х* ‘бадзяк палявы’ і інш. Значна меншую групу ўтвараюць назвы раслін, складаныя паводле будовы: *жоўтэ молоко* ‘падтыннік вялікі’, *чортополо́х глаўный* ‘татарнік калючы’, *жа́бскэ молоко* ‘малачай кіпарысавы’, *боркў́н жоўтый* ‘баркун лекавы’, *конопэ́лька дыкая* ‘крынічнік даўгалісты’ і інш. Састаўная назва суадносіцца са словазлучэннем, у складзе якога назіраюцца два кампаненты: галоўным выступае назоўнік, а залежным – прыметнік. Прычым прыметнік размяшчаецца як у прэпазіцыі, так і ў постпазіцыі адносна сінтаксічна галоўнага назоўнікавага кампанента: *каштаро́ва трава* ‘брыца звычайная, ці курынае проса’, *нызабу́дочна трава* ‘незабудка балотная’, *шчавэ́й болутній* ‘шчаўе звычайнае, ці кіслае’, *гу́зікы жоўты* ‘піжма звычайная’. Адзінкавымі выступаюць намінацыі, ва ўтварэнні якіх удзельнічаюць два назоўнікі: *су́мочка пастуха* ‘стрэлкі звычайныя’.

Падставай для ўзнікнення састаўной назвы можа быць імкненне моўцы дыферэнцаваць, адрозніць праз прыметнікавы кампанент розныя расліны ці віды адной расліны: *плышня́к настояшчый* ‘аер звычайны’, *плышня́к нынастояшчый* ‘касач жоўты’; *лота́к болутній* ‘лотаць балотная’,

лота́к жоўтый ‘гарлачык жоўты’, *лота́к бі́лый* ‘гарлачык чыста-белы’; *чортополо́х глаўны́й* ‘татарнік калючы’, *чортополо́х* ‘бадзяк палявы’; *конюшына біла* ‘канюшына белая’, *конюшына* ‘канюшына лугавая’; *боркў́н жоўтый* ‘баркун лекавы’, *боркў́н бі́лый* ‘баркун белы’; *прокыва́ шырока* ‘крапіва двухдомная’, *прокыва́ друбнэнька* ‘крапіва жыгучка’, *прокыва́ собача* ‘яснотка белая, ці глухая крапіва’.

Прыметнікавы кампанент у прыведзеных назвах актуалізуе адметныя асаблівасці ў знешнім выглядзе расліны. Часцей звяртаецца ўвага на памеры лісця (*прокыва́ шырока* ‘крапіва двухдомная’, *прокыва́ друбнэнька* ‘крапіва жыгучка’) або колер кветак расліны (*лота́к жоўтый* ‘гарлачык жоўты’, *лота́к бі́лый* ‘гарлачык чыста-белы’). Адметная матывацыйная прыкмета састаўной назвы расліны ярка вылучаецца носьбітамі дыялектнай мовы ў наступных кантэкстах: *Казалы* ***болутні́й шчавэ́й****, бо рус на грудках по болоты. Зовэмо йёго* ***шчавэ́й кунскый****, бо вун ростэ вэлыкый, бы кунь.* ***Орабушчый шчавэ́й*** *– за маленькі рост і таму што лісцем і насеннем расліны сілкаваліся вераб’і* (*орабушкы*) [1, с. 152].

Яркімі прыкладамі састаўных назваў раслін выступаюць тыя, у складзе якіх мае месца кампанент *зозулі́н*: *зозуліны башмачкы́* ‘Венерын чаравічак сапраўдны’; *зозулі́нэ сі́мне* ‘дрыжнік сярэдні’, *зозуліны рушныкы́* ‘купена шматкветная’, *зозулі́н цвіт* ‘светлік зязюлін’, *зозуліны слёзы* ‘ландыш майскі’. Кожная з прыведзеных намінацый рэпрэзентуе асаблівае светаўспрыманне як раслін, так і зязюлі, якая падкідвае яйкі ў чужыя гнёзды і не гадуе сваіх дзяцей. Самі носьбіты дыялектнай мовы так тлумачаць утварэнне прыведзеных фітонімаў: *Зовэмо зозуліны башмачкы, бо раз зозуля свойго мі́сьця ны мае і дітэй свойі́х сама ны годуе, то і башмачкы йюй годуют квіткы, а квіткы похожы на башмачкы* [1, с. 133]; *Сімнечко – бо квіточкы травы одразу похожы на сімне; зозулі́нэ сімне – бо цвіт квіточок бы цвіт пір’я ў зозулі* [1, с. 164]; *Зозуліны слёзы – бо плачэ зозулька, шчо ўсі птушкы свойі́х дітоk годуют, а вона самэнька* [1, с. 164].

Пераважная большасць назваў раслін з’яўляюцца нацыянальна адметнымі намінацыямі, якія адрозніваюцца ад літаратурных адпаведнікаў сваёй унутранай формай: *осот водяны́й – разак звычайны, пуха́ч – падвей многакаласковы, сы́тнык – чарот азёрны, молочэ́й – асот агародны, грыму́тнык – дуброўка серабрыстыя, вра́знык – дуброўка гусіная, дэрэўля́нка – дуброўка прамастаячая, ко́тыкы – канюшына раллявая, ба́бка – трыпутнік вялікі, сосо́нка – хвошч палявы, хвошчэ́йка – хвошч багнавы ці рачны, мыру́н – рамонак непахучы, матэры́нка – мацярдушка звычайная, коку́ль – смалянка белая, куку́льнык – смалёўка звычайная, ці ляскаўка; золоту́шнык – фіялка трохколерная, кача́нчыкы – чальчак вербалісты, драпча́тка – шабельнік балотны, в’я́знык – вятроўнік вязалісты, каштаро́ва – брыца звычайная, ці курынае проса; вы́рачкы –*

галінзога дробнакветкавая, дэндэ́ра – дурнап'ян звычайны, покотёлочкы – скочкі дахавыя, сіня́ўка – цыкорыя звычайная, ро́зочкы – мальва лясная, капалю́шыкы – мальва прыземістая, коўту́нняк – маруна балотная, ліпу́чка – маруна ўчэпістая, лядо́к – гарошак плотавы і інш.

У складзе батанічнай наменклатуры ў гаворцы аграгарадка Спорава Бярозаўскага раёна матываваныя лексемы ўтвараюць найбольш значную групу. На падставе семантычных прыкмет, пакладзеных у аснову назваў, вылучаюцца некалькі падгрупы.

1. Назвы раслін, у аснове якіх выяўляюцца найменні пэўнага колеру і яго адценняў, канкрэтнай афарбоўкі. У аснове большасці назваў дадзенай падгрупы ляжыць колер кветак расліны: *жа́бскэ молоко* 'малачай кіпарысавы' (*цвіт гэтого зілля похожый на зэлёну жабу*), *сіня́ўка* 'цыкорыя звычайная' (*квіточкы сынэнькы*).

2. Назвы раслін, якія паказваюць на іх прызначэнне, лекавыя або іншыя адметныя ўласцівасці. У аснове гэтых найменняў могуць быць: а) лекавыя ўласцівасці расліны (пры гэтым часта асновай намінацыі становіцца назва хваробы, ад якой лечаць той ці іншай раслінай): *вра́зныk* 'дуброўка гусіная' (*напар травы вразныка помагае од враза – апушчэння страўніка*), *золоту́шныk* 'фіялка трохколерная' (*у напары з травы купалы дітэй, як воны хворілы на золотуху*); б) своеасаблівыя знешнія характарыстыкі ці ўласцівасці расліны: *розыху́дныk* 'расходнік едкі' (*росходыцца по зымні сам*), *грыму́тныk* 'дуброўка серабрыстая' (*блысковыца ны б'е туды, дэ ростэ грымутныk*), *маты-і-мачуха* 'падбел звычайны' (*за ўласцівасць лісця: ніжняя паверхня мяккая, пяшчотная – гэта маці, а верхняя гладкая, халодная – мачаха*), *курына сліпота́* 'казялец едкі' (*з-за гэтэйі травы можна ослёпнуты*); в) карысныя ці небяспечныя якасці расліны, характар уздзеяння на чалавека: *дэрэўля́нка* 'дуброўка прамастаячая' (*як вып'еш настойку з гэтого корэня, то жывут становыцца бы дэрэўляный*), *мыру́н* 'рамонак непахучы' (*муцно вонючый*), *матэры́нка* 'мацярдушка звычайная' (*бы маты поможэ од усіх хвораб*), *драпча́тка* 'шабельнік балотны' (*расліна драпала касу пры кашэнні травы*); *мэдовы́к, мэдову́ха* 'вятроўнік вязалісты' (*квіточкы пахнять бы мэд*), *калюкы́* 'лапух вялікі' (*калючкі-насенне чапляюцца за вопратку*).

3. Назвы раслін, якія ўказваюць на будову ўсёй расліны, яе частак або спецыфічную прыкмету ў будове расліны. У аснове дадзеных найменняў могуць быць: а) форма ці памер лісця расліны: *в'я́зныk* 'вятроўнік вязалісты' (*лісце падобнае на лісце вяза*), *шчавэ́й кунскый* 'шчаўе конскае' (*росэ вэлыкый, бы кунь*); б) форма кветкі ці прыкмета ў будове насення: *пуха́ч* 'падвей многакаласковы' (*з-за падобных на пух суквецця́ў*), *дьму́хоўка* 'дзьмухавец лекавы' (ад дзьмуць), *збано́чкы* 'гарлачык жоўты' (*як квіткы отцвітуть, то пояўляюцца заместо йіх бы збаночкы зэлёнэнькы*); *ко́тыкы* 'канюшына раллявая' (суквецці расліны

нагадвалі жыхарам маленькіх пухнатых кацянят), *матэры́нка* ‘мацярдушка звычайная’ (*квітка похожа на матэра з дітьмы*), *кача́нчыкы* ‘чальчак вербалісты’ (*суквецці расліны нагадвалі рулончыкі, “качанчыкы”*); *вы́рачкы*, *жа́бскы вочы* ‘галінзога дробнакветкавая’ (*кветкі нагадваюць вылупленыя вочы*; *квіточкы гэтого зілля похожы на жабскы вочы*), *су́мочка пастуха* ‘стрэлкі звычайныя’ (*насінне похожэ на сумку пастуха*), *гу́зікі жоўты* ‘піжма звычайная’ (*кветкі падобны на жоўтыя гузікі*), *звоно́чкы* ‘званочак скучаны’ (*кветкі падобны на царкоўныя званы, на школьны званочак*); в) будова і колер сцябла расліны: *сы́тнык* ‘чарот азёрны’ (*як старэйе стэбэлле зрыжэш, то воно з дырочкамы – бы ў сыта*)’, *жа́бскэ молоко* ‘малачай кіпарысавы’ (*цвіт гэтого зілля похожый на зэлёну жабу, а як рвэш, то там, дэ стэбэлле поламанэ, то бы молоко тэчэ*).

4. Назвы раслін, суадносныя з назвамі жывёл, птушак: *петушкы́* ‘чальчак вербалісты’ (*суквецці расліны нагадвалі грабеньчыкі пеўнікаў*), *бу́слыкы* ‘бусельнік звычайны’ (*квіточкы, як пэрэцвітуть, похожы на голуўку з дзюбкою маленькых буснюў*), *буслы́ны лапкы* ‘рагулькі палявыя’ (*лісточкы похожы на лапкы бусня*).

5. Назвы раслін, якія матывуюцца назвамі месца, дзе расліна звычайна расце: *пусты́рнік* ‘сардэчнік пяцілопасцевы’ (*ростэ вун на пустошах*), *подору́жняк* ‘драсён птушыны’ (*часта сустракаецца пры дарогах*), *мокрэ́ц* ‘зоркаўка сярэдняя’ (расце на нізкіх месцах, у ёй шмат вады).

6. Назвы раслін, якія суадносяцца з назвамі іншых вядомых раслін: *бобу́ўняк* ‘бабок трохлісты’ (*йёго лысточкы похожы на лысточкы бобу ёдомого*), *моркуўняк* ‘маркоўнік лясны’ (*йёго лысточкы і квіткы похожы на лысточкы і квіткы морквы свуйскэйі*), *сосо́нка* ‘хвошч палявы’ (*нагадвала дрэва сасну*), *коку́льнык* ‘смалёўка звычайная, ці ляскаўка’ (*квіточкы похожы на квіточкы кокулю*).

Такім чынам, батанічная лексіка ў гаворцы аграгарадка Спорава Бярозаўскага раёна вылучаецца значнай колькасцю найменняў. Зафіксаваныя назвы раслін з’яўляюцца арыгінальнымі адзінкамі народнай словатворчасці, ілюструюць прыроджаную здольнасць чалавека параўноўваць з’явы рэчаіснасці паміж сабой у працэсе пазнання і падбіраць гаваркія найменні аб’ектам навакольнага свету.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Таямніцы спораўскіх выколіц. Вёска, балота, расліны і не толькі… / склад. В. М. Лютыч. – Мінск : Колорград, 2022. – 255 с.

К содержанию

А. С. ПОПЕКА
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

АНАЛИЗ ТЕКСТА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ (НА ПРИМЕРЕ ФРАГМЕНТА ПОВЕСТИ А. ГРИНА)

Перед современной наукой текст предстает как сложный, многоаспектный феномен; а его дефиниций, по подсчетам Ю. А. Сорокина, известно более 250. Интерес к тексту как «первичной данности, реальности» (М. М. Бахтин) проявляют представители разных наук, в том числе филологических. В последних востребованы такие виды анализа текста, как литературоведческий, филологический (комплексный), лингвостилистический, лингвокультурологический, лингвометодический, риторический и др. Со становлением лингвистики текста как самостоятельной научной дисциплины наполнился новым содержанием, расширил свои рамки **лингвистический анализ текста**. «Лингвистический анализ – в широком смысле это анализ языкового поля текста любого стиля и жанра, он предполагает комментирование языковых единиц разных уровней, образующих текст, и рассмотрение особенностей их функционирования с учетом их системных связей» [1, с. 8]. Основной целью данного вида анализа применительно к художественному тексту является детальное исследование его языка для достижения более глубокого понимания идейного содержания произведения.

В качестве материала для лингвистического анализа мы выбрали текст (его небольшой фрагмент, размещенный в учебнике по русскому языку для седьмого класса [2, с. 45]) А. С. Грина (Гриневского) – знаменитого русского писателя, представителя неоромантизма, автора около 400 поэтических и прозаических произведений. Его повесть-феерия «Алые паруса» написана в 1916–1922 гг. (на фоне трагических событий в жизни и самого автора, и страны) и рассказывает о непоколебимой и всепобеждающей вере, о возвышенной мечте; убеждает читателя, что каждый может сделать для близкого человека чудо.

Анализируемый текст небольшого объема и состоит всего из десяти предложений (они пронумерованы нами для удобства анализа).

1. *– Не знаю, сколько пройдет лет...* ***2***. *Ты вырастешь, Ассоль.* ***3***. *И однажды утром в морской дали под солнцем сверкнет алый парус.* ***4***. *Сияющая громада белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе.* ***5***. *Тихо будет плыть этот чудесный корабль, без криков и выстрелов.* ***6***. *На берегу много соберется народу, и ты будешь стоять там.* ***7***. *Корабль подойдет величественно к самому берегу под звуки прекрасной*

музыки. ***8****. Нарядная, в коврах, золоте и цветах, поплывет от него быстрая лодка.* ***9****. И ты увидишь храброго красивого принца.* ***10****. «Здравствуй, Ассоль! – скажет он. – Я приехал, чтобы увезти тебя навсегда в свое царство».*

У текста нет заглавия, но все предложения объединены общей темой – *мечтания о будущем*. Основная мысль текста такова: *нужно мечтать, следовать за своими мечтами, не отступать от них* – и даже иллюзорное ожидание станет реальностью. Тексту можно дать заголовок *«Алый парус»* / *«Алые паруса»*, который отражает тему и – метафорически – основную мысль текста (а также совпадает с названием повести).

Текст написан **в художественном стиле** речи. Автор ставит перед собой задачу погрузить нас в пленительный, завораживающий мир фантазий героини произведения, а также образно воздействовать на читателя и его воображение. Это проявляется: 1) через использование выражающей чувства и настроения лексики (*чудесный корабль* ***(5)***, *увидишь храброго красивого принца* ***(9)*** и др.); 2) через активное обращение к тропам: эпитетам (*сияющая громада* ***(4)***, *нарядная лодка* ***(8)*** и др.), метафорам (*двинется, рассекая волны* ***(4)*** и др.), олицетворениям (*корабль подойдет* ***(7)*** и др.); 3) через тщательное описание деталей (*сияющая громада белого корабля* ***(4)***, *тихо будет плыть…, без криков и выстрелов* ***(5)***, *много соберется народу* ***(6)***, *корабль подойдет величественно к самому берегу под звуки прекрасной музыки* ***(7)***, *нарядная, в коврах, золоте и цветах* ***(8)*** и др.); 4) через привлечение средств разных стилей: так, в речи Эгля употреблена вариативная форма родительного падежа единственного числа существительного мужского рода (много *народу* ***(6)***), что придает художественной речи оттенок разговорности, естественности; 5) через разнообразие синтаксических конструкций – как простых предложений, преимущественно двусоставных, неосложненных (*Корабль подойдет величественно к самому берегу под звуки прекрасной музыки* ***(7)*** и др.) и осложненных обособленными обстоятельствами и определениями, однородными членами, обращениями (*Сияющая громада…двинется, рассекая волны…* ***(4)***, *Нарядная, в коврах, золоте и цветах, поплывет… лодка* ***(8)***, *Тихо будет плыть… корабль, без криков и выстрелов* ***(5)***, *Ты вырастешь, Ассоль* ***(2)*** и др.), так и сложных предложений с подчинительной (*– Не знаю, сколько пройдет лет...* ***(1)*** и др.) и сочинительной (*На берегу много соберется народу, и ты будешь стоять там*) связью, а также конструкции с прямой речью (*«Здравствуй, Ассоль! – скажет он. – Я приехал, чтобы увезти тебя навсегда в свое царство»* ***(10)***).

Тип речи текста – **повествование с элементами описания**. Маркерами повествовательности выступают: 1) преимущественное употребление конкретной лексики (*парус* ***(3)***, *корабль* ***(4)***, *волны* ***(4)***, *берег* ***(7)***, *ковры* ***(8)***,

цветы ***(8)*** и др.); 2) глаголы-сказуемые, передающие последовательность действий (*вырастешь* ***(2)***, *сверкнет* ***(3)***, *двинется* ***(4)***, *будет плыть* ***(5)*** и др.), причем преобладают приставочные глаголы совершенного вида со значением предельности действия (*соберется* ***(6)***, *подойдет* ***(7)***, *поплывет* ***(8)***, *увидишь* ***(9)*** и др.); 3) цепная связь предложений (*И однажды утром в морской дали под солнцем сверкнет алый парус* ***(3)***. *Сияющая громада белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе* ***(4)*** и др.).

Текст также демонстрирует черты **описательного типа речи**. Востребованы слова, обозначающие качества, свойства, признаки предметов и явлений (*морская даль* ***(3)***, *алый парус* ***(3)***, *сияющая громада* ***(4)***, *белый корабль* ***(4)***, *чудесный корабль* ***(5)*** и др.). По нашим подсчетам, всего в тексте 79 словоформ, репрезентирующих различные части речи. Первое место по количеству употреблений занимают имена существительные – 23 словоформы (что составляет 29,1 %). Кстати, это несколько превышает активность существительного в целом в русском языке: по данным «Частотного словаря русского языка» под редакцией Л. Н. Засориной, повторяемость данной части речи – 26,65 % [3, с. 927]. В анализируемом тексте широко представлены имена существительные, которые служат созданию тематической, пространственной, временной целостности текста. Продуктивны и имена прилагательные (а также образованные от них качественные наречия), которых зафиксировано 10 (12,82 %).

Частотно использование согласованных и несогласованных определений (*нарядная лодка* ***(8)***, *лодка в ковра*х (***8)***, *лодка в золоте* ***(8)***, *храбрый красивый принц* ***(9)*** и др.). Преобладают глагольные формы будущего времени, поскольку в данном фрагменте повести рисуется картина прекрасного завтра, которое ждет героиню (*двинется* ***(4)***, *будет плыть* ***(5)*** и др.); однако один глагол (*Я приехал* ***(10)***) в речи прекрасного принца употреблен в прошедшем времени, подчеркивая опять же, что все эти предсказания сбудутся, что мечты Ассоль осуществятся. Как уже отмечалось, автор использует для описания ряды однородных членов (*без криков и выстрелов* ***(5)***, *нарядная, в коврах, золоте и цветах, …лодка* ***(8)*** и др.).

Содержание текста разворачивается последовательно. В данном отрывке одно ССЦ, которое совпадает с абзацным членением.

Смысловая связность текста проявляется в том, что каждое предложение содержательно продолжает предыдущее. Важными лексическими средствами связи предложений выступают слова таких тематических групп, как: 1) «море» (*морской* ***(3)***, *парус* ***(3)***, *корабль* ***(4)***, *волны* ***(4)***, *плыть* ***(5)***, *берег* ***(6)***, *лодка* ***(8)***); 2) «цвет», причем лексемы употребляются не только в прямом, колористическом, но и символическом значении (*алый* ***(3)***, *сияющая* ***(4)***, *белый* ***(4)***, *золото* ***(8)***). Данные номинации выступают «проводниками» темы, основной мысли текста; помогают автору точно, красочно, детально сформировать в нашем вообра-

жении картину счастливого будущего главной героини, ее встречу с принцем. Среди формальных средств связи предложений также отмечены: 1) лексические повторы (существительное *корабль* в предложениях ***3***, ***4***, ***5***, ***7***, местоимение *ты* / *к тебе* / *тебя* в предложениях ***2***, ***6***, ***9***, ***10*** и др.); 2) синонимические замены, в т. ч. контекстуальные (о корабле – *двинется, рассекая волны* (***4***), *будет плыть* (***5***), *подойдет величественно* (***7***)); 3) анафорические местоимения, местоименные наречия, указывающие на предшествующее слово и/или даже содержание предшествующего предложения (*будет плыть этот* [громадный, белый, сияющий] *чудесный корабль* (***5***), *и ты будешь стоять там* [на берегу среди множества людей] (***6***), *поплывет от него* [от корабля] *быстрая лодка* (***8***), *скажет он* [принц] (***10***)); 4) единство видо-временных форм глаголов сказуемых (см. об этом выше); 5) употребление обстоятельств места, времени, относящихся по смыслу к нескольким предложениям (*однажды утром* (***3***), *на берегу* (***6***)); 6) сочинительный союз *и* как средств связи самостоятельных предложений, при этом он приобретает присоединительное значение (*И однажды утром в морской дали сверкнет алый парус* (***3***), *И ты увидишь храброго красивого принца* (***9***)); 7) параллелизм синтаксических конструкций и порядок слов внутри них (предложения ***2*** и ***9***, предложения ***3*** и ***8*** и др.). В целом разноуровневые языковые единицы придают тексту определенную структуру, необходимую композиционную форму, обеспечивают его связность, целостность, законченность. Текстообразующая функция языковых единиц реализуется и в их участии в формировании типа речи – повествования с элементами описания – и стилистической окраски текста.

Таким образов, А. Грин погружает нас в прекрасный сказочный мир детских мечтаний. Автор показывает, насколько важна человеку мечта. Если во что-то очень сильно верить, то оно обязательно сбудется. Как верила Ассоль в предсказания музыканта, представленные в данном отрывке повести.

Алые паруса – символ мечты и ее исполнения, символ чистоты, искренности и любви. Давайте будем желать, надеяться, грезить, стремиться… Мечта – это шаг в будущее.

Список использованной литературы

1. Писарук, Г. В. Лингвистический анализ текста в вузе и школе : учеб.-метод. пособие / Г. В. Писарук, Т. М. Лянцевич ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2021. – 146 с.

2. Русский язык : учеб. для 7 кл. учреждений общ. средн. образования с белорус. и рус. яз. обучения / Т. Н. Волынец, Е. Е. Долбик [и др.] – Минск : Нац. ин-т образования, 2020. – 240 с.

3. Частотный словарь русского языка / Л. Н. Засорина [и др.]. – М : Рус. яз., 1977. – 936 с.

К содержанию

А. С. ПОПЕКА
Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

ФОРМИРОВАНИЕ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА С ДОМИНАНТОЙ *ТУГА* В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Этимология синонимических рядов – это одно из актуальнейших направлений в лингвистике на протяжении уже нескольких десятилетий. Исследования в данном направлении позволяют проследить за формированием и происхождением близких по значению слов, анализируя их исторические корни. Важным является изучение особенностей использования отдельных элементов синонимических рядов в разные эпохи и в различных контекстах, а также установление связей между этими словами в разных языках. Изучение истории синонимических рядов помогает понять, как слова приобрели свои значения, как они распределились в родственных языках, как взаимосвязаны семантические объемы синонимов, их стилистические и прагматические характеристики. Кроме того, это позволяет выявить социокультурные и исторические факторы, способствовавшие их эволюции.

В качестве объекта настоящего исследования мы выбрали белорусский синонимический ряд существительных *туга*, *сум*, *маркота*, *журба*, *смутак*, *скруха* с доминантой *туга*.

Существительное *туга* в белорусском языке имеет значение ‘журба, маркота, смутак’ [3, с. 667]. В современном русском литературном языке оно не употребляется, но еще фиксируется в диалектах, используется в украинском языке. Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, восточнославянская лексема *туга* ‘печаль, скорбь’ родственна старославянскому слову *тѫга* ‘печаль’, болгарскому *тъгá* ‘тоска, печаль’, сербохорватскому *тýга* ‘скорбь, беда’, словенскому *to ́ga* ‘леность, уныние, тоска’, чешскому *touha* и словацкому *túha* ‘тоска’, польскому *tęga*, верхнелужицкому *tuha* ‘духота, зной’, ‘подавленность, упадок духа’. В качестве родственных, но уже с другой ступенью вокализма, М. Фасмер приводит лексемы *тя́га*, *тя́жкий*, *тяжёлый*, старославянское *отѣгъчити*. Таким образом, реконструируется праславянское **tǫga*, родственное литовскому *tingùs* ‘ленивый’, *tinge ́ti*, *tìngiu* ‘лениться’, древнеисландскому *Þungr* ‘тяжелый, твердый, трудный’, тохарскому А *täñk-* ‘препятствовать’ (в тохарском В *taṅk-*), а также литовскому *sténgti*, *sténgiu* ‘натягивать’, *stangùs* ‘упрямый, строптивый’ [5]. Значения ‘ленивый’, ‘леность’ фиксируются только в литовском и словенском языках. По-видимому, они формируются на основе метонимии из семантики ‘тяжелый, трудный’ (‘трудное для кого-то дело’ → ‘человек, которому трудно что-то делать’). Из значения ‘натягивать’, ‘стягивать’ вырастает и метафорическое значение ‘тоска, печаль’ как чувство сдавленности, стеснения в груди.

В словаре М. Н. Шанского можно обнаружить глагол *тужить* общеславянского происхождения, который образован от **tonga* > *туга* ‘печаль, скорбь’ < ‘стеснение, нажим’ [6].

Из всех слов белорусского синонимического ряда с доминантой *туга* в древнерусском подкорпусе Национального корпуса русского языка зафиксирована только сама доминанта (32 раза) [2]. Существительное *туга* есть и в подкорпусе «Эпиграфика» – в надписи 1138 г. В старорусском подкорпусе, охватывающем XV–XVII вв. слово *туга* встречается 126 раз, т. е. в XVII в. это слово еще активно использовалось в русском языке (22 примера). Оно часто встречается в старорусских памятниках в сочетаниях *туга и печаль, скорбь и туга, туга и плачь*. При этом в книгах Ф. Скорины, по данным Белорусского N-корпуса, это слово не использовано.

В толковом словаре можно найти следующие определения лексемы *сум*: ‘пачуццё смутку, жалю, душэўнай горычы’; ‘душэўная трывога ў спалучэнні са смуткам, маркотай’; ‘туга’; ‘пакутлівая маркота; нуда’ [4]. В «Этымалагічным слоўніку беларускай мовы» проводятся параллели с украинскими словами *сум* ‘смутак, журба’, *су́мно* ‘смутна, маркотна’, русскими диалектными *су́мно* ‘сомнительно, страшно’, польскими *sum, sumny* (значение аналогично белорусским эквивалентам), словенским *sûm, sûmnja* ‘подозрение’, сербохорватскому *су́мња* ‘сомнение; подозрение’ [8].

Авторы словаря считают лексему *сум* праславянским диалектизмом **sumъ*, происходящим из праславянского **sǫtьпъ (*sǫtьйа)* > **sutьпъ*, отглагольного существительное от прасл. **sъ-tьněti,* который в Р. п. дал **sutьпа*. После падения редуцированных и ассимиляции носовых форма (в результате переразложения) **sum-* генерализовалась. Это мнение основано на исследованиях Ф. Миклошича и других славистов. Однако в словаре приводятся и другие этимологии. Так, Дуриданов выводит *сум* из **sъ-umiti*, связывая с болгарским диалектным *су́муя* ‘вспоминать, припоминать’, хотя значение болгарского глагола скорее подтверждает происхождение от **sъtьněti*. О. Н. Трубачёв сравнивает белорусское и украинское *сум* с сербохорватским *су̏моран* ‘понурый, хмурый, мрачный’ и считает, что слово не имеет этимологии [8]. К. Лиукконен в работе «Восточнославянские отглагольные существительные на *-m-*. I. Существительные на **-tъ/*-ta/*-to*» возводит существительное *сум* к праславянскому **sǫd-tъ* от глагола **sǫditi,* однако Ж. Ж. Варбот считает такую этимологию семантически неубедительной и поддерживает гипотезу о происхождении *сум* от **tьněti* [1, с. 196].

Можно сделать вывод, что лексическое значение существительного *сум* в белорусском и украинском языках претерпело изменения: значения ‘сомнение’, ‘подозрение’ утратились (но сохраняются в таких словах, как

сумненне, *сумнявацца*), заменились значениями, описывающими эмоциональное состояние. Время появления данного существительного установить сложно, поскольку белорусский и украинский национальные корпусы пока недостаточно совершенны. В книгах Ф. Скорины, по данным Белорусского N-корпуса, это слово не встретилось, а в произведениях конца XIX – начала XX вв. оно уже достаточно частотно.

Согласно данным толкового словаря, *смутак* – ‘пачуццё суму, маркоты, жалю’; ‘журботны, сумны выраз (вачэй, твару, губ і пад.)’ [4]. Это слово близко по значению украинским *смýток*, *смýтний* и родственно русскому *смýтный* ‘неяркий, невыразительный’, польским *smutek*, *smętek*, *smutny*, чешским *smutek*, *smutný*, словацким *smótok*, *smutny*, болгарскому *смътен* ‘невыразительный, неясный’, македонскому *сматен* с тем же значением, старославянскому *съмѫтьнъ* ‘встревоженный, растерянный’.

Праславянские **smǫtъkъ*, **sъmǫtьnъ* образованы от глагола **sъmǫtiti*. Авторы «Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы» утверждают, что этимология данной лексемы имеет мифологические корни: якобы **sъmǫtek* раньше являлся неким отрицательным божеством. В доказательство приводятся кашубское *smątk* ‘дьявол’, украинское гуцульское *смуч* и *смýток* ‘черт’. Однако польские этимологи А. Брукнер и В. Борысь считают мифологическое значение вторичным [8].

В изданиях Ф. Скорины, по данным Белорусского N-корпуса, слово *смутак* встречается девять раз. В части контекстов установить его русский эквивалент невозможным. В одном примере таким эквивалентом оказалось слово *стеснение*: *прореку въ* ***смутку*** *духа моего – буду говорить в* ***стеснении*** *духа моего*. В двух примерах *смутак* соответствует слову *печаль*: ***Смутку*** *не придавай къ души твоей – Не предавайся* ***печали*** *душею твоею* (Сир., гл. 30, 22); *…и по сихъ потешися для* ***смутку*** *– …и тогда утешься от* ***печали*** (Сир., гл. 38, 17).

Еще один элемент изучаемого синонимического ряда – *скруха* ‘туга, маркота’, ‘жаль, шкадаванне’ [4]. В старобелорусском языке лексема *скруха* в значении ‘раскаяние, сожаление’ фиксируется с 1577 г., А. Н. Булыка считал ее полонизмом. Родственные слова – *крух* ‘глыба, комок земли’, глагол *крушыць*; реконструируется праславянское *krúхъ* ‘комок, груда’ [8]. Составители словаря почему-то не провели аналогию с русским глаголом *сокрушаться*, имеющим тот же корень и сходное значение, а также частотным древнерусским устойчивым сочетанием *съкроушеныи сьрдцьмь*. Обнаруживается семантическая аналогия с русским существительным *грусть*, происхождение которого связывают со словом *груда*.

Слово *журба* ‘пачуццё смутку, суму, тугі, душэўнай прыгнечанасці’ [3, с. 201] образовано при помощи суффикса *-б(а)* от глагола *журыць, журыцца* [8]. По мнению М. Фасмера, глагол *журúть* ‘бранить, отчитывать’ родствен украинскому *журúти* ‘печалить’, белорусскому *журы́цца* ‘горевать’, сербохорватскому *жу́рити се* ‘спешить’, *жу̀рба* ‘спешка, давка’, словенскому *žúriti* ‘принуждать, торопить’. Корень *жур-* восходит к праиндоевропейскому языку, этимологи сравнивают его с древнеиндийским *ghōrás* ‘страшный, ужасный, стремительный’, готским *gaurs* ‘возмущенный, опечаленный’, *gaurjan* ‘печалить’, древневерхненемецким *gōrag* ‘жалкий, убогий’, ирландским *gúre* ‘болезненное состояние’ [5]. Таким образом, в древнеиндийском языке зафиксированы два значения: ‘страшный, ужасный’ и ‘стремительный’. Последнее значение утратилось в диалектах, легших в основу восточнославянских языков, но осталось единственным в южнославянских языках.

Лексическое значение словоформы *маркота* – ‘сум, туга, журба’ [5]. Реконструируется праславянское **morkota* на основе сопоставления с церковнославянским *мракота* ‘темнота’, словенским *mrakóta* ‘темнота’, чешским *mrákota* ‘темнота’, ‘облако’, ‘затмение, обморок’, диалектным *mrákota* ‘слабость, дурнота’, старо-польским *mrokota* ‘темнота, густая мгла’ и др. Данная лексема является производной от **morkъ* с суффиксом *-ot(a)* [7, с. 232]. Ни в одном из родственных языков существительное *маркота* не встречается в значении, свойственном белорусскому языку. Практически в каждом языке в основу семантики ложится значение ‘темнота’.

Таким образом, этимологически существительные синонимического ряда *туга* связаны с различными значениями: тяжесть, подавленность, леность, сомнение, подозрение, темнота и др. Сравнивая древнерусские тексты и данные современных словарей, можно заметить изменения в значении многих имен существительных, в большинстве случаев произошло сужение лексического значения. Анализ исторических подкорпусов НКРЯ показал, что лишь доминанта синонимического ряда *туга* активно использовалась в XV–XVII вв. в русском языке. В «Житии Протопопа Аввакума» можно встретить глагол *журить*, а в «Матеріалах для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ» И. И. Срезневского несколько раз фиксируется существительное *мракота*. Остальные члены синонимического ряда обнаружены не были.

Результаты получены при финансовой поддержке Министерства образования (в рамках НИР с № госрегистрации 20240569 от 16.04.2024 г.).

Список использованной литературы

1. Варбот, Ж. Ж. Рецензия на книгу Кари Лиукконена «Восточнославянские отглагольные существительные на -m-. I. Существительные на *-mъ/*-ma/*-mo».

Хельсинки, 1987 (= Slavica Helsingiensia 5) / Ж. Ж. Варбот // Этимология 1988–1990 : сб. ст. / Ин-т рус. яз. РАН; отв. ред. О. Н. Трубачев. – М. : Наука, 1993. – С. 193–197.

2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruscorpora.ru/new. – Дата доступа: 10.05.2024.

3. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1996. – 784 с.

4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. [Электронны рэсурс] / пад рэд. К. К. Крапівы; АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : Беларус. Савец. Энцыкл., 1977–1984. – 5 т. – Рэжым доступу: https://www.skarnik.by/tsbm. – Дата доступу: 20.04.2024.

5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / М. Фасмер ; пер. с нем и доп. О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Режим доступа: https://lexicography.online/etymology/vasmer. – Дата доступа: 30.03.2024.

6. Шанский, Н. М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – М. : Прозерпина : Школа, 1994. – 400 с. – Режим доступа: https://lexicography.online/etymology/shansky. – Дата доступа: 30.03.2024.

7. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. – Вып. 19. – М. : Наука, 1992. – 224 с.

8. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы (1978–2017) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://verbum.by. – Дата доступу: 30.03.2024.

К содержанию

Р. И. РОДЦЕВИЧ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Л. В. Скибицкая, канд. филол. наук, доцент

РАССКАЗ «КАЛЕНИК» А. А. ФЕТА: ДИАЛЕКТИКА ЧЕЛОВЕКА И ГАРМОНИЯ ПРИРОДЫ

Главный герой рассказа «Каленик» (1854) А. А. Фета – знакомый автору простой денщик Каленик Вороненок, образ которого, исполненный цельности народной мудрости противопоставлен в произведении эклектичной материалистической софистике городских философов.

Приблизительно с 1860-х гг. А. А. Фет вместе со своим товарищем по взглядам Л. Н. Толстым начинает активно интересоваться трудами немецкого философа А. Шопенгауэра – одного из самых известных представителей иррационализма. Основной его философский труд – «Мир как воля и представление» (1818) – на фоне популярности Гегеля и Фихте был не замечен современниками при жизни мыслителя. А. Шопенгауэр называл существующий мир «наихудшим из возможных миров», за что и получил прозвище «философ пессимизма». Непонятый и непринятый, А. Шопенгауэр отдалился от мира, заперся в кабинете, свел все свое общение к домочадцам и собаке и, написав еще множество философских

трудов, занимался комментированием и популяризацией своей основной книги до самой смерти.

Несмотря на то что хронологически указанные временные рамки не совпадают (рассказ А. А. Фета написан в 1854 г., а знакомство с работами А. Шопенгауэра происходило с 1860-х гг.), не следует полагать, что философия немецкого мыслителя не могла быть отражена в художественном произведении русского писателя. Признание и популярность философия А. Шопенгауэра получила уже в конце жизни мыслителя, т. е. к 1860 гг., и вполне вероятно, что А. А. Фет мог слышать о ней в пересказе знакомых.

Анализируя художественное произведение А. А. Фета в сопоставлении с философским трудом А. Шопенгауэра, мы находим много сходных аспектов. О соотнесении философии немецкого мыслителя и рассказа русского писателя Б. А. Садовской пишет: «“Каленик” есть как бы микрокосм в миросозерцании Фета в его основных началах, к которым позднейшее изучение Шопенгауэра явилось лишь коррективом» [1].

Согласно А. Шопенгауэру, весь мир делится на мир воли и мир представлений. «Мир есть мое представление» – так начинает свой труд философ. По аналогии с тем, как человек осознает свое тело и душу, так и весь мир, считает автор, имеет свою материальную (представление) и духовную (волевую) оболочку. Первенство отдается миру воли, который мы не видим, но подспудно ощущаем, а весь окружающий нас мир на самом деле есть лишь наше представление о нем. При этом это не два противопоставленных друг другу мира, а один цельный. Мир воли просто оказывается скован миром представлений. Воля – это желания и стремления, но не конкретные, а обобщенные. Индивидуальность, таким образом, – это страдание, т. к. она отделяет человека от общего мира воли и погружает его в мир собственных представлений. Мир представлений рождается из познания. Познавая, человек преобразует мир воли в мир представлений. Именно познание ведет нас к страданиям, ведь мы все глубже погружается в мир представлений, уходя от единства первоначального мира воли.

Согласно философии А. Шопенгауэра, в человеке все время идет бескомпромиссная борьба безличного «я» воли с индивидуальным «я» представлений. Только с помощью обращения к безличному «я», являющегося частью мира воли, можно усмирить желание своего индивидуального «я», явленного в мире представлений. Вывод философии Шопенгауэра – отрицание воли к жизни (отсюда и пессимизм).

Вместе с тем вся философия А. Шопенгауэра – это поиск умиротворения, которое может наступить или с помощью эстетического, или с помощью нравственного опытов. Первое – эстетическое переживание – это созерцание окружающего мира и произведений искусства. Музыка, по А. Шопенгауэру, – высшее из искусств, копия воли,

так как она лишена материального воплощения, в то время как живопись, скульптура, архитектура материальны; даже литература – искусство конкретных слов. Музыка меньше всего связана с миром представлений, а значит, больше всего позволяет почувствовать мир воли. Второе – сострадание – высшее из чувств, т. к. испытывая его, человек отрекается от своей индивидуальности, покидает мир собственных представлений, и, сопереживая чужому горю или радости, как будто сливается с другим человеком, т. е. возвращается к первоначальному миру воли, в котором все люди едины.

Рассказ «Каленик», по свидетельству А. Фета, был написан «от скуки одиночества». В центре рассказа – образ Каленика, человека, живущего вопреки общепринятым нормам, а потому часто смешного, хотя и исполненного «неисчерпаемой мудрости», которой рассказчик склонен доверять более, чем сведениям из научных источников, получаемых путем холодного анализа.

В рассказе «Каленик» А. Фет описывает искреннюю народную мудрость, которая часто лишена объяснений и которой принято всецело доверять. Основная мысль рассказа емко заключена в одном предложении: «Жаль, что на все расспросы относительно источника его <Каленика> сведений он, как истый мудрец, отвечал “не могу знать”, а то, быть может, он открыл бы нам такие истины, до которых люди не дойдут и через 500 лет, а может быть, и никогда» [4, с. 9]. Каленик не ощущает своей индивидуальности, ему не страшно за себя: «Чувство страха было для него недоступно» [4, с. 10]. Он очень глубоко чувствует природу, а слияние человека и природы и есть одно из возвращений в мир воли.

Рассказ о простачке, полный стольких забавных случаев, завершается очень грустно: «Вероятно, вследствие образования, он уже считал для себя неприличным отвечать на вопросы о погоде, а я подозреваю, что он совершенно утратил свое *второе зрение* и вошел в чреду *обыкновенных людей* (курсив наш. – *Р. Р.*), о которых говорить более нечего» [4, с. 18]. Проблема человека, по А. А. Фету, заключается в образовании, которое лишает его первородной полноты, детской искренности, радости жизни. Познание, таким образом, увеличивает страдание, так как оно отдаляет человека от мира воли и приближает к миру представлений. В результате все то, что трогало его ранее, теперь остается им не замеченным.

Каленик как маленький ребенок, не привыкший к жизни, все еще замечает все ее мелочи, недоступные взрослому, которые помогают ему ориентироваться в мире. «“Славная погода завтра будет”, – заметил я, глядя

на светлое небо. “Нет, дождь пойдет, – возразил мне Калиныч, – утки вон плещутся, да и трава больно сильно пахнет”» [4, с. 18]. Лишенный познания, т. е. мира представлений, он всецело находится в мире воли, поэтому так проницательно видит естество действительности.

Рассказ «Каленик» рисует внешне взрослого человека, который внутри остается ребенком. Дети, по А. А. Фету, как это показано в рассказе «Первый заяц», – самые счастливые существа на планете, потому что они еще ничего не знают о мире, не вкусили горечи печали, они, как все в нем живое, еще гармонично с ним слиты. «Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит» [2, с. 354], – напоминает нам Антуан де Сент-Экзюпери. «Мир вовсе не в твоих книгах и картах. Он вон там, за окном» [3], – обращает наше внимание Дж. Р. Р. Толкин. Именно к этому призывает А. А. Фет: помнить, что природа – это часть мира, а человек – часть природы, нужно знать свое предназначение и быть верными самим себе.

Список использованной литературы

1. Садовской, Б. А. Проза Фета [Электронный ресурс] / Б. А. Садовской // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/sadowskoj_b_a/text_1912_proza_feta_oldorfo.shtml. – Дата доступа: 10.05.2024.

2. Сент-Экзюпери де, А. Планета людей / А. де Сент-Экзюпери. – Минск : Маст. літ., 1976. – 560 с.

3. Толкин, Дж. Р. Р. Хоббит [Электронный ресурс] / Дж. Р. Р. Толкин. – Режим доступа: https://libcat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/fentezi/174203-dzhon-tolkien-hobbit-ili-tuda-i-obratno.html. – Дата доступа: 10.05.2024.

4. Фет, А. А. Сочинения : в 2 т. / А. А. Фет ; сост., подгот., коммент. А. Е. Тархов. – М. : Худож. лит., 1982. – Т. 2. – 461 с.

К содержанию

П. А. РОКИТСКАЯ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Е. Никитина, канд. филол. наук, доцент

КОНЦЕПТ «ИНОСТРАНЕЦ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Термин *концепт* неоднозначен, так как он находит свое отражение в философии, психологии, математике и др. Проанализировав многочисленные определения этого термина, можно сделать вывод, что *концепт* – это содержательная сторона словесного знака, за которой стоит понятие, непосредственно относящееся к умственной, духовной или материальной сфере деятельности человека.

Существуют различные подходы к изучению концепта. Достаточно новым является лингвокультурологический подход. Первым, кто обратился к термину «лингвокультурология», был В. В. Воробьев. Он определял лингвокультурологию как «комплексную научную дисциплину, изучающую взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающую этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и культурного содержания» [1, с. 5].

При исследовании концепта «иностранец» был произведен анализ русских художественных текстов, в которых фигурируют иностранцы.

Иностранцы всегда вызывали интерес у русской нации, что видно в произведении Н. С. Лескова «Железная воля»: *Этот человек прибыл к нам из маленького городка Доберана, что лежит при озере Плау в Мекленбург-Шверине,* ***и самое его прибытие к нам уже имело свой интерес***.

В повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» прослеживается недоброжелательное отношение к иностранцам. Отец Петра Гринева нанял для обучения своего сына француза месье Бопре. Это не понравилось Савельичу – слуге главного героя: *Слава богу, – ворчал он про себя, – кажется, дитя умыт, причесан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мусье,* ***как будто и своих людей не стало***. Здесь прослеживается параллель «свой – чужой», которая присутствует и в русских паремиях (*рад бы душой, да хлеб чужой; чужое не прочно и большое, а свое и малое, да правое; лучше своя свечка, чем чужая печка; лучше по миру сбирать, чем чужое собирать*). Исходя из высказывания Савельича, «свое» русскому человеку предпочтительнее, чем «чужое».

Негативное отношение к иностранцам, в частности к немцам, высказала русская мать Андрея Щтольца, немца из романа И. А. Гончарова «Обломов», называя немцев толпой патентованных мещан, грубых, самостоятельных и кичливых людей, которые не отличаются мягкостью, деликатностью и снисхождением: *Она боялась, что сын ее сделается таким же немецким бюргером, из каких вышел отец. На всю немецкую нацию она смотрела как на толпу патентованных мещан, не любила грубости, самостоятельности и кичливости, с какими немецкая масса предъявляет везде свои тысячелетием выработанные бюргерские права, как корова носит свои рога, не умея, кстати, их спрятать. На ее взгляд, во всей немецкой нации не было и не могло быть ни одного джентльмена. Она в немецком характере не замечала никакой мягкости, деликатности, снисхождения, ничего того, что делает жизнь так приятною в хорошем свете, с чем можно обойти какое-нибудь правило, нарушить общий обычай, не подчиниться уставу*.

Недоброжелательное отношение к иностранке высказал главный герой в рассказе А. П. Чехова «Дочь Альбиона». Англичанка не понимала,

что про нее говорят, из-за незнания русского языка. Главный герой позволял себе называть ее чучелом, дурищей, канальей, тритоном и куклой: *Сидим по целым дням вместе, и хоть бы одно слово! Стоит, как чучело, и бельмы на воду таращит*; *Живет дурища в России десять лет, и хоть бы одно слово по-русски*; *Стоит, каналья, и сознает, что она человек и что, стало быть, она царь природы*; *Для детей только и держу этого тритона*; *Эта кукла напоминает мне длинный гвоздь*; *И хоть бы сконфузилась, подлая*.

Авторы, описывая немцев в своих произведениях, зачастую обращались к стереотипам об этой нации. Немцы в глазах русского народа отличаются бережливостью, аккуратностью и расчетливостью. Например, А. С. Пушкин в произведении «Пиковая дама» описывает обрусевшего немца Германна, который желал разбогатеть, но при этом не готов был рисковать играть в карты: *Будучи твердо убежден в необходимости упрочить свою независимость, Германн не касался и процентов, жил одним жалованьем, не позволял себе малейшей прихоти. Впрочем, он был скрытен и честолюбив, и товарищи его редко имели случай посмеяться над его излишней бережливостью*.

Также стереотипы о немцах наблюдаются и в произведении Н. С. Лескова «Железная воля», где автор характеризует всех немцев как *аккуратных и бесталанных*. Немец Штольц из романа И. А. Гончарова «Обломов» тоже обладает упомянутыми чертами – прагматичностью и расчетливостью: *Жил твердо, бодро; жил по бюджету, стараясь тратить каждый день как рубль ежеминутным, никогда не дремлющим контролем издержанного времени, труда, сил души и сердца*.

Н. В. Гоголь в произведении «Невский проспект» сатирически изображает немца Шиллера, выделяя в нем стереотипную аккуратность немцев: *Аккуратность его простиралась до того, что он положил целовать жену свою в сутки не более двух раз, а чтобы как-нибудь не поцеловать лишний раз, он никогда не клал перцу более одной ложечки в свой суп*.

Л. Н. Толстой в романе «Война и мир» представляет немца Пфуля, описывая его стереотипно, делая акцент на его самоуверенности: *Пфуль был один из тех безнадежно, неизменно, до мученичества самоуверенных людей, которыми только бывают немцы, и именно потому, что только немцы бывают самоуверенными на основании отвлеченной идеи – науки, то есть мнимого знания совершенной истины*. Л. Н. Толстой, приводя примеры самоуверенности других наций, размышлял также о самоуверенности немцев, в том числе Пфуля, подчеркивая, что самоувереннее немцев нации нет: *Француз бывает самоуверен потому, что он почитает себя лично, как умом так и телом, непреодолимо-обворожительным как*

для мужчин, так и для женщин; *Итальянец самоуверен потому, что он взволнован и забывает легко и себя и других*; *Немец самоуверен хуже всех, и тверже всех и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина. – Таков очевидно был Пфуль*.

Сатирическое название имеет произведение А. П. Чехова «Глупый француз». Француз Генри Пуркуа был назван глупым из-за того, что не понимает русский народ, его привычки. В рассказе автор повествует о французе, который был обеспокоен сильным аппетитом русского человека, думая, что он, наедаясь таким количеством еды, хочет совершить самоубийство: *Странно… – подумал Пуркуа, рассматривая соседа. – Съел пять кусков теста и еще просит! Этот человек хочет умереть!* Генри Пуркуа отмечал, что во Франции таких людей, как русский человек, поедающий огромное количество еды, показывают за деньги: *Будь этот господин во Франции, его показывали бы за деньги*.

Персонаж Ромбаль из романа Л. Н. Толстого «Война и мир» высказывался о французах следующим образом: *Страшны в сражениях, любезны с красавицами, вот французы, господин Пьер; Париж!.. Человек, который не знает Парижа, – дикарь. Парижанина узнаешь за две мили. Париж – это Тальма, Дюшенуа, Потье, Сорбонна, бульвары… Во всем мире один Париж. Вы были в Париже и остались русским. Ну что же, я вас за то не менее уважаю*.

Таким образом, русский народ в произведениях русской литературы относился к иностранцам по-разному. Положительное отношение к представителям иной нации характеризовалось интересом к чему-то новому, еще не известному, как это было в произведении Н. С. Лескова «Железная воля». Однако в глазах русского человека иностранец – чужой человек. Для представителей русской национальности «свой» человек лучше, чем любой иностранец. Отрицательное отношение к иностранцам прослеживается и в словах, употребляемых русскими людьми по отношению к представителям иной нации. В произведениях русской литературы присутствовали и стереотипы о представителях иной нации. Например, немцы характеризовались как бережливые, аккуратные, расчетливые, трудолюбивые, прагматичные, самоуверенные. Русские иностранцы часто высмеивали русских из-за непонимания русских привычек и языка.

Список использованной литературы

1. Воробьев, В. В. Лингвокультурология. Теория и методы / В. В. Воробьев. – М. : РУДН, 1997. – 331 с.

К содержанию

К. А. САЙ
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – Н. Р. Якубук, канд. філал. навук, дацэнт

МІКРАТАПОНІМЫ МАЛАРЫТЧЫНЫ, СУАДНОСНЫЯ З ПАНЯЦЦЕМ «ЛАНДШАФТ»

Мікратапонімы як частка тапанімічнай сістэмы рэгіёна – адзін з самых цікавых разрадаў онімаў, які мае вялікую каштоўнасць. З'яўляючыся тэрытарыяльна замацаванымі, назвы ўрочышчаў акумулююць ў сабе жыццёвы вопыт мясцовага насельніцтва, адлюстроўваючы асаблівасці жыцця і побыту, адметныя рысы пэўнай мясцовасці. Па мікратапонімах можна прасачыць гісторыю таго ці іншага населенага пункта, змены ў жыцці цэлых пакаленняў. Таму даволі запатрабаванай для даследаванняў галіной на сучасным этапе з'яўляецца рэгіянальная тапаніміка.

Аб'ектам увагі нашага даследавання паслужылі мікратапонімы, зафіксаваная на тэрыторыі Маларыцкага раёна Брэсцкай вобласці. Пры аналізе мікратапонімаў выкарыстана класіфікацыйная схема, распрацаваная беларускімі тапанімістамі, якая дае магчымасць улічыць спецыфічныя рысы і ўсе нюансы беларускай тапаніміі, асаблівасці гісторыі яе фарміравання і ўмоў функцыянавання.

Даволі шматлікую групу на Маларытчыне складаюць мікратапонімы, судносныя з паняццем «ландшафт», сярод якіх можна вылучыць назвы:

– суадносныя з паняццем «рэльеф»: *Бородоёва Гора́* – узвышанае месца, дзе знаходзіцца археалагічны помнік (в. Гарадная); *Верхі́* – сенажаць (в. Семігосцічы); *Гара́* – вялікі насып уздоўж вёскі (в. Макраны); *Гліні́нскі Во́страў* – поле з гліністай глебай на ўзвышаным месцы (в. Семігосцічы); *Глубо́кі Ровы́* – поле каля вёскі (в. Дубічна); *Горба́та* – гарыстая мясцовасць (в. Хаціслаў); *Го́рка* – поле на ўзвышаным месцы (в. Замшаны); *Града́* – узвышша паміж балотамі (в. Лукава); *Грудо́к* – паша паміж хатамі ў вёсцы на ўзвышаным месцы (в. Фядоры); *Гры́цкова Града́* – сенажаць (в. Семігосцічы); *Дзі́дова Гора́* – месца за вёскай, дзе знаходзіцца замчышча (в. Гарадная); *Логы́* – поле (в. Хаціслаў Мал.); *Осмалёна Го́рка* – узвышша, дзе раслі высокія дрэвы, што згарэлі падчас пажару (в. Дубічна); *Островó́к* – узвышша на балоце (в. Навалессе); *Пагу́рок* – паша на ўзгорку (в. Пажэжын); *Па́нская Гора́* – узвышша, месца народных гулянняў (в. Велікарыта); *Пло́шчыня* – поле пад пашу (в. Лукава); *Рома́нцова Вы́спа* – узвышанае месца каля хутара Раманцава (в. Харомск); *Я́мнік* – нізіна, залітая вадой (в. Забалацце); *Я́мнэ* – лес у нізіне (в. Талмачава); *Ямочкі́* – сенажаць (в. Мачуль) і інш.;

– суадносныя з паняццем “дарога” (брук, дарога, гравейка, грэбля, шаша, тракт, сцежка, гасцінец, бальшак, трыб): *Гастыінэць* – дарога, якая вядзе да суседняй в. Забалацце (в. Лукава); *Гравéйка* – дарога (в. Ланская); *Зáдорож’е* – урочышча за лясны́мі дарогамі (в. Аздамічы); *Зáдорожкы* – поле (в. Відзіборац) *Колодзéньска Дорóга* – дарога з в. Фядоры да в. Калоднае (в. Фядоры); *Пýцішча* – поле, па якім заўсёды праходзіў шлях дзікіх жывёл – ласёў, кабаноў (в. Семігосцічы); *Сьцéшка* – поле за лясной сцежкай (в. Альманы); *Убэ́жчыкова Дорóга* – сцежка ў нізіне (в. Дубічна) і інш.;

– матываваныя гідралагічнымі тэрмінамі (балота, брод, вір, возера, грэбля, канава, рака, сажалка, струга): *Болóто* – балота Марочня, якое знаходзіцца на мяжы Беларусі і Украіны (в. Нячатава, в. Гарадная, в. Калоднае, в. Фядоры); *Бóльыццэ* – Малое Балота, праз якое можна выйсці да вялікага балота Марочня (в. Фядоры); *Брадóк* – частка лесу (в. Гарадная); *Брóд* – частка вёскі (в. Альманы); *Брудкí* – хмызняк сярод вады (в. Старое Сяло); *Верхвíр’е* – урочышча каля возера, у розных месцах якога ёсць віры, што ўтвараюцца ў выніку непасрэднага сутыкнення дзвюх плыняў. Віры відаць на паверхні вадаёму (в. Семігосцічы); *Герóімова Крыніцá* – крыніца. (в. Беражное); *Гóзэро* – месца рыбнай лоўлі на возеры (в. Аўсяміра́ва); *Грэ́былька* – луг на месцы грэблі (в. Хаціслаў); *Дзíкое Болóто* – луг, які выкарыстоўваюць як сенажаць, але да яго цяжка дабрацца праз хмызнякі і балота (в. Відзібор); *Забрíд* – участак зямлі за бродам (в. Ланская); *Забры́дде* – урочышча, на якім былі брады (в. Забалацце.); *Загозéрная* – частка вёскі за возерам (в. Гарадная); *Зарэчы́ч’е* – сенажаць за ракой (в. Семігосцічы); *Кабаня* – сажалка (в. Лазіца); *Обмíл* – частка балота, якая летам перасыхала (в. Мельнікі); *Струýга* – канава (в. Нячатава) і інш.;

– матываваныя паняццем “расліна”:

а) суадносныя з агульнымі назвамі раслін: *Бур’я́н* – участак поля, парослы бур’яном (в. Навалессе); *Дзíкі Мох* – луг, які знаходзіцца пасярод лесу недалёка ад вёскі (в. Відзібор); *Дóўгая Марóчля* – поле, дзе расце марочля (зелле) (в. Бор-Дубінец);

б) суадносныя з канкрэтнымі відамі раслін: *Багóннік* – лес, у якім расце багун (в. Альшаны); *Бэры́зыны* – частка вёскі на месцы былога хутара, дзе расце шмат бяроз (в. Лукава); *Бэрэзóво* – урочышча (в. Хаціслаў); *Бярэзíны* – частка вёскі (в. Макраны); *Вэ́рэс* – урочышча ў лесе, парослае верасам (в. Навалессе); *Горóховышчэ* – поле, на якім садзілі гарох (в. Навалессе); *Грáбувка* – поле на месцы грабавага лесу (в. Мельнікі); *Гульшáнный* – лес, дзе растуць гульшаны ‘алешыны’ (в. Масевічы); *Дубóвэ* – частка лесу, дзе растуць дубы (в. Лукава); *Лíпава* – хутар, каля якога растуць ліпы (в. Лукава); *Лозы́на* – участак лесу, дзе расце лаза (в. Замшаны); *Лы́пына* – поле, на якім расло некалькі ліп (в. Макраны); *Мятлíшча* – урочышча, дзе расце мятліца (в. Арэхава); *Ольхóвэ* – пераважна

альховы лес (в. Лукава); *Ольшэ́нка* – участак лесу, дзе расце вольха (в. Замшаны); *Оржы́шчэ* – поле, на якім вырошчваюць жыта (в. Лукава); *Ары́шнык* – месца ў лесе, дзе расце арэшнік (в. Лукава); *Пад'е́лька* – месца ў лесе, дзе пад елкамі расце шмат грыбоў (в. Ляхаўцы); *Па́параtнае* – месца ў лесе, дзе расце папараць (в. Збураж); *Рокі́тшэ* – балоцістая мясцовасць, парослая ракітнікам (в. Навалессе); *Сасо́ннік* – участак лесу, дзе растуць пераважна сосны (в. Карпін, в. Ляхаўцы); *Тмі́н* – поле, дзе доўгі час вырошчвалі тмін (в. Ляхаўцы); *Хвуіна* – хваёвы лес (в. Масевічы) і інш.;

в) суадносныя з найменнямі лясных, садовых масіваў, зараснікаў: *Але́шнік* – невялікі альховы лес (в. Карпін); *Баравое́* – урочышча ў лесе (в. Рубель); *Бар'я́к* – вялікі бор каля вёскі (в. Печкі); *Берэ́зняк* – невялікі лес, у якім растуць адны бярозы (в. Альшаны); *Бо́р* – змешаны лес з перавагай хваёвых парод (в. Лукава); *Бі́р* – лес (в. Макраны); *Боровіца* – участак зямлі на месцы былога бору (в. Семігосцічы); *Бы́бкіў Садо́к* – поле з садам на месцы былога хутара, які належаў селяніну па прозвішчы Быбко (в. Нячатава, в. Фядоры); *Вели́кі Лес* – неафіцыйная назва часткі вёскі (в. Рубель); *Горэ́шнік* – частка лесу (в. Гарадная); *До́вгы Лі́с* – паласа лесу (в. Радчыцк); *Дубро́вая* – неафіцыйная назва вуліцы Школьнай (в. Хатомель); *Ліс* – невялікі лясны масіў (в. Ляхаўцы); *Паса́дка* – лес на месцы былога поля (в. Мельнікі); *Ро́шча* – невялікі лес (в. Карпін); *Паро́сля* – узгорак, парослы хмызняком (в. Велікарыта) і інш.;

– матываваныя паняццямі "поле", "глеба":

а) суадносныя з земляробчай тэрміналогіяй па мэце выкарыстання: *Заводскые Поли́* – палі, якія знаходзяцца каля завода (в. Сушытніца); *Луг* – месца за вёскай, дзе стаіць вада (в. Мельнікі); *Сенажа́ць* – сенажаць, дзе ўвесь год стаіць вада (в. Чарняны) і інш.;

б) суадносныя з відам, якасцю глебы (урадлівая/неўрадлівая); *Га́ля* – поле на ўзгорку з неўрадлівай глебай (в. Ляхаўцы); *Гліна* – поле, з гліністай глебай (в. Масевічы); *Глынкі́* – гліністы ўчастак поля (в. Замшаны); *Глынно́е* – поле з гліністай глебай (в. Пажэжын); *Гру́дь* – поле, на якім вельмі сырая зямля (в. Хаціслаў); *Дубры́ловка* – поле з урадлівай глебай (в. Ляхаўцы); *Ляло́к* – поле (в. Масевічы); *Плішэво* – поле з вельмі мяккай глебай (в. Масевічы); *Худаба́* – неўрадлівае поле (в. Макраны) і інш.;

в) суадносныя з паняццем асвоенасці/неасвоенасці глебы: *Осэрэ́док* – поле, распрацаванае сярод лесу (в. Замшаны); *Пэрэко́п* – сенажаць на ўзвышшы (в. Ляхаўцы); *Чарці́ж* – поле на месцы асушанага балота (в. Ляхаўцы); *У́рле* – поле з добрай, урадлівай глебай, якая штогод *уралася* 'пераворвалася'(в. Лукава) і інш.;

г) суадносныя з тэрмінамі для абазначэння земляробчых участкаў (надзеленая зямля, адзінкі вымярэння): *Со́ткы* – поле, на якім часта садзяць бульбу (в. Лукава); *Шнурі́* – выпас, луг, поле (в. Печкі) і інш.

Такім чынам, пераважная большасць мікратапонімаў Маларытчыны характарызуецца на сучасным этапе яснасцю семантычнай структуры. Значная колькасць назваў выяўляе цесную сувязь з умовамі мясцовага ўкладу жыцця, знаходзіцца ў сэнсавай суаднесенасці з рэальнымі прыкметамі акаляючых прыродна-геаграфічных аб'ектаў.

К содержанию

К. У. СВІРЫДОВІЧ
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – С. Ф. Бут-Гусаім, канд. філал. навук, дацэнт

ІМЯ І ВОБРАЗ У ТВОРАХ БЕРАСЦЕЙСКІХ ПІСЬМЕННІКАЎ ПРА ВЯЛІКУЮ АЙЧЫННУЮ ВАЙНУ

Насычаная драматычнымі падзеямі айчынная гісторыя XX ст. стала прадметам мастацкага асэнсавання ў гістарычнай прозе берасцейскіх пісьменнікаў Клаўдзіі Каліны і Уладзіміра Дамашэвіча. У цэнтры мастацкага свету, створанага ў раманах, аповесцях і апавяданнях берасцейскіх аўтараў, – поўныя драматызму і напружання падзеі Вялікай Айчыннай вайны. Па-мастацку ўзнаўляючы трагічныя старонкі гісторыі нашай зямлі, пісьменнікі ўмела выкарыстоўваюць прагматычны зарад, нацыянальна-культурную інфармацыю і вобразна-выяўленчыя ўласцівасці онімаў.

У XX ст. у беларускім антрапаніміконе адбываюцца значныя змены. Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі царква не магла ўплываць на іменаванне грамадзян новай дзяржавы, адбывалася дэкананізацыя іменаслову. Знішчэнне сацыяльнай дыферэнцыяцыі грамадства праявілася ў нівеліраванні сацыяльнага кампанента ў антрапаніміконе. Змяніліся нормы этыкету, дзейсным інструментам якога з'яўляюцца ўласныя імёны. Згаданыя змены адлюстраваны ў антрапанімічнай прасторы гістарычнай прозы берасцейскіх аўтараў: у аповесцях "Маці і сын", "Бурштынавыя пацеркі" Клаўдзіі Каліны і аповесці "Кожны чацвёрты" Уладзіміра Дамашэвіча.

З прааналізаваных твораў намі былі выдзелены традыцыйныя імёны, што носяць прадстаўнікі старэйшага пакалення, якія нарадзіліся да рэвалюцыі і былі названы імёнамі з царкоўнага календара: *Фабіян, Васіліна, Тэафіля, Юстына, Праксэда, Настас, Міхаліна, Уліта, Люк'ян, Юзэфа, Піліп, Матруна, Пракоп, Юльян, Макар, Карней, Тэкля, Параска, Язэп, Фрося, Адолік, Прокл* і інш. Прадстаўнікі новага савецкага пакалення носяць імёны *Алеся, Іна, Павел, Марыя, Уладзік, Ангеліна, Алесь, Юлія, Вольга, Сяргей, Іван, Васіль, Каця, Стах, Анастасія, Леанід, Алена, Лідзія* і інш. Уладзімірам Дамашэвічам у аповесці "Кожны чацвёрты" фіксуюцца змены,

якія адбыліся ў антрапаніміконе беларусаў савецкага часу. Гэтыя змены праявіліся ва ўжыванні штучных імён, утвораных на базе найменняў правадыроў (імя *Нінэль* утворана ад прозвішча *Ленін*), а таксама імён-абрэвіятур (імя *Кім* утворана ад наймення *Камуністычны інтэрнацыянал моладзі*, *Ліна* – ад назвы арганізацыі *Ліга нацый*).

У творах берасцейскіх аўтараў адлюстравана канфесійная дыферэнцыяцыя антрапонімаў. На Беларусі ў савецкія часы побач з праваслаўнымі (візантыйска-грэчаскімі) імёнамі ўжываліся і рымска-каталіцкія, якія прыйшлі з лацінскай мовы праз польскую. Так, паны і сяляне-каталікі, героі аповесці К. Каліны “Крылаты конь”, носяць імёны *Гжэгаж, Здзіслаў, Барбара, Сымон, Тадэвуш, Тамаш, Базыль*. Праваслаўныя сяляне названы імёнамі *Васіль, Марыся, Іван, Матруна* і інш.

Пісьменнікі-берасцейцы, па-мастацку прэзентуючы найтанчэйшыя адценні чалавечых узаемаадносін, умела выкарыстоўваюць прагматычны патэнцыял уласных асабовых імёнаў. Эмацыйныя, ацэначныя і экспрэсіўныя адценні сэнсу антрапонімаў не прывязаны жорстка да пэўнай формы імені. Варыяцыі іменаў маюць толькі патэнцыяльныя магчымасці для рэалізацыі пэўных кантэкстуальных значэнняў. Успрыманне сэнсу і эмацыйна-ацэначнай нагрузкі асабовага імя залежыць ад канкрэтнай сітуацыі чалавечых адносінаў, апісаных у творы. Напрыклад, памяншальна-ласкальныя формы імён дзяцей і падлеткаў выражаюць любоў, замілаванасць: “***Верачка**, двухгадовая вёрткая дзяўчынка, захоча патэпаць па хаце, а тут холадна*” [2, с. 24]; “*У яе тады быў маленькі* ***Паўлічак***” [2, с. 40]; “*Немцы забілі самага меншанькага,* ***Петрыка***” [2, с. 41].

Максімальна насычаны любоўю і пяшчотай скарочаныя і памяншальна-ласкальныя формы імёнаў каханых, дарагіх, родных людзей: *“Юля да страты прытомнасці шаптала:* ***Пятрусь! Пеструсёк! Пятрок! Петрачок,*** *родненькі!* ***Пятро, Пётрачка!*** *Дарагі!* ***Пётра! Пятрухна! Пятрухначка! Пятрушка! Пятрушачка! Петрычак!”*** [1, с. 297]. Нярэдка ў свядомасці закаханага адбываецца эмацыйнае атаясамліванне імені з яго носьбітам. Любоў, пяшчота, замілаванне да каханага пераносіцца на яго імя, якое становіцца найдаражэйшым словам. Так, імя каханага хлопца найчасцей згадвае Юля Казак, гераіня аповесці У. Дамашэвіча “Кожны чацвёрты”: “Колькі ты разоў назвала маё імя і ўсё па-рознаму? Нешта я не думаў, што яно такое шматскладнае. Адкуль ты гэта ўзяла?” – “Адкуль? З галавы. Так я гавару з табою, як адна: называю цябе на розныя лады – і мне робіцца лёгка і добра” [1, с. 206].

У мастацкім творы нярэдка ажывае этымалагічная семантыка асабовага імя, і яно становіцца гаваркім антрапонімам. Так, галоўная гераіня аповесці Клаўдзіі Каліны “Бурштынавыя пацеркі” носіць кананічнае імя *Надзея*. У аснове імені – агульны назоўнік са значэннем ‘чаканне чаго-

небудзь добрага, упэўненасць у ажыццяўленні чаго-небудзь радаснага’. Дзяўчына з гэтым імем – шчыры, светлы чалавек, які не страчвае веры ў людзей. *Надзея*, перажыўшы страшныя страты падчас вайны, верыць, што да шчасця можна прыйсці руплівай працай, добрымі ўчынкамі, спагадай і любоўю да бліжняга. Сур’ёзна працуючы над сабой, *Надзея* ідзе да сваёй мары – стаць опернай спявачкай. Верачы ў сілу кахання, якое можа паставіць на ногі і вярнуць да жыцця чалавека, дзяўчына становіцца жонкай сляпога хлопца і мужна падтрымлівае яго ў жыццёвых выпрабаваннях.

Многія прозвішчы літаратурных герояў з’яўляюцца **ўскоснагаваркімі паэтонімамі**. Характарыстыка, змешчаная ў такіх паэтонімах пазбаўлена зададзенасці, прасталінейнасці. Раскрыццё “затушаванай”, “зацемненай” унутранай формы найменняў адбываецца пры дапамозе такіх сродкаў, як псіхалагічная характарыстыка персанажа, апісанне знешняга выгляду, учынкаў героя ў сюжэтным дзеянні. Нярэдка кантэкстам, у якім актуалізуецца ўнутраная форма гэтых прозвішчаў, з’яўляецца тэкст усяго мастацкага твора. Паэтонімы могуць характарызаваць маральныя якасці, рысы характару персанажаў (*Мурашка, Граковіч, Ваўчэцкі*). У канцэнтраваным выглядзе гаваркія антрапонімы могуць акрэсліваць праграму лёсу літаратурнага героя (*Ярэміч*), даваць уяўленне пра знешнасць носьбіта прозвішча (*Малечка, Багатырэвіч*).

Прыкладам ускоснагаваркога оніма з’яўляецца прозвішча галоўнай гераіні аповесці К. Каліны “Бурштынавыя пацеркі”. У аснове прозвішча Марыі *Зямелькі* – назва ўсеагульнай крыніцы жыцця, маці ўсяго жывога, у тым ліку і чалавека. Уяўленні аб зямлі цесна звязаныя з паняццем роду, радзімы, краіны. З глыбокай старажытнасці ў свядомасці нашых продкаў зямля з’яўлялася крытэрыем чалавечай маральнасці. Марыя *Зямелька*, што паходзіць з роду *земля*робаў, прытрымліваецца ў жыцці спрадвечных народных маральных законаў і нормаў. Дзяўчына рупліва працуе, імкнучыся стаць музыкантам, удзельнічае ў самадзейных канцэртах для жыхароў разбуранага пасляваеннага горада і параненых вайскоўцаў. Нягледзячы на слабае здароўе, вольны час Марыя прысвячае адказнай працы – догляду “цяжкіх” хворых у шпіталі: “*Кажуць, што на вайне чалавек да ўсяго прывыкае: да посвісту куль, да разрываў снарадаў, да крыві, нават да смерці. Не ведаю, можа, і так… Я не магла прывыкнуць да калецтва ў шпіталі. У мяне начамі балела сэрца, і я прачыналася, піла лякарства, якое зварыла мне бабка Пракса. Яна ведала маё сэрца, ёй нават не трэба было гаварыць, што ў мяне ные. Старая сказала, каб я не так часта прыходзіла дзяжурыць, а то захварэю. Але я не магла ўжо не хадзіць у шпіталь, гэта было маім абавязкам, нават большым, чым абавязак, – патрэбай*” [2, с. 148]. Менавіта *Зямелька* словам і справай падтрымлівае

сяброўку Надзею ў яе цяжкім і адказным рашэнні – стаць спадарожніцай жыцця сляпога хлопца.

У разрадзе гаваркіх **паэтонімаў-мянушак** можна выдзеліць наступныя тэматычныя групы. Найперш гэта найменні, якія характарызуюць фізічныя ўласцівасці і знешнія прыкметы чалавека: *Сухарукі, Кульгавы, Руды, Рабы, Казлоўскі, Оперная*, *Цыганчук* і інш. Такія мянушкі нібыта выстаўляюць напаказ пэўную, найбольш яркую рысу знешняга выгляду індывіда, якая становіцца прадметам усеагульнага назірання. Гэта могуць быць заганныя рысы, што вылучаюць носьбіта празвання з агульнага фону. Так, фізічнае калецтва персанажа фіксуе мянушка *Сухарукі*: “*У **Сухарукага** было нешта з леваю рукою, здаецца, ці не паранены ў грамадзянскую вайну*” [1, с. 98]. Характарыстыкай знешняга недахопу з’яўляецца празванне героя згаданага вышэй твора Мірона *Кульгавага*. Яркую, не такую, як у іншых палешукоў, знешнасць юнака акрэслівае мянушка *Цыганчук*: “*Абзывалі Лёньку **Цыганчуком**: ён трос смалянымі нячэсанымі кудламі, якія звісалі на лоб, бліскаў сінімі бялкамі вачэй*” [2, с. 138]. Характарыстычныя празванні гэтай групы змяшчаюць насмешлівую і нават пагардлівую эмацыйную ацэнку герояў.

Характарыстыка прыгожага голасу, якім прырода надзяліла дзяўчыну, стала асновай празвання *Оперная*: “«***Оперная»** – паспелі ўжо ў інтэрнаце даць Надзі мянушку. У яе моцнае, шырокага дыяпазону і прыгожага тэмбру драматычнае сапрана*” [2, с. 89]. Празванне *Партызанка* атрымала гераіня згаданай аповесці, якая ў ваенным дзяцінстве была ў партызанскім атрадзе. Названыя мянушкі валодаюць некаторай доляй іроніі. Празванне *Воўк*, якое належыць персанажу аповесці У. Дамашэвіча “Кожны чацвёрты”, акрэслівае і ацэньвае “звярыныя” рысы характару героя: “*Мянушка яго была **Воўк**, і ніхто яго за вочы іначай не называў, мо якраз за гэтую яго звераватасць, за маўклівасць, за нелюдзімасць, якая відаць была ў поглядзе яго цёмных вачэй, у выразе зарослага чорным шчаціннем, рабога з воспы твару*” [1, с. 6]. Хлопчыка, героя аповесці Клаўдзіі Каліны “Маці і сын”, дражнілі ў вёсцы *Фрыцыкам*, бо ён нарадзіўся ў час вайны ад немца.

У кантэксце гістарычнай прозы ацэначна-характарыстычныя антрапаэтонімы (асабовыя імёны, прозвішчы, мянушкі) становяцца трапным і лаканічным сродкам стварэння мастацкіх вобразаў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Дамашэвіч, У. Кожны чацвёрты : аповесць / У. Дамашэвіч. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 145 с.

2. Каліна, К. Крылаты конь : аповесці, апавяданні / К. Каліна. – Мінск : Маст. літ., 1989. – 145 с.

К содержанию

В. О. СЕРООКАЯ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

КОЛОРОНИМЫ В ИДИОСТИЛЕ И. Ф. АННЕНСКОГО

Русские поэты в своих произведениях традиционно уделяли особое внимание цветовым обозначениям. Это особенно ярко проявляется в творчестве поэтов-символистов, где цветовые символы играют ключевую роль в создании поэтических образов и передаче эмоционального состояния. Символисты использовали цвета для создания многослойных смыслов и ассоциаций. Цветообозначения имеют комплекс образных и символических значений. С их помощью, во-первых, моделируются отдельные фрагменты национальной картины мира – это так называемый общефилософский и этнокультурный план проявления цветовой символики в поэтическом языке. Во-вторых, в колорониме может быть актуализирован общественно-политический план значения (*Белая армия – Красная армия*). Наконец, в-третьих, цветовая символика отражает мировоззрение автора.

Материалом для нашего исследования послужил Национальный корпус русского языка (далее НКРЯ) [1]. В поэтический корпус НКРЯ включен 261 текст И. Ф. Анненского 1874–1909 гг. общим объемом 28781слово. Цветовая палитра поэта включает более 30 цветов и оттенков.

Согласно результатам проведенного исследования, цветообозначения можно объединить в микрополя на основе доминантных лексем: красный (23: из них 6 *красный*; 12 *алый*, 2 *багровый*, по 1 *багряный*, *багряно-алый* и *пунцовый*), розовый (31), синий (29), голубой (32: 25 *голубой*, 7 *лазурный*), зеленый (25, 1 из них *зелено-желтый*), желтый (40; из них желтый 29, 3 *златой* и 3 *златистый*, по 1 разу *златисто-розовый*, *бледно-желтый*, *буро-желтый*, 2 раза *серебристо-желтый*), фиолетовый (только *лиловый* – 6 примеров), рыжий (3; слово *рыжий* встретилось всего 1 раз, и 2 раза – его синоним *бурый*), белый (75; 1 из них *бело-алый*), черный (71), серый/серебристый (15: 8 *серый*, 7 *серебристый*). Из приведенных количественных данных видно, что ахроматические цветообозначения составляют в сумме 161 словоупотребление 5 лексем, тогда как хроматические – 189 словоупотреблений 22 лексем, т. е. средняя частота хроматических колоронимов вчетверо ниже по сравнению с ахроматическими.

И. Анненский традиционен в своем восприятии черного цвета. Часто этот цвет упоминается в описаниях ночи: *И ночь уже идет сквозь* ***черные*** *вершины…*; *Надо только,* ***черна*** *и мертва, / Чтобы ночь позабылась полнее*; *Так беззвучна,* ***черна*** *и тепла / Резедой напоенная мгла…* и т. д. Кроме того, черный цвет у поэта – символ смерти: *Когда под* ***черными*** *крылами / Скло-*

нюсь усталой головой / И молча смерть погасит пламя / В моей лампаде золотой…, А к рассвету в молочном тумане повис / На березе искривленно-жуткий / И ***мучительно-черный*** *стручок* (о повесившемся человеке), *«лоно смерти открылось* ***черно»*** и др. Черный цвет символизирует и различные отрицательные эмоции, тягостные переживания: *Неподвижно в кольца дыма /* ***Черной*** *думы врезан дым…*; *И скуки* ***черная*** *зараза*; *Ветер, зачем ты свеваешь, / Жгучий мучительный ветер, / С думы и* ***черной*** *и тяжкой, / Точно могильная насыпь, / Белые блестки мечты?…* Это цвет ветхости, болезни: *В жидкой заросли парка береза жила, / И* ***черна****, и суха, как унылость…*; *Лишь у* ***черных*** *деревень / Бесконечный все печальней, / Словно дождь косой плетень*; *Доски свежие мостов, / Доски* ***черные*** *постройки* и др. Воспринимая черный цвет как символ всего отрицательного, мучительного, И. Анненский прибегает к оксюморону, сочетая соответствующее прилагательное с обозначениями огня: *Желт и* ***черен*** *мой огонь*; *Как у* ***черного*** *костра / Мертвы линии обоза!*; *Нездешней мучительной страсти / Огнем она* ***черным*** *горит…».* В то же время в некоторых примерах черный становится символом плодородия, пахотной земли, приобретая положительную коннотацию: *Да ожившей земли в неоживших листах /* ***Ярко-черную*** *грудь!*; *И внук, тобой прощенный, / Сегодня, на алтарь припавши, молит, / ... чтоб в пашнях* ***черных*** */ И трудовых Димитры золотой / Не иссякал налитый солнцем колос…*».

Белый цвет противоположен черному, но у И. Анненского и он может символизировать смерть: *«На поле* ***белом*** *меж крестов – / Хоть там найду ли свой?..»*; *«Если что-нибудь осталось / От того, что было мною, / Этот ужас, эту жалость / Вы обвейте пеленою. / В* ***белом*** *поле до рассвета / Свиток* ***белый*** *схороните…».* Традиционно белый считается цветом снега, зимы, у И. Анненского при этом подчеркивается холод и безжизненность, красота зимнего пейзажа не трогает поэта: *«Сейчас разминуться должны мы / На* ***белом****, но мертвом снегу»*; *«Падает снег, / Мутный и* ***белый*** *и долгий»* и др. При описании людей белый цвет амбивалентен: это и символ невинности, юности (*«Меланиппа, нарядная, в* ***белом»***; *«****белые****, трогательно нежные руки»*; *«За ручкой ручку* ***белую*** */ Малютка отряхнет»*), и символ старости (*«А это дед твой, Геллен, старец* ***белый»***; *«Он совсем* ***белый****, согбенный»*).

Серый цвет в русской традиции символизирует скуку, что отчасти отражается и в идиостиле И. Анненского: *«Мне ль дали пустые не* ***серы****? / Не тускло звенят бубенцы?»*; *«Комедия эта была мне / В то* ***серое*** *утро тяжка».* Кроме того, для поэта серый цвет символизирует холодную неумолимость судьбы, античные парки предстают у него в образе старых эстонок, приходящих во сне: *«Не глядят на меня – только вяжут / Свой*

чулок бесконечный и ***серый****»*. Совсем другие смыслы И. Анненский вкладывает в колороним *серебристый*, это цвет тайны, волшебства: *«****Серебристой*** *вереницей / Там клубились нереиды»*; *«Только б маска колдуньи светилась / Да клубком ее сказка катилась / В* ***серебристую*** *даль, на* ***сребристую*** *гладь»* и др.

Холодные синий и голубой цвета встречаются в произведениях И. Анненского несколько чаще, чем теплые красный и розовый. Синий (голубой) – цвет очищения, цвет неба, легкости: *«На* ***синем*** *куполе белеют облака»*; *«В* ***синюю*** *пу́стынь небес / Звоны уходят молиться…»*; *«Просвет зелено-золотистый / С кусочком* ***голубых*** *небес»*; *«Гаснет небо* ***голубое****»*.

Лед также окрашен в синий цвет: *«Еще не царствует река, / Но* ***синий*** *лед она уж топит»*; *«****Голубые*** *льды разбиты, / И они должны сгореть!»*; *«Этот нищенски* ***синий*** */ И заплаканный лед!»*. Наречие *нищенски* указывает на то, что синяя окраска льда у поэта вызывает неприятные ассоциации. При этом синий цвет – цвет воды – нейтрален, лишен отрицательных коннотаций: *«Славьтесь,* ***синие*** *пучины / Сребровласого Нерея!»*; *«И остров цветущий на* ***синем*** */ Сребристом просторе»*. Синий и голубой в стихотворениях И. Анненского нередко связаны с огнем: *«полудня пламень* ***синий****»*; *«Помню дым от струи водомета, Весь изнизанный* ***синим*** *огнем…»*; *«Июль … Вздувает* ***голубое*** *пламя…»*; *«И огней нетленные цветы / Я один увижу* ***голубыми****…»* и др.

Из теплых цветов И. Анненский предпочитает розовый. Этот цвет связан с описанием цветущих растений: *«Давно меж листьев налились / Истомой* ***розовой*** *тюльпаны»*; *«В гроздьях* ***розово-лиловых*** */ Безуханная сирень»* и др. Но чаще розовый цвет символизирует чувства: *«Как цепи* ***розовых*** *минут / Между запиской и свиданьем»*; *«Вы еще были Алиною, / С* ***розовой*** *думой в очах»* и др. Слово *красный* поэт использует редко, вдвое чаще встречается колороним *алый* (в описаниях цветов, зари, пламени).

Зеленый для Анненского – это символ природы: *«Воздух был нежен и хмелен, / И отуманенный сад / Как-то особенно* ***зелен****»*; *«Только иве дивятся* ***зеленой****»*; *«****Зеленые*** *их сон лелеют травы»*; *«****Зеленый*** *призрак куста сирени / Прильнул к окну…»*.

Желтый цвет связан со светом, солнцем, луной, но это цвет гнетущий, негативный: *«Солнце за гарью тумана /* ***Желто****, как вставший больной»*; *«Так уныла,* ***желта*** *и больна / В облаках театральных луна»*; *«Кому ж нас надо? Кто зажег // Два* ***желтых*** *лика, два унылых…»* (о свечах) и т. д.

Таким образом, цвет помогает И. А. Анненскому выражать различные оттенки эмоций и чувств, тончайшие грани настроения. Все цвета приобретают в его поэтическом мире особый символический смысл, многие

из них амбивалентны и в зависимости от контекста приобретают положительную или отрицательную коннотацию.

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruscorpora.ru/new. – Дата доступа: 10.05.2024.

К содержанию

М. Ю. СІВАК
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – С. Ф. Бут-Гусаім, канд. філал. навук, дацэнт

КУЛЬТУРНА-ГІСТАРЫЧНАЯ АДМЕТНАСЦЬ ПАЭТОНІМІКОНУ ЗБОРНІКА АНАТОЛЯ БУТЭВІЧА “СЛАВУТЫЯ РОДАМ СВАІМ”

Анатоль Бутэвіч – чалавек, усхваляваны лёсам роднай зямлі і тым, якой будзе захаваная спадчына продкаў. Кніга “Славутыя родам сваім” прысвечана лёсам прадстаўнікоў даўніх і знакамітых родаў, што жылі некалі на беларускай зямлі. Яны праславілі яе і праславіліся самі ратнымі подзвігамі, мудрай дзяржаўнай і палітычнай дзейнасцю ў Вялікім Княстве Літоўскім і Каралеўстве Польскім. Многія праявілі сябе мецэнатамі, падтрымлівалі развіццё навукі, культуры і мастацтва, спрыялі пашырэнню адукацыі сярод простага люду. З іх асяроддзя выйшлі таленавітыя мастакі, пісьменнікі, асветнікі. Захоплена, грунтоўна і эмацыянальна расказваючы чытачу пра даўнія часы, пра славутых продкаў, пісьменнік умела выкарыстоўвае нацыянальна-культурную інфармацыю ўласных імёнаў, якія з’яўляюцца каштоўнай спадчынай беларусаў.

Ядро анамастыкону зборніка – антрапонімы. Героі кнігі носяць хрысціянскія імёны іншамоўнага паходжання, запазычаныя з **грэчаскай**: *Аляксандр* (грэч. ‘абаронца людзей’); *Юрый* (ад грэч. *Георгій* ‘земляроб’); *Амброжый* (грэч. ‘бессмяротны, боскі’); *Барбара* (грэч. ‘іншаземка’); *Андрэй* (грэч. ‘мужны’), *Кацярына* (грэч. ‘чыстая, цнатлівая’), *Грыгорый* (грэч. ‘пільны’), *Фёдар* (грэч. ‘Божы дар’); **лацінскай**: *Канстанцін* (лац. ‘цвёрды, пастаянны’), **старажытнаяўрэйскай** мовы: *Тадэвуш* (ст.-яўр. ‘пахвала’), *Юзаф* (ст.-яўр. ‘памножаны’), *Сямён* (ст.яўр. ‘які чуе’), *Фадзей* (ст.-яўр. ‘пахвала’) і інш.

Складнікам іменаслову зборніка з’яўляюцца **імёны па бацьку**, або **патронімы**, што ўзыходзяць да старажытнага наймення, якім называлі чалавека па імёнах яго продкаў па мужчынскай лініі. Такія формы ўжываліся ў вышэйшых слаях грамадства і не толькі ідэнтыфікавалі асобу,

але і сцвярджалі яе статус як спадчынніка валадарных асоб: “*Калі ў 1430 г. памёр вялікі князь літоўскі Вітаўт, сярод тых, каго хацелі бачыць яго пераемнікам, называлі і Алельку* ***Уладзіміравіча*** *Слуцкага*” [1, с. 4]; “*Праславіўся Канстанцін* ***Іванавіч*** *Астрожскі сваімі ратнымі подзвігамі. У канцы XV – пачатку XVI стагоддзя яму не было роўных у бітвах з ворагамі Княства*” [1, с. 5]; “*На ўласныя сродкі Канстанцін* ***Канстанцінавіч*** *стварыў пры Астрожскай акадэміі друкарню*” [1, с. 5]. З дапамогай патроніма ў форме множнага ліку ўстанаўліваліся родавыя сувязі паміж бацькам, сынамі і братамі: “***Алелькавічы*** *належалі да адной з магутных галін яшчэ больш стваражытнай дынастыі* ***Гедымінавічаў***” [1, с. 3].

У гісторыю ўвайшлі **мянушкі** многіх славутых людзей, што зафіксавана ў кнізе А. Бутэвіча. Празванне вялікага князя *Вітаўта Вялікага* абгрунтоўваецца тым, што ён стварыў моцную дзяржаву. Нашчадкі паважалі яго, адважнага, мудрага і справядлівага ваяра і правіцеля. Альжбета Астрожская, якая мела ў жыцці шмат розных прыгод, авантур, была названа *Чорнай княгіняй*. Юрыя Радзівіла за ваенныя заслугі называлі літоўскім *Геркулесам*. Сямён Іванавіч Гальшанскі быў намеснікам Вітаўта ў Вялікім Ноўгарадзе. За тое, што кіраваў надта жорстка і сурова, яго называлі *Лютым.* Розум дзяржаўнага дзеяча падкрэслівае празванне князя Яраслава *Мудрага*. “*У Аляксандра Гальшанскага не склаліся адносіны з Вітаўтам. Уцёк ён у Масковію, атрымаў там у валоданне Пераяслаў. А разам з гэтым і прозвішча* ***Нялюба****. Мо за тое, што неўзлюбіў сваю родную зямлю?*” [1, с. 7].

Прозвішчы – афіцыйныя іменаванні, што перадаюцца ў спадчыну і ўказваюць на прыналежнасць чалавека да пэўнай сям’і. Пісьменнік-краязнаўца расказвае пра паходжанне прозвішчаў славутых шляхецкіх родаў. Так, прозвішча *Алелькавічаў* паходзіць ад імені заснавальніка роду *Аляксандра (Алелькі)* – сына кіеўскага князя Уладзіміра, унука вялікага князя літоўскага Альгерда, праўнука Гедыміна. Аўтар прадстаўляе чытачу легенду пра паходжанне прозвішча *Хадкевічаў*: “*Адна з легенд сведчыць, што род пачаўся ад кіеўскага баярына* ***Ходара*** *(Фёдара) або* ***Ходкі*** *(****Ходзькі****) Юр’евіча. Аднойчы выехаў вялікі князь літоўскі Вітаўт на ловы. Толькі пачалі звера страляць, як раптам даносяць, што непрыяцель акружыў іх, ратавацца трэба. Тады адзін з дружыннікаў узяў гаспадара Княства на рукі і панёс яго таемнымі сцежкамі. Некалькі вёрст нёс па непраходным лесе. Шчыра падзякаваў Вітаўт свайму збавіцелю, якога пасля гэтага назвалі* ***Ходкам****. А нашчадкі яго сталі* ***Хадкевічамі***” [1, с. 10]. Паганскімі імёнамі продка матывуюцца прозвішчы *Гальшанскіх* і *Гаштольдаў*: “*Пасля смерці Свінтарога на вялікі пасад літоўскі, жамойцкі, новагародскі і рускі заступіў ягоны сын Скірмант. Скірмантаў сын Гілігін княжыў на зямлі літоўскай і рускай, пакуль не памёр. Затым княжыць пачаў Гілігінаў сын Раман. Калі Раман памёр, разышліся пяць яго сыноў княжыць у розных*

землях. Сярэдні ***Гальшан*** *пайшоў за раку Вяллю. Гэта і быў той далёкі продак, якому зямля* ***гальшанская*** *сваёю назвай абавязана. Сярод прыгожых гор знайшоў Гальшан гару найпрыгожую, што над ракрою Вільняй. Збудаваў там горад і назваў яго сваім імем –* ***Гальшаны****. І назваўся князем* ***Гальшанскім****. Так паведамляе пра заснаванне* ***Гальшанаў*** *у XIII стагоддзі і паходжанне князёў* ***Гальшанскіх*** *Хроніка Быхаўца*" [1, с. 6–7]; "*Згодна з летапісам пачынальнікам роду лічыцца Крумпа – гетман літоўскага князя Ердзівіла. Пасля пераносу сталіцы ВКЛ у Вільню Крумпа стаў першым віленскім ваяводам. Ад ягонага сына* ***Гаштольда*** *і пайшоў знаны праваслаўны род*" [1, с. 9].

Значнае месца ў анамастыконе навукова-папулярнай кнігі А. Бутэвіча займаюць так званыя "**фонавыя онімы**". Сродкам увасаблення прасторава-часавых адносін з'яўляюцца **тапонімы** *Беларусь, Тураў, Слуцк, Капыль, Койданава, Нясвіж, Клецк, Давыд-Гарадок* і інш. Стварэнню гістарычнага каларыту спрыяюць таксама ўжытыя ў кантэксце кнігі **ўстарэлыя тапонімы**, якія былі раскласіфікаваны паводле іх суадносінаў з сучаснымі назвамі. **Семантычным археонімам** з'яўляецца тапонім *Літва*, які ў кнізе А. Бутэвіча ўжываецца ў значэнні 'старажытная дзяржава, што займала землі паміж сённяшнямі Навагрудкам, Маладзечнам, Мінскам, Слонімам'. **Гістарыёнімы** – найменні аб'ектаў, якія зніклі з палітычнай і геаграфічнай карты, напр.: *Рэч Паспалітая* 'аб'яднаная польска-літоўская дзяржава з часу Люблінскай уніі', *Масковія* 'назва маскоўскай дзяржавы, якая сустракаецца ў апісаннях замежных падарожнікаў XV–XVII стст.'.

У аповедзе пра славутыя шляхецкія роды ўжыты таксама **эргонімы** (*Тэўтонскі ордэн* і інш.), **бібліёнімы** (*"Хроніка Быхаўца", "Аповесць мінулых гадоў", Слуцкі летапіс, Астрожская Біблія, "Храналогія" Андрэя Рымшы*), **эклезіёнімы** (*Кіева-Пячэрская лаўра, Навагрудскі касцёл*), **ойкадамонімы** (*Слуцкі замак, Крэўскі замак, Гальшанскі замак*). Складнікамі гісторыі княскіх родаў сталі найменні гербаў: "*Астрожская друкарня, Астрожская Біблія. Астрожская школа. Астрожскі напеў. Астрожская навука перамагаць… Гэтыя азначэнні трывала замацаваліся ў гісторыі Вялікага Княства Літоўскага за знакамітым магнацкім родам Астрожскіх герба* "***Астрога***". *Буйныя землеўладальнікі Беларусі і Украіны, яны паходзілі з пінскіх і тураўскіх князёў*" [1, с. 4].

Такім чынам, навукова-папулярная кніга Анатоля Бутэвіча вызначаецца стылістычна матываваным ужываннем анамастычных адзінак, што перадаюць факты гісторыі старадаўніх родаў, якія праславілі нашу Айчыну.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Бутэвіч, А. Славутыя родам сваім / А. Бутэвіч. – Мінск : Мін. фабрыка каляр. друку, 2006. – 15 с.

К содержанию

А. Г. СІНЬКЕВІЧ
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – Т. А. Кісель, канд. філал. навук, дацэнт

НАЗВЫ ЛУГАВЫХ І ПАЛЯВЫХ ТРАВЯНІСТЫХ РАСЛІН У ГАВОРЦЫ АГ. АСНЕЖЫЦЫ ПІНСКАГА РАЁНА

Піншчына – гэта ўнікальная па сваіх прыродных умовах мясцовасць, якую насяляюць такія ж неардынарныя жыхары – палешукі. У маўленні яны захоўваюць традыцыі сваіх далёкіх продкаў. Аднак апошнім часам значны ўплыў на арыгінальную палескую гаворку аказвае руская мова, што вядзе да страты спецыфічных рысаў дыялектнай мовы рэгіёна. У розных тэматычных групах лексікі гэты ўплыў праяўляецца па-рознаму. Мы паназіралі за асаблівасцямі функцыянавання батанічных номенаў, што выкарыстоўваюць жыхары аднаго населенага пункта Піншчыны – аграгарадка Аснежыцы. У артыкуле прыводзіцца невялікі слоўнік дыялектных назваў травяністых раслін, якія растуць на лугах і палях мястэчка.

Анюціны глазкі мн. л. ‘браткі – двухгадовая расліна сямейства фіялкавых’: *Анюціны глазкі – эта як бы весеннія цветы первыя*.

Балегалоў м. р. ‘балігалоў – двухгадовая травяністая атрутная расліна, якая вызначаецца рэзкім пахам’: *Балегалоў – лекарственнае расценіе*.

Баршчэвік м. р. ‘баршчэўнік – травяністая расліна з дробнымі белымі або зялёна-жоўтымі кветкамі’: *Ад баршчэвіка, еслі пападзёш у зараслі, то можна палучыць ажогі сільныя, таму шчас яго іскараняют*.

В’юнок, берозка м. р. ‘бярозка – пустазелле з белымі ці ружовымі кветкамі і павойным сцяблом’: *В’юнок – гэта такі сарняк, шо не іскараніць, он сцелюшчыйся, як абав’е ўсё ў агародзе, шо можна ўсё з карнямі павырываць*.

Васілёк м. р. ‘васілёк, валошка – травяністая расліна, якая расце звычайна ў азімых пасевах і цвіце сінімі кветкамі’: *Васілёк – эта сімвал нашай Беларусі*.

Горец м. р. ‘драсён – шматгадовая расліна ці паўкустовая расліна сямейства грэчкавых’: *Горец – это сарняк такі*.

Дзевяцьсіл м. р. ‘дзівасіл – высокая травяністая расліна з вялікімі лістамі і дробнымі жоўтымі кветкамі’: *Само названне гаварыт: дзевяцьсіл – ад дзевяці балезней*.

Дікая морква ж. р. ‘маркоўнік – расліна з лісцямі, падобнымі да лісцяў морквы’: *Дікая морква – сарняк такімі белымі перавязачкамі ростэ, тоже цяжка іскараняецца*.

Дурма́н м. р. ‘дурнап’ян – ядавітая травяністая расліна з дурманлівым пахам’: *Дурман мае такі спецэфіческі запах*.

Зверабо́й м. р. ‘святаяннік – шматгадовая расліна, якая расце ў выглядзе невысокага хмызняку’: *Цвытэ жоўтымі кветкамі і вельмі пахне.*

Мокрэ́ц м. р. ‘зоркаўка сярэдняя – невялікая расліна з голым трубчастым сцяблом, зеленавата-жоўтымі, сабранымі ў парасончыкі кветкамі і бліскучымі лістамі’: *Ой, то ен ростэ каля жылля, во, на агародах, нейкіх пустозельных месцах, на лясных дарогах, на палянах у лесе тут у нас.*

Кле́вер м. р. ‘канюшына – шматгадовая расліна з трайчастым лісцем і шарападобнымі кветкамі’: *Клевер зара пріменяют для ізгатавлення сіласа*.

Ко́нскі шча́вель м. р. ‘шчаўе конскае – травяністая расліна, лісце якой мае кіслы смак’: *На лугах конскі шчавель ростэ такі высокі*.

Костэ́рова ж. р. ‘брыца – дробнае пустазелле, плашчуга, пласкуша’: *Як наростэ в огороді, як тая шчотка* (Любель).

Кураслéп м. р. ‘казялец – ядавітая расліна з залаціста-жоўтымі бліскучымі кветкамі’: *Як булы малыі, то боялыса ў рукі браты гэтыі кураслепы. А чого, вже і нэ помню.*

Лапу́х м. р. ‘лопух – шматгадовая расліна з буйнымі шырокімі лістамі і ўчэпістымі калючкамі’: *Лапух прыменяецца в народнай медыцыне*.

Лапча́тка гусі́ная ж. р. ‘гусялапка – травяністая расліна з зеленаватымі кветкамі і складчатымі лістамі’: *Лапчатка гусіная – гэта такое сцелюшчаесе расценіе і жоўценькім цвытэ.*

Лебеда́ ж. р. ‘лебяда – пустазелле сямейства лебядовых з лісцем, якое звычайна пакрыта мучністым налётам’: *Як лебеда ростэ, то шчытаецца, што почва пладародная*.

Львіны зе́в м. р. ‘зарніца – пустазелле або дэкаратыўная травяністая расліна з жоўтымі ці фіялетавымі кветкамі’: *Львіны зев, у яго цветочак такі красівы, як у льва рот раскрываецца*.

Ма́ть-і-ма́чыха ж. р. ‘падбел – лекавая расліна сямейства складанакветных з шырокімі лістамі, пакрытыя спаднізу белымі версінкамі, і жоўтымі кветкамі’: *Мать-і-мачыха ростэ пры канавах.*

Мя́тлік м. р. ‘мятліца – шматгадовая расліна злакавых з суквеццем у выглядзе мяцёлкі’: *Мятлік на сена для кароў загатаўліваюm*.

Огуре́чнік м. р. ‘агурочнік лекавы – шматгадовая расліна, сцябло якой пакрыта шчаціністымі валаскамі; лісце мае пах агуркоў ’: *Огуречнік – это лісцікі і іх нарежэш у салат і яны пахнут огурцом*.

Падаро́жнік м. р. ‘трыпутнік, падарожнік – травяністая расліна з шырокім лісцем і дробнымі кветкамі ў коласападобным суквецці, якая расце абапал дарог, на лугах’: *Падарожнік – это растут такія лісты пры дарозе, прыкладваюm к ранам, і яны быстра зацягваюцца*.

Палы́нь ж. р. ‘палын, чарнобыль – пустазелле з моцным пахам і горкім смакам’: *Палынь ложат у погрыб ад мышэй, яна горкая.*

Пасту́шная су́мка ж. р. ‘стрэлкі – расліна сямейства шальнікавых з белымі кветкамі і стрэлападобным лісцем’: *Пастушная сумка растэ на палях, у ее белыя цветы і бы сердзечкі семена.*

Подсне́жнік м. р. ‘вятроўнік – расліна сямейства амарылісавых, якая цвіце ранняй вясной белымі кветкамі’: *Подснежнікі – это ранніе цветы.*

Прокы́ва н. р. ‘крапіва звычайная – расліна з тонкімі пякучымі валаскамі на сцябле і лісці’: *Пойду проківы наріжу.*

Пусты́рнік м. р. ‘сардэчнік – травяністая меданосная расліна сямейства губакветных, якая ўжываецца ў медыцыне пры сардэчна-сасудзістых і нервовых захворваннях’: *Пустырнік растэ на пустырах і прыменяецца як лекарственнае.*

Пы́рый м. р. ‘пырнік – від раслін, некаторыя з якіх з’яўляюцца вельмі шкодным пастузеллем, а іншыя вырошчваюцца на корм жывёле’: *Пырый, штытаецца, растэ на пладародных почвах.*

Рама́шка палева́я м. р. ‘рамонак – расліна з зубчастым лісцем і кветкамі з белымі пялёсткамі і жоўтай сярэдзінай’: *Мы букеты сабіралі з палевых рамашак.*

Расторо́пша ж. р. ‘растаропша – высокая расліна з шырокім зубчастым лісцем, верхнія лісты – у вялікіх белых плямах, ніжнія – у жоўтых калючках, мае дробныя лілова-малінавыя кветкі ў кошыках’: *Расторопша от печені пріменяецца.*

Сасёнка ж. р. ‘сасёнка – споравая расліна з зялёным галінастым сцяблом і лускаватым лісцем; падобная да елачкі’: *Сасёнка пріменяецца тоже в медыцыне, яна растэ на кіслых почвах.*

Су́валака ж. р. ‘пырнік – расліна з лінейным вузкім лісцем і суквеццем у выглядзе каласка’: *Гэто такэ зілле – сувалака. Растэ і на огороді і на лугу. Корні тягнуцца, нэ можна выдраты. А картоплі пробывае насквозь, бы пакля.*

Тмі́н м. р. ‘кмін – травяністая расліна з прамым, разгалінаваным уверсе сцяблом і белымі або ружовымі кветкамі’: *Тмін дабавляют в колбасы, хлеб.*

Тысячалі́снік м. р. ‘крываўнік – травяністая лекавая расліна з пёрыстымі рассечанымі лістамі і моцным пахам’: *Тысячаліснік мее лісцікі як іголачкі і многа такіх беленькіх цветочкаў.*

Чебре́ц м. р. ‘чабор – невялікая расліна з прыемным духмяным пахам і дробнымі ружова-ліловымі кветкамі на вяршыні сцяблінак’: *Мне нравіцца запах чебреца.*

Чертапало́х м. р. ‘чартапалох – шматгадовая расліна сямейства складанакветных, калючае пустазелле з перстарассечаным лісцем і пурпуровымі кветкамі’: *Чертапалох растэ на лугах, такая калючка.*

Черэмша́, медве́жы лу́к ж. р. ‘чарамша – травяністая, цыбульная расліна сямейства лілейных; дзікі часнок’: *Черэмша ў Пушчы растэ, медвежы лук яшчэ называют, пахне лукам*.

Чыстаце́л м. р. ‘падтыннік – расліна з жоўтымі кветкамі, сабранымі ў парасонападобныя суквецці, і аранжавым млечным сорка, які выкарыстоўваецца для лячэння некаторых захворванняў скуры’: *О то бородавка вылазае, да мы й чыстацелам, гэтым сокам, памажым, памажым ды ўсё, пройдзе, так лічылі раньшэ.*

Шча́вель м. р. ‘шчаўе – травяністая або паўкустовая расліна сямейства драсёных, лісце якой мае кіслы смак’: *Пойду шчавью наріжу*.

Як бачым, сярод зафіксаваных у актыўным слоўніку жыхароў аграгарадка Аснежыцы назваў палявых і лугавах раслін адзначаюцца лексемы, якія ідуць з рускамоўнай батанічнай наменклатуры. Аднак і традыцыйныя беларускія і вузка мясцовыя назвы таксама выкарыстоўваюцца (*костэрова, сасёнка* і інш.).

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Раслінны свет : тэмат. слоўн. / склад. В. Д. Астрэйка [і інш.]; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, А. А. Крывіцкі. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – 665 с.

К содержанию

Т. Р. СКРИПНИК
Пинск, СШ № 7 г. Пинска
Научный руководитель – Л. М. Садко, канд. филол. наук, доцент

ЦЕНТОННЫЙ ХАРАКТЕР ПОЭМЫ «ПОСЛАНИЕ К Л. С. РУБИНШТЕЙНУ» ТИМУРА КИБИРОВА

Поэма «Послание к Л. С. Рубинштейну» (1990) Тимура Кибирова стало своеобразным вызовом поэта-неоавангардиста, постмодерниста стандартам уходящей советской эпохи. Исследователь Т. Глушакова отмечает интересный факт: «По мнению М. Л. Гаспарова, послание к середине XIX в. просто перестает существовать как жанр. Между тем, Тимур Кибиров, словно бы опровергая утверждение известного теоретика литературы, публикует сборник “Избранные послания”» [1]. Такая жанровая форма – дружеское послание – подразумевает определенную долю свободы в выборе лексических и стилистических средств, допускает возможности эксперимента на уровне эстетики и поэтики, художественных средств письма. Сам адресат послания – Лев Рубинштейн – для Т. Кибирова – ближайший товарищ и единомышленник. Оба поэта входят в дружеский неформальный кружок, где, по мнению исследователя

С. Файбисовича, «формировался альтернативный и диссидентско-интеллигентскому, и квазинонконформистскому тип сознания и поведения, где идеи ответственности за народ, судьбы страны, человечества, искусства, культуры и т. п. переплавлялись в идею личной ответственности за качество собственного существования» [7].

Безусловно, Лев Рубинштейн – идеальный адресат, который во всех тонкостях понимает обращенную к нему речь, обладает схожим культурным тезаурусом, поскольку воспитан в тех же реалиях, что выпали на долю лирического героя «Послания…» Т. Кибирова:

Помнишь, в байковой пижаме
свинка, коклюш, пластилин,
с Агнией Барто лежали и
глотали пертуссин? [3]

А. Рослый в связи с этим отмечает: «Произведения Кибирова воспринимаются в контексте узнавания поэтической традиции – цитатами щедро украшено чуть ли не каждое его стихотворение. Причем контекст легко узнаваем: поэт использует тот материал, который прочно связан в сознании каждого освоившего школьную программу с представлением о том, какой должна быть великая русская литература» [5].

Отличительной чертой данной поэмы также является центон и использование цитат. Центон с латинского переводится как ‘наряд из заплаток, разноцветных лоскутов’. В литературоведении – это «стихотворение, целиком составленное из строк других стихотворений. Художественный эффект центона – в подобии или контрасте нового контекста и воспоминаний о прежнем контексте каждого фрагмента» [4, стб. 1185].

Как известно, советская интеллигенция достаточно активно использовала цитаты в своей бытовой речи. Именно из бытового общения «цитатничество» и центон проникли в поэзию второй половины XX в., однако уже в качестве литературного приема. По мнению Е. А. Тодесс, «цитатная техника Кибирова доведена до естественности владения родным языком – он сыплет цитатами, как поговорками, или, скорее, как частушками, – жанр, который его стих прямо имеет ввиду, то упираясь прямо в него, то отдаляясь» [6, с. 70]. Т. Кибиров использует речевые штампы, расхожие цитаты, поговорки, присказки, строчки и фрагменты массовых песен («широка страна моя родная», «и какой же русский», «чижик-пыжик» и т. д.), виртуозно вплетая все это в текст «Послания…»:

Бьют баклуши. Бьют кого-то.
Мрак да враг. Да щи, да каша.
Я пропал, и ты не пан [3].

В этих отдельных строчках «Послания…» мы находим такие фразеологические единицы, как: «бить баклуши», «щи да каша – пища наша», «кто пан, а кто пропал».

Строчка «Слышу трели жаворонка…» является цитатой из популярной в советское время песни на стихи вологодского поэта Ф. П. Савинова «Родное» (1885):

Слышу песни жаворонка,
Слышу трели соловья…
Это – русская сторонка,
Это – родина моя.

А в главе 21 строчки «На мосту стоит тачанка, / все четыре колеса» отсылают нас к песне «Тачанка» (1936) К. Я. Листова:

Эх, тачанка-ростовчанка,
Наша гордость и краса,
Конармейская тачанка.
Все четыре колеса.

Кроме того, в поэме наблюдается скопление цитат русских классиков: А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, О. Э. Мандельштама, Б. Пастернака.

Кроме цитирования и центона в «Послании…» использованы такие приемы, как *ready-made*, или *found poetry*. Найденной поэзией (англ. *found poetry*) называют «тип поэзии, созданный путем заимствования слов, фраз, а иногда и целых отрывков текста из уже существующих источников, и их переформатирования (литературный эквивалент коллажа) путем изменения интервалов и строк, добавления или удаления текста, таким образом получая новый смысл» [4, стб. 605]. Данный тип текста создан на основе иного текста, в том числе и функционального (рекламные объявления, вывески магазинов, поисковые запросы в Интернете и т. д.). Получившееся произведение может быть, как сильно обработанным и измененным, так и оставаться практически без изменений в синтаксисе, порядке слов и их семантики. Заключительная, 24-я глава поэмы состоит из 30 стихов, девять из которых – (более 30 %) принадлежат перу Ф. И. Тютчева.

Отметим, что уникальность произведения состоит и в том, что Т. Кибиров в «Послании Л. С. Рубинштейну» первым в русской поэзии 1980–1990-х гг. «создал на основе центона, считавшегося в старом литературоведении пустой забавой, и разнообразных речевых штампов, которыми его предшественники играли ради игры, “большую форму” – содержательную цельную поэму в стиле соц-арт, соединявшую лиризм со

словесной игрой и острой политизированностью газетного материала на актуальную тему» [2, с. 41].

Кроме того, своим «Посланием…» автор высказался на актуальную для своей страны и соотечественников тему перестройки, а для этого создал поэтическую систему, в которой стерты различия «между поэзией герметической и всем открытой, интимно-личной и социально-ориентированной, “высокой” и “низкой”, между балагурством частушки и утонченной духовностью» [2, с. 67]. Надвигающийся финал советской эпохи, ее смерть, последующее осуждение и забвение автор маркирует авторским, экстраординарным термином – энтропия: *«Лева милый! Энтропия! / Энтропия, друг ты мой!»* [3].

Т. Кибиров таким образом хотел привлечь внимание к этой трагедии интернационального масштаба и одновременно не быть банальным, не использовать привычные в таких случаях слова и выражения (в том числе нецензурные), отказаться от идей-штампов. Энтропия в данном тексте – образ, ассоциативно отсылающий читателя к различным текстам-донорам. Энтропия у Т. Кибирова – это горькое ощущение разлада, утраты, потери. Например, в строфе из поэмы Т. Кибиров превращает знаменитые «лазоревые ткани» С. Есенина в «лазоревого коня», а его удалого героя – «парня бравого, кучерявого» заставляет с горечью вопрошать:

Где ж утраченная свежесть на
лазоревом коне?
Зубы, волосы все реже,
и все чаще страшно мне [3].

О физическом распаде как о своеобразном проявлении энтропии Т. Кибиров упоминает в строфах, где сатирически-обличительно рисует ветшание такого популярного памятника советской эпохи, как девушка с веслом. Поэт рассказывает, что скрывается за пафосом и мнимым величием подобных советских артефактов:

Что стояло – опадает.
Выпадает, что росло.
В парке девушка рыдает,
опершися на весло.

Гипс крошится, пропадает.
Нос отбит хулиганьем.
Арматура выползает
и ржавеет под дождем [3].

Тут используется эстетика намека, почти неприличного указания на признаки возраста, тяжелую физиологию мужской немощи, которая также ассоциативно связана с энтропическим мотивом этой поэмы.

Поэма «Послание к Л. С. Рубинштейну» Т. Кибирова показала невозможность идеологизированной, нетворческой советской номенкла-

турной культуры. Поэт отрицает существование вне золотой классики, вне традиции, обращается к ней в виде центона и цитации и других приемов интертекстуальной игры.

Список использованных источников

1. Глушакова, Т. С. Сборник Тимура Кибирова «Избранные послания» в социокультурном контексте 1980-х – 1990-х гг. [Электронный ресурс] / Т. С. Глушакова // Ярослав. пед. вестн. – 2005. – № 5. – Режим доступа: https://vestnik.yspu.org/releases/novye_Issledovaniy/14_7/. – Дата доступа: 14.02.2024.

2. Золотоносов, М. Н. Логомахия: поэма Тимура Кибирова «Послание к Л.С. Рубинштейну» как литературный памятник / М. Н. Золотоносов. – М. : Ладомир, 2010. – 372 с.

3. Кибиров, Т. Послание Л. С. Рубинштейну [Электронный ресурс] / Т. Кибиров // Третья модернизация. – 1988. – № 7. – Режим доступа: http://emc2.me.uk/tm/n7/kibirov.html. – Дата доступа: 09.08.2023.

4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / РАН, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; под ред. А.Н. Николюкина. – М. : Интелвак, 2003. – 1600 стб.

5. Рослый, А. Второе дно в посланиях Тимура Кибирова [Электронный ресурс] / А. Рослый // Prosōdia. – 2016. – № 4. – Режим доступа: https://magazines.gorky.media/prosodia/2016/4/vtoroe-dno-v-poslaniyah-timura-kibirova. html. – Дата доступа: 26.09.2023.

6. Тоддес, Е. «Энтропии вопреки»: вокруг стихов Тимура Кибирова / Е. Тоддес // Родник. – 1990. – № 4. – С. 67–71.

7. Файбисович, С. В. Три андеграунда [Электронный ресурс] / С. В. Файбисович // Андеграунд вчера и сегодня. – Знамя. –1998. – № 6. – Режим доступа: https://magazines.gorky.media/znamia/1998/6/andegraund-vchera-i-segodnya.html. – Дата доступа: 14.02.2024.

К содержанию

Ж. О. СТОВБИР
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. Б. Переход, канд. филол. наук, доцент

«ОСМЫСЛЕННЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ»: ДЕРИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА)

«Королем поэтов» провозгласили современники русского поэта Серебряного века, основателя эгофутуризма Игоря Васильевича Северянина. Каждый находит в его поэзии что-то созвучное своим мыслям и настроению, однако есть и общее мнение о языке и стиле произведений поэта: особое восприятие действительности и отражение его в стихах, музыкальность построения строк, множество иноязычных слов, географических названий, исторических имен, трансформация привычных слов, наконец, обилие новообразований.

Рассмотрим индивидуально-авторские новообразования в сборнике Игоря Северянина «Громокипящий кубок» с точки зрения частеречной принадлежности и способов слово- и формообразования. Анализ языкового материала позволил выявить около 118 лексических новообразований, из них: 35 глаголов, 34 имени существительных, 26 имен прилагательных, 11 наречий, 8 причастий, 4 деепричастия.

Наибольшее количество авторских новообразований – глаголы. Отнесем к этой группе и особые формы глагола – причастие и деепричастие.

При образовании глагольных окказионализмов поэт использует следующие способы:

– приставочно-суффиксальный (*озверит, заденела, отропили, ослезил, окалошить, огрезят, оякорили, опринципить, обезденешь, олунишь, обрильянтишь, провеерила, разлепесточил, заморела, протрелит*);

– суффиксальный (*утрела, бравурить, снежеет, хрусталит, крылит, кружевеет, популярить, утреет, ракетит, волшбит, лавит, ветрит, моторолет, крылит, взорлил, приветил*);

– суффиксально-постфиксальный (*юниться, шустрятся, лунятся, ручьиться*);

– приставочно-суффиксально-постфиксальный (*загрезится, зальдись, запечалилось, закудрились, осупружиться, взвуалится, онездешниться*).

Наиболее продуктивными способами образования глаголов-окказионализмов, встреченных в сборнике «Громокипящий кубок», являются приставочно-суффиксальный и суффиксальный способы.

У всех глаголов, образованных приставочно-суффиксальным способом, производящая основа – имя существительное. Так, глагол *заденела,* образованный от субстантива *день* при помощи приставки *-за* и суффикса *-е-*, употребляется в значении «*комната начала приобретать признаки дня*»: *… А* ***заденела*** *комната, с письмом / От Вашего врага пришел рассыльный* («Намеки жизни»). Глагол *отропили* образован от субстантива *тропа* при помощи приставки о- и суффикса -и-, в стихотворении имеет значение «*проложили путь (тропу) к сердцу*»: *И часто в ложе, на пестрой опере,* / *Когда ей сердце мечты* ***отропили****…* («Лесофея»).

Производящей основой при использовании суффиксально-постфиксального способа образования являются имена прилагательные и существительные: *юн-****и****-ть-****ся*** *← юный*, *шустр-****и****-ть-****ся*** *← шустрый*, *бриллиант-****и****-ть-****ся*** *← бриллиант*, *лун-****и****-ть-****ся*** *← луна*, *ручь-****и****-ть-****ся*** *← ручей*.

Производящей основой в приставочно-суффиксально-постфиксальном способе словообразования выступают чаще всего имена существительные: ***за****-льд-****и****-ть-****ся*** *← лед*, ***за****-печал-****и****-ло-****сь*** *← печаль*, ***за****-кудр-****и****-ли-****сь*** *← кудри*, ***о****-супруж-****и****-ть-****ся*** *← супруг*, ***вз****-вуал-****и****-ть-ся* ← *вуаль*, однако

встретилось одно новообразование от имени прилагательного: ***о****-нездешн-****и****-ть-****ся*** ← *нездешний*.

Поскольку причастия и деепричастия являются особыми формами глагола, рассмотрим формообразование «осмысленных» причастных окказионализмов Игоря Северянина. При формообразовании причастий Игорь Северянин использует традиционный суффиксальный способ: *И* ***отстраданные*** *обманы / Дымят при блеске лунных блях* («Октябрь»). Глагол *отстрадать* функционирует в литературном языке, но не образует страдательного причастия, так как является непереходным, поэтому форма *отстраданные* – индивидуально-авторское образование, используемое в значении "*те, которые отстрадали*".

В поэзии Игоря Северянина наблюдается образование страдательного причастия непосредственно от существительного, что не характерно для русской языковой системы. Автор использует нетипичный способ образования причастий – приставочно-суффиксальный (*офиалчен, олилиен, омаен, омиррен, олазорен, осклепен, оэкранен*). Во всех приведенных примерах причастия функционируют в стихах в краткой форме, являясь предикатами, мотивированы именами существительными, а словообразовательным средством является приставка о- и суффикс -ен-: ***Офиалчен*** *и* ***олилиен*** *озерзамок Мирры Лохвицкой* («Поэзоконцерт»).

При производстве деепричастий применяются такие способы, как:

– суффиксальный (типовой способ формообразования деепричастий): *Ты затихла на палевом кресле, Каблучком* ***молоточа*** *паркет…* («Эксцес- серка») – мотивирующая основа деепричастия *молоточа* имя существительное *молоток*);

– приставочно-суффиксальный (нетиповой способ формообразования): *Пора популярить изыски, утончиться вкусам народа, / На улицу специи кухонь,* ***огимнив*** *эксцесс в вирелэ!* («Мороженое из сирени!») – мотивирующей основой новообразования является слово *гимн*.

Имена существительные занимают второе место среди авторских новообразований в сборнике «Громокипящий кубок». Поэт использует следующие способы словообразования:

– суффиксальный (*грезэрки, сюрпризэрки, вселенец, морево, чаруний*);

– приставочно-суффиксальный (*безлучье, безгрезье, предвесенье, бескрылье, предутренник*);

– основосложение с аффиксацией (*чернобровье, кленоход*);

– основословосложение с соединительной морфемой (*бракоцепь, лесофея, лесоозеро, белороза, луноструна, златополдень, зеркалозеро, ядосмех, златосон*);

– основословосложение без соединительной морфемы (*палач-эстет*);

– приставочный (*подгорничная*);

– безаффиксный (*хрупь*).

При образовании окказиональных имен прилагательных автор обращается к таким способам образования слов, как:

– сложносуффиксальный (*лимонолистный, березозебренный, злофейный, лилиесердный*);

– приставочно-суффиксальный (*овесененный, олуненный, обнебесенный, омгленный, орозенный*);

– суффиксальный (*бутончатый, блондный, улыбный*);

– основосложение с соединительной морфемой (*лунокудрый, златистогрезый, голубоперый, снегоскалый*).

Данные признаковые авторские новообразования используются для усиления эмоциональности и образности речи.

Чаще всего новые имена прилагательные Игорь Северянин образует приставочно-суффиксальным способом с использованием приставки *о-(об)* и суффикса *-енн-*: *Кто мне сказал, что у меня есть муж / И трижды* ***овесененный*** *ребенок?..* («Berceuse осенний»).

Имена прилагательные, образованные с помощью сложения основ, приобретают новый оттенок, формирующийся на основе значений частей, составляющих данное слово. Например, *лимонолистный лес* употребляется в значении «*лес, состоящий из деревьев с листьями лимонного цвета*»; *у лесоозера, в шалэ березовом, – березозебренном* в значении «*цвет коры березы, похожий на окрас зебры*».

Зафиксированные в сборнике окказиональные наречия образованы двумя способами:

– суффиксальным (*майно, улыбно, грозово, лоско, тундрово, шелестно*): *Было кругом раздольно! было повсюду* ***майно!*** («День на ферме»);

– приставочно-суффиксальным (*повсесердно, повсеградно*): *Я* ***повсеградно*** *оэкранен! Я* ***повсесердно*** *утвержден!* («Эпилог») – наречия мотивированы основами устаревших имен прилагательных *всеградный* и *всесердный*.

Таким образом, обращение Игоря Северянина к словотворчеству приводит к созданию оригинального и выразительного поэтического языка. Новообразования, принадлежащие к разным частям речи, помогают автору передать новые идеи, запоминающиеся образы, выразить эмоции и создать особую атмосферу произведения.

Список использованной литературы

1. Северянин, И. В. Громокипящий кубок [Электронный ресурс] / И. В. Северянин. –Режим доступа: http:// severyanin.lit-info.ru/severyanin/stihi/gromokipyaschij-kubok/ index.htm. – Дата доступа: 13.05.2023.

К содержанию

СЮЙ ИНХАО
Минск, БГУ
Научный руководитель – Е. И. Абрамова, канд. филол. наук, доцент

СТРУКТУРНО – СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКИХ ПОДКАСТОВ

Китайское медиапространство трансформировалось от элитных медиа к массовым, а затем и к индивидуальным медиа. Последние стали доминирующим трендом, стимулируя эпоху взрывного роста информации, а подкасты являются ключевой силой в этом процессе. Подкасты – это цифровой аудиоконтент, который распространяют в интернете с помощью службы хостинга подкастов. Популярные платформы, такие как *Xiaoyuzhou*, стали крупнейшим сообществом подкастов. Росту популярности подкастов способствовала пандемия, в период которой увеличилась потребность в онлайн-коммуникации.

Как показывают исследования, основная аудитория китайских подкастов – это горожане в возрасте от 22 до 35 лет, имеющие высшее образование.

Наиболее популярными среди слушателей являются социально-гуманитарные подкасты (70,56 % слушателей), далее идут подкасты по теме являются наиболее популярными среди слушателей и составляют 70,56 %, книги, фильмы и музыка (56,35 %), история и политика (43,64 %), новости (39,59 % слушателей).

В чем же заключается причина растущей популярности подкастов в китайском обществе? Во-первых, этот формат предоставил возможность потребления контента вне зависимости от времени и места. Аудитория теперь имеет возможность знакомиться с аудиовизуальным контентом в удобное для себя время и в любом месте: дома, в машине, на работе, на тренировке, в общественном транспорте, на улице.

Вторая причина – это профессионализация ведущих подкастов. Так, многие ученые, медиаперсоны и эксперты в узких областях присоединяются к созданию подкастов, и такие подкасты пользуются популярностью у слушателей. Например, профессор китайской литературы Пекинского университета Дай Цзинхуа была приглашена на подкасты издательств и журналов, таких как *GQTalk, 惊奇电台* и *naive 理想国*, для обсуждения кино, литературы и проблем феминизма. Профессор истории Сюй Цзилинь в 2022 г. запустил свой собственный подкаст «许纪霖的播», где обсуждает современную городскую молодежную культуру и различные социальные и культурные явления. Ученые Сунь Гэ, Лю Цин, Ло Синь и другие участвуют в подкастах, обсуждая вопросы литературы,

социологии, философии. Это придает подкасту атмосферу академического салона, делает распространение рациональных идей более доступным в китайском обществе, дает толчок общественным дискуссиям.

В подкастах, возглавляемых медиаперсонами, ведущие, обладающие профессиональными навыками и чувствительностью к актуальным темам, могут создавать высококачественный контент и поддерживать частоту обновлений. Такие программы, как «忽左忽右», предлагают потребителю для обсуждения самые разнообразные проблемы, которые касаются культуры, социологии, творчества, экономики и бизнеса.

Третья причина популярности подкастов кроется в том, что они поставляют развлекательный контент. В Китае рынок стендап-комедии и комедии активно развивается как в формате живых выступлений, так и в онлайн-шоу, а комедийные подкасты стали чрезвычайно популярными на платформе Xiaoyuzhou.

Привлекают слушателей и разговорные подкасты, такие как NiceTry и 姜思达, которые помогают расслабиться, содержание которых не требует полного внимания, слушателям не нужно их переслушивать, если они что-то пропустили.

Музыкальные, кино- и телевизионные обзоры, обсуждение игр, рекомендации хороших книг и другие подкасты также востребованы в молодежной среде, удовлетворяя потребности слушателей в легком развлекательном контенте.

В-четвертых, интернет-технологии изменили способы получения знаний, и подкасты стали новым способом обучения, который нравится китайской молодежи. В Интернете очень много образовательных подкастов, с помощью которых можно, например, изучать английский язык, получать помощь в выполнении домашнего задания, расширять свои профессиональные знания, получить практическую информацию, касающуюся самых разных областей: от приготовления еды до постройки дома. Подкасты помогают молодым людям управлять своей образовательной траекторией, понять тренды и делают обучение удовольствием.

Одной из наиболее быстрорастущих областей потребления СМИ в Китае являются новостные подкасты. Анализ показывает, что молодежная аудитория проявляет большой интерес к новостям и общественным вопросам и имеет высокую степень доверия к качеству обсуждения общественных вопросов в таких подкастах. И это пятая причина популярности подкастов среди китайской молодежи. Молодые люди выбирают подкасты как канал для прослушивания разнообразных точек зрения, чтобы удовлетворить свои потребности в социальном участии и лучше понять социально-политические проблемы. В Китае нет традиционных СМИ, участвующих в создании профессиональных новостных

подкастов, но после возникновения горячих социальных событий подкасты для обсуждения ситуации быстро создаются или обновляются. Их можно назвать ситуативными. Например, в день убийства бывшего премьер-министра Японии Синдзо Абэ, подкаст 东亚观察局 обновил два выпуска, чтобы сообщить слушателям о ходе событий и их обстоятельствах. Подкасты стали площадкой для обсуждения новостей и социальных проблем, позволяя аудитории участвовать в общественных дискуссиях.

Следует отметить, что китайские подкасты привлекают разнообразную аудиторию и предлагают инклюзивную платформу. Феминизм широко распространяется в китайском социальном медиа, помогая женщинам осознать свои социальные роли и укрепить взаимопомощь и единство. Несмотря на помехи и цензуру в обсуждении темы феминизма например, на таких платформах, как Weibo, подкасты становятся новым каналом для женщин, чтобы выразить себя. Такие программы, как 随机波动 и 三姑六婆, производят контент с женской точки зрения. Подкасты с их интерактивностью и устным общением предоставляют новые возможности для обсуждения одного из самых массовых и ярких правозащитных движений во всем мире. Мужчины-слушатели также узнают о женских взглядах через подкасты и участвуют в обсуждении гендерных вопросов. Китайский подкастный контент поддерживает культурное разнообразие, свободу слова и феминизм, предоставляя возможность высказываться женщинам и маргинальным группам.

Наконец, текст подкаста может выполнять функцию психической регуляции, распространяя, транслируя информацию определенного содержания и интонации, совершая ее направленный отбор, формируя настроения и эмоции аудитории, снижая чувство тревожности и одиночества.

Таким образом, подкасты в Китае стали популярными благодаря тому, что они соответствуют потребностям аудитории в различных ситуациях. Подкасты способны предъявлять сложную общественно значимую повестку в рамках личного опыта, более наглядно для массовой аудитории. Подкастовая «форумность» реализует механизм «социального участия», артикулирует интересы аудитории, служит для субъектов публичного пространства площадкой для высказываний, коммуницирования друг с другом в поиске единомышленников. В производстве контента участвуют и профессиональные журналисты, и специалисты в освещаемых вопросах, яркие личности, которые привносят в подкасты элементы своей манеры, мышления, черты идиостилей. В условиях современного быстрого ритма жизни фрагментированный способ прослушивания подкастов помогает аудитории снизить тревожность. Инклюзивность китайских подкастов предоставляет женщинам и маргинальным группам возможность высказаться. В целом, китайские подкасты предлагают качественный контент, соответствующий потребностям аудитории, отражая инновации в медиаформате.

К содержанию

М. А. ТАЛАТЫННІК
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – С. Ф. Бут-Гусаім, канд. філал. навук, дацэнт

ЯЗЫЧНІЦКАЯ КУЛЬТУРА СЛАВЯН У ЛЮСТЭРКУ ІМЕНАСЛОВУ НАВУКОВА-ПАПУЛЯРНАЙ ЛІТАРАТУРЫ МІХАСЯ ЧАРНЯЎСКАГА І АНАТОЛЯ БУТЭВІЧА

“Кнігі аб складаным – зразумелай мовай” – так вызначаецца сучаснымі аўтарамі, чытачамі і выдаўцамі навукова-папулярная літаратура, якая ў адрозненне ад навуковых выданняў, або “літаратуры для выбраных”, здольная даступна і цікава расказаць пра дасягненні навукі людзям, зусім далёкім ад яе. Беларускія пісьменнікі і навукоўцы маюць немалыя набыткі ў сферы навукова-папулярнай літаратуры па краязнаўстве, прадмет якога – прырода, насельніцтва, гаспадарка, гісторыя і культура краіны ці пэўнай яе часткі (вобласці, горада, вёскі). Зборнік Анатоля Бутэвіча “Перуновага племені дзеці” – змястоўны аповед пра часы язычніцтва, калі “*людзі шукалі магчымасць гарманічна жыць з прыродай і ў самой прыродзе. Пакланяліся сонцу, вадзе, зямлі, лесу, небу – усяму таму, ад чаго залежала іхняе жыццё, праца земляроба, што магло зрабіць чалавека багатым і шчаслівым. Сёння шмат з таго даўняга стала міфамі, легендамі, захоўваецца ў якасці народных звычаяў, свят*” [2, с. 3]. Кніга Міхася Чарняўскага дазваляе чытачу *“ўявіць жывымі нашых даўно зніклых з зямлі далёкіх продкаў: каля агнішчаў, на паляванні, на рыбнай лоўлі, у шахце па здабычы крэменю, за вырабам каменных прылад. Якія песні яны спявалі, аб чым марылі?*” [3, с. 5]. Ключавымі тэрмінамі ў навукова-папулярных тэкстах па краязнаўстве з’яўляюцца добра вядомыя самаму шырокаму колу чытачоў **онімы**.

Адметнасць светапогляду старажытных людзей адлюстравана ў даўніх язычніцкіх імёнах. У такіх празваннях – вера нашых прашчураў у татэмнага продка, назва якога станавілася іменем чалавека. Носьбіт такога празвання быў такім жа, як і жывёла, птушка – апякун роду. У спадчыну ад ***расамахі*** герой кнігі М. Чарняўскага, атрымаў розум і спрыт на паляванні: *“**Расамаха** быў яшчэ юнак, але на паляванні з ім мала хто мог параўнацца. Ен дзідаю трапляў пад самую лапатку бягучаму аленю, збіваў каменем вавёрку з высокага дрэва. Мог доўгі час ляжаць на краі балота ў траве і*

цярпліва чакаць, пакуль бліжэй падплывуць качкі, каб дакладнейшым быў кідок цяжкай палкі. За гэты спрыт на паляванні і за ахвоту да вандраванняў, мусіць, і далі юнаку імя ***Расамаха”*** [3, с. 5]. Мудры супляменнік Расамахі атрымаў імя ***Варона***. Самая ярка рыса гэтай птушкі, паводле беларускай міфалогіі, усяведанне [1, с. 88]. Разумны носьбіт гэтага імені адпавядае ўяўленням аб мудрай татэмнай птушцы. Імя можа паказваць на род заняткаў. Так, празванне ***Скол*** атрымаў майстар, які ***расколваў*** камяні і рабіў з іх зброю супляменнікам: *“Майстар выбраў прадаўгаваты крэмень і збіў з яго верхнюю і ніжнюю часткі. Атрымаліся дзве пляцоўкі. Затым ударамі адбойніка адкалоў з краёў пляцоўкі тоўстыя адшчэпы – нарыхтоў- ка пачала нагадваць сякеру. Асцярожнымі бакавымі ўдарамі* ***Скол*** *зрабіў лязо і плоскі абушок. Лязо падправіў рэтушорам, ім жа зняў і выступы на краях сякеры. Хутка і лоўка выходзіла ў майстра, стараўся асабліва, бо рабіў на вачах супляменніка*” [3, с. 30]. На парадак нараджэння дзіцяці паказвае імя ***Другак***.

Уяўленне нашых продкаў пра свет, населены багамі і духамі, перадаецца праз ужыванне **міфонімаў**. Магутныя духі жывуць у магічных прыладах-статуэтках: “*А зараз, унучак, шаман скажа над статуэткай чароўныя словы, абкурыць дымам з замоўленых траў і ўвойдзе ў яе* ***дух Вялікай жанчыны****, ахоўніцы агнішча, прадаўжальніцы чалавечага роду*” [3, с. 9]), у рэках (“*Нарэшце прыйшла качцы пара знесці яйка. Тады стала скардзіцца качка* ***Багіні воднай стыхіі****, што няма дзе гняздо ёй сплесці, каб выседзець птушанятка*” [3, с. 9]). Вера ў язычніцкіх бостваў, сцвярджае Анатоль Бутэвіч, адлюстроўвае ўяўленні нашых продкаў пра навакольны свет, прыроду, поры года: “*Людзі здаўна верылі ў незвычайныя здольнасці бога маланкі і грому, апекуна нябеснай вады* ***Перуна****. Яго прасілі, каб паслаў чаканы дождж, каб не пабіў збажыну градам. Як толькі ранняй вясной* ***Пярун*** *адмыкае сваім залатым ключом неба, з яго падае дождж і сеецца раса, якія лічыліся нябеснымі слязамі*” [2, с. 3]; “*Мо ад слова «жыць» паходзіла ягоная назва? Бо менавіта ён спрыяў сялянам назапашваць хлеб – незаменны атрыбут бязбеднага жыцця. Паданні засведчылі, што* ***Жыцень*** *быў худзенькім дзядком малога расточку. Меў суровы выгляд твару. На галаве – доўгія раскудлачаныя валасы. Загадкай заставалася, чаму ў гэтага бога ажно тры вокі на лбе. Праўда, у легендах захаваліся сведчанні, што трэцяе вока знаходзілася часам на патыліцы. Відаць, каб пільна сачыць за тым, як людзі спраўляюцца з ураджаем, якім дагэтуль апекаваліся іншыя багі*” [2, с. 10]. Памяць пра паганскіх бостваў жыве ў святах і звычаях, якія дагэтуль жывуць на Беларусі: “*Гэта бывае на* ***Купалле****: у поўнач 7 ліпеня на папараткікавае кустоўе сыходзіць* ***Перуноў*** *агонь. Менавіта ён ператвараецца ў нябачанай прыгажосці кветкі, якія назвалі* ***Перуновымі****. Яны надзелены такой магутнай сілай, што ўтаймоўвае нячысцікаў, знішчае чары чараўнікоў і ведзьмаў, збаўляе ад*

д'ябальскіх спакусаў. Таму, хто знойдзе чароўную папараць-кветку, адкрываюцца самыя таемныя таямніцы прыроды, усе злыя духі павінны яму падпарадкоўвацца. Добрым і сумленным людзям кветка паказвае, дзе ў зямлі схаваны скарбы. Але адшукаць ***Перунову*** *кветку вельмі цяжка, бо служкі злога бога* ***Чарнабога*** *выяўляюць усе свае хітрыкі, каб перашкодзіць гэтаму*" [2, с. 3]; "*Але на* ***Грамніцы****, 15 лютага, бог Сонца* ***Ярыла*** *разгоніць хмары, выпусціць на волю цяпло. Не вытрымае тады* ***Зюзя****, пралье першую слязу, якая дробнымі кропелькамі асядзе на ваконным шкле. Людзі ж сачылі: калі на* ***Грамніцы*** *певень нап'ецца вадзіцы, то на* ***Юр'я*** *(6 мая) вол наесца травіцы. У дзень веснавога сонцавароту – 21 сакавіка – на сваю вахту заступае "цёплы" бог* ***Ярыла****, а* ***Зюзя*** *пачынае змятаць з нябесных палацяў апошні снег, збірацца ў далёкую дарогу, каб да наступнай зімы сілы набрацца*" [2, с. 17]; "*Калі вясна добра ўбярэцца ў сілу, калі мінецца першае з вясновых свят – дзень прылёту жаваранкаў (22 сакавіка), тады* ***Ляля*** *вырашае адкрыцца людзям. Яна з'яўляецца перад імі маладзенькай дзяўчынай. Прыгожая, прыветная, высокая і стройная, апранутая ў доўгі белы ўбор. Вочы – колеру яснага нябеснага блакіту. У яе гонар 5 мая спраўлялі вясёлае дзявочае свята* ***Ляльнік****. Усе вясковыя дзяўчаты збіраліся на зялёным і расквечаным рознымі краскамі лузе. Хлопцам з'яўляцца на Ляльніку, гэтым свяце першай зеляніны, забаранялася*" [2, с. 12–13].

Адметнасцю стылю Анатоля Бутэвіча з'яўляецца раскрыццё матывацыі геаграфічных найменняў, у якіх захаваны цікавыя звесткі пра даўніх бостваў, якім пакланяліся продкі: "*Аднак і гэта не ўсе іпастасі* ***Вялеса****. Лічылі, што* ***Вялес*** *апякуецца таксама вытокамі рэк, крыніцамі і вадой наогул, але толькі той, што ў зямлі. У гэтым наш* ***Вялес*** *нагадвае старажытнаіндыйскага* ***Варуна****, які панаваў над морамі і рэкамі. Мо за гэта ў яго гонар назвалі азёры, якія знаходзяцца на Браслаўшчыне, –* ***Волас*** *Паўднёвы і* ***Волас*** *Паўночны? Ля аднаго з іх у старадаўнасці было капішча Вялеса*" [2, с. 6]; "*У гонар* ***Ярылы*** *называлі паселішчы, урочышчы, іншыя мясціны. Напрыклад, у Ваўкавыскім раёне дагэтуль захавалася вёска* ***Ярылаўка***" [2, с. 4]; "*Дагэтуль захаваліся на нашай зямлі* ***Перунова*** *гара,* ***Перунова*** *поле,* ***Перуноў*** *дуб,* ***Пярун****-камень*" [2, с. 4].

Такім чынам, навукова-папулярная літаратура Міхася Чарняўскага і Анатоля Бутэвіча вызначаецца стылістычна матываваным ужываннем анамастычных адзінак, якія перадаюць адметнасць матэрыяльнай і духоўнай культуры продкаў-язычнікаў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Беларуская міфалогія : энцыклап. слоўн. / З. Санько [і інш.]. – 2-е выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 599 с.

2. Бутэвіч, А. Перуновага племені дзеці / А. Бутэвіч. – Мінск : Мін. фабрыка каляр. друку, 2008. – 23 с.
3. Чарняўскі, М. Страла Расамахі / М. Чарняўскі. – Мінск : Нар. асвета, 1985. – 55 с.

К содержанию

Е. М. ФЕДУРО
Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова
Научный руководитель – Е. Н. Горегляд, канд. филол. наук, доцент

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ ВНУТРИГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ ВИТЕБСКА НА ОСНОВАНИИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО И МЕТОНИМИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА

Интерес к именам собственным и, в частности, к географическим названиям, особенно к их смысловому значению, проявляли еще античные ученые. Вопросы топонимики рассматривались в трудах по истории, географии и языкознанию с глубокой древности до наших дней, хотя сам термин «топонимика» появился лишь около полувека назад [1, с. 8].

Язык любого города многогранен, разнообразен и имеет неоднородный состав. Все социальные процессы, происходящие в городе и стране, сказываются на развитии городской лексики, влияют на взаимоотношения внутри его языковых подсистем, на их качественные и количественные характеристики. Каждому поколению известны не только современные ему географические названия, но и названия, известные ранее.

Неофициальные наименования объектов ярче, чем официальные, отражают характерные черты жизни городского населения, его быт, нравы, вкусы и пристрастия, часто носящие этнический и социальный характер.

Цель нашего исследования – выявление особенностей неофициальной номинации внутригородских объектов Витебска на основании метафорического и метонимического переноса. Актуальность обусловливается важностью изучения урбанонимной лексики как значимого фактора в постижении культурной и духовной жизни города.

Наряду с морфологическими способами образования и каламбурными трансформациями среди официальных названий широко представлена косвенная номинация, в основе которой лежит метафорический и метонимический перенос. В отличие от сравнений на основе форм, наименования при помощи метафорических ассоциаций подчеркивают отношение к объекту, его сущность, а также могут служить источником информации о культуре внутри населенного пункта.

Стоит отметить, что метафорические номинации преобладают среди наименований микрорайонов, расположенных на окраине города: *Куба*

(поселок Кировский); *Камчатка* (район в начале ул. М. Горького до речного порта). В обоих случаях, как нам кажется, подсознательно работает ассоциация с теми географическими объектами, которые находятся далеко от центральных локаций.

Метафора также добавляет эмоциональную окраску в наименование объектов, которые обладают особой репутацией среди жителей города Витебска или отражают негативное, иногда ироническое отношение к объектам: *Бегемот* (пруд на площади Тысячелетия Витебска). Причины такого наименования водного объекта точно не известны. Одна из возможных – большое количество утонувших в искусственном водоеме людей, из-за чего в сознании горожан возникла ассоциация, что пруд «пожирает» людей, словно бегемот. Такой способ номинации наделяет объект особым характером и дает представление о событиях, связанных с годонимом.

Долина смерти (2-ая Витебская областная клиническая больница) – медицинское учреждение обрело такое неофициальное название из-за плохой репутации среди населения в прошлые годы. В данном наименовании отражается оценочное суждение местных жителей об объекте номинации, а также заключена яркая образность.

Балкон (площадка возле здания по Ленина 10а) – открытое пространство находится на возвышении и является популярным местом сбора и проведения фотосессий у молодежи.

Помимо метафоры, стоит отметить также метонимию как способ неофициальной номинации объектов внутригородского пространства. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» метонимия определяется следующим образом: «… троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию» [2, с. 321].

Основой метонимии могут служить пространственные, событийные, понятийные, синтагматические и логические отношения между предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, социальными институтами и событиями, местом, временем:

– *9-й километр* (Витебская областная клиническая психиатрическая больница). Долгое время официальный адрес психиатрической больницы был «Суражское шоссе, 9-й км», поэтому неофициальное название было «Девятый километр», или, если проще, «Девятка».

– *Елочки* (лесопарк в микрорайоне Фрунзе). Этот зеленый массив состоит преимущественно из хвойных деревьев, что и позволило жителям микрорайона дать ему такое название.

– *Сосонник* (лесопарк в Железнодорожном районе). Примерно с середины 1850-х гг. лесопарк стал местом активного отдыха горожан, назван так из-за обилия сосновых деревьев.

– *Звезда* (мемориальное кладбище советских воинов). Свою номинацию мемориальный комплекс обрел из-за памятника в форме звезды, находящегося на территории кладбища.

Подобные номинации наглядно демонстрируют привязку к определенному пространству, что позволяет в процессе обыденной коммуникации оптимизировать локализацию данных объектов.

Таким образом, ономастическое пространство является важным компонентом языковой и культурологической системы, поскольку собственные имена представляют собой дополнительный источник изучения языка, истории, материальной и духовной культуры народа [4, с. 15]. Сравниваемые объекты и предметы имеют неравные признаки, относятся к различным классам, однако соединяются в сознании городских жителей и порождают метафорический способ номинации.

Наименования, образованные при помощи метафоры и метонимии, часто привлекают внимание новизной и свежестью, неожиданностью употребления языковых единиц и связей. Поскольку метафорическое изложение связано с ассоциативным мышлением, описываемый способ номинации дает наиболее четкие представления об особенностях городского фольклора и о событиях, связанных с объектом, которому присваивается неофициальное наименование.

Список использованной литературы

1. Горбаневский, М. В. В мире имен и названий / М. В. Горбаневский. – М. : Знание, 1987. – 208 с.

2. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой ; Ин-т языкознания АН СССР. – М. : Совет. энцикл., 1990. – 682 с.

3. Горегляд, Е. Н. Региональный компонент в практике преподавания русского языка иностранным студентам (ономастический аспект) [Электронный ресурс] / Е. Н. Горегляд // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. : к юбилею д-ра филол. наук, проф. А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2023. – С. 48–53. – Режим доступа: https://rep.vsu.by/handle/123456789/38744 – Дата доступа: 17.05.2024.

К содержанию

Е. А. ХАБОВЕЦ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. Н. Ковальчук, канд. филол. наук, доцент

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА «ТЕАТРАЛЬНОГО РОМАНА» М. А. БУЛГАКОВА

Михаил Афанасьевич Булгаков – одна из самых ярких и загадочных личностей в истории русской литературы. Он был не только писателем, но и драматургом, а также театральным режиссером.

«Театральный роман» – одно из неоконченных произведений М. А. Булгакова, в котором писатель размышляет о природе искусства, творчества и исследует противоречия внутри театрального сообщества МХАТа. Роман был написан в 1937 г. П. Марков, советский театральный критик, пишет: «Роман писался сразу набело, почти без помарок. Писатель один раз вернулся к нему в конце 1939 г., подбирая варианты заглавия, и на этом работа над произведением была закончена» [6].

Сюжет романа во многом основан на конфликте М. А. Булгакова с главным режиссером Художественного театра Константином Станиславским по поводу постановки «Кабалы святош» во МХАТе. Попав в театральный мир, М. Булгаков восхищался талантом режиссера. Взаимное уважение мастера театрального искусства и начинающего драматурга, поддержку, которую оказал К. С. Станиславский М. А. Булгакову во время осуждения «Дней Турбиных», нельзя недооценивать. Однако спустя годы отношения между драматургом и режиссером претерпели изменения. В период репетиции пьесы «Мольер» они стали осложняться. Цели двух художников не совпали. М. А. Булгаков стремился поставить пьесу на сцене, К. С. Станиславский хотел реализовать свои идеи, свою систему, которая апробировалась во время репетиций «Мольера» [1].

В произведении в контексте театральной среды можно рассматривать использование специфических жанровых приемов, а также образов, событий, взятых из театральной практики. Некоторые литературоведы до сих пор ведут полемику насчет вопроса специфики жанра «Театрального романа» М. А. Булгакова, многие отмечают двужанровость романа, указывая на два типа дискурса в нем – литературный и театральный. Например, В. Я. Лакшин упоминает, что «Записки покойника» – это театральное и литературное произведение [5]. Театральный критик А. М. Смелянский писал: «Книга Булгакова соотносится с рядом европейских свидетельств театра, мемуаров и искусства, начиная с книг, изученных писателем в “мольеровский период” его жизни, и заканчивая книгами-исповедями немецких романтиков или гетевского “Вильгельма

Мейстера”» [7]. Даже само название произведения – это своеобразная метафора процесса творчества, в которой писатель проводит параллели между театром и литературой. Весь сюжет выстроен вокруг процесса создания спектакля и взаимоотношений между актерами одной труппы. «Театральный роман» – заглавие, которое дает многомерную тематическую характеристику роману. Каждый герой играет свою роль в замысле художественного произведения и в реальной жизни.

Историк В. И. Лосев говорит, что книга М. А. Булгакова – это «повесть-роман, рассказывающая о творческой и преимущественно театральной жизни писателя» [4]. Многие исследователи подчеркивают многомерный характер произведения и говорят о том, что это метароман.

По определению доктора филологических наук В. П. Зуевой, «Метароман – двуплановая художественная структура, где предметом для читателя становится не только “роман героев”, но и мир литературного творчества, процесс создания этого “романа героев”» [3]. Другими словами, метароман повествует не только о жизни героев и их судьбах, но и о самом событии повествования. Характерной особенностью данной структуры является совпадение субъекта и объекта повествования. Таким образом, метароман может быть написан и от лица автора-персонажа. В романе «Театральный роман» именно так и происходит.

Концепция произведения представляет собой уникальное сочетание двух видов искусства – театра и литературы. Писатель использует это объединение для параллельного погружения читателя, с одной стороны, в литературную часть романа, а с другой – в мир театра. Основным звеном в этом выступает главный герой – Максудов, который описывает свои переживания и размышления. Персонаж создает так называемый личный дневник, но вместе с тем это и есть само произведение: «Да, это ужасно, – говорил я сам себе в своей комнате, – все ужасно. И этот салат, и нянька, и пожилой литератор, и незабвенное “пойми”, вообще вся моя жизнь» [2, с. 8]. Концепции романа присуще смешение жанров, но стоит отметить и особое отношение к внутреннему миру героев. Благодаря этому создается психологический портрет героя: «Он не читал! Он не читал моего романа, – гудело у меня в голове, – а между тем позволяет себе говорить о нем? Он плетет что-то про украинские ночи... Зачем они меня сюда позвали?!» [2, с. 79].

Повествование ведется от двух лиц – автора-литератора и автора как человека своей эпохи. Автор-литератор ограничивает себя от главного героя Максудова. Наряду с образом автора-литератора появляется другой – автор как человек своей эпохи. Их можно отличить лишь по речи: у первого речь полна экспрессивной лексики: «толстейшая бандероль» [2, с. 2], «пухлый портфель» [2, с. 42], «сухонького вида» [2, с. 52]. Автор-литератор рассматривает свой текст как литературное произведение. Также он создает образ читателя «Предупреждаю читателя…»; «сообщаю чита-

телю…» [2, с. 2]. А второй употребляет канцеляризмы: «Я получил заблаговременно посланную самоубийцей… бандероль» [2, с. 2].

Ключевая черта романа – это его многогранность. Произведение имеет многоуровневую композицию, в ней переплетаются и рассказы, и постановки, и сцены из спектаклей. Все это позволяет автору охватить как можно больше аспектов мира литературы и театра, полностью передать характер этих видов искусства. Все это достигается благодаря стилистике языка и сатире. Через юмор и иронию М. Булгаков разоблачает лицемерие, тщеславие, возможно, притязания, с которыми можно столкнуться в театральной среде: «Его не радовали ни деньги, которые платили за бутерброды, ни сознание того, что он стоит в самом лучшем месте столицы, в Независимом Театре. Ничто его не радовало, душа его, очевидно, болела при мысли, что вот съедят все, что лежит на блюде, съедят без остатка, выпьют весь гигантский самовар» [2, с. 53] (про Гавриила Степановича).

Также часто в романе обсуждается тонкая грань между иллюзией и реальностью, как в театре, где актеры создают миры на сцене, так и в литературе, где автор призывает читателя верить в альтернативную реальность произведения. И, конечно же, М. А. Булгаков анализирует влияние таких театральных механизмов, как декорации, костюмы, свет, на атмосферу и восприятие зрителя, что отражает не только процесс создания шоу на сцене, но и сам процесс написания литературного произведения.

Список использованной литературы

1. Аванесова, А. С. Пространственные модели в «Театральном романе» М. А. Булгакова [Электронный ресурс] / А. С. Аванесова. – Режим доступа: https://m-bulgakov.ru/ publikacii/prostranstvennie-modeli-v-teatralnom-romane-bulgakova/p6. – Дата доступа: 01.06.2024.

2. Булгаков, М. А. Театральный роман / М. А. Булгаков. – Режим доступа: http://knigi.kembibl.ru/Knigi/Bulgakov_Teatralnyj_roman.pdf. – Дата доступа: 14.01.2024.

3. Зуева, В. П. Поэтика метаромана [Электронный ресурс] / В. П. Зуева. – Режим доступа: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004114351.pdf. – Дата доступа: 30.05.2024.

4. Лосев, В. Художественная автобиография Михаила Булгакова [Электронный ресурс] / В. Лосев. – Режим доступа: http://bulgakov.lit-info.ru/bulgakov/kritika/losev-hudozhestvennaya-avtobiografiya.htm. – Дата доступа: 30.05.2024.

5. Метароман в творчестве М. А. Булгакова: «Театральный роман. Записки покойника» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/15515/1/ufv-2004-07-05.pdf. – Дата доступа: 30.05.2024.

6. Немцев, В. И. Михаил Булгаков: становление романиста [Электронный ресурс] / В. И. Немцев. – Режим доступа: http://m-bulgakov.ru/publikacii/mihail-bulgakov-stanovlenie-romanista/p5. – Дата доступа: 02.12.2024.

7. Смелянский, А. М. Михаил Булгаков в Художественном театре [Электронный ресурс] / А. М. Смелянский. – Режим доступа: http://bulgakov.lit-info.ru/bulgakov/articles/smelyanskij-v-hudozhestvennom-teatre. – Дата доступа: 01.06.2024.

К содержанию

Т. М. ХВЕСІК
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – Л. І. Яўдошына, канд. філал. навук, дацэнт

ДЫЯЛЕКТЫЗМЫ Ў БЕЛАРУСКІХ ПРЫКАЗКАХ

Аналіз матэрыялу “Тлумачальнага слоўніка прыказак” І. Я. Лепешава і М. А. Якалцэвіч [1] паказаў, што ў беларускіх прыказках сустракаюцца дыялектызмы – дыялектныя словы, уведзеныя ў літаратурны тэкст, але поўнасцю не асвоеныя літаратурнай мовай. Пры гэтым было выяўлена, што ў парэміях сустракаюцца асобныя групы дыялектызмаў: уласналексічныя, фанетычныя, граматычныя і словаўтваральныя.

Уласналексічныя дыялектызмы ў прыказках часцей прадстаўлены назоўнікамі і дзеясловамі і сустракаюцца ў рознатэматычных прыказках. Так, прыклад ужывання ўласналексічнага дыялектызма бачым у прыказцы “*Калі ў студзені дажджы – дабра не* ***жджы***” [1, с. 259], якая ўжываецца для адлюстравання прыкмет народнага календара. Форма дзеяслова *жджы* з’яўляецца дыялектнай і адпавядае літаратурнаму дзеяслову *чакай*. Пра жыццё надгаладзь беларусы скажуць: “*Дзень з алеем, а два (тыдзень) <так>* ***галеем***” [1, с. 170]. Форма *галеем* мае значэнне ‘бяднеем’. Таксама ўласналексічны дыялектызм-дзеяслоў ужываецца ў прыказцы “*Панскае вока каня* ***тучыць*** *(гаруе)*” [1, с. 424]. Ва ўстойлівым выразе гаворыцца пра тое, што ласкавае слова, добрыя адносіны да каго-небудзь дапамагаюць ва ўсіх справах. Дыялектызм *тучыць* мае значэнне ‘робіць тлустым’. Як відаць з прыкладаў, дыялектызмы-дзеясловы адносяцца да розных семантычных груп, абазначаючы як канкрэтныя, так і адцягненыя дзеянні.

Сярод дыялектных назоўнікаў таксама сустракаюцца розныя паводле семантыкі словы: і з канкрэтным, і з абстрактным значэннем. Даволі часта ў беларускіх прыказках ужываюцца мясцовыя назвы жывых істот. Так, у прыказцы “*Купіць – як вош забіць, а прадаць – як* ***скочку*** *спаймаць*” [1, с. 294], якая гаворыць пра тое, што прадаць што-небудзь на рынку значна цяжэй, чым купіць, выкарыстоўваецца дыялектны назоўнік *скочка* ‘блыха’ [1, с. 294]. У якасці жартоўнага застольнага тосту, а таксама жартоўнага прывітання пры сустрэчы з кім-небудзь знаёмым або як дадатак пры звычайным прывітанні выкарыстоўваецца выраз “*Няхай (хай) жыве <і пасецца> беларуская птушка бусел (****бацян****)!*” [1, с. 409]. Дыялектызм *бацян* мае літаратурны адпаведнік *бусел*. Беларускі народ кажа з неадабрэннем пра таго, у каго наўме заўсёды адно і тое ж: “*Хто пра бяду, а яна (ён) усё пра* ***гавяду***” [1, с. 561]. Выкарыстанае тут дыялектнае слова *гавяда* мае значэнне ‘карова’ [1, с. 561].

Уласналексічны дыялектызм ужыты ў прыказках “***Марац*** *адмарозіць палец*” [1, с. 318] і “*Цешыўся старац, што пражыў* ***марац****, ажно ў маю нясуць яго да гаю*” [1, с. 570]. Першы ўстойлівы выраз выкарыстоўваецца, калі трэба сказаць пра мажлівыя ў сакавіку маразы, і мае яшчэ такія варыянты: “***Марац*** *укусіць за палец*” [1, с. 318] і “***Марац*** *шчыпле палец*” [1, с. 319]. Другі ўстойлівы выраз з вышэйпрыведзеных ужываецца ў тым выпадку, калі няма падстаў спадзявацца на ўдачу, поспех у якой-небудзь безнадзейнай справе. Слова *марац* па форме нагадвае рускую назву месяца “март”, а па-беларуску адпаведна азначае ‘сакавік’.

Таксама прыклад ужывання уласналексічнага дыялектызма бачым у прыказцы “*Няма горшай* ***балесці****, як хочацца есці*” [1, с. 402]. У ёй гаворыцца пра фізічнае самаадчуванне галоднага чалавека. Слова *балесць* амаль супадае па форме з рускім “болезнь”, а па-беларуску азначае ‘хвароба’. Ва ўстойлівым выразе “*Стары кажа на глум, а малады бярэ на* ***вум***” [1, с. 495] гаворыцца пра тое, што маладыя пераймаюць жыццёвы вопыт старых. Слова *вум* таксама відавочна нагадвае рускае “ум”, а па- беларуску – ‘розум’.

Трапляюцца ў прыказках і прыклады словаўтваральных дыялектызмаў. Так, напрыклад, у прыказцы “*Гаспадарка –* ***клапатарка***” [1, с. 135] гаворыцца пра тое, што гаспадарка патрабуе вялікіх клопатаў. Таму, адпаведна, слова “клапатарка” мае значэнне ‘тое, што патрабуе вялікіх клопатаў’. У прыказцы “***Вецвейка*** *ад дрэва недалёка адскочыла*” [1, с. 115] гаворыцца пра тое, што дзеці пераймаюць схільнасці, звычкі сваіх бацькоў. Форма слова *вецвейка* адпавядае літаратурнаму *вецце*. Мудры беларускі народ кажа: “*Ад* ***цяплосці*** *не баляць косці*” [1, с. 72]. Так гаворыцца, калі хто-небудзь не адчувае нязручнасці ад празмернай гарачыні на вуліцы або ў памяшканні ці ад вельмі цёплага адзення. Дыялектнае *цяплосць* адпавядае літаратурнаму слову *цеплыня*. Назіральныя беларусы таксама гавораць: “*Ілья ўкінуў* ***лядня***” [1, с. 237]. Гэты выраз ужываецца як адзін з паказчыкаў народнага календара; пасля Ільі – свята ў хрысціян, якое прыпадае на 20 ліпеня (па старым стылі), – вада ў рацэ халадзее. Дыялектная форма *лядзень* адпавядае літаратурнаму слову *лядзяк*. Прыказка “*Маладосць –* ***дурносць***” [1, с. 314] выкарыстоўваецца ў якасці прабачэння дурасловасці дзіцяці або маладога чалавека. Адпаведна дыялектнае *дурносць* адпавядае літаратурнаму *дурасловасць*. З прыведзеных прыкладаў відаць, што дыялектызмы, выкарыстаныя ў прыказках, часцей адрозніваюцца ад літаратурных адпаведнікаў суфіксальнымі марфемамі.

Фанетычныя дыялектызмы таксама прадстаўлены ў прыказках. Як правіла, яны адрозніваюцца адным ці некалькімі гукамі ад літаратурных адпаведнікаў. Калі каму-небудзь не шанцуе, перастала шанцаваць, беларусы скажуць: “*Не* ***заўсягды****, як на дзяды*” [1, с. 370], што абазначае: не заўсёды

бывае для каго-небудзь толькі адно прыемнае. Дыялектызм *заўсягды* мае літаратурны адпаведнік *заўсёды* і з'яўляецца фанетычным дыялектызмам. Таксама прыклад ужывання фанетычнага дыялектызма адзначаецца ў прыказцы "*Каму кірмаш, а каму жыцця* ***нямаш***" [1, с. 264]. У ёй гаворыцца пра неаднолькавасць, няроўнасць у жыцці людзей. Дыялектнае слова *нямаш* адпавядае літаратурнаму *няма*. Прыказка "*Без працы не будзеш есці* ***коляцы*** *(калачы)*" [1, с. 87] перадае павучанне працаваць. Слова *коляцы* адпавядае беларускаму *калачы*. Прыказка "*Без* ***струманту*** *(без снасці) і вошы (гніду) не заб'еш*" [1, с. 87] сведчыць пра тое, што без належных прылад ніякай справы не зробіш. Пад словам *струмант* маецца на ўвазе 'інструмент, прылада, снасць'. Пра тых, хто любіць пастаянна наведваць гулянкі, сходы і падобнае, беларусы гавораць: "*Дзе фэст, там і я* ***ест***" [1, с. 172]. Форма *ест* адпавядае дзеяслоўнай літаратурнай форме *ёсць*. Калі людзі хочуць сказаць пра чалавека, які мусіць прыстасоўвацца да пэўнага асяроддзя, паводзіць сябе так, як і тыя, да каго ён трапіў, выкарыстаюць выраз: "*Трапіў у* ***вараны****, крычы, як яны*" [1, с. 506]. Форма *вараны* з'яўляецца дыялектнай і азначае 'вароны'. Беларусы жартаўліва кажуць: "*Абы ўмеў (умела) танчыць, а гараваць (рабіць работу) гора* ***наўчыць***" [1, с. 49]. Так сказана пра неабходнасць умець танцаваць, як нібыта самае галоўнае ўменне параўнальна з усімі астатнімі, якім навучыць само жыццё. Форма слова *наўчыць* адпавядае літаратурнаму *навучыць*. Можна адзначыць, што часцей у ролі фанетычных дыялектызмаў выступаюць назоўнікі, радзей сустракаюцца дзеясловы. Пры гэтым у некаторых выпадках відавочна, што дыялектная форма слова абумоўлена рытма- і рыфмаўтваральнымі патрабаваннямі жанру ("*Каму кірмаш, а каму жыцця* ***нямаш***", "*Без працы не будзеш есці* ***коляцы***", "*Трапіў у* ***вараны****, крычы, як яны*" і інш.).

Фактычна патрабаваннем захавання рыфмы і рытму ў народных выслоўях, на наш погляд, абумоўлена і выкарыстанне многіх граматычных дыялектызмаў у прыказках. Напрыклад: "*Дома і салома* ***ядома***" [1, с. 184]; "*Гадавала сава дзеці, ды няма на што* ***глядзеці***" [1, с. 130]; "*Добра таго біць, каму баліць, добра таго лаіць, хто сорам* ***маіць***" [1, с. 179]; "*Гасцям гадзі, але і сябе не* ***галадзі***" [1, с. 135]. Устойлівы выраз "*Дома і салома* ***ядома***" сведчыць пра тое, што ў прывычных абставінах жыць лягчэй, чым дзе-небудзь у іншых умовах, і ўжываецца звычайна тады, калі гаворыцца пра харчаванне, ежу. Форма *ядома* адпавядае прыметніку *ядомая* і фактычна з'яўляецца кароткай формай названага прыметніка. У прыказцы "*Гадавала сава дзеці, ды няма на што* ***глядзеці***" з неадабрэннем гаворыцца пра бацькоў, дзеці якіх не атрымалі належнага выхавання. Форма слова *глядзеці* адпавядае літаратурнай *глядзець* 'даглядаць каго-небудзь, наглядаць за кім-небудзь, удзяляць многа ўвагі каму-небудзь' [2, с. 192]. З дапамогай устойлівага выразу "*Добра таго біць, каму баліць, добра таго*

лаіць, хто сорам ***маіць***” распавядаецца пра ацэнку каго-небудзь і аб’ектыўнасць успрымання крытыкі тым, да каго яна адносіцца. Форма *маіць* адпавядае літаратурнай *мае*. На святочным частаванні гаспадыні ці гаспадару беларусы скажуць: “*Гасцям гадзі, але і сябе не* ***галадзі***”. Слова *галадзі* з’яўляецца формай загаднага ладу дзеяслова *галадаць*. Сярод граматычных дыялектызмаў у прыказках пераважаюць дзеясловы.

Такім чынам, можна адзначыць, што часцей у прыказках сустракаюцца дыялектызмы ўласналексічныя (47 %), даволі часта словаўтваральныя (24 %) і фанетычныя (20 %), радзей – граматычныя (9 %). Перавага ўласналексічных дыялектызмаў сведчыць пра тое, што мясцовыя назвы агульнавядомых прадметаў і з’яў маюць пераважны характар ужывання над агульнавядомымі літаратурнымі назвамі ў асобных прыказках. Дыялектызмы ў прыказках звычайна з’яўляюцца матываванымі моўнымі адзінкамі, а таму валодаюць патэнцыяльнай здольнасцю даносіць прадметна адчувальны, лёгкі для ўспрымання вобраз і выконваюць вобразна-характарыстычную функцыю.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 667 с.

2. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / уклад. : І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. – 968 с.

К содержанию

А. А. ХОМИЧ
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. Н. Ковальчук, канд. филол. наук, доцент

СОН КАК МНОГОАСПЕКТНЫЙ ФЕНОМЕН В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Сны для писателей – важный инструмент, с помощью которых они исследуют человеческую психику, создают новые, во многом фантастические миры, где пространство и время размываются.

Следует отметить, что современные литературоведы под онейрическим текстом подразумевают художественные тексты, где вербально изложены или воссозданы сновидения персонажей или автора [6, с. 109]. Это дает представление о двух основных ракурсах рассмотрения проблемы использования явления сновидения: мотивном и жанрово-композиционном. В целом сновидения как феномен в русской словесности не систематизиро-

ваны, не осмыслены в полной мере до сих пор в том числе потому, что возникают различные сложности с интерпретацией литературных сновидений.

По мнению литературоведа Л. А. Ходанен, сон взращивает метафорическую образность, где природа и явления и состояния психической жизни человека становятся схожи со сном [7, с. 123]. Сновидения в художественных произведениях находят реализацию через комплекс мотивов и тем, образующий смысловое пространство сна.

Сон и художественное творчество имеют сходные признаки. Примером может быть их обоюдная обращенность к многозначным образам-символам [4, с. 115]; нереальность, создание иллюзии реальности; событийная основа искусства, основывающаяся на условной и эстетической реальностях [5, с. 24]. Соответственно, нарративу сна отведено в процессе творчества особое место. В русской поэзии XIX в. сновидение активно используется как художественный элемент. Русская поэтесса и литературовед Е. В. Невзглядова пишет о том, что стиховорения в XIX в. называют «песнями», но в XX в. начнут называть их и снами, так как актуальным станет понятие «сновидческого» состояния души во время творчества [3, с. 32]. Она относит произведения А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского и М. Ю. Лермонтова к т. н. «дневной» категории условных «снов». У А. С. Пушкина «дневные» сны видят Наташа в балладе «Жених», лирические герои произведений «Стихи, сочиненные во время бессонницы», «Пробуждение». Так называемые «ночные» стихи у А. С. Пушкина тоже есть: например, «Воспоминания». Воображение для великого поэта – что-то похожее на сон наяву, потому что дневное, разумное и сновидческое, бессознательное переплетаются воедино. Внутреннее содержание поэзии А. С. Пушкина непосредственное, прямое. В его стихотворениях практически не видно метафор, все называется своими именами, но они окутаны красотой, тайной.

Поэзия В. А. Жуковского, в частности сон Светланы в балладе «Светлана», пронизан пушкинскими настроениями, похожими на сон Татьяны из «Евгения Онегина».

М. Ю. Лермонтов обращается к душе, но красота стихотворения «Сон» обращена к разуму. Сон в Дагестанской долине понятен, логичен. Стихотворение «Сон» в целом можно считать ярким примером влияния характера сновидения на структуру и содержание произведения. В стихотворении изображается три области сна, которые вложены одна в другую. Первая область сна – весь текст, заглавие которого «Сон». Вторая часть – «смертный сон»: герой находится в первом сне. Третья – сон «юной жены» – является частью второго. Направленность сновидения в возможное будущее определяет особенность композиции стихотворения: вторая и третья области сна помогают развить фрагментарно представленный

сюжет. В целом сновидения синхронны, поэтому можно говорить и о сюжетообразующей функции этих снов.

У Е. А. Баратынского есть стихотворение, которое с точки зрения подхода к репрезентации мотива сна некоторые исследователи называют «фрейдистским». Это стихотворение «Фея». В нем есть и сам текст сна, и его непосредственно авторская интерпретация.

Некрасовские трехсложники можно отнести к «ночным», потому что в них преобладает мотив ночи.

Стихи А. А. Фета исследователи считают эталонными, чистыми, говорящими о правильном отношении поэта к сновидению. А. А. Фет готовит стихотворение «Измучен жизнью, коварством надежды» для первого сборника «Вечерние огни», пишет стихотворение в форме дилогии и «объясняет, где факт жизни, представленный во второй части, находит соответствие в общем законе, которому посвящена первая часть» [2, с. 44], присваивает ему эпиграф из шопенгауэровского сочинения «Парерга и паралипомена» о бытии и вечности. По мнению автора, жизнь есть сон, а все видимое и ощущаемое является общим сновидением. К своим стихотворениям А. А. Фет относится как к «дневным» сновидениям.

Ф. И. Тютчев тоже обращается к образам сновидений. Е. С. Изотова говорит, что его поэзии присуще обостренное чувство времени [1, с. 5], которое ярче всего ощущается в период бессонницы или сна. Тютчевский герой сливается с авторским «я». Поэт и его герой чувствуют разрыв с мирозданием, стремятся преодолеть его. Герой обязательно раздвоен, а гармония достигается им только через слияние с бессознательным. Человек с помощью сна освобождаются от сковывающего дневного бытия, сливается с бессознательным. Поэтому образ моря отражает в тютчевской художественной парадигме беспредельность мироздания. Следует отметить, что К. Г. Юнг считает море «местом концентрации и источником всей душевной жизни», связанным с «коллективным бессознательным» [8, с. 37].

Ф. И. Тютчев создает собственный миф и сам же деструктурирует его. Важно и то, что при описании природы поэт использует изменчивые оценочные характеристики, которые отражают «сладкий сон мира, уставшего от дневной суеты» либо «лихорадочные грезы» и «железный сон». Когда Ф. И. Тютчев описывает человека, он говорит о драматическом разрыве с миром. В тютчевской поэзии сон похож на покров, отделяющей сознание от неизбежности, от необратимости времени, приближения смерти, от одиночества индивида и человечества в целом. Ф. И. Тютчеву снится многое. Любимый «сон» у Тютчева обязательно «пророческий, волшебный, утомительный, всезрящий, железный, болезненно-яркий, редеющий, минувший, долговечный, поздний, золотой, радужный, безотрадный» [3, с. 37]. Поэтому можно говорить о том, что тютчевский сон

двойственен: он и «мягкий» вариант небытия и смерти, и защита сознания от экзистенциального ужаса. Сон у Ф. И. Тютчева, как правило, связан с решением сложной проблемы о том, как приобщиться к общему, сохранив индивидуальное.

В русской поэзии встречается т. н. «гипнологический мотив». Исследователь Д. А. Нечаенко считает: «Концепция вещего сна на пороге космического инобытия в преддверии окончательного и безраздельного слияния души с божественным универсумом является проникновенным мотивом всей русской романтической лирики, ведь романтический художник – оракул, пифия, изрекает в божественном и творческом, сомнамбулическом сне высшие истины, их понимание недоступно профанам» [4, с. 35]. Множество других вариаций проявления мотива сна и формы представления произведения как сна присутствуют как в русской, так и в зарубежной литературах.

Таким образом, рассмотрев стихотворения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, Н. А. Некрасова, А. А. Фета, Ф. И. Тютчева и изучив исследования на темы сновидений в них, мы констатируем многомерность феномена сна в литературном творчестве.

Список использованной литературы

1. Изотова, Е. С. Мотивный комплекс «сон – бессонница» в лирике Ф. И. Тютчева / Е. С. Изотова // Культура и текст – 2005 : сб. науч. тр. междунар. конф. : в 3 т. / под ред. Г. П. Козубовской. – СПб. ; Самара ; Барнаул : Изд-во Барнаул. гос. ун-та, 2005. – Т.1. – С. 133–140.

2. Калинников, Л. А. А. А. Фет как теоретик и практик чистого искусства и проблема природы поэзии / Л. А. Калинников // Кант. сб. : науч. журн. – 2014. – № 1 (47). – С. 38–58.

3. Невзглядова, Е. В. Сны в русской поэзии / Е. В. Невзглядова // Звезда. – 2017. – № 6. – С. 217–231.

4. Нечаенко, Д. А. Сон, заветных исполненный знаков : таинство сновидений в мифологии, мировых религиях и художественной литературе / Д. А. Нечаенко. – М. : Юрид. лит., 1991. – 304 с.

5. Розин, В. М. Природа сновидений и переживания произведений искусства: опыт гуманитарного и социально-психологического объяснения / В. М. Розин // Сон – семиотическое окно : материалы науч. конф. «XXVI Випперовские чтения», Москва, 1993. / ГМИИ им. А. С. Пушкина. – М., 1993. – С. 24–31.

6. Савельева, В. В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей : монография / В. В. Савельева. – Алматы : Жазушы, 2013. – 520 с.

7. Ходанен, Л. А. Миф в творчестве русских романтиков : дис. … д-ра филол. наук : 10.01.01 / Л. А. Ходанен. – Томск, 2000. – 320 л.

8. Юнг, К. Г. Психология переноса / К. Г. Юнг. – М. : Медков, 2020. – 224 с.

К содержанию

У. Г. ХОМІЧ
Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна
Навуковы кіраўнік – Т. А. Кісель, канд. філал. навук, дацэнт

СЕМАНТЫЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ БАТАНІЧНЫХ НАЗВАЎ Г. П. ЦЕЛЯХАНЫ ІВАЦЭВІЦКАГА РАЁНА

Батанічная навука ўсебакова вывучае расліны: паходжанне, развіццё, знешнюю і ўнутраную будову, класіфікацыю, распаўсюджанне па зямной паверхні, а таксама ахову раслiннага свету і экалогію. Яна зарадзілася ў глыбокай старажытнасці. Напачатку людзі выкарыстоўвалі расліны для задавальнення сваіх практычных патрэб: у якасці ежы, лекаў, для будаўніцтва, адзення. З цягам часу цікавасць да раслiннага свету ўзрастала і актуальным стала навуковае асэнсаванне значнасці прадстаўнікоў флоры.

Для філолагаў назвы раслін – гэта багаты лексічны матэрыял, які адлюстроўвае асаблівасці пазнання чалавекам навакольнай рэчаіснасці. Дыялектныя найменні ў гэтым плане з’яўляюцца вельмі арыгінальнымі адзінкамі, што ілюструюць спецыфіку гэтага пазнання свету.

Найменні вышэйшых раслін, што адзначаны ў маўленні жыхароў г. п. Целяханы Івацэвіцкага раёна Брэсцкай вобласці, з’яўляюцца адметнай часткай народнай лексікі Берасцейшчыны. Матэрыялы, прадстаўленыя ў артыкуле, былі запісаны ад жыхара пасёлка Жыцянёва Леаніда Аляксеевіча (1962 г. н.).

У залежнасці ад месца росту і прызначэння раслін батанічныя найменні населеных пунктаў можна размеркаваць на наступныя лексіка-семантычныя групы.

І. Сярод намінацый дрэвавых і куставых раслін:

1) назвы лясных і паркавых дрэў: ***але́шына*** ж. р. ‘вольха – лісцёвае дрэва з цёмна-бурай з неглыбокімі трэшчынамі карой, драўніна якой мае чырванаваты колер’: *У лесе алешына* расла; ***кацюхі́*** мн. л. ‘вярба – дрэвавая і кустовая расліна з разложыстымі гнуткімі галінамі і вузкім лісцем’: *Кацюхі вэльмі скора будуць расці*; ***то́паль*** м. р. ‘таполя – буйное лісцёвае дрэва з дробным насеннем з пухам, якое разносіцца ветрам’: *У топаля ёсць такая белая шубка, пахожая на вату, якая потым ляжыць на зямлі*; ***я́вар*** м. р. ‘явар – дрэва з перыстым лісцем і цвёрдай драўнінай’: *Явар у нас каля вады расце*;

2) назвы садовых дрэў: ***аблепі́ха*** ж. р. ‘абляпіха – калючая ягадная кустовая расліна сямейства лохавых’: *З аблепіхі чай робяць*; ***алыча́*** ж. р. ‘алыча – паўднёвае пладовае дрэва, блізкае да слівы’: *Алычу мы збіралі, а потым самі елі, смачная была*; ***кізі́л*** м. р. ‘кізільнік – куставая расліна з белымі або ружовымі кветкамі і дробнымі мучністымі ядомымі пладамі

чырвонага або чорнага колеру’: *Плады кізіла нагадваюць аліўкі*; ***пе́рсік*** м. р. ‘персік – паўднёвае пладовае дрэва сямейства ружакветных; мясісты сакаўны плод гэтага дрэва з пушыстай жаўтавата-чырвонай скуркай і буйной костачкай’: *Был персік у нас, але замёрз*;

3) назвы дзікіх і культурных кустарнікаў: ***бая́рашнік*** м. р. ‘глог – кустовая або невялікая дрэўная расліна з ядомымі ярка-чырвонымі, аранжавымі і жоўтымі пладамі’: *З баярашніка таксама робяць чай*; ***во́ўчае лы́ка*** н. р. ‘воўчая ягада – ядавітая кустовая расліна з ружовымі кветкамі і чорнымі ягадамі’: *У воўчага лыка ягады красныя і растуць такім як тубусам*; ***жасцері́н*** м. р. ‘жасцёр – куст або дрэва з жаўтавата-зялёнымі кветкамі і пладамі у выглядзе шарападобнай бліскучай касцянкі’: *На жасцеріне былі ягады чорныя*; ***ро́за*** ж. р. ‘ружа – дэкаратыўная расліна з шырокапялёсткавымі пахучымі кветкамі рознай афарбоўкі і са сцяблом, пакрытым калючкамі’: *У кожнай жанчыны на агародзе расце роза, якая хочаш.*

II. Сярод намінацый травяністых раслін можна вылучыць наступныя:

1) назвы лугавых і палявых травяністых раслін: ***амерыка́нка, асе́нняе зе́лле*** н. р. ‘галінзога дробнакветкавая – травяністая расліна сямейства астравыя з зубчастым лісцем і жоўтымі кветкамі, пашыраная ў розных кліматычных зонах; шкоднае пустазелле’: *У суседкі Галі амерыканка расце*; ***бяро́зка*** ж. р. ‘павой – расліна з дойгім сцяблом і адзіночнымі бела-ружовымі кветкамі’: *Гарненькія кветкі ў бярозкі былі*; ***дзяце́ліна*** ж. р. ‘канюшына паўзучая – кармавая расліна з трайчастым лісцем і шарападобнымі кветкамі’: *У полі калі кароў пасвілі, то бачыў дзяцеліну*;

2) назвы лясных травяністых раслін: ***барві́нак*** м. р. ‘барвенак – расліна з ляжачымі сцяблінамі з вечназялёным лісцем; трапляецца на паўночным захадзе і захадзе Беларусі пераважна на месцы старых пахаванняў’: *У барвінка кветкі фіялетавыя такія, ці розавыя, ці* бардовыя; ***за́йчы шча́вель*** м. р. ‘кісліца – травяністая расліна сямейства кіслічных з белымі кветкамі, лісце якой змяшчае шчаўевую кіслату’: *Выглядае заечы шчавель як трохпялёсткавая кветка фіялетавага колеру*; ***падсне́жнікі*** мн. л. ‘кураслеп дубровы – невялікая расліна з белай буйной або жоўтай кветкай; цвіце ранняй вясной’: *Збіралі мы падснежнікі*; ***чо́рныя я́гады***, ***чарні́цы*** мн. л. ‘чарніцы – кусцікавая расліна са спажыўнымі чорнымі ягадамі на галінах сцяблін сярод дробных лісцікаў’: *Ходзілі з маці па чорныя ягады*;

3) назвы водных і балотных травяністых раслін: ***бага́н*** м. р. ‘багун – вечназялёная расліна з рэдкім адурманьваючым пахам’: *Пойду багон збіраць*; ***калу́жніца*** ж. р. ‘лотаць – расліна з лапушыстым бліскучым лісцем і жоўтымі кветкамі’: *У калужніцы кветачкі жоўтыя*; **ря́зка** ж. р. ‘разка – дробная расліна, якая плавае па паверхні вады і ў масе хутка зацягвае вадаём’: *Уткам даюць есці рязку*; ***реза́к*** м. р. ‘асака – расліна з вузкім,

доўгім і звычайна жорсткім лісцем, якое пучкамі расце ад карэнішча’: *Прыйдзешь з хлопчамі на рэчку і бачышь, резак расце*;

4) назвы сельскагаспадарчых травяністых раслін: ***велікалё́н*** м. р. ‘лён – расліна, са сцёблаў якой атрымліваюць валакно, а з семя – алей’: *Вельмі прыгожыя кветкі ў велікалёна, прывабліваюць*; ***гуркі́*** мн. л. ‘агурок – агародная расліна з паўзучым сцяблом і зялёным прадаўгаватым плодам’: *Кожны на агародзе гуркі садзіць*; ***рапа́к*** м. р. ‘рапс – алейная і кармавая травяністая расліна сямейства крыжакветных з жоўтымі кветкамі і шыза-зялёнымі лістамі’: *Рапаком засейвалі частку агарода, каб зямля адпачыла*; ***сачы́лка*** ж. р. ‘сачавіца – зернебабовая культура, насенне якой ужываецца ў ежу’: *Рэдкая расліна була сачылка*;

5) назвы кветкавых агародных і пакаёвых раслін: ***гре́ндалівы квя́ты*** мн. л. ‘гайлардыя – травяністая расліна сямейства складанакветкавых завальным лісцем і жоўтымі або цёмна-бардовымі кветкамі ў суквеццях, пашыраная ў Амерыцы; на Беларусі вырошчваецца як дэкаратыўная’: *Грендалівы квяты ў маёнтку вырашчвалі*; ***жано́чае шча́сце*** н. р. ‘спацыфілум – шматгадовая расліна з лісцем эліптычнай ці ланцэтападобнай формы і суквеццем, якое ўяўляе светла-жоўты пачатак з белымі кветкамі на фоне белага даўгаватага каляквет-ніка’: *Женочае шчасце такая кветка, што лісцікаў многа, а ў кветкі адін лепесток і ў сярэдзіне такая белая тычынка*; ***злотаку́ля*** ж. р ‘рудбекія – травяністая расліна сямейства складанаквет- кавых з дробным жоўтымі кветкамі ў суквеццях-кошыках, пашыраная ў Паўночнай Амерыцы; на Беларусі вырошчваецца як дэкаратыўная’: *Злотакуля вельмі прыгожая, у яе насычаныя жоўныя цвяткі*; ***турэ́цкая фасо́ля*** ж. р. ‘фасоля шматкветная – шматгадовая пакаёвая расліна, з тонкімі сцябламі да трох метраў, чырвонымі, радзей белымі, кветкамі і пладамі ў форме бабоў і вырошчваецца як дэкаратыўная’: *У турэцкай фасолі кветкі чырвоныя.*

III. Назвы груп раслін: ***бага́ннік*** м. р. ‘багуннік – кусты, зарасці багуну’: *Хадзілі ў багоннік, каб збіраць багон, каб потым ім лячыцца*; ***дубро́ва*** ж. р. ‘дубняк – малады дубовы зараснік’: *Калі ў лесе былі то праходзілі каля дубровы*; ***за́раслі*** мн. л. ‘зараснік – густа парослыя дрэвы, кусты, травы’: *У нас у целяханах можна пабачыць у дварах, дзе ніхто не жыве зараслі*; ***маліннік*** м. р. ‘маліннік – зараснік малін’: *У бабуль зараз растуць маліннікі.*

Усяго ў г. п. Целяханы Івацэвіцкага раёна Брэскай вобласці былі зафіксаваны 196 адпаведнікаў да разнастайных назваў вышэйшых раслін. Найбольшую ў колькасных адносінах групу складаюць назвы лугавых і палявых травяністых раслін (зафіксавана 38 адпаведнікаў), а найменшую групу – назвы водных і балотных травяністых раслін (10 адпаведнікаў).

Параўнаўшы адзначаныя лексемы з навуковымі найменнямі раслін, мы вылучылі: 1) поўныя адпаведнікі навуковых найменняў (*абрыкос*, *асіна*, *бяроза*, *вішня*, *груша*, *ліпа* і інш.), 2) іх фанетычныя, марфалагічныя ці словаўтваральныя варыянты (*аблепіха*, *багон*, *барвінак*, *лапух*, *лебяда*, *рязка* і інш.), 3) рускамоўныя навуковыя адпаведнікі і іх варыянты (*баярашнік*, *роза*, *прімула*, *геаргіны*, *падарожнік*, *піон* і інш.), 4) рэгіянальныя лексемы (*грендалівы квяты*, *жаночае шчасце*, *касцярова трава*, *кацюхі*, *растаропкі*, *свірапа* і інш.).

Прааналізаваны матэрыял можа быць яркім прыкладам таго, наколькі багатая і разнастайная народная батанічная наменклатурная лексікі аднаго з невялікіх, але цікавых, своеасаблівых і багатых на гісторыю, народныя традыцыі і адметны лексічны склад куточкаў Івацэвіччыны.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Раслінны свет : тэмат. слоўн. / склад. В. Д. Астрэйка [і інш.]; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, А. А. Крывіцкі. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – 665 с.

К содержанию

А. ЦАПКО
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. М. Гурина, канд. филол. наук, доцент

ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

В русскоязычной прозе послевоенной поры эталонным произведением о школьной жизни считается рассказ В. Распутина «Уроки французского» [3]. Героиня, молодая учительница французского языка Лидия Михайловна, приехала в сибирскую школу с Кубани. Ученики воспринимают ее как экзотическую птицу, неземное существо, потому что она городская, красивая, благоухает духами и преподает такой же экзотический предмет. Главный герой, деревенский пятиклассник, учится хорошо, но французский ему не дается. «С французским у меня не ладилось из-за произношения. Я легко запоминал слова и обороты, быстро переводил, прекрасно справлялся с трудностями правописания, но произношение с головой выдавало все мое ангарское происхождение вплоть до последнего колена...» [3, с. 208]. У Лидии Михайловны были пластинки с французскими записями, и она дома занималась с мальчиком дополнительно, подтягивая его знания до крепкой «четверки». Лидия Михайловна спасала своего ученика от голода и осталась в его памяти навсегда.

В повести Геннадия Михасенко «Милый Эп», которая впервые была опубликована в журнале «Юность» в 1974, а последний раз переиздавалась в 2022 г. в серии «Первое чувство» [2], завязка повествования также связана с молодой учительницей английского языка. Главный герой, восьмиклассник Аскольд Эпов, давно испытывал неприязнь «к этому головоломному языку», получил «двойку» и в сердцах обозвал учительницу Светлану Петровну *spinster* (старая дева). «Не знаю, чья умная голова изобрела это нелепое прозвище Спинста, совсем не подходившее нашей молодой, замужней и даже уже беременной учительнице» [2]. Эпов покинул класс, бравируя своей смелостью, но на душе скребли кошки. После уроков он пошел извиняться, дома у Светланы Петровны встретил ее младшую сестру Валю Снегиреву, которая английскому была обучена хорошо и взялась позаниматься с двоечником. Учительница ушла в декретный отпуск, и больше ее имя на страницах повести не упоминалось, зато появился новый герой – английский язык. Итак, сюжет завертелся вокруг этой троицы: Эп, Валя, которой он придумал кличку Булфинч (Снегирь), и английский язык как мостик между молодыми людьми. Эп сказал своей новоявленной учительнице, что «английский – это Аскольдова могила. Братская». Но Валино влияние не проходит бесследно – у Эпа меняется отношение к английскому.

В кириллическом тексте повести появляются оригинальные вставки на английском как часть речевой характеристики Вали Снегиревой, например: «It’s funny to have two in English» [2, с. 48]. В прямой речи Эпова тоже есть несколько англицизмов, но они даны кириллицей: о кей, хэппи-энд, гудбай. Значит, и он по-английски что-то знает. Вначале у него нет мотивации углубляться в незнакомый язык: «Да не хочу я его знать! На кой он мне сдался! Мне лишь бы двойки исправить!» [2, с. 127]. Но мотивация незаметно пришла через увлеченность юным репетитором: от красивой девочки к красоте языка. Валя использовала разные методические приемы, чтобы заинтересовать своего ученика: заготовила бумажки с популярными речевыми клише, стихами Льюиса Кэрролла и Томаса Мура, а песни Тома Джонса у Эпа и так были. Аскольд погрузился в мир чужого языка. Как и у героя В. Распутина, главная трудность у мальчика была в овладении фонетикой. Живое произношение восьмиклассники услышали у новой учительницы Амалии Викторовны, которая пришла на замену из другой школы: «С нетерпеливо-мягким и новым для нас произношением, она как бы вязала свою речь из русско-английских фраз» [2, с. 256]. Ученики увидели другую ритмо-мелодическую организацию фразы, интонирование. Валя давно Эпу говорила, что английский текст он читает по-русски. Эп стал делать успехи, даже получил «пятерку» у Амалии Викторовны. У нее был свой методический прием: если она встречала ученика на улице, то заводила с ним разговор по-английски. Если ученик в состоянии был поддержать диалог, то получал «пятерку» за такой улич-

ный урок. Об этом Эпу рассказала Валя, которая училась у Амалии Викторовны. Далее в тексте есть простой диалог, который часто встречался в советском учебнике [2, с. 236], например: – *Do you know English? – A little. – And why are sure, that I understand it?* Во втором вопросе учительница пропустила местоимение *you*, которое должно быть по правилам в роли подлежащего. Аскольд делал успехи, даже смог выйти в эфир с помощью самодельного радиоприемника, чтобы объясниться Вале в любви: «Bullfinch, I love you!» [2, с. 233]. Отец Эпа, чтобы поддержать увлеченность сына иностранным языком, вспомнил свои школьные годы: «Я, например, немецкий шесть лет в школе долдонил да пять – в институте, а в прошлом году отправили меня в ГДР опытом делиться – со стыда сгорел. Ни бе ни ме ни кукареку!» [2, с. 167]. Валя ответила, что что есть «какое-то общешкольное отношение к иностранному, и его трудно изменить». Можно предположить, что под словом *отношение* собеседники понимали отсутствие мотивации к этому предмету. Школьники из Сибири прекрасно осознавали, что в Великобритании им не бывать, и на иностранный язык махнули рукой. Свое негативное отношение к предмету ученики часто переносили на учителя. Дочь известного литературоведа А. А. Долинина Наталья Александровна в своих мемуарах «Первые уроки» вспоминает такой эпизод «классовой ненависти» к учительнице английского языка. Она преподавала русский язык в вечерней школе и вспоминала своего ученика Шестерова, которого исключили из обычной школы за то, что он изрезал бритвой новое пальто учительницы английского языка. «Она была красивая, – мечтательным тоном рассказывал он через месяца полтора. – Она была такая красивая. И все вещи у нее были такие красивые» [1]. Значит, вырисовываются общие черты образа учительницы иностранного языка в послевоенной русской прозе: она красивая, городская, с материальным достатком, владеет экзотическим языком и поэтому находится в некотором отдалении от учеников. С падением «железного занавеса» ситуация изменилась, и у детей появилась мотивация изучать иностранные языки.

Список использованной литературы

1. Долинина, Н. А. Первые уроки [Электронный ресурс] : повесть / Н. А. Долинина. – Режим доступа: https://royallib.com/book/dolinina_natalya/ pervie_uroki.html. – Дата доступа: 31.05.2024.

2. Михасенко, Г. П. Милый Эп : повесть / Г. П. Михасенко. – М. : ЭНАС-КНИГА, 2022. – 288с.

3. Распутин, В. Г. Уроки французского / В. Г. Распутин // Распутин, В. Г. Повести. Рассказы : в 2 т. / В. Г. Распутин. – М. : Дрофа, 2004. – Т. 2. – С. 207–235.

К содержанию

ЦЯО ЦЗЫМЭЙ
Минск, БГУ
Научный руководитель – Е. И. Абрамова, канд. филол. наук, доцент

КУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ В ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Современное общество становится все более многообразным и мультикультурным, что предоставляет множество возможностей, бросает много вызовов. Глобализация и миграционные процессы приводят к тому, что люди из различных культурных и этнических групп взаимодействуют ежедневно. Это взаимодействие может порождать конфликты, основанные на различиях в ценностях, верованиях и образе жизни. Тема культурных конфликтов в плюралистическом обществе становится особенно актуальной, поскольку для поддержания социальной стабильности и развития необходимо находить эффективные способы управления этими конфликтами.

Понятие «плюрализм» является основной характеристикой современного общества, где существует широкий (но недостаточно всеобъемлющий) ряд религиозных и политических различий и где идеальное общество представлено различными политическими партиями, которые могут быть несовместимы друг с другом [1, с. 60]. Например, граждане, принадлежащие к радикальной социалистической партии, пытаются построить общество, совершенно неприемлемое для граждан правого крыла, капиталистических убеждений. В плюралистическом обществе влияние многих традиций и ценностей, включая религиозные убеждения, ослабляется. Люди могут и должны работать над собой, осознавая, каких ценностей они придерживаются и как они хотят прожить свою жизнь. Плюралистические общества сталкиваются со следующей проблемой: люди могут наслаждаться большей личной свободой, чем когда-либо, но, с другой стороны, им нужно прилагать больше усилий, чтобы находить взаимопонимание и компромиссы, без которых никакое общество не сможет выжить. Возникает вопрос: до какой степени политическая система может создавать наилучшие условия для организации процесса принятия решений в открытом плюралистическом обществе?

В авторитарных системах – однопартийных, теократических или даже диктаторских – эта проблема решена одним игроком (например, партией или лидером), которому принадлежит власть решать по своему усмотрению все, что лежит в основе общих интересов. Такое решение сталкивается с вызовом плюрализма, избавляется от него, принося в жертву свободу индивидуумов. Потенциал конфликтов в плюралистическом обществе постоянно пересекается, однако цена, которая за него заплачена, является

достаточно высокой: многие проблемы не решены должным образом и справедливо, потому что они не могут быть четко определены и сформулированы.

В демократическом обществе граждане в основном согласовывают ряд принципов, правил и процедур, а также прав, которые позволяют им не соглашаться с различными вопросами, но в то же время помогают достичь согласия относительно применения ненасильственных средств. Таким образом, демократия поддерживает мир и плюралистическое общество, в большей степени цивилизуя конфликт, чем подавляя его. Общим интересом является сотрудничество и переговоры вместо заведомо определенного единой партией интереса. Несогласие и конфликт являются нормальным явлением, однако ни одно средство не является вредным и деструктивным с точки зрения контроля государства [2, с. 100]. При демократии как форме правления граждане согласовывают базовые права, такие как свобода совести, вероисповедание и слова. Когда граждане используют эти права, они могут встретить недопонимание, однако будут иметь возможность провести переговоры для поиска решения. Чтобы убедиться, что они соглашаются с правилами и способами разрешения конфликтов граждане плюралистического общества пытаются заключить социальный контракт со всеми другими гражданами общества для того, чтобы находиться в рамках социально-политических договоренностей в данном обществе.

Такой социальный контракт включает принцип правила большинства. Для определенных групп меньшинств данный принцип неудобен тем, что их собственное радикальное видение может быть не учтено из-за значительно меньшего количества голосов выборщиков. Вместе с тем такие общества гарантируют политическим меньшинствам право выполнять законные политические решения в государстве [3, с. 134]. Таким образом, плюралистические демократии всегда предоставляют возможность выборов радикальных правительств, члены которых могут быть вовлечены в ограничение деятельности политических оппонентов. Именно поэтому важным является узаконивание прав человека и свобод в конституции демократических стран.

Каждое поколение должно понимать этот сложный набор вызовов плюралистического общества и то, как они могут быть приняты демократической общиной. Это включает понимание неписаного гражданского договора, без которого никакое демократическое общество не сможет выжить.

Таким образом, плюралистическое общество представляет собой сложную мозаику культурных, религиозных и политических идентичностей, каждая из которых вносит свой вклад в общий социокультурный

ландшафт. Это разнообразие является источником как обогащения, так и конфликтов. Основная задача современных демократических обществ – научиться управлять этими конфликтами таким образом, чтобы они способствовали диалогу и взаимопониманию, а не разжигали вражду и разделение. Важно понимать, что устойчивость общества зависит от его способности интегрировать различные культуры и предоставить равные возможности для всех групп населения.

Поддержание баланса между уважением к индивидуальным и культурным различиям и необходимостью общественной гармонии и стабильности является ключом к созданию действительно инклюзивного и устойчивого общества. Переговоры и образование играют ключевую роль в этом процессе. Научиться говорить друг с другом – значит научиться жить вместе. В рамках плюралистической демократии переговоры не просто способ разрешения конфликтов, но и механизм поддержания социального диалога, который помогает обществу адаптироваться к изменениям и расти. Сохранение культурного многообразия при одновременном обеспечении социальной справедливости и равенства – сложная, но выполнимая задача, которая требует постоянного внимания и терпения со стороны всех участников социального контракта.

Список использованной литературы

1. Пригода, Н. С. Культурный плюрализм: понятие и сущность / Н. С. Пригода // Омск. науч. вестн. – 2008. – №. 1 (63). – С. 60–62.

2. Попов, М. Е. Политика социокультурной интеграции: основные теоретические подходы / М. Е. Попов // Полис. Полит. исслед. – 2017. – №. 1. – С. 99–115.

3. Следзевский, И. В. Мультикультурализм: хрупкий баланс между интеграцией и дезинтеграцией / И. В. Следзевский // Обществ. науки и современность. – 2013. – №. 2. – С. 123–137.

К содержанию

ЧЖАН НЯНЬ
Минск, БГУ
Научный руководитель – Е. И. Абрамова, канд. филол. наук, доцент

КИТАЙСКИЕ СМИ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КИТАЙСКО-АФРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

На фоне глобализации, взаимоотношений между Китаем и странами Африки кажутся особенно важными. В 50-60 гг. XX в. первое поколение лидеров КНР и старшее поколение африканских политиков совместно открыли новую эпоху китайско-африканских отношений. С момента

официального создания дипломатических отношений между Китаем и африканскими странами прошло уже около 70 лет.

Взаимоотношения между Китаем и странами Африки развивались постепенно, в несколько этапов. Первый этап – это начало установления дипломатических отношений (1949–1965 гг.). Второй этап – это период с 1966 по 1978 гг., когда Китай оказывал безвозмездную экономическую помощь странам Африки. На третьем этапе (с конца 1970 г. по 2000 г.) начали активно развиваться торгово-экономические связи между Китаем и африканскими странами. С начала XXI в. эти отношения переживают этап особого, энергичного и многовекторного развития, что нашло отражение в интенсификации политических контактов и укреплении взаимного доверия, усилении кооперации в сферах науки, техники и финансов, увеличении торгово-экономического сотрудничества, в культурных обменах и др. Китай подчеркивает важность согласования усилий в деле улучшения китайско-африканских отношений и содействия совместному развитию.

Эта тема активно освещается в китайских СМИ. Так, например, на сайте авторитетного информационного агентства «Синьхуа» с 3 февраля по 31 марта 2024 г. вышло 22 журналистских материала, посвященных китайско-африканским связям. 6 из 17 опубликованных текстов касаются участия Китая в образовательном процессе и подготовке высококвалифицированных кадров в странах Африки. В материалах агентства сообщается о двухдневном саммите, проходившем в Аддис-Абебе 17 февраля 2024г. под девизом «Обучение африканской молодежи в XX1 в.: Создание устойчивых систем образования для расширения доступа к инклюзивному, непрерывному, качественному и актуальному обучению в Африке». Сообщение о саммите стало инфоповодом для других материалов, которые информировали об участии Китая в помощи африканским странам в подготовке высококвалифицированных специалистов. Так, сообщалось, что в области образования и подготовки профессиональных кадров Китай сотрудничает с такими странами, как Эфиопия, Танзания, Джибути, Руанда, Кения, Ангола, Египет, Кот-д’Ивуар, Сенегал и Коморские острова. Под руководством китайских специалистов осуществляется обучение африканских студентов китайскому языку, открываются учреждения для получения профессионально-технического, медицинского, агротехнического образования.

В материалах агентства сообщается, что Китай открыл множество Институтов Конфуция в Африке, а чтобы удовлетворить разнообразные потребности местных студентов, открыты проекты «Китайский язык + другие науки и технологии» в Институте Конфуция в Сенегале.

Агентство «Синьхуа» приводит интересные данные об участии Китая в подготовке профессиональных кадров и повышении квалификации специалистов в странах Африки. С 2019 г. Китай с этой целью начал открывать политехнические институты «Любанские мастерские». Сегодня таких институтов насчитывают около десяти в разных африканских странах.

Китай активно участвует в подготовке медицинского персонала для Африки. Сообщается, что для борьбы с малярией на Коморских островах Китай в период с 2018 по 2021 г. подготовил более 4000 местных медицинских работников, занимающихся профилактикой и контролем этой болезни, являющейся большой проблемой для ряда африканских стран. В настоящее время свыше 1000 медицинских сотрудников в составе китайских медицинских отрядов предоставляют услуги в 41 африканской стране.

В материалах агентства за анализируемый период мы нашли также информацию об участии Китая в подготовке специалистов для сельского хозяйства. За последние годы Китай внедрил в странах Африки более 300 передовых сельскохозяйственных технологий, а также обязался подготовить еще 1000 специалистов и управленцев для сельского хозяйства Африки в ближайшие три года.

Шесть материалов агентства «Синьхуа» за проанализированный период освещают торгово-экономические отношения, связывающие Китай и такие страны Африканского континента, как Кения, Ангола, Сьерра-Леоне, Зимбабве, Нигерия, Замбия, Джибути, Гана, Танзания. О содержании таких отношений говорят следующие подзаголовки новостной заметки: «Китайские застройщики построили железные дороги в Кении», «Новый микрорайон “Кайлан” в Анголе», «Шоссе “Дружба” и здание “Дружба” в Сьерра-Леоне», «Китайская компания “Аодэ” инвестировала в промышленный парк в Анголе», «Китайская компания “Юсин” инвестировала в мебельный город “Фатима” в Анголе» и др. [1]. На основе этих новостных материалов мы выяснили, что китайско-африканское экономическое сотрудничество сегодня практически выражается в том, что китайские застройщики осуществляют строительные проекты в Африке, китайские предприятия инвестируют и строят предприятия и дороги в Африке, Китай активно сотрудничает с Мавританией, Ганой, Эфиопией, Габоном, Сьерра-Леоне, Мали, Нигерией и другими странами в рамках «Трехстороннего соглашения о сотрудничестве Юг – Юг».

По данным анализа, за период с февраля по март 2024 г. пять журналистских материалов освещают тему сотрудничества Китая, Сенегала, Банги и Кот-д’Ивуара в области сельского хозяйства. Эта помощь выражается в подготовке сельскохозяйственных кадров, в создании парков сельхозтехники и внедрении новых технологий.

Как отмечает агентство «Синьхуа» в трёх материалах, опубликованных за анализируемый нами период времени, непрерывно возрастают масштабы гуманитарной помощи, оказываемой Китаем. Так, согласно этим новостным материалам, Китай в данный момент оказывает активную помощь Сьерра-Леоне и Центральноафриканской Республике, которая выражается в отправке в эти страны лекарств и медицинских бригад для оказания помощи местным жителям. Это неблагополучные по инфекционным заболеваниям страны. Китай всегда оказывал большую помощь этим африканским странам в области медицины. Так, в материалах отмечается, что, когда в 2014 г. в Сьерра-Леоне вспыхнула эпидемия вируса Эбола, Китай был одной из первых стран, предоставивших медпомощь этой стране, а во время эпидемии Covid-19 в Центральноафриканскую Республику из Китая прибыли 20 бригад медицинской помощи для оказания качественных медицинских услуг местным пациентам.

Еще два материала, опубликованных агентством «Синьхуа» за февраль-март 2024 г., посвящены теме распространения китайской культуры в Сьерра-Леоне и Центральноафриканской Республике: открытию центров по изучению китайского языка, традиционной китайской медицины и боевых искусств в этих странах.

Анализ материалов агентства «Синьхуа» показал, что Африка занимает значительное место в информационном пространстве авторитетных китайских СМИ, что сотрудничество Китая со странами Африки в политико-дипломатической, торгово-экономической, инфраструктурной и гуманитарной сферах является долгосрочной стратегией. Спектр задач, в решении которых взаимодействуют КНР и страны Африки, очень широкий; это обеспечение качественного и доступного здравоохранения, развитие образования, науки и технологий, развитие инфраструктуры и др. Помощь Китая в обеспечении социального развития региона в долгосрочной перспективе формирует дополнительный внутренний импульс для экономического роста африканских стран.

Список использованной литературы

1. Синьхуа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.news.cn/politics/leaders/20240316/7b195aca82c24071b6a44ccd1c23eb6f/c.html. – Дата доступа: 04.05.2024.

К содержанию

А. С. ШАБЛЫКА
Барановичи, БарГУ
Научный руководитель – Н. В. Ермалович, старший преподаватель

ЭЛЛИПТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В ЗАГОЛОВКАХ СТАТЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ «НАШ КРАЙ»

Заголовок – это один из главных элементов печатной прессы. Он является не только самостоятельным жанром газетно-публицистического стиля, но и «первым сигналом» содержания и идеи текста, который он называет [8]. Как отмечает Ю. В. Верещинская, газетный заголовок, содержащий одно или несколько предложений, именует материал статьи, передает основную тему текста и выполняет информационную, воздействующую, рекламную и графически-выделительную функции [2].

Заголовки играют важную роль в формировании общественного мнения, они стимулируют обсуждение и дискуссии в обществе. При создании заголовка авторы статей все чаще обращаются к эллиптическим предложениям. Они позволяют кратко и информативно изложить суть статьи, называя и выделяя ее из ряда других, что способствует более эффективному восприятию газетного текста.

Единого подхода к трактовке эллиптических предложений в лингвистической литературе нет, однако их изучение тесно связано с понятием неполноты предложения [3]. Обычно эллиптические предложения трактуются как функционально-конструктивный вид неполного предложения [7, с. 21]. Ученые-лингвисты П. А. Лекант, В. В. Бабайцева, Т. А. Стародубова под термином «эллипсис» понимали «формальный пропуск глагола-сказуемого, не восстанавливаемого из контекста, который при этом не влияет на степень понимания смысла высказывания» [4, с. 98].

Н. С. Валгина эллиптические конструкции определяла как предложения с нулевым предикатом, обозначающим местоположение предмета в пространстве и времени [1, с. 82]. В. В. Бабайцева указывала, что «эллиптические предложения выражают действие, процесс, но не имеют в составе глагола», а П. А. Лекант утверждал, что «значение действия, выражаемое в эллиптических предложениях, … не может быть выражено в глаголе с конкретным лексическим значением» [4, с. 98].

По мнению Д. Э. Розенталя, эллиптические предложения – неполные по составу предложения, в которых отсутствие глагола является нормой. Для их понимания нет необходимости в контексте или в ситуации, ведь полнота содержания достаточно выражена собственными лексико-грамматическими средствами данного предложения [6].

В качестве материала для проведения исследования была выбрана региональная газета г. Барановичи и Барановичского района «Наш край». Цель данного исследования заключается в определении частоты употребления эллиптических предложений в заголовках данной газеты. Исследование нацелено также на выявление закономерностей использования эллипсисов в заголовках издания и на выяснение их влияния на восприятие информации читателями. Результаты исследования позволят лучше понять практику использования эллиптических предложений в заголовках газет и их эффективность в привлечении внимания к текстам.

В ходе исследования было проанализировано 12 номеров газеты «Наш край» и методом сплошной выборки найдено 65 эллиптических предложений. Стоит сказать, что эллиптические предложения употребляются в каждом из исследованных номеров издания, но чаще всего встречаются в выпусках № 1 от 05.01.2024, № 102 от 28.12.2023 и № 99 от 16.12.2024.

Наибольшее количество эллиптических предложений было отмечено в заголовках рубрик «Местное время» (8 единиц, или 12,3 %) и «По существу» (8 единиц, или 12,3 %). В качестве примеров можно привести заголовки *«У хранителей неба – свой праздник»* (№ 99 от 16.12.2023), *«Университет – в школе»* (№ 102 от 28.12.2023), *«Половина – без тормозов»* (№ 6 от 24.01.2024), *«В музее – новый директор»* (№ 2 от 10.01.2024), *«Праздник – каждому ребенку»* (№ 1 от 05.01.2024).

Эллиптические конструкции также употребляются в заголовках рубрик «Грани», «Сфера интересов», «Новогоднее настроение». К примерам можно отнести заголовки *«В округе – новый благочинный»* (№ 98 от 13.12.2023), *«Из конкурсанток – в жюри»* (№ 102 от 28.12.2023), *«А дома – дракон в миниатюре»* (№ 1 от 05.01.2024). Было выявлено 18 таких заголовков, что составляет 27,6 % от общего числа эллиптических предложений. Употребление данных эллиптических конструкций в указанных примерах помогает журналистам привлечь внимание читателей к наиболее значимым событиям общественной жизни, подать информацию лаконично и выразительно. Кроме того, использование эллиптических предложений экономит время читателей на поиск интересующей информации, а их близость к разговорной речи делает заголовки простыми для понимания.

Реже эллиптические предложения встречаются в заголовках рубрик «Крупным планом», «Летопись “Нашего края”», «Территория закона», «Взгляд на экономику», «Актуалии», «Таланты нашего края», «Вопрос-ответ», «Готовимся к встрече», «Влюбленная в искусство». Общее количество эллиптических предложений в данных рубриках – 25 единиц, что составляет 38,5 %. Примерами могут послужить следующие заголовки: *«К сердцу – с делом»* (№ 1 от 05.01.2024), *«Где благочиние?»* (№ 2 от 10.01.2024), *«В 17 лет – на 15 лет?»* (№ 4 от 17.01.2024).

В рубриках «Испытано на себе», «Калейдоскоп», «Ничто не забыто», «В ногу со временем», «Выгодное предложение», «Будем здоровы» эллиптические предложения в заголовках газеты «Наш край» встречались по одному разу: *«Сервис уровня – не на уровне»* (№ 98 от 13.12.2024), *«44 приза от "Нашего края" – для вас!»* (№ 99 от 16.12.2023), *«В партизаны и на фронт»* (№ 99 от 16.12.2023), *«Бот-писатель – в каждый дом!»* (№ 6 от 24.01.2024*), «У госпитализации – свой срок»* (№ 6 от 24.01.2024) и *«Новый провайдер домашнего интернета и телевидения – уже в Барановичах»* (№ 4 от 17.01.2024). Их количество составило шесть единиц, или 9,2 % от общего числа эллиптических предложений. Предложение *«Сегодня поле, а завтра – парк»* было замечено на заглавной странице выпуска № 2 от 10.01.2024. В данном случае мы говорим о том, что эллиптические предложения используются реже с целью акцентирования внимания читателей, а также в рекламных целях. Частотность употребления выявленных единиц наглядно представлена на рисунке 1.

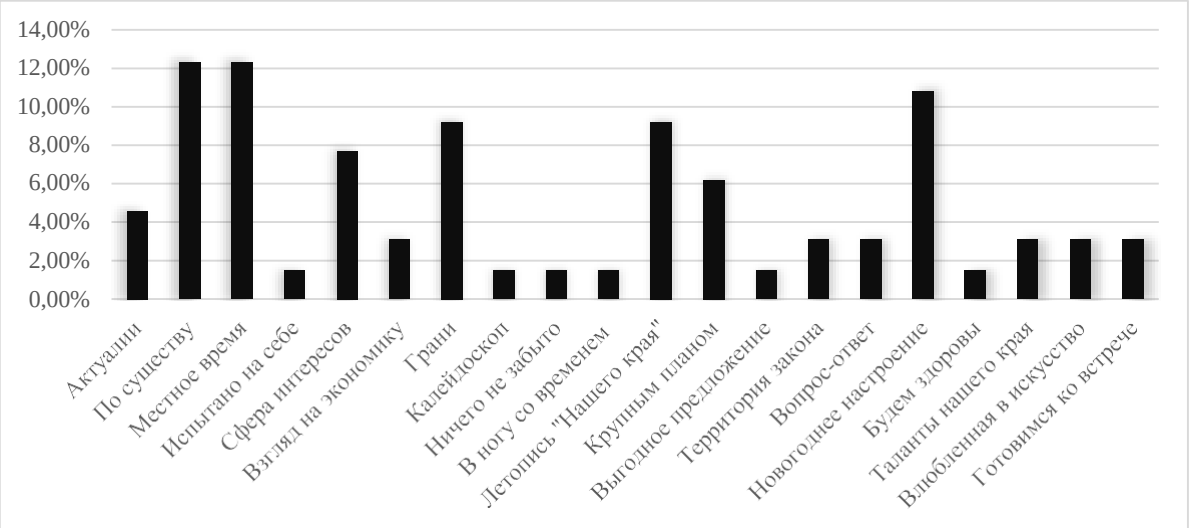


Рисунок 1 – Частота употребления эллиптических предложений-заголовков

Таким образом, анализ исследованных эллиптических предложений в заголовках газеты «Наш край» позволил выявить их частоту употребления и влияние на восприятие информации читателями. Результаты исследования показали, что эллиптические предложения достаточно активно используются в заголовках различных рубрик, помогая обратить внимание на наиболее важные события и делая информацию более лаконичной, яркой и выразительной. Также конструкции являются максимально эффективными в привлечении внимания читательской аудитории, способствуют аккумуляции мысли. Однако следует помнить о целесообразном использовании эллиптических предложений, так как возникает опасность стилистического эффекта.

Список использованной литературы

1. Валгина, Н. С. Современный русский язык. Синтаксис : учебник / Н. С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 2003. – 416 с.
2. Верещинская, Ю. В. Заголовки газетных статей в аспекте медиалингвистики (на материале испанского языка) / Ю. В. Верещинская // Филол. науки в МГИМО. – 2007. – № 28 (43). – С. 18–20.
3. Воробьева, Е. Н. Теория эллиптических предложений в отечественной русистике: систематический обзор / Е. Н. Воробьева // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2023. – № 9. – С. 3019–3027.
4. Камагина, И. В. О структуре простого эллиптического предложения / И. В. Камагина // Litera. – 2020. – № 11. – С. 97–105.
5. Наш край: Барановичская объединенная газета. – Барановичи : Брест. тип., 2024.
6. Розенталь, Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – 11-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2010. – 448 с.
7. Шишкова, Л. В. Синтаксис современного немецкого языка : учеб. пособие / Л. В. Шишкова, Т. Ю. Смирнова. – М. : Академия, 2003. – 128 с.
8. Юэбо, Ч. Заголовок в газетном тексте как самостоятельная речевая единица, тесно связанная с его содержанием / Ч. Юэбо // Полилингвиальность и транскультурные практики. – 2009. – № 4. – С. 136–139.

К содержанию

А. К. ШАГИНА
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. Н. Ковальчук, канд. филол. наук, доцент

СТАНОВЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА РОМАНА «МЕЛКИЙ БЕС» Ф. СОЛОГУБА

Роман «Мелкий бес» занимает видное место в формировании раннего модернизма. Об этом свидетельствует тот факт, что при жизни автора роман выдержал десять переизданий. Единственным произведением, которое может сравниться с ним, является «Петербург» Андрея Белого. Оба романа вызвали значительный общественный резонанс, привлекли внимание литературных критиков, литературоведов и широкой читательской аудитории.

Влияние романов «Мелкий бес» и «Петербург» не ограничивалось настроениями современников. Эти произведения сыграли значительную роль в развитии литературного процесса 1920-х гг. Несмотря на неприятие со стороны идеологов советской власти, которые клеймили их как «пережитки декаданса и мракобесия», оба романа оказали глубокое влияние на литературу того времени. Однако из-за цензуры и преследований книги долгое время оставались в тени.

Событием, которое символизировало переосмысление наследия раннего модернизма, стало издание романа «Мелкий бес» в городе Кемерово в 1958 г. Это произошло почти чудом в условиях жесткой цензуры того времени. Издание романа стало свидетельством постепенного изменения отношения к литературе начала XX в. и признания ее художественной значимости.

Роман «Мелкий бес» создавался Федором Сологубом с 1892 по 1902 г. Еще в 1887 г. появились первые наброски произведения, часть из которых предназначалась для другого романа – «Тяжелые сны». Но эта идея так и не осуществилась. Публикация «Мелкого беса» оказалась непростой задачей. Ф. Сологуб обращался в разные редакции журналов, но везде получал отказы. Редакторы считали роман слишком рискованным. Лишь в начале 1905 г. произведение начали печатать в журнале «Вопросы жизни». Однако из-за закрытия журнала публикация была прервана на 11-м номере. В тот период, когда в России бушевала революция, политические события затмевали собой вопросы искусства и литературы. Поэтому «Мелкий бес» остался практически незамеченным как публикой, так и критикой.

Лишь когда роман был издан отдельным изданием (в марте 1907 г.), книга не только получила справедливое признание читателей и стала объектом анализа критиков, но и оказалась одним из самых известных произведений в России. Через год вышло второе издание, затем третье, потом еще и еще – всего при жизни Ф. Сологуба вышло десять изданий «Мелкого беса» [2, с. 56].

Роман «Мелкий бес» во многом основан на реальных событиях и связан с реальными людьми, с которыми Ф. Сологуб был знаком во время своего проживания в Вытегре с 1889 по 1892 г. Прототипом главного героя, учителя Передонова, стал некий Страхов. По словам автора, Страхов был еще более безумен, чем Передонов, и впоследствии окончательно сошел с ума в 1898 г. Писатель признавался, что смягчил некоторые факты из реальной жизни, так как читатели не поверили бы им или не приняли бы их. В романе также присутствуют и другие персонажи, списанные с реальных людей. Например, дамы Рутиловы имеют прототипы в действительности. История маскарада также основана на реальном событии. Любопытно, что «парфюмерная симфония» Людмилы Рутиловой отражает личные пристрастия самого Ф. Сологуба. Писатель был большим любителем парфюмерии, и, как вспоминали его современники, на его столе всегда стоял флакон духов. Для Ф. Сологуба запахи и ароматы имели особое значение в творческом процессе.

Некоторые части, предназначавшиеся для «Тяжелых снов», наконец получили свое развитие в «Мелком бесе». В романе было немало эпизодов,

не вошедших в последнее издание, особенно глава, повествующая о приезде в город двух столичных писателей. Эта глава («Тургенев и Шарик») была опубликована в 1912 г. и вызвала возмущение М. Горького, который приписывал себе образ одного из писателей [1].

Читать роман можно по-разному. Если подходить к нему исходя из традиций реалистической литературы, он, как отмечает В. Ерофеев, производит впечатление произведения, повествующего о нелепости жизни русской провинции конца позапрошлого века. Такое содержание ставит роман в один ряд с другими реалистическими произведениями (в частности, со многими рассказами А. Чехова) [4]. Но при более внимательном анализе можно заметить, что такая формулировка может быть сокращена до более универсальной, и тогда произведение становится романом о «нелепости жизни» вообще, если под жизнью разуметь бытовую ежедневную земную реальность. В соответствии с этим трансформируется «миф» о главном герое, Передонове, которого критика порою не прочь поставить в один ряд с Чичиковым, Обломовым, «человеком в футляре» и т. д. [4].

Кроме того, исследователи (например, В. Ерофеев) отмечают влияние на роман традиций Н. Гоголя, А. Чехова, Ф. Достоевского, что связывается с особой внутренней двойственностью персонажей, переходящих от «живости» к своего рода «омертвению», выводящей поэтику текста в плоскость символистской образности [4].

В произведениях Ф. Сологуба важнейшим способом воплощения представления о человеке как о существе, в котором можно наблюдать синтез в его душе различных аспектов, и не только «человеческих» (порожденных разными его социальными «ролями» и реализующихся в этих «ролях»), но и природных, звериных, оказывается мотив превращения, рассматриваемый исследователями прежде всего как слагаемое «магистрального» в творчестве Ф. Сологуба сюжета – признания мнимой «единственности» земного бытия [3].

В романе «Мелкий бес» мотив превращения представлен в разных его вариантах. В них описываются изменения героев (их жестов, интонаций, поведенческих реакций) в зависимости от того, в какой “роли” они выступают. Наиболее очевидны такие превращения в эпизодах «оправдательных визитов» Передонова к влиятельным чиновникам города, каждый из которых предстает то «деятелем», то хозяином дома, то отцом семейства и т. д. Ф. Сологуб каждую «роль» иллюстрирует при помощи особенных жестов, характерных исключительным героям и их положению в обществе, подчеркивает внимание к манере речи героев и т. д.: «Скучаев, сначала представший в роли богатого купца, у которого собираются занять деньги, меняет выражение лица, тон, манеру обращения с Передоновым, когда понимает,

что к нему обращаются как к “деятелю”, городскому главе» [5, с. 79]. Но и эта «личина» исчезает, когда Скучаев играет роль радушного хозяина. Даже, казалось бы, не соответствующий внешнему и внутреннему облику героя маскарадный костюм может обнаруживать такие аспекты его души (человеческие и животные), которые герой не осознает в себе. Характерный пример – маскарадный костюм Грушиной. Она «придумала одеться Дианою» [4, с. 261], древнегреческой богиней, но само имя Дианы воспринимается другими персонажами только как собачья кличка – Дианка [4, с. 261], и Грушину в тунике дразнят «веселою дамой Дианкою» [4, с. 266]. Это прозвище контаминирует собачью кличку и признание Грушиной женщиной легкого поведения (метафорическое именование которой – «веселая дама» или «веселая девица»), причем автор не случайно включает именно «собачьи» мотивы в описание маскарадного образа Грушиной, как не случайно ранее сравнивает ее детей с «ошпаренными собачонками» [4, с. 37]. Эти зооморфные сравнения или мотивы – способ не только подчеркнуть «звериные» аспекты души героини, но и имплицитно указать на сущность «человеческих» аспектов Грушиной, так как собака, как отмечает Б. И. Мокин, – «традиционный символ проституции» [3].

Творчество Ф. Сологуба, конечно, выступает совершенно контрастным, например, с рассказами А. Чехова в рамках классической традиции, с образцами художественного совершенства. Но, как констатирует В. Ерофеев, роман о несовершенстве мира и должен быть несовершенным. Здесь четко прослеживается принятая поздним модернизмом эстетика. Именно она выводит роман в область образцовых произведений символистского течения, которые формируют уже новую традицию русской литературы XX в.

В 1909 г. Ф. Сологуб по мотивам своего романа написал одноименную пьесу, поставленную в ряде театров Российской империи. В 1995 г. режиссер Николай Досталь поставил одноименный фильм по роману. Таким образом, жизнь романа продолжилась и во внелитературных реалиях. В настоящее время произведение по-прежнему вызывает не только читательский, но и исследовательский интерес, так как может быть рассмотрено и с позиций становления самого текста в эпоху Серебряного века и с точки зрения влияния этого текста на данный и последующие периоды развития литературы.

Список использованной литературы

1. Иванова, Е. В. Модернизм, символизм и возникновение литературных направлений в русской литературе XX века [Электронный ресурс] / Е. В. Иванова. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=41507809. – Дата доступа: 01.12.2023.

2. Минералова, И. Г. Русская литература Серебряного века. Поэтика символизма : учеб. пособие / И. Г. Минералова. – М. : Флинта, 2009. – 272 с.

3. Мокин, Б. И. «Дионисический дух» в интерпретации Ф. Ницше и Ф. Сологуба / Б. И. Мокин, Н. В. Мокина // Изв. Сарат. ун-та. Новая сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 16, вып. 4. – С. 393–398.

4. Сологуб, Ф. Мелкий бес : романы, рассказы / Ф. Сологуб. – М. : Эксмо, 2007. – 640 с.

К содержанию

ШЭНЬ ЦЗЯЧЭН
Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины
Научный руководитель – В. И. Коваль, д-р филол. наук, профессор

ОБ ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ

Объектом нашего исследования являются тексты заклинаний в русском и китайском языках, содержащие имена собственные. Заклинания представляют собой особый тип магической речи, цель которой заключается в воздействии на объект.

Особую роль в заклинательных текстах обеих культур играют имена собственные – названия высших божественных, небесных сил, а также имена мифических персонажей, обращение к которым является своеобразной гарантией неотвратимости заклинания, эффективности воздействия магического слова на реципиента.

В текстах русских заклинаний, направленных на защиту от нечистой силы, смертельной опасности, порчи и болезней, с этой целью очень часто используются имена христианских святых. Так, для усиления противодействия нечистой силе субъект заклинания подчеркивает, что рядом с ним находится «сила небесная», поддержкой которой он заручается и представителей которой он называет поименно: *Да бегут бесы, вся сила вражья от меня, раба Божия, видящие, как молнию – крестную силу опаляющую. Близ меня Христос и вся сила небесная: Михаил, Гавриил, Уриил и Рафаил* [6, с. 321]; *Нет тебе, дьявол, участия, места и покою: здесь крест Господень, Матерь Христова, пресвятая Богородица, святой Петр, святые Евангелисты Иоанн, Лука, Марк, Матфей, святой Архангел Михаил, святые Гавриил, Рафаил, Уриил, Угасиил, Егудиил, Варахаил* [6, с. 322].

В некоторых русских сакральных текстах встречается конструкция «заклинаю + именем высших христианских святых», что указывает на сознательное использование адресантом заклинания этих имен как

магического «средства», способного безжалостно расправиться с опасными мифическими персонажами: *Заклинаю я и запрещаю вас, окаянные, скаредные всех лихорадок именем Господа Бога нашего, Иисуса Христа* [6, с. 40]; *Заклинаю вас, окаянных, грозными воеводами: Михаилом и Гавриилом архангелами и святыми Апостолами и Евангелистами, Иоанном Богословом, Лукою, Матфеем и Марком* [6, с. 361].

Важно подчеркнуть, что в русских заклинательных текстах от лихорадки христианские святые называются не «сами по себе», а как магические исполнители расправы над персонифицированными лихорадками в том случае, если они (лихорадки) не подчинятся воле говорящего: *Тетки-лихоманки, вас двенадцать сестер – идольных дочерей, отстаньте от раба Божия по сей день и по сей час, и будет вам его трясти и трепать. Я буду просить святых Матвея, Марка, Луку, Иоанна: они вас пошлют по пням, по лугам, по болотам, по колодам, где человечьего голоса не слыхать* [3, с. 237]. По такой же логической схеме («если не исполнится воля адресанта речи, то последует расправа всемогущего христианского святого») построено заклинание от змеиного укуса: *Змея Шкуропея, вынимай свои зубы и яд из белых костей, с буйной головы, с горячей крови, с ретивого сердца, а не вынешь – убьет тебя Михаил Архангел каленой стрелою* [3, с. 243].

В китайской традиционной культуре заклинания обычно не только произносились (как и у русских), но и записывались на специальных талисманах, оберегающих людей от злых духов. Талисманы, относящиеся к «одним из самых важных явлений в истории китайской культуры» [7, с. 5], изготавливались из бумаги, дерева, металла, камня и, как правило, навешивались на тело или одежду людей. Кроме того, китайские талисманы в большинстве случаев представляют собой визуализированный текст, т. е. кроме собственно заклинаний талисманы включают в себя изображение значимого в китайской культуре персонажа, наделяемого апотропейными способностями.

Так, на рисунке 1 представлена китайская народная картина, изображающая грозного повелителя демонов святого *Чжун Куя* 钟馗, который со свирепым выражением лица, с выпученными глазами и в атакующей позе пронзает своим мечом находящегося у его ног демона. В верхней части картины приведен текст заклинания, исполнителем которого является сам Чжун Куй: *С Небесного Дворца нисходит ограждающий дом от наваждений святой Чжун Куй. В руке он держит чудодейственный меч с изображением па лезвии семизвездия Северной Медведицы. Он схватит бесчисленное множество чертей и сколько еще разрубит оборотней! Если его попросишь к себе, то этим навеки обеспечишь себе покой и увеличишь свое счастье и успех в жизни* [1, с. 11–12].

Рисунок 1 – Заклинание с изображением Чжун Куя [1, с. 43].

Тексты китайских заклинаний могут быть представлены на талисманах в виде монеты с круглым или квадратным отверстием в середине (для ношения талисмана на шее). При этом, как и в русской традиции, в китайских заклинательных текстах сама констатация нахождения в определенном месте (рядом с адресантом заклинания) магического помощника осмысляется как гарантия защиты от злых сил. Например, в заклинании 姜太公在此 (= *Министр Цзян здесь!*) [1, с. 7] используется имя *Цзян Тай-гуна* 姜 太 公 – жившего в XI в. до н. э. могущественного мага, заклинателя злых духов [4, с. 700].

На некоторых монетовидных талисманах изображаются популярные в народе святые с их именами, что уже само по себе, по народным верованиям, служило оберегом от всех несчастий. К таким персонажам относятся прежде всего святые *ба сянь* 八仙 – Восемь Бессмертных: *Ли Тегуай* 李鐵拐, *Хань Сян-цзы* 韓湘子, *Хэ сянь-гу* 何仙姑 [2, с. 30] и др.

В отдельных случаях на аверсе таких талисманов представлялось (как оберег) имя святого, а на реверсе, кроме его изображения, приводилось заклинание, представляющее собой изложение основных функций магического персонажа. Так, на рисунке 2 показан монетовидный талисман с изображением Небесного наставника *Чжан Тяньши* 张天师, который в китайской народной мифологии осмысляется, как и Чжун Куй, как «главный маг и повелитель бесов» [5, с. 717]. В верхней части этого талисмана изображен паук, являющийся символом счастья и удачи, а внизу – ядоносная трехлапая жаба, на которую направлен меч Чжан Тяньши. Расположенное вертикально заклинание гласит: 驱 邪 降 福 (= Изгоняю злых духов и приношу счастье).

Рисунок 2 – Заклинание с изображением Чжан Тяньши [1, с. 59].

Способностью нейтрализации злых духов древние китайцы наделяли прославившегося заклинательной чудотворностью буддийского монаха *Пу-Аня* [1, с. 31], который упоминается в заклинании как исполнитель воли самого Будды: 佛 敕 普菴 普 蚤 到 此 (= Будда велит Пу-Аню гнать бесов. Пу-Ань здесь! Ничего ровно не боюсь!) [1, с. 5]. Имя этого же мифического персонажа используется в заклинании как гарантия надежной защиты семейного очага: *Только что Пу Ань сюда прибудет, как все нечистые превратятся в прах. Пу Ань охраняет семейный очаг, и весь дом обретает покой* [1, с. 32].

В следующем заклинании встречаются имена легендарного основателя даосизма *Лао-цзы* 老子 и *Люй-лина* 律令, «быстрейшего в свите Громовника демона, исполняющего приказания властителя с молниеносной скоростью» [1, с. 26]: *Высочайший Лао-цзы слагает пальцы в заклинание и велит исполнить его волю – прогнать от меня чертей так же быстро, как повеления, исполняемые Люй-лином*. Данное заклинание является текстовым дополнением к народной картине, изображающей Лао-цзы в халате, покрытом узорами, составленными из триграмм священной для даосов книги «И-цзин»; в фантастическом головном уборе, подчеркивающем его высокий статус; с магическим веером, способным усмирять вредоносное влияние злых сил [1, с. 25].

Таким образом, как в русских, так и в китайских заклинательных текстах используются имена собственные, называющие персонажей, которые обладают высоким магическим статусом и способствуют исполнению воли адресанта магического текста. Особенностью китайских заклинаний является их тесная соотнесенность с изображением магического персонажа, к помощи которого обращается заклинатель, а также насыщенность народных картин и монетовидных амулетов различными символами, имеющими богатую культурную семантику.

Список использованной литературы

1. Алексеев, В. М. О некоторых главных типах китайских заклинательных изображений по народными картинами и амулетами / В. М. Алексеев // Зап. Восточ. отд-ния Император. рус. археолог. о-ва. – Т. 20 : 1910. – СПб. : Тип. Император. акад. наук, 1912. – С. 1–76.

2. Алексеев, В. М. Китайские монетовидные амулеты и благожелательные медали из коллекции Императорского Эрмитажа / В. М. Алексеев // Зап. Восточ. отд-ния Император. Рус. археолог. о-ва. – СПб. : Тип. Император. Акад. наук, 1913. – Т. 21: 1911–1912. – С. 1–86.

3. Попов, Г. И. Русская народно-бытовая медицина : по материалам этнограф. бюро кн. В. Н. Тенишева / Г. И. Попов. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. – 404 с.

4. Рифтин, Б. Л. Цзян Тай-гун / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энцикл. : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. – М. : Вост. лит., 2007. – Т. 2 : Мифология. Религия. – С. 700.

5. Рифтин, Б. Л. Чжан Тянь-ши / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энцикл. : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. – М. : Вост. лит., 2007. – Т. 2 : Мифология. Религия. – С. 717.

6. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / сост. М. Забылин. – М. : Автор, 1992. – 607 с.

7. 刘晓明。中国符咒文化研究。–北京：中央编译出版社，2013，412 页。 = Лю, Сяомин. Исследование культуры китайских заклинаний / Сяомин Лю. – Пекин : Центр. изд-во, 2013. – 412 с.

К содержанию

С. В. ЮХИМУК
Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

ИМЕНОВАНИЯ ВЕРХОВНОГО БОЖЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. А. ФЕТА

На протяжении последних десятилетий возрастает интерес лингвистов к исследованию взаимоотношений языка и религии. В лингвистике религиозная лексика все чаще становится объектом пристального изучения в различных аспектах. Это несомненно связано с возрождением духовности в обществе, с ростом интереса широкой аудитории к православной истории и культуре.

А. А. Фета многие литературоведы и критики (Б. Бухштаб, Л. Лотман, Г. П. Блок и др.) «считали атеистом в большей степени, чем какого-либо другого поэта» [2, с. 56]. Христианское миропонимание Фета формировалось под влиянием лютеранской (протестантской) веры, так как его мать перешла в православие из лютеранства. Отношение будущего поэта к православной церкви, несомненно, должно было пострадать после исключения его в 14-летнем возрасте из рода Шеншиных Духовной консисторией г. Орла. Любопытно, что венчальное кольцо Фет носил на левой руке, а не на правой, как принято у православных. В настоящее время

вопрос о религиозных взглядах поэта является открытым и спорным, в частности он поднимается в труде современного исследователя В. Шеншиной «Поэтические воззрения Фета». Автор подчеркивает, что в 1840 г. Афанасий Афанасьевич писал Я. П. Полонскому о своем дуализме, а в письме к Н. Н. Страхову А. А. Фет отрицает всякие обвинения в атеизме: «Ни я, ни Шопенгауэр не безбожники, не атеисты. Что есть Бог, это я знаю непосредственно, т. е. чувствую, как иного непосредственного знания нет» [2, с. 56].

В своих стихотворениях А. А. Фет неоднократно восхваляет Творца, использует цитаты из Библии и духовной литературы, религиозная лексика нередко выступает в качестве названий поэтических произведений. В творчестве поэта широко представлены имена библейских персонажей и библейская топонимика, разнообразна лексика, называющая здания для богослужений, предметы культа и т. п.

Материалом для нашего исследования послужил поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка [1], в который включены 938 текстов А. А. Фета 1840–1892 гг. общим объемом 97 383 слова.

Лексема *Бог*, являющаяся доминантой религиозной картины мира А. А. Фета, встречается в 82 текстах 136 раз (1 396,5 ipm). В среднем по поэтическим текстам данного периода слово *Бог* используется с частотой 1 904,4 ipm (3 573 примеров на 1 876 173 слов), т. е. гораздо чаще.

А. А. Фет использует данное слово в качестве собственных именований высших существ, сострадающих и готовых помочь людям: *Чего-то милого мне больно-больно жаль, Но не дерзну просить его у* ***Бога***. Это может быть не только единый Бог христиан, но и античные боги: *Между смертным,* ***богом*** *и героем / Сам Эрот союзы закреплял, / Смертный рядом с* ***богом*** *и героем / В Аматунте умолял.*

Стоит отметить, что в 18 примерах (13,2 %) лексема *Бог* встречается как старая звательная форма *Боже* в значении восклицания, выражающего чувства удивления, неожиданности, досады (с прилагательными *правый, праведный, милостивый* и т. п., в выражениях типа *боже мой, господи боже мой*): *Но,* ***Боже мой****, как много чепухи / Болтали мы…*; ***Боже****, зачем хороша так сестра, / Что перед ней я себя ненавижу!* В текстах 1840–1892 гг. форма *Боже* встретилась 514 раз (14,4 %). В одном примере наблюдается устойчивый оборот фразеологического характера: *Да сам же подал ты пример неосторожно Ломать* ***язык богов*** *над будничным письмом*.

Синонимичная лексема *Господь* встретилась всего 11 раз в десяти текстах (113 ipm), еще в двух случаях наблюдается грамматическая омонимия: к слову *Господь* отнесена форма множественного числа слова *господин* (*господá*), являющаяся омографом к форме родительного падежа *Гóспода*.

В поэтическом корпусе частота использования слова Господь составляет 361,4 ipm (исключая 48 случаев грамматической омонимии). А. А. Фет девять раз использует слово в значении ‘одно из наименований бога у христиан’: *Исполнились всеобщие желанья,* ***Господь*** *утешил нас на склоне дней – / И вас послал, невинные созданья, / Послушных и играющих детей.*

Кроме того, данная лексема встречается в сочетаниях *Господь с тобою* и *О Господи*: *Спи, **Господь с тобою**, / Баюшки-баю!*; ***О Господи**! услышь / Мои мольбы...* В среднем в произведениях 1840–1892 гг. (85,8 ipm).

Существительное *творец* встретилось 14 раз в 12 текстах, однако только в половине случаев слово относится к Богу: … *за жизнь **Творца** благодаришь*; *Хвала **Творцу**: во мне он / Унял убийственный огонь, / Он дождик мне послал сырой* и др.

Имя *Иисус* не встретилось, слово *Христос* использовано трижды (30,8 ipm): *Голгофе передал Иуда Окровавленного **Христа***; ***Христос** встает из гроба, / Чело огнем озарено*; / *«**Христос** воскресе!» – клик весенний*. В среднем поэты данного периода используют имя *Христос* с частотой 125,3 ipm.

Из 59 случаев употребления слова *отец* только три относятся к Богу: *Всеобщий наш **Отец**, который в небесах…*; *Коль на псалтири твоей / Есть, **отец** милосердья, / Звук, его уху доступный, / Сердце его утоли!*; *Когда стародавний Святой **отец** Рукой спокойной Из туч гремящих Молнии сеет В алчную землю, – Край его ризы Нижний целую / С трепетом детским / В верной груди.*

Сопоставив частоту использования А. А. Фетом и его современниками именований верховного божества, можно заметить, что слова *Бог*, *Господь*, *Христос* исследуемый поэт использует значительно реже. Однако слово *Бог* у него все же относится к высокочастотным (более 1 000 ipm), а *Господь* – к частотным (более 100 ipm). Контексты, в которых используются именования верховного божества, часто глубоко религиозны. Например: *Чем доле я живу ..., Тем для меня ясней, что не было от века Слов, озаряющих светлее человека: Всеобщий наш Отец, который в небесах, Да свято имя мы Твое блюдем в сердцах...* (здесь пересказывается молитва «Отче наш») или *Край его ризы / Нижний целую / С трепетом детским / В верной груди.*

Таким образом, мнение об атеистических взглядах А. А. Фета не подтверждается. «Пересмотр творчества Фета понемногу переходит от наклеивания “ярлыков” (“атеист”, “крепостник”) на более верный и глубокий анализ его лирики, включающий и религиозный, онтологический подход» [3, с. 13].

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruscorpora.ru/new. – Дата доступа: 10.05.2024.

2. Шеншина, В. А. А. Фет-Шеншин: поэтическое миросозерцание / В. Шеншина. – М. : Добросвет, 2003. – 256 с.

3. Шеншина, В. Изучение жизни и творчества Фета на современном этапе / В. Шеншина // Литературовед. журн. – 2011. – № 30. – С. 5–16.

К содержанию

В. С. ЯКУБОВИЧ
Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Е. Никитина, канд. филол. наук, доцент

ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПУТЕШЕСТВИЕ» (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XX ВВ.)

Согласно исследованию ученых, человек находится в центре вселенной. Так, Сократ говорил, что «во Вселенной для человека нет более интересного объекта познания, чем сам человек» [3, с. 289]. Антропоцентризм – философская и мировоззренческая ориентация, при которой человек рассматривается как центр мироздания, как начало бытия и знания, как автономный творец, не имеющий над собой ничего высшего [1]. После идей теоцентризма, где высшая роль отдавалась Богу, мысль о полной независимости и самостоятельности человека все еще удивительна. Поэтому взгляд на вещи с этой точки зрения вносится в различные сферы, сопровождаясь чередой новых открытий.

В рамках антропоцентризма концепт приобретает особое значение. До сих пор в науке нет единого четкого определения термина «концепт», поэтому каждый ученый выдвигает свой вариант. Однако его общее определение следующее: концепт (от лат. *conceptus* ‘схватывание, понятие’) – структурно-содержательная единица сознания, отражающая совокупность знаний, представлений, мнений об объекте мысли [1]. При этом Ю. С. Степанов считает, что следующее определение является более точным: концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека [2].

Концепт «Путешествие» является довольно распространенным в повседневной жизни. Он активно употребляется в наше время, но и раньше был не менее актуальным, т. к. концепт «Путешествие» формирует основные единства понимания окружающего мира: место, время, расстояние, движение. Люди познают мир через путешествия. Они намеренно отправляются в другие страны, изучают иностранные языки и чужую культуру, посещают известные культурные, исторические или святые места. Это способствует развитию личности. К такому выводу люди пришли еще с самых давних времен.

Для рассмотрения концепта «Путешествие» в литературе XIX–XX вв. можно обратить внимание на модель этого концепта, выдвинутую Лю Цзюанем [4]. Согласно его диссертации, модель лексического описания способов путешествия может быть построена на следующих признаках: 1) субъект, 2) цель, 3) среда и условия, 4) скорость, 5) оценка, 6) дополнительные действия.

Главным героем произведения Ф. М. Достоевского «Зимние заметки о летних впечатлениях», т. е. субъектом путешествия, является лирический герой, от лица которого идет повествование. Отличительной чертой этого произведения является сатирическое изображение Европы. Ф. М. Достоевский высмеивал европейскую буржуазию, указывал на то, что Европа проникает в русское общество. Он считал, что, в отличие от Европы, в России существуют братские, поддерживающие отношения в обществе. И поэтому он выступал против европеизации России. В первой главе «Вместо предисловия» автор указывает, что свое путешествие совершил за два с половиной месяца. Он считал, что для него лучше было бы увидеть все, пусть даже мельком. Указывается, что на момент путешествия автору было сорок лет, а поездка в страны Европы была его давней мечтой. От поездки у лирического героя остались весьма различные впечатления. Но в этой же главе он пишет о том, что большинство из посещенных городов ему не понравились, хотя при рассказе шутливо ссылается на болезнь почек: *Берлин, например, произвел на меня самое* ***кислое впечатление****; Второе обстоятельство,* ***разозлившее меня*** *и сделавшее несправедливым, был новый кельнский мост*.

Целью лирического героя было посещение известных ему с детства мест, чтобы увидеть все своими глазами, а позже описать в заметках. В самом начале герой как бы ведет диалог с читателями, подтверждая убеждение о том, что путешествие в произведении было совершено с подобной хождению целью – ознакомиться с чужой страной и культурой, а после описать это, распространяя информацию в народ. Среда и условия поездки были неплохими, но сам рассказчик во время путешествия заболел, отчего ему было непросто. А ездил между городами он на поезде, что подтверждает даже название второй главы «В вагоне». Во время своего путешествия он общается с людьми и составляет впечатление о социальной составляющей Европы, постоянно находясь в размышлениях. Эти размышления и рассуждения он размещает в записках. Интересно то, что Европу в шутку автор называет «страна святых чудес»: *и вот теперь и я въезжаю наконец в «страну святых чудес», в страну таких долгих томлений и ожиданий моих, таких упорных моих верований*. Стоит обратить свое внимание и на то, что лирический герой обрисовывает свое представление о путешественниках: *Ехали они налегке и вовсе не походили на* ***путешественников****. Ни узелка, ни даже платья, которое бы сколько-нибудь напоминало человека* ***дорожного***.

Далее лирический герой удивляется их неухоженному виду, а также легкой одежде. Исходя из этого представления, можно создать портрет путешественника: чаще это человек, который хорошо, но при этом тепло одет и везет с собой большие дорожные сумки. То есть в то время путешест-

венников было легко распознать. В данном произведении путешествие иллюстрируется как столкновение с реальностью, которое открыло лирическому герою глаза на устоявшиеся обществе понятия. Герой понимает, что многие достопримечательности, описываемые с преувеличением, на деле ничего не стоят; наблюдает за отношением к иностранцам не только в Европе, но и отмечает его особенности в России; а также замечает большую разницу в культурах, хотя замечает большое влияние Европы на русскую культуру. Автор выступает против этого влияния, особенно после путешествия, во время которого разница культур видна ярче всего.

Среди произведений XX в. можно выделить произведение М. А. Осоргина «Там, где был счастлив». Субъект путешествия – главный герой, однако цель его путешествия – оздоровление и желание вернуться «туда, где был счастлив». Точный период времени рассказчик не уточняет. Но все его путешествие проходит размеренным и оставляет печальный след. Лирический герой пишет, что воспоминания о прожитых в Италии годах есть, а эмоций тех же нет. Путешественник надеялся, что его моральное и физическое состояние улучшатся, когда он прочувствует те же эмоции, что и в юности. Он путешествует по Италии, посещает Рим и Флоренцию, так как в раннем возрасте эти города стали для него значимыми. Он ездит в поисках близких сердцу мест, встречается со знакомыми ранее людьми, составляя новые впечатления об Италии. Но в конце концов он решает вернуться назад, объясняя это тем, что время для Италии еще не подошло.

Особенностью этого произведения является то, что автор говорит, что Италия – место, где он «был счастлив», но в то же время называет ее «той стороной»: *И было* ***на той стороне*** *солнечно и ласково, после этой хмурой и дождливой*. Это указывает на то, что главный герой понимает, что стал чужим для этих мест, несмотря на искреннюю любовь к ним. Именно к этому выводу он приходит, находясь в Риме: *И лишь сегодня в первый раз остановился в отеле – как* ***чужой****, любопытный,* ***приезжий****. Понял сразу: я, действительно, чужой, совсем посторонний и* ***лишний здесь человек****.*

Во многих литературных произведениях авторы подчеркивают то, что во время путешествия человек чувствует себя чужим и одиноким. Это также подтверждается во фразеологизмах, тем самым можно сказать, что это одна из составляющих концепта «Путешествие». Данное произведение отличается тем, что в нем нашли отражение иные цели путешествия, появившиеся благодаря антропоцентрическим идеям. Автор описывает путешествие с субъективной точки зрения, показывая чувства и переживания героя, отражение путешествия на его восприятии мира. И все равно даже тут герой возвращается домой иным, с новым видением ситуации.

Таким образом, в XIX–XX вв. активно развиваются идеи антропоцентризма, поэтому и в концепте «Путешествие» главная роль те-

перь уделяется человеку. Это находит отражение в художественной литературе. Путешественник в русской литературе XIX–XX вв. – взрослый мужчина. Появляются такие цели путешествия, как оздоровление, самосовершенствование, описание посещаемых мест. Люди передвигаются свободно, путешествие не занимает много времени, а сам процесс путешествия комфортный и доступный: изобретены необходимые средства передвижения. Это все составляет общую картину концепта «Путешествие» XIX–XX вв.

Список использованной литературы

1. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://old.bigenc.ru. – Дата доступа: 20.01.2024.

2. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры. Опыт исследования [Электронный ресурс] / Ю. С. Степанов. – Режим доступа: https://www.google.by/books/edition/Константы_Словарь_рус/ebMoAgAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0. – Дата доступа: 20.01.2024.

3. Финогентов, В. Н. Основы философии : учеб.-метод. пособие / В. Н. Финогентов, Н. В. Рожкова. – Орел : Изд-во ФГБОУ ВО «Орловский ГАУ», 2016. – 416 с.

4. Цзюань, Л. Концепт «Путешествие» в китайской и русской лингвокультурах [Электронный ресурс] / Л. Цзюань. – Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/kontsept-puteshestvie-v-kitaiskoi-i-russkoi-lingvokulturakh. – Дата доступа: 27.03.2024.

К содержанию